ПЕРЕПИСКА С К. Д. БАЛЬМОНТОМ
1894—1918

Вступительная статья и подготовка текстов А. А. Нинова
Комментарий А. А. Нинова и Р. Л. Щербакова

В истории русской поэзии конца XIX — начала XX в. и в судьбах русского символизма имена Брюсова и Бальмонта связаны особенно тесно. Сам Брюсов подчеркнул это обстоятельство, составляя свою книгу «Далекие и близкие» (1912), где в форме статей и заметок обозначил почти весь круг своих предшественников и современников. В этот круг русских поэтов «от Тютчева до наших дней» были включены после Тютчева А. А. Фет, В. С. Соловьев, К. К. Случевский, Н. Минский, Д. С. Мережковский, Иван Коневской, Федор Сологуб, В. И. Иванов, Андрей Белый, С. М. Соловьев, Н. С. Гумилев, «поэты-реалисты» (А. М. Жемчужников, И. А. Бунин, А. М. Федоров), «поэты-импрессионисты» (К. М. Фофанов, И. Ф. Анненский, А. А. Блок) и др. Бальмонту в этой книге посвящены четыре статьи, написанные Брюсовым в разное время.

Из поэтов, которых сам Брюсов относил к числу близких, Бальмонт на протяжении ряда лет был ближайшим. С середины 90-х годов Брюсов испытал на себе исключительно сильное воздействие и личности Бальмонта, и его стиха, прозвучавшего тогда почти как откровение. «То было время,— писал Брюсов,— когда над русской поэзией всходило солнце поэзии Бальмонта. В ярких лучах этого восхода затерялись едва ли не все другие светила. Душами всех, кто действительно любил поэзию, овладел Бальмонт и всех влюбил в свой звонко-певучий стих» [1].

В автобиографии 10-х годов Брюсов подтвердил, насколько значительной, можно даже сказать решающей, оказалась для него встреча с Бальмонтом. Символизм в России тогда только-только зарождался, и на ранней заре этого литературного движения молодой Брюсов грезил идеалом «нового поэта», способного воплотить на практике декларации символистской эстетики. Из молодых поэтов-современников Брюсов ценил Александра Добролюбова, рано умерших Ивана Коневского и Ивана Лялечкина, но Бальмонт казался ему тогда ближе всех к заветному идеалу. «Его исступленная любовь к поэзии, его тонкое чутье к красоте стиха, вся его своеобразная личность произвели на меня впечатление исключительное,— признавался Брюсов.— Многое, очень многое мне стало понятно, мне открылось только через Бальмонта. Он научил меня понимать других поэтов, научил по-настоящему любить жизнь... Вечера и ночи, проведенные мною с Бальмонтом, когда мы без конца читали друг другу свои стихи и стихи своих любимых поэтов: он мне — Шелли и Эдгара По, я ему — Верлена, Тютчева (которого он тогда не знал), Каролину Павлову,— эти вечера и ночи, когда мы говорили с ним de omni re scibili *, останутся навсегда в числе самых значительных событий моей жизни. Я был одним до встречи с Бальмонтом и стал другим после знакомства с ним» [2].

Устремления Брюсова и Бальмонта совпадали и в определении общих целей новой русской поэзии, и в жажде всесторонней ее «европеизации», освоении опыта мировой художественной культуры XIX в. Бальмонт с юности был влюблен в Шелли и английских романтиков, Брюсов с энтузиазмом воспринял новейшие уроки французского символизма; поэтический перевод для обоих оказался важной формой личного творческого самоутверждения.

Признав первенство Бальмонта и пережив пору искренней влюбленности в его поэзию, Брюсов к началу 900-х годов постепенно освобождается от его преобладающего влияния, а затем переходит к открытой и резкой критике недостатков и слабостей бальмонтовской музы, становившихся более явными в последующих книгах. Бальмонт, со своей стороны, в 1900—1910-е годы, не стесняясь, высказывал Брюсову свое мнение о его литературной позиции, которую он далеко не во всем разделял, и о его стихах, в которых он находил порой

---

* обо всем на свете *(лат.)*.

элементы рационализма и подражательности. Неуравновешенный, импульсивный, «стихийный» в своих переменчивых чувствах и настроениях, Бальмонт все чаще сталкивался с трезвым, волевым, осознанно строившим свою судьбу и свою поэзию Брюсовым.

На рубеже веков достаточно определенно проявились не только творческие, но и политические различия между поэтами. С гимназических лет находившийся под наблюдением полиции, Бальмонт откровенно заявлял о своем неприятии существующего режима в политических манифестациях 1901 и особенно 1905 г. После подавления Декабрьского вооруженного восстания в Москве он вынужден был почти на восемь лет покинуть Россию. Брюсов в эти же годы обычно сторонился политики, декларировал свою принципиальную беспартийность, хотя социально-гражданские мотивы и стихи о современности составляли важную часть его лирики. В расходящихся линиях жизненного поведения также проявился особый характер каждого.

К. Д. БАЛЬМОНТ
Фотография. Середина 1880-х годов
Литературный музей, Москва

Более десяти лет Брюсов занимал ключевую позицию в символистском издательстве «Скорпион» и в печатных органах того же издательства — альманахе «Северные цветы» (1901—1905 и 1911) и журнале «Весы» (1904—1909). Бальмонт — постоянный автор этих изданий, и в его отношениях с Брюсовым после 1899 г. важную роль занимают деловые, издательские вопросы.

История пылкой дружбы-вражды Брюсова и Бальмонта с особой отчетливостью проявилась в их поэтических посланиях и посвящениях друг другу. За четверть века знакомства и дружбы таких посланий в стихах было много. Немало осталось стихотворений, внутренняя «тайнопись» которых, вполне доступная лишь конкретному адресату, все еще не расшифрована до сих пор. Объяснения или полемика между поэтами тут уведены в детали или в подтекст. Ценный материал для характеристики этих отношений дают критические отклики поэтов друг о друге, ставшие достоянием печати, а также обширнейшая переписка, сохранившаяся лишь отчасти. О судьбе этой переписки необходимо сказать особо.

В личном архиве Брюсова насчитывается более ста писем Бальмонта, написанных между 1894 и 1918 гг. Бóльшая часть этих писем прислана из-за границы, где Бальмонт прожил многие годы в разъездах, а затем, с 1906 по 1913 г., в политической эмиграции. Ранние письма Бальмонта, относящиеся к 90-м годам, в архиве Брюсова почти полностью отсутствуют. Сохранилось лишь несколько московских записок, незначительных по содержанию, и письмо из Шуи от 11 января 1896 г. (п. 6). С достаточной полнотой представлены письма Бальмонта за 1902—1916 гг. Письма Брюсова к Бальмонту не сохранились, так как личный архив Бальмонта за рубежом оказался утерянным и, по-видимому, погиб безвозвратно [3]. От этих писем, число которых должно быть не менее ста, в личном архиве Брюсова осталась небольшая пачка черновиков. Некоторые из них, по всей вероятности, достаточно полно, а может быть, и дословно передают содержание писем, отправленных Бальмонту. Другие являются лишь набросками, написанными скорописью и оборванными на полуслове. Всего таких черновиков сохранилось более двадцати. Можно предположить, что Брюсов сохранял черновые копии наиболее важных писем — это следует также из их содержания. Во всяком случае, они дают представление о том, что и как писал Брюсов Бальмонту, особенно в ранние годы их дружбы. Кроме того, наброски писем к Бальмонту Брюсов включал иногда в свои рабочие тетради. Нет, конечно, уверенности, что эти наброски всегда превращались в письма

или, тем более, что редакции наброска и отправленного письма полностью совпадали. Тут перед нами особый жанр, относящийся не столько к эпистолярной, сколько к дневниковой прозе, которая пишется не только для адресата, но и «для себя». Записи такого рода Брюсов вел обычно в своеобразной «стенографической» манере, сокращая слова до отдельных букв, так что расшифровать и прочесть их во многих случаях чрезвычайно трудно. Эти эпистолярные наброски в рабочих тетрадях Брюсова, специально исследованные С. И. Гиндиным, выделены из общего корпуса переписки и рассматриваются отдельно, в составе того эпистолярного комплекса, который представляет собой часть содержания творческих тетрадей Брюсова [4]. Но они, разумеется, также должны быть приняты во внимание и поставлены в общую связь с тем вопросами, которые обсуждались в переписке поэтов.

Все публикуемые документы чрезвычайно существенны для изучения темы «Брюсов и Бальмонт». Чтобы вполне оценить и понять их значение, необходимо восстановить, хотя бы в общих чертах, основную канву отношений Брюсова и Бальмонта, как они сложились и развивались на протяжении четверти века.

1

Знакомство Брюсова и Бальмонта состоялось осенью 1894 г. на заседании Общества любителей западной литературы при Московском университете. И пока Бальмонт жил в Москве, редкая неделя обходилась без встречи между ними. Брюсову тогда не исполнилось еще двадцати одного года, Бальмонту было двадцать семь, но не только эта разница в возрасте, тогда заметная, заставляла Брюсова смотреть на Бальмонта как на старшего. Никто из современных русских поэтов не значил для Брюсова так много, ни к одному из них он не был так прочно, так безусловно привязан.

К середине 90-х годов, в отличие от Брюсова, Бальмонт уже завоевал своих первых читателей. После ярославского «Сборника стихотворений» (1890) Бальмонт выпустил в Петербурге книгу «Под северным небом» (1894), хорошо известную Брюсову. Стихотворения, составившие вскоре его третью книгу — «В безбрежности», Бальмонт охотно читал при дружеских встречах и ночных пирушках с Брюсовым и друзьями. Стихи и самое чтение Бальмонта произвели на Брюсова сильное впечатление. Весной 1895 г. он писал П. П. Перцову: «Собственно говоря, читать стихи должны только поэты и никогда чтение нашего Южина или Ермоловой не предпочту я чтению Бальмонта, хотя этот и пришептывает и немного распевает. У нас в Москве Бальмонт читал свои "Колокольчики" (из По) на одном маленьком литературном собрании, где было два артиста. Эти два артиста без конца осуждали декламацию Бальмонта, а на мой взгляд, то был идеал чтения» [5].

В 1895—1896 гг. Брюсов работал над очерками критической книги «Моим современникам» (Бальмонт, Фет, Фофанов и др.), первые страницы которой посвящены Бальмонту. В черновых набросках для этой книги Брюсов заметил, что «вторая книга оригинальных стихотворений Бальмонта — "Под северным небом" — далека от первого сборника, как бабочка от кокона, уже свалившегося на землю.

Вечер. (Взморье. Вздохи ветра.
Величавый возглас волн.
Близко буря. В берег бьется
Чуждый чарам черный челн)

и другое еще более звучное —

Ландыши, лютики, ласки любовные

цитировали часто, но, кажется, мало обращали внимание на меланхолическую грусть, на прозрачную фантазию и других стихотворений, написанных под влиянием тех английских и скандинавских поэтов, образец которых дал сам же Бальмонт в своем переводе "Колоколов" По. Вообще на Бальмонте изученные им поэты оставили свой отпечаток, как это уже отмечали критики "Под северным небом". У Бальмонта дрожат струны Шелли, По, в "Уходящих тенях" — Бодлэра» [6–7].

В черновых набросках брошюры о наиболее заметных явлениях русской литературы за 1895 г. Брюсов особо отметил роман Мережковского «Отверженный» и некоторые его стихи («Леда», «Проклятая луна», «Леонардо да Винчи»), сборник стихотворений А. Добролюбова

«Natura naturans (. . .)», свой первый поэтический сборник «Chefs d'oeuvres» и новую книгу Бальмонта. Оценивая эволюцию последнего, Брюсов писал, что в первых своих стихотворениях Бальмонт еще стоял в туманной плеяде «обещающих» и мало чем отличался от других поэтов, он «едва-едва мерцал близостью к декадентству, как некоторой оригинальностью. Стиль его еще не был выработан; симпатии спутаны. В сборнике "Под северным небом" читатели видели и сильно тенденциозные стихотворения, и прямо символические; произведения идейные и, наоборот, почти бессодержательные. Особенно должно было смущать указание самого автора, что ему уже двадцать пять лет: возраст, когда Пушкин писал "Бориса Годунова"!» [8].

Зато к 1895 г., по мнению Брюсова, Бальмонт впервые обнаружил «всю громадность своего таланта»; он «один из тех немногих лириков, которым свойственно развиваться медленно, но неуклонно. Прошлый год показал Бальмонта с совершенно новой стороны. Произведения, напечатанные им в 95 году, отличаются от стихотворений "Северного неба", как это "Небо" от ярославского сборника. И сразу выдвинули своего автора на одно из первых мест в нашей [современной] литературе» [9].

В обширной переписке Брюсова с Перцовым Бальмонт упоминается чаще всех при обсуждении общих проблем новейшей русской поэзии. Перцов вместе с братом — В. П. Перцовым — подготовил и выпустил коллективный сборник «Молодая поэзия» (1895), в котором были представлены десятки имен, и в их числе Минский, Мережковский, Бальмонт, Бунин, Брюсов и др. Как отметил впоследствии Перцов, Бальмонт выделялся уже и тогда блеском стиха, хотя скрывался еще под своим ранним «скандинавским» обликом. Из его стихов в сборнике было помещено пять, в том числе «Фантазия» («Как живые изваянья, в искрах лунного сиянья...») и «Я мечтою ловил уходящие тени...». Брюсов был представлен в сборнике единственным стихотворением «Мечты о померкшем, мечты о былом...». Очень невысоко оценивая достижения и потенции современной молодой поэзии, Брюсов в письме к Перцову сделал некоторые исключения только для Бальмонта и внезапно скончавшегося Ивана Лялечкина.

«Важно не то, что наши юные поэты еще ничего не дали,— писал он,— а то, что они и не могут ничего дать; это же — для меня, по крайней мере — вполне ясно из их произведений (. . .) Есть исключения — о! я ничего не говорю — есть маленькие исключения. Есть Бальмонт, а у него в портфеле — и "Подводные цветы", и "Между ночью и днем", и "Клеопатра"... хотя... хотя очень, очень не широк талант и этого г. Бальмонта, может быть, лучшего из молодой поэзии. Есть... впрочем, увы! — был Лялечкин. Вы, конечно, слышали о его смерти. Вот о ком можно пожалеть» [10].

В письмах к Перцову Брюсов подробно изложил свое понимание принципов символизма в поэзии, как они представлялись ему в середине 1890-х годов. Он ориентировался преимущественно на эстетику французского символизма, прежде всего на Верлена и Малларме. Сущность этого нового течения европейской и русской поэзии он видел в «раскрепощении личности», в расширении субъективного, индивидуального начала в лирике. Стилистическую основу нового направления Брюсов видел не в аллегориях или символизации образов, а в усилении «надсмыслового» музыкального воздействия стиха. Задача символистской поэзии, по Брюсову,— передавать изменчивые настроения поэта не прямым логическим способом, а косвенной эмоциональной окраской и ритмической организацией слов.

«Слова утрачивают свой обычный смысл, фигуры теряют свое конкретное значение,— остается средство овладевать элементами души, давать им сладострастно-сладкие сочетания, что мы и называем эстетическим наслаждением» [11].

Высоко оценивая поэтический талант «старшего» символиста Мережковского, Брюсов считал его поэтом, завершающим прежний классический этап русской лирики, а Бальмонта — провозвестником нового или даже будущего ее периода. Мережковский и Бальмонт — это «зарево заката и проблески утренней зари. Несмотря на все симпатии Мережковского к символизму, он остается классиком по духу; несмотря на все протесты Бальмонта, он истинный декадент. Я не удивляюсь, что эти два поэта не понимают друг друга» [12].

Брюсов называл Бальмонта «первым русским декадентом» и сравнивал его значение для русской поэзии со значением Верлена — для французской, отмечая в лирике обоих решительное преобладание музыкального начала над содержательно-смысловой стороной стиха. Музыкальный напор в стихах Бальмонта часто господствовал над логической связью, а неожиданно субъективная окраска образов как бы размывала обычные предметные значения

слов. «Все силы Бальмонта,— писал Брюсов,— направлены к тому, чтобы изумить читателя, поймать его на удочку неожиданности, странной ли рифмой или странным оборотом фразы. Только его прекрасный, мало того! — дивный талант спасает его при таком неимении что́ писать, че́м поделиться с читателями» [13].

Этот же упрек (далеко не во всех случаях справедливый) Брюсов развил в полемических заметках «О молодых поэтах». Незаконченная статья под этим названием относится к 1896 г. В ранних стихотворениях Бальмонта, по наблюдению Брюсова, постоянно варьируются одни и те же мотивы, и он повторяется без конца: «Бальмонт вечно останавливается в пределах немногих предметов, считая особенно поэтическими — всевозможные лилии, планеты, скалы — налицо весь романтиков обычный арсенал... У Бальмонта встречаются такие трафареты, как "скорбный гнет", "бездна отчаяния", "гладь воды", "зеркало струй "сладостный миг упоения", "дитя печали", "поздней мудрости дитя" и т. д. ...Зачем же — спрашивается — Бальмонт тогда пишет? — Что побуждает его к этому? — Мелодия стиха. Бальмонт — пример поэта, который уже не раб формы, а раб звуков, раб созвучий — и вот почему прежде всего он поэт-декадент» [14].

Сознавая бедность содержания некоторых стихов Бальмонта, Брюсов тем не менее взял под решительную защиту от критики Перцова такие бальмонтовские стихотворения, как «В час рассвета», «Подводные растенья» и др. Он признавал за поэтом право написать целое стихотворение ради одной выразительной строки:

Над утесом осторожным, у тревожных диких скал...

«Это *строка*, стих, но ради этого стиха написаны и все остальные 15»,-- писал он Перцову [15].

Стоит отметить, что Брюсов процитировал первую строку стихотворения по памяти и неточно. Текст Бальмонта несколько иной:

Над ущельем осторожным, меж тревожных чутких скал
Перекличке горных духов в час рассвета я внимал...

Разночтение характерное, позволяющее предметно оттенить некоторые особенности символистского стиха. В памяти Брюсова остались главные опорные признаки, стилистическая доминанта этого стиха: его мелодический размер, его необычные определения-эпитеты (...осторожным ... тревожных ...), одушевляющие неживую природу и связанные внутренней рифмой, а в конечном счете — особое, радостно-замирающее настроение, вызванное рассветом в горах.

При этом самый предмет, подлежащий определению (ущелье), оказался как бы на втором месте, он относительно нейтрален, не акцентирован в стихе и потому при сохранении размера оказался легко подмененным смежным понятием (утесом). Конечно, авторский образ — «над ущельем» — точнее и зрительно богаче, а бальмонтовский эпитет («чутких скал») изысканнее брюсовской замены («диких скал»). Но модель бальмонтовского стиха по памяти была воспроизведена верно. Брюсов хорошо чувствовал стилевые устремления соратников-символистов и воздавал им должное.

В первые годы дружбы было время, когда Брюсов помнил стихи Бальмонта лучше, чем свои собственные. Целыми днями как-то твердил он строки сонета «Подводные растенья»:

На дне морском подводные растенья
Распространяют бледные листы
И тянутся, растут, как привиденья,
В безмолвии угрюмой красоты.

Их тяготит покой уединенья,
Их манит мир безвестной высоты,
Им хочется любви, лучей, волненья.
Им снятся ароматные цветы.

Но нет пути в страну борьбы и света,
Молчит кругом холодная вода.
Акулы проплывают иногда.

Ни проблеска, ни звука, ни привета,
И сверху посылает зыбь морей
Лишь трупы и обломки кораблей.

Стихотворение Бальмонта, кроме прямого, заключало в себе, конечно, и второй план, более широкий лирический смысл, имеющий отношение к тоскующей душе поэта, томящегося своей судьбой, бессильного преодолеть толщу жизненных обстоятельств, губящих и хоронящих его страстные романтические порывы. Это была одна из главных тем раннего символизма,

и Брюсов считал ее поэтическое решение образцовым. Оттого с такой горячностью он возражал Перцову, не находившему в лирике Бальмонта серьезных «философских мотивов».

«Вы осуждаете "Подводные растенья", а на мой взгляд (кроме, помните, одного места), это шедевр. Растения, лишенные света и запаха, но грезящие о лучах и ароматных цветах земли — разве это не дивный символ?» [16]

Однако рядом с поэтом, а может быть, и наперекор ему в Брюсове никогда не исчезал холодный и насмешливый аналитик, трезвый рационалист, склонный больше к критическому перу, чем к сладкоголосой лире. Словно какой-то бес сидел в нем с младых лет, побуждая вывертывать наизнанку и смеяться даже над тем, что вызывало его собственное искреннее восхищение. Жила в нем и особая склонность к мистификациям, столь ярко проявившаяся при издании сборников «Русские символисты».

Брюсов с юности примерял себя на разные роли, а взявшись за какую-нибудь, страстно желал исполнить ее безупречно. «Юность моя — юность гения,— запишет Брюсов позже в своем дневнике.— Я жил и поступал так, что оправдывать мое поведение могут только великие деяния. Они должны быть или я буду смешон. Заложить фундамент для храма и построить заурядную гостиницу. Я должен идти вперед, я принял на себя это обязательство» [17]. Роль гениального поэта из всех была самой трудной, и Брюсов, не щадя себя, старался овладеть ею. В его стихах масса подражаний Бальмонту, случались, однако, и пародии на него. Именно так, на грани подражания и пародии, был написан Брюсовым сонет «Подземные растения»:

Внутри земли, в холодном царстве тьмы,
Заключены невидимые воды,
Они живут без света и свободы
В немых стенах удушливой тюрьмы.

Им снится луг, зеленые холмы,
Журчанье струй на празднике природы,
И горные мятежные проходы,
И блеск парчи на пологе зимы.

В томлении ручьи ползут. Упорно
Ползут ручьи за шагом шаг вперед
И роют путь в своей темнице черной.

И — знаю я — великий день придет,
Напор воды пробьет гранит холодный,
И брызнет ключ торжественно-свободный!

Как нетрудно заметить, «растений» в сонете Брюсова вообще нет, есть только «воды», и смысл этого алогичного названия лишь в прямой связке с соответствующим сонетом Бальмонта («Подводные растенья»). Именно это название и насмешливо-иронический подзаголовок («Лилейно-сосновый сонет») только и выдают пародийную установку Брюсова [18]. Во всем же остальном он искусно воспроизводил модель бальмонтовского сонета, постигал алгебру, на основе которой можно было бы овладеть и гармонией его стиха. Свои «Подземные растения» Брюсов оставил ненапечатанными; это было слишком явное подражание, но подобные упражнения в духе Бальмонта стали частью стихотворной школы, в которой он день за днем неустанно работал.

В упоминавшихся уже черновых набросках для брошюры о русской поэзии за 1895 г. Брюсов изложил вкратце свое понимание формальных новшеств Бальмонта, ставших достоянием современной поэтической школы: «Первое, что очаровывает читателя Бальмонта — это мелодичность его стиха. Можно сказать, позабыв всякие оговорки, что стих Бальмонта самый музыкальный на русском языке. Я уже не говорю о Фете, у которого прозрачность ошибочно принимали за гармоничность, но даже Фофанов, это дитя размера, не может итти в сравнение. Фофанов часто сочетает с идеальными по звучности стихами — ломкие или тягучие; Бальмонт прежде всего властелин всего создания; он может не найти гениального оборота, но нигде не допустит слабого. В этом его сила.

Он поставил рифму на подобающее ей место — то есть назвал ее богиней, правда, одной из низших, но все же достойных поклонения. Бальмонт ввел соответствие количества образов в строфах, требование, непонятное и неизвестное нашим поэтам! Ознакомившись с По и Шелли, Бальмонт понял однообразие наших четверостиший и постарался быть оригинальным в сочетании стихов. Это сделало Бальмонта мастером сонета и вообще строфы. Одним словом, Бальмонт с внешней стороны стал вполне европейским поэтом, и критик-иностранец, прочтя его произведения, не пожмет плечами (как это он сделал бы после книжки, напр., г. Величко).

[Итак форма у Бальмонта безукоризненна. Воздадим ей дань удивления и восторга и перейдем к содержанию (. . .)

Странный и страшный факт. Бальмонту не о чем писать.]

Затеплим свой фимиам восторга перед этой формой и обратимся к содержанию Бальмонтовских произведений...

Странно (. . .) мечтая о Бальмонте, обыкновенно вовсе не вспоминаешь его тем; в душе звучат его мелодии, его строфы, его рифмы — но (. . .)» [19].

Брюсов каждый раз в своих размышлениях доходил до скептического «но», стремясь разграничить сильные и слабые стороны Бальмонта-поэта. Говоря о «недостаточности» содержания его стихов, он в то же время не соглашался с упрощенной трактовкой содержательной стороны поэзии лишь по внешним признакам ее гражданской тенденциозности или традиционной «философичности», которыми оперировала обычно расхожая либеральная критика.

В конфликте поэзии символизма с будничной действительностью Брюсов оставался на стороне поэзии. Поэтому неудовлетворенность прозаическим настоящим, застойной реальностью, обыденным и обычным, а также разнообразные формы эстетического «ухода» от них, характерные для ранней лирики Бальмонта, привлекали Брюсова не только формальной изобретательностью и мелодичностью стиха, но и общей поэтической установкой, которую он в основных чертах разделял. Ему импонировали, например, настроение и сквозная мысль бальмонтовского стихотворения «В безводном колодце»:

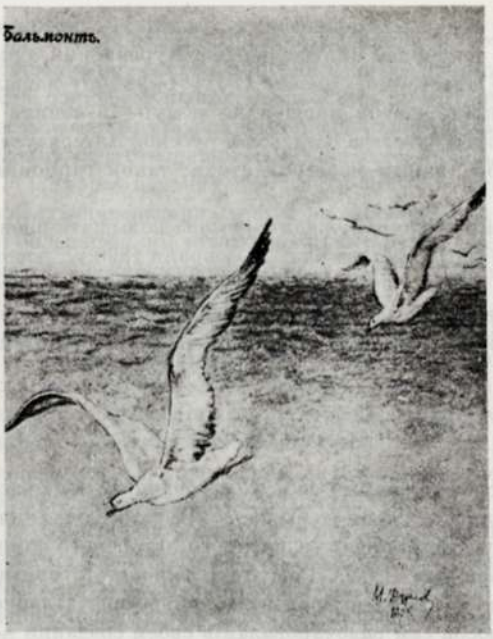
Меж стен отсыревших, покрытых грибками,
В безводном колодце, на дне, глубоко,
Мы ждем, притаившись, и дышим легко,
И звезды в лазури сияют над нами,—
Лучистые звезды, горящие днем
Для тех, кто умеет во тьму опускаться,
Чтоб в царстве беззвучья полнее отдаться
Мечтам, озаренным небесным огнем.

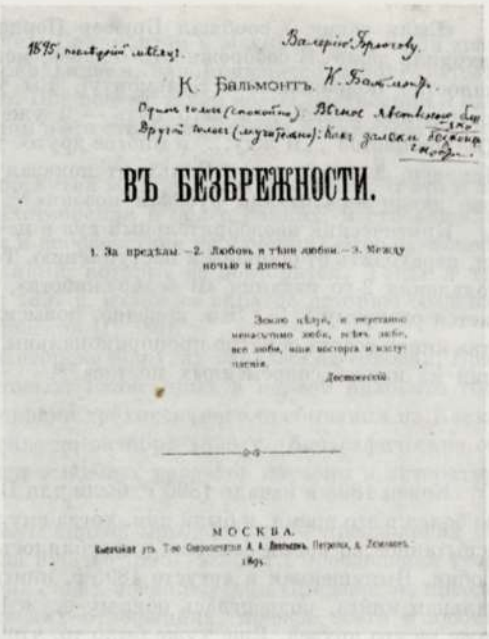
«Вы осуждаете,— развивал Брюсов свою мысль в письме к Перцову,— что Бальмонт от будничной действительности бросается в пустыню, в колодец — ставит своего героя в самые невероятные положения (. . .) Но разве в этом нет своеобразной прелести? Прекрасно найти новое в старом, но столь же прекрасно найти новое вне старого. А Вы ни во что не ставите, что это уклонение от действительности дает Бальмонту возможность ввести слова еще не слыханные в стихах, упиться экзотическими названиями? Как странно и как дивно звучат чуждые слова, особенно под рифмой! Неужели Вы не знаете наслаждения стихами как стихами,— вне их содержания,— одними звуками, одними образами, одними рифмами (. . .) Будем восхищаться тем, что есть хорошего в поэзии Бальмонта, и не отвергнем его только за то, что его стихи никогда (несмотря на все его попытки) не займут места в ряду «философских мотивов русской поэзии» [20].

Впрочем, Брюсов готов был признать и некоторое философское содержание за стихотворениями Бальмонта «Не говори, что смерть...», «Одна есть в мире красота...», «Уходит светлый май...», «Данте» («Пророк, с душой восторженной поэта...»), в котором среди «реторики» он видел «гениальные блестки».

Нет сомнений, что Брюсов хорошо знал содержание новой, готовящейся книги Бальмонта «В безбрежности» (1-е издание книги вышло в декабре 1895, 2-е — в феврале 1896 г.). В ноябре 1895 г. Брюсов сообщал Перцову, что Бальмонт печатает книгу стихотворений под названием «Уходящие тени» или «Между ночью и днем», или «За пределы предельного», или «В безбрежности» — выбор остановился на последнем заглавии. 16 декабря Брюсов подтвердил в письме: «Книга Бальмонта выходит на этой неделе — в противоположность Вам я жду от нее очень многого» [21].

Общение между поэтами в конце 1895 г. было особенно оживленным. В своей новой книге Бальмонт посвятил Брюсову сонет «Океан» («Вдали от берегов Страны Обетованной...»). Как и «Подводные растенья», последнее стихотворение трактует традиционно символистскую тему: порыв поэта за пределы предельного, в Страну Обетованную — предмет его мечтаний и «дерзких снов», сознание невозможности достигнуть эти пределы, переход к разочарованию и безнадежности. Эта поэтическая «триада» сонета развертывается в форме внутреннего диалога автора с Океаном:





ДАРСТВЕННАЯ НАДПИСЬ К. Д. БАЛЬМОНТА

на книге «В безбрежности». М., 1895: «1895, последний месяц. Валерию Брюсову. К. Бальмонт. Один голос (спокойно): Вечное явственно близко. Другой голос (мучительно): Как далеки бесконечности»

Обложка по рисунку М. А. Дурнова

Библиотека СССР им. В. И. Ленина, Москва

Я волны вопрошал, и океан туманный
Угрюмо рокотал и говорил в ответ:
«Забудь о светлых снах. Забудь. Надежды нет.
Ты вверился мечте обманчивой и странной.
Скитайся дни, года, десятки, сотни лет —
Ты не найдешь нигде Страны Обетованной».

Брюсов оценил новую книгу Бальмонта как крупное литературное событие и доказательство того, что символизм постепенно занимает господствующее положение в современной русской поэзии.

«Раскройте „В безбрежности" Бальмонта,— писал Брюсов Перцову,— и Вы найдете этому новое подтверждение. Я уверен, что Вы рано или поздно ознакомитесь с этой книгой (во всяком случае выдающейся), и потому не привожу цитат. Лучшая и наиболее оригинальная часть, на мой взгляд,— „За пределы". Обратите внимание, что Бальмонт, подобно Тютчеву, не любит вводить в пейзаж людей,— но причина этого у двух поэтов не одна и та же. Тютчев был поэт-пантеист, он любил природу ради нее самое, и ему не нужны были человеческие души там, где он постигал душу мировую; Бальмонта же поразило, подавило то, что природа может быть прекрасной и без созерцающего ее человека; человек может умереть, весь род людской может исчезнуть с лица земли,— а мир камней и растений по-прежнему будет блистать красотой. Для Бальмонта это ужас, и отсюда его „Северный Полюс", его „Лилии", его „Остров цветов", „Да, я вижу..." etc., etc.

Конечно, это отголосок, отблеск *страха смерти* — чувства, господствующего над другими у декадентов (Метерлинк, Бодлэр). Поэтому единственные человеческие существа, входящие в бальмонтовские пейзажи, это погибающие („Ка́мыши", „Змеиный глаз")» [22].

Брюсов решительно разошелся во мнении и с некоторыми своими друзьями-символистами, с московским меценатом, покровительствовавшим Бальмонту,— князем А. И. Урусовым, с профессором Н. И. Стороженко и всеми другими, кто встретил новую книгу с неодобрением или считал, что Бальмонт не сделал в ней никакого шага вперед со времен предыдущего сборника «Под северным небом».

«Были такие,— сообщал Брюсов Перцову о первых московских откликах,— которые находили даже „В безбрежности" слабее, менее искренней книгой (тот же Курсинский, безжалостно подражающий Бальмонту). Вы уже знаете мое мнение (. . .) Бальмонт нашел совершенно новый для него путь — и уже немало шагов прошел по нему.— „Сибилла". „Остров цветов", „Я жду..." и многое другое должно навсегда остаться в русской литературе. Наконец, в своей книге Бальмонт показал себя дивным мастером стиха; такой гармонии уже давно не слыхала русская поэзия» [23].

Критический неодобрительный гул в печати обычно побуждал Брюсова повышать оценки, переходить от обороны к наступлению. Так было и на этот раз. 25 февраля 1896 г., после появления 2-го издания «В безбрежности», он писал Перцову: «Книга Бальмонта подвергается разгрому (. . .) Это, конечно, повысило в моих глазах значение Бальмонта: достоинства книги всегда обратно пропорциональны успеху. Бальмонт после Фофанова талантливейший из наших современных поэтов» [24].

2

Конец 1895 и начало 1896 г. были для Брюсова тяжелыми во всех отношениях. Он опасно болел в это время, и были дни, когда ему казалось, что он не выживет. Чувство отчаяния, испытанное во время болезни, усугублялось муками глубоко уязвленного авторского самолюбия. Выпущенная в августе 1895 г. книга Брюсова «Chefs d'oeuvres», первая его оригинальная книга, подверглась общему осуждению критики и произвела дурное впечатление даже на его друзей. Еще хуже было то, что Брюсов сам разочаровался в своем создании — уже и тогда он чувствовал себя способным на большее. Бальмонт оказался одним из немногих, кто, хотя и не сразу, принял брюсовские Шедевры».

«Жалкая ирония судьбы,— сетовал Брюсов 27 декабря 1895 г.— Теперь, когда я разочаровался в „Chefs d'oeuvres", их начинают хвалить.— и Бальмонт! Бальмонт!» [25]

В конце февраля 1896 г. Бальмонт навестил Брюсова и в самых неумеренных выражениях хвалил его книгу. Новые похвалы Брюсов принял сдержанно и с горечью записал в дневнике: «О, господи, как не во время приходит „слава"! Полгода тому назад я пришел бы в восторг от половины тех комплиментов, которые он мне наговорил, а вчера я чувствовал „хладное" презрение» [26].

Возможно, что Брюсов воспринимал похвалы Бальмонта как великодушие сильного. Критически оценивая свой первый сборник, он сопоставлял его с последней книгой Бальмонта — «В безбрежности», и это сопоставление было явно не в пользу его «Шедевров». Свое поражение молодой Брюсов пережил глубоко, он старался скрыть свое состояние и только в письме к ближайшему товарищу по гимназии В. К. Станюковичу признался полгода спустя, насколько тяжелым для него был пережитый кризис.

«Последний год,— писал Брюсов 28 июля 1896 г. из Пятигорска,— который я прожил,— 95/96,— был чуть ли не самым жалким годом моей жизни. Дело вот в чем. Надо мной и моей поэзией глумились очень достаточно, и за „Русских символистов", но я все время чувствовал себя так, как будто я сам по себе, а „Валерий Брюсов", русский символист,— сам по себе; один другого не касался. Только с появлением моего Первого Издания, и притом — вдруг, почувствовал я себя в самом деле отверженным (maudit); если бы ты знал, сколько мне пришлось тогда перенести! — вплоть до холодного прикосновения рукой к шляпе того, кому я хотел по старой памяти броситься на шею. Я был до такой степени унижен, забит, загнан,— что потерял всякую веру в себя, стыдился своих стихов и, прочтя Бальмонта, сказал *сам себе* „да! *вот* поэзия!" Потом, немного оправившись, я решился по крайней мере не показывать другим своего состояния, придумывал разные компромиссы, извращал смысл собственных слов etc.,— в этом-то состоянии ты и застал меня. Тогда я мог иронически относиться к „Chefs d'oeuvres". А затем — затем, как тебе известно, я расхворался, чуть не умер (очень серьезно) и постепенно „нашел себя", как говорят французы» [27].

После выхода первой книги Брюсов достаточно трезво оценил психологические причины своего неуспеха. Он не без оснований считал, что его «Шедевры» тем и слабы, что чересчур умеренны, т. е. слишком «поэтичны» для критики и для публики и «слишком просты для символистов» [28]. Теперь он готов был изменить тактику. Он отбрасывал прочь свою трезвенную «умеренность» и пускался вслед за автором «В безбрежности», считая, что на этом пути способен продвинуться гораздо дальше своего старшего друга.

Весной 1896 г. Брюсов постоянно встречался с Бальмонтом в Москве, опять были трактиры, вино, споры, прогулки по безлюдным Сокольникам, запомнившиеся надолго. Поэты еще больше сблизились и сжились друг с другом. Под воздействием новых настроений и мыслей, во многом навеянных общением с Бальмонтом и его стихами, Брюсов писал свою вторую книгу стихотворений «Me eum esse» (1897).

Второе издание этой книги (1908) Брюсов посвятил «Одиночеству тех дней». В это и последующие издания книги он включил ряд стихотворений и более ранних, и относящихся к более поздним годам, но характер посвящения и впоследствии не изменил. «Мое одиночество там, в кавказских городах, было лучшими днями, которые не повторятся. Тогда в три недели я написал „Me eum esse"» — так 28 мая 1897 г. изложил вкратце историю создания своей книги сам Брюсов в письме к Е. И. Павловской (I, 580).

Летом 1896 г., находясь после болезни в Пятигорске и других кавказских городах, Брюсов сформировал ядро книги — отчасти из готовых, написанных в первой половине года стихотворений, отчасти из новых, созданных во время трехмесячного пребывания на Кавказе [29]. Работа над книгой продолжалась и в Москве до октября 1896 г., биографические обстоятельства ее появления, а также общий смысл основных разделов изучены в литературе о Брюсове достаточно подробно [30].

Книгу «Me eum esse» можно было бы назвать книгой преодоления — преодоления болезни и ужаса смерти, испытанного Брюсовым на рубеже 1895—1896 гг., преодоления творческого кризиса, связанного с сомнениями в своих силах после неудачи «Шедевров», преодоления одиночества и отчужденности в человеческих отношениях, прежде всего в любви. «В конечном итоге "Me eum esse" стала книгой самовыражения поэта, стоящего на грани духовного и творческого кризиса, книгой очень субъективной, личной, которая, несмотря на ярко выраженную декадентскую тенденцию, в очень своеобразной трансформированной форме отражает вполне реальные связи молодого Брюсова с окружающим миром» [31].

Брюсов нашел в себе силы оценить и осмыслить основные причины своего тяжелого, а порой и отчаянного душевного состояния, и сумел выйти из него единственно возможным для поэта путем — путем откровенного лирического изъяснения и творческого освобождения от угнетавших его настроений. В тени до сих пор, однако, оставались литературные источники, на которые при этом ориентировался молодой Брюсов. Между тем, создавая «Me eum esse», своеобразную лирическую анатомию своего «я» в особо сложном биографическом промежутке 1895—1896 гг., Брюсов прозревал духовным взором не только субъективные, личные обстоятельства своего «одиночества тех дней». Он жил в активном творческом взаимодействии с поэтами, которые помогали ему и в состоянии депрессии, и в переживании кризиса глубже познать и понять самого себя. Из поэтов-предшественников то были прежде всего Пушкин и Тютчев, из поэтов современной эпохи — Верлен и Бальмонт.

В письме к Бальмонту 17 мая 1897 г. (п. 20) Брюсов напомнил ему пушкинские строки из «Пира во время чумы»:

Все, все, что гибелью грозит,
Для сердца смертного таит
Неизъяснимы наслажденья,—
Бессмертья, может быть, залог!
И счастлив тот, кто средь волненья
Их обретать и ведать мог.

Торжественно-мрачный гимн Вальсингама для Брюсова тех дней не был одним только литературным переживанием. Кошмары московской больницы, видения январских ночей и дней 1896 г. долго не оставляли его. Ощущения зыбкой грани жизни и смерти, странные смешения яви и сна были пережиты Брюсовым с такой болезненной остротой, как никогда прежде или после того.

Один из важнейших мотивов "Me eum esse" — мотив близящейся смерти, всесильной и неотвратимой. Он развит не только в специальном разделе книги — «Веянье смерти», но входит в общую концепцию миропонимания поэта как неотъемлемая его часть.

Зимой 1896 г. на Брюсова, как и на многих других современников, чрезвычайное впечатление произвела смерть Верлена. 5 января 1896 г. он заметил в письме к Перцову: «*По примеру покойного Верлена*, обретаюсь в больнице и пишу Вам, созерцая ряд склепов-кроватей» [32].

Поль Верлэнъ.
Автопортретъ.

П. ВЕРЛЕН
Автопортрет
«Весы», 1907, № 8

Образ нищего, загнанного, отверженного поэта, лирические шедевры которого после его смерти в больнице для бедных становятся «символом веры» для современников и потомков, был одним из возможных и весьма притягательных для Брюсова вариантов решения собственного поэтического замысла. Книга должна была стать «посмертным» собранием стихотворений молодого, измученного жизнью и сломленного болезнью поэта, пережившего мимолетные радости, трудные испытания и жестокое разочарование в любви, изверившегося в смысле существования и ушедшего прочь от действительности. Отсюда такие вызывающие, нарочито эпатирующие стихи, как «И покинув людей, я ушел в тишину...», «Я действительности нашей не вижу...», «Как царство белого снега...» и другие, объединенные в разделе «Новые заветы», открывающем книгу.

Брюсов последовательно осуществлял свой план, возникший у него в самом начале года, когда только складывались общие очертания новой книги. Моя будущая книга „Это — я",—заметил Брюсов в дневнике 6 февраля 1896 г.,— будет гигантской насмешкой над всем человеческим родом. В ней не будет ни одного здравого слова — и, конечно, у нее найдутся поклонники» [33].

Не просто «мировая скорбь», а вызов миру и роду человеческому, вызов природе, примат фантазии и мечты над реальностью, искусства над действительностью, отказ от настоящего ради давно прошедшего или «грядущего» — все эти установки европейского декадентства Брюсов развивал с энергией молодого и надменного первооткрывателя.

Автор"Me eum esse" обдумывал даже такой план: не представить ли всю эту книгу в качестве лирической исповеди и предсмертного завещания поэта-самоубийцы? Это намерение отражено в мистифицированном «Предисловии редактора» — любопытнейшем документе, составленном Брюсовым 23 июля 1896 г. от лица А. Миропольского (А. А. Ланга), которому автор выслал рукопись своей книги из Пятигорска в Москву.

«"Me eum esse",— говорилось в этом бесстрастном „Предисловии" подставного редактора,— последняя книга Валерия Брюсова, который скончался (число) 1896 г. в Пятигорске. Незадолго перед смертью автор сам составил рукопись этой книги, хотя далеко не считал ее законченной.

Издатели надеются в непродолжительном времени собрать в отдельном сборнике также все появившиеся в печати переводы Валерия Брюсова» [34].

«Предисловие редактора», на наш взгляд, гораздо более правдоподобно не как биографический, а как литературный документ. Оно доводит до конца общий замысел и исходную установку автора — создать книгу, выражающую душевное состояние поэта не только «отверженного», но и «погибшего», успевшего свести счеты с короткой, безрадостной и никчемной жизнью.

От этого «верленовского» варианта Брюсов, однако все-таки отказался и развил другой, гораздо более близкий Бальмонту и его лирике, в которой поэт эволюционировал от «погибающего», сдающегося на милость смерти, к «воскресающему», обретающему новую волю к жизни.

Об этом говорит и письмо Брюсова к А. Курсинскому, отправленное 3 августа 1896 г. из Пятигорска. «В результате всех этих ощущений и размышлений получилась книга "Me eum esse", рукопись которой послана в Москву Лангу, где и хранится до моего приезда или

моего самоубийства. Впрочем, судя по моему сегодняшнему ликующему настроению, второе опять надо отложить» [35].

По приезде в Москву Брюсов заменил написанное им «Предисловие редактора» на собственно авторское предисловие к "Me eum esse», сохранив лишь прежнюю дату завершения книги — 23 июля 1896 г.

Из всей совокупности стихотворений новой книги Брюсова возникал образ поэта, не «погибшего» под беспощадными ударами жизни, как погиб Верлен, а «воскресающего» после крайних приступов отчаяния, ощущений близости смерти и даже помыслов о самоубийстве. Соответствующий эпизод, поэтически претворенный в стихотворении Бальмонта «Воскресший», был Брюсову хорошо знаком (см. п. 8, прим. 1).

Бальмонт, правда, не только помышлял, но и пытался покончить с собой в 1890 г., многократно возвращаясь потом к анализу социально-общественных и личных причин своего подавленного душевного состояния. Он развернул также свою философию жизни и смерти в поисках выхода из душевного кризиса. Брюсов после смертельно опасной болезни по-своему продолжил в "Me eum esse" эту философско-психологическую тему. Вот почему подражания Бальмонту во второй книге Брюсова не ограничиваются созвучиями в отдельных мотивах или реминисценциями из отдельных стихов, а проходят насквозь через ее важнейшие образы и мотивы, через настроения и музыку стиха. На это обстоятельство до сих пор почти не обращалось внимания, тогда как "Me eum esse" просто не существует вне сферы притяжения поэзии Бальмонта, в особенности его книг «Под северным небом» и «В безбрежности». Сам Брюсов хорошо сознавал размеры и смысл этих подражаний (см. п. 7, прим. 5 и п. 8, прим. 6). Весь раздел «Веянье смерти» *MEE* варьирует на разные лады важнейшую тему, широко развитую Бальмонтом в его первых книгах, в таких стихах, как «Смешались дни и ночи», «Смерть» («Не верь тому, кто говорит тебе...»), «Смерть» («Суровый призрак, демон, дух всесильный...»), «И сон и смерть равно смежают очи...», «Смерть, убаюкай меня...» и др. Разумеется, в трактовке темы смерти поэты далеко не тождественны. Герой лирики Бальмонта сознавал смерть как единственно возможное и даже желанное освобождение от ноши жизни:

Жизнь утомила меня,
Смерть, наклонись надо мной!
В небе — предчувствие дня,
Сумрак бледнеет ночной...
Смерть, убаюкай меня!..

(Под северным небом)

Стихи Брюсова, даже такие мрачные, как «Последние слова», пропитывает горечь несвершенного в жизни.

Брюсов отклонил предположение своего товарища В. К. Станюковича, что «Последние слова» — это мнимая жалоба на жизнь, не подкрепленная реальной духовной борьбой поэта. «Я вовсе не выдумываю „нечто, чтобы иметь подобие борьбы",— возражал Брюсов.— Это только *было* когда-то. Я очень ясно знаю, чего я хочу и к чему стремлюсь. Как-то, не слишком давно, в дни отчаяния, когда я помышлял о ядах, револьверах и „расступающихся" волнах,— написал я „Последние слова".

. . . . . .
О горько умирать, не кончив, что хотел,
Едва найдя свой путь к восторгам идеала,
. . . . . .
Так много думано, исполнено так мало!» [36]

Подлинная сложность соотношений поэзии с реальностями жизни обнаруживается в том, что реальные импульсы поэтического чувства не одномоментны с лирическим излиянием. Лирическая поэзия далеко не всегда прямой дневник происходящего с автором. Поэт-лирик может быть и мемуаристом, и аналитиком, и футурологом своей внутренней жизни, он может писать вообще от другого лица или о других лицах, свободно соединяя в стихах под знаком настоящего времени не только то, что есть, но и то, что когда-то было в его личном опыте, жизненном и литературном.

В лирике Бальмонта душевные, автобиографические переживания более непосредственны, а их отражения в стихах предельно сближены во времени с фактическим поводом лири-

ческого сюжета. В стихотворениях Брюсова эта связь более опосредованна, чувство потеснено мыслью, доведенной до страсти, переживание усиливается во времени, а не выплескивается импульсивно. «Не живу никогда, не дышу мгновением,— признался как-то в письме к Бальмонту Брюсов.— А после, его вспоминая, постигну. Все — в воображении и в мечте» (п. 44).

В стихотворении «Мучительный дар», датированном 25 октября 1895 г., но позднее включенном в "Me eum esse" под датой — 1896, Брюсов откровенно сформулировал чувство вечной творческой неудовлетворенности, которое испытывает поэт, оказывающийся на «таинственной грани» здешнего и другого мира, земли и неба, реальности и мечты:

Нездешнего мира мне слышатся звуки,
Шаги эвменид и пророчества ламий...
Но тщетно с мольбой простираю я руки,
Невидимо стены стоят между нами.

Земля мне чужда, небеса недоступны,
Мечты навсегда, навсегда невозможны.
Мои упованья пред миром преступны,
Мои вдохновенья пред небом ничтожны!

(I, 101)

В рукописи это брюсовское стихотворение было посвящено «К. Б.» — Константину Бальмонту, и оно достаточно точно обозначило различия в творческом самочувствии двух поэтов: безграничная вера в свои возможности и в свой стихийный лирический дар одного и глубокие сомнения в достижимости высших целей, характерный философско-творческий агностицизм другого.

Чем глубже погружался Брюсов в певучие строки Бальмонта, тем отчетливее выступали перед ним и его истоки, многообразные использования и перепевы из английских и французских поэтов (Шелли, Эдгар По, Бодлер), а также та русская поэтическая школа, которую сам Бальмонт проходил у Пушкина, Тютчева и Фета.

К февралю 1896 г. относится набросок пародийной «Критической статьи о книге Бальмонта „В безбрежности" на манер г. В. Буренина и ... проч.— „Новое время", пятн(ица), № 000». По справедливому замечанию публикатора брюсовских пародий на Бальмонта, эта готовившаяся пародия на современную критику нововременского толка «имела двойной адрес и была направлена в большей степени против Бальмонта, нежели Буренина» [37].

В этой статье Брюсов довольно метко и язвительно прокомментировал технику заимствований, которые ему удалось обнаружить в последней книге Бальмонта.

«Новый и легкий способ по сложению российских стихов», утверждал Брюсов, состоит в том, что «надо взять пару строчек из какого-нибудь великого поэта, приложить к ней для права собственности еще одну (из запаса общих мест) и потом повторить полученное двустишье несколько раз. Например, у Пушкина в "Евг(ении) Онег(ине)".

VI гл. строфа XIV

. . . . . .

Но так и быть, простимся дружно,
О юность легкая моя!
Благодарю за наслажденья,
За грусть, за милые мученья ... etc.

Тут смотрите, как надо поступать. Беру два последние стиха и добавляю свой собственный:

Ты проскользнула, как виденье...

Тут повторяю все:

Ты проскользнула, как виденье,
О юность легкая моя!
Ты проскользнула, как виденье,
Благодарю за наслажденья,
Ты проскользнула, как виденье,
О юность легкая моя.

Получился триолет, а если не верите, справьтесь в кн. г. Бальмонта "В безбрежности" (. . .)» [38].

Из «Триолетов» Бальмонта Брюсов спародировал четвертый — «Ты промелькнула, как виденье...», причем спародировал мастерски, сделав самые незаметные перестановки и подмены в словах. Источник был указан совершенно точно, как и в других случаях.

Смысл этих пародийных упражнений, оставшихся в черновых тетрадях Брюсова, не ограничивался лишь прямыми адресатами, в данном случае Бурениным и Бальмонтом. Брюсов писал эти пародии «для себя», как он решал иногда алгебраические задачи для собственного удовольствия,— и он не спешил предавать их гласности.

3

Время подготовки и выхода в свет «Me eum esse» оказалось существенным рубежом в отношениях Брюсова и Бальмонта. Друзья стали видеться гораздо реже. В 1896 г. Бальмонт расстался с первой женой, обвенчался в деревне под Тверью с московской красавицей Екатериной Алексеевной Андреевой и в сентябре 1896 г. надолго уехал с ней за границу. С особой остротой Брюсов почувствовал в это время свое одиночество.

«После издания "Me eum esse" жил я довольно плачевно,— признался Брюсов год спустя в письме к В. К. Станюковичу.— Друзья либо разъехались (Бальмонт за границей, Курсинский в Киеве, ты в Харькове и т. д.), либо я с ними рассорился по поводу предисловия ко 2 изданию "Chefs d'oeuvres". Я пытался утешать себя стихами о святости одиночества, но чувствовал себя плохо. Да и "Me eum" прошла очень уж незамеченной. Во всей вселенной нашелся один человек, Федор Сологуб, прославший мне приветственное письмо...» [39].

Приступы тяжелого настроения Брюсов стремился заглушить усиленной, поглощавшей все свободное время работой. Его планы в это время почти необъятны. Для университетских профессоров он писал рефераты о Руссо и по русскому средневековью. В работе тогда же были новая символистская драма, поэма о Руссо, повесть о возлюбленной Елене, перевод «Энеиды» Вергилия, монография из римской истории «Нерон», переводы из Метерлинка, новые рассказы. Задумана драма «Марина Мнишек», продолжена работа над поэмой «Атлантида». На будущее откладывались история римской литературы, история римских императоров, история схоластики, публичная лекция о французском поэте-символисте Рембо...

Но Брюсов помнил завет из пушкинского «Пророка», пока что недостижимый: «Писать? — писать не трудно. Я бы мог много романов и драм написать в полгода. Но надо, но необходимо, чтобы было, что́ писать. Поэт должен переродиться, он должен на перепутьи встретить ангела, который рассек бы ему грудь мечом и вложил бы вместо сердца пылающий огнем уголь. Пока этого не было, безмолвно влачись "В пустыне дикой..."» [40].

Осенью 1897 г. в жизни Брюсова произошла серьезная перемена: он женился на И. М. Рунт. Брюсов по-прежнему много работал, занимался философией, переводами, писанием новых стихов. С нетерпением ожидал он из-за границы Бальмонта, успевшего объездить за год почти всю Европу. По приглашению Тайлоровского института в Оксфорде он прочитал там курс лекций о русской поэзии — «от Пушкина до наших дней» [41].

В ноябре 1897 г. Бальмонт появился в Москве, и Брюсов записал в дневнике: «Приехал Бальмонт, тот, которого я так ждал, так жаждал. На нем двойной галстук, он подстрижен так тщательно...

La luna llena * ... Полная луна...
Иньес бледна, целует, как гитана.
Te amo... amo...[2*] Снова тишина...
Но мрачен взор упорный Дон-Жуана...

Мы сидели вдвоем в "России". Он читал, я еле слушал. Мне казалось, что два года вернулись, что это я прежний, уверенный в себе поэт... Когда я стал читать свои стихи, мне стало стыдно. Не стихов — они были хороши — но того, что их так мало, что это две робкие пьесы, тогда как он читал мне отрывки смело задуманных поэм, начала длинных повествований. Там у него жизнь, более яркая, чем прежде,— а моя тускнеет.

Я полюбил суровые забавы,
Полеты акробатов, бой быков,

* Полная луна *(исп.)*.
2* Люблю тебя... люблю... *(исп.)*.

Арены, где свиваются удавы,
И девственность, введенную в альков...

И это мне недоступно уже. А ведь третий стих взят у меня, и Бальмонт из-за этого даже хотел заменить его: "И вой волков, бегущих от облавы"» [43].

Едва ли не впервые при долгожданной встрече Брюсов испытал особенно острое чувство творческой ревности к Бальмонту, к смелости его замыслов, к его продуктивности, к его стихийным взлетам. Раньше, в первые годы знакомства, Брюсов с легкой душой признавал первенство Бальмонта в молодой современной поэзии. Теперь силы Брюсова выросли. Возросло его *понимание стиха*, его техническое мастерство, и обострившееся чувство соперничества, прежде подавленное, вырвалось наружу. Это чувство, то явное, то скрытое, как тонкая отрава, вошло в отношения поэтов и уже не исчезало из их дружбы-вражды.

На следующий день после встречи в ресторане «Россия» Брюсов написал стихотворение, посвященное Бальмонту:

Твои стихи — как луч случайный
Над вечной бездной темноты.
И вот — мучительною тайной
Во мгле заискрились цветы.

Покорны властному сиянью,
Горят и зыблются они,
И вдаль уходят легкой тканью,
Сплетая краски и огни...

Но дрогнет ветер, налетая,
Узоры взвеет и порвет,
И тот же луч, дрожа и тая,
Бессильно в бездну упадет.

(III, 245—246)

Сам Бальмонт не раз сравнивал свои стихи то с солнечным, то с лунным лучом («Я лунный луч, я друг влюбленных...» и т. п.); Брюсов воспользовался этим образом, чтобы воздать должное многоцветному, как радуга, таланту Бальмонта и намекнуть на неизбежность его падения.

21 ноября 1897 г. Брюсов с горечью поведал в своем дневнике: «Мы расстались не холодно, а мрачно...

Бальмонту я писал сегодня, что вечером буду один. Он пришел. Я думаю, он хотел мстить мне. Он так жаждал видеть меня, таким желанным создал в своем воображении. В своих письмах он говорил, что в России ему нужен я один. О, конечно, оригинал не таков, как мечты! Да и многое из того, что ищет Бальмонт, я не приму никогда. Я тоже изменился за этот год, но изменился не так, как этого ему хотелось, быть может, так, как ему и непонятно.— Он хотел мстить мне; он осмеивал все мои слова злобно.

Мы говорили о Христе. Бальмонт назвал его лакеем, философом для нищих... Впрочем, разве разговор ведется словами. Есть беседа душ. И многое было сказано. Мне хотелось плакать. Когда мы расставались, Бальмонт полуизвинялся.— Вы не сердитесь.

Встречай все, "иди неизменно вперед и вперед"» [43].

Несколько последующих встреч в Москве мало что изменили. Бальмонт был очень занят, он хлопотал об издании новой книги стихов «Тишина», готовился к отъезду в Париж и, хотя беседы велись в более дружелюбном тоне, прежнего согласия и созвучия между друзьями не было. Возвращаясь к мыслям о Бальмонте в своем дневнике, Брюсов искал причины случившейся перемены.

«Наши встречи снова были холодными. Что-то порвалось в нашей дружбе, что уже не будет восстановлено никогда. Я сам знаю, что я ушел от его идеала поэта. Он хотел, чтобы я остался "красиво-мертвым и печальным...". Но я воспрял для жизни, ожил, живу...» [44].

По письмам Бальмонта из Парижа Брюсов чувствовал, что его старший друг тоже тоскует, что и он больно переживает надлом их прежних, безоблачных отношений. Что бы там ни было, а для Бальмонта Брюсов оставался самым желанным корреспондентом, он как бы соединял странствующего за границей поэта с трудами и днями отечественной поэзии и событиями московской литературной жизни.

В своих письмах к Бальмонту Брюсов не мог скрыть горечи, испытанной во время последних встреч в Москве. Великодушный Бальмонт готов был подняться выше прежних недоразумений. 15 февраля 1898 г. Брюсов записал в дневнике: «Получил письмо от Бальмонта. Наши последние отношения были таковы, что я почти не ждал этого. Мое последнее письмо

было горько, почти грубо. Бальмонт опять тоскует. "Я никогда не разлюблю Вас", пишет он мне. Могу ли я ему отвечать тем же словами?» [45].

В словах Бальмонта тех дней звучали, однако, и другие интонации. В апрельской книжке журнала «Русская мысль» за 1898 г. было помещено стихотворение Бальмонта «Избраннику», которое Брюсов более чем кто-либо другой имел основания принять на свой счет. Все их последние отношения дружбы-вражды, исполненной взаимными упреками, личными и творческими разногласиями, получили в стихотворении Бальмонта вполне определенную интерпретацию и оценку. Обращенное к «избраннику» послание Бальмонта прозвучало как горькая укоризна другу и одновременно как властный призыв пробудиться к истинному и вдохновенному творчеству:

Отчего так бесплодно в душе у тебя
Замолкают созвучья миров?
Отчего, не любя ни других, ни себя,
Ты печален, как песня без слов?

Ты мечтой полусонной уходишь за грань
Отдаленных небесных глубин.
Пробудись и восстань, и воздушную ткань,
Развернув, созерцай не один.

«Как песня без слов» — косвенное указание адресата: под названием «Романсы без слов» Брюсов выпустил в 1894 г. сборник стихотворений Верлена в своих переводах. И тот же Брюсов в недавних стихах, посвященных Бальмонту, развернул «воздушную ткань» облаков, прихотливо меняющих свой цвет от случайного луча на закате, как менялись и сами настроения в его стихах (ср.: «И вдаль уходят легкой тканью, // Сплетая краски и огни...», III, 245).

Звучали в стихотворении Бальмонта и примирительные строфы, готовность полюбить и понять черты «сверхземной красоты», которые могла бы развернуть смелая творческая мечта «избранника». Он рад был отозваться, откликнуться на поэтическую мысль друга,— только бы его душа не была пуста и враждебна.

Мы ответим, как море на ласку луны,
А не вражеским криком врагу:
Мы — как брызги волны из одной глубины,
Мы умрем на одном берегу!

Чем мог ответить Брюсов на этот призыв? Его творческое самочувствие в это время оставалось смутным. Прежние пути в поэзии казались исхоженными, исчерпанными, новые — не найденными. Об этом свидетельствует и набросок письма к Бальмонту от 30 апреля 1898 г., когда стихотворение «Избраннику» в «Русской мысли» уже стало фактом литературной жизни:

«Тоска вернулась. Было безумием ожидать иного. Вы говорили когда-то, что мы слишком заняты собой и своими чувствованиями, а надо работать, как Мережковский. Работать, если можно жить во имя "искусства". Так жил Флобер, Гонкур, когда-то я. Не теперь. Но не могу жить "для себя". Говоря строго, жить не могу и уже давно. Если живу, и радуюсь,— говорю бодрые слова — это призрак» (п. 30).

Два месяца до середины июня 1898 г. Брюсов вместе с женой был в Крыму. Они поднимались на Ай-Петри, долго жили в Ялте, потом в Алупке и закончили свое путешествие в Феодосии. Весеннюю тоску и хандру Брюсову удалось отогнать, и по возвращении в Москву он написал Бальмонту письмо в более приподнятом состоянии духа (п. 31).

В конце августа 1898 г. Брюсов уже держал в руках новую книгу стихотворений Бальмонта — «Тишина». В связи с изданием этой книги Бальмонт приезжал на несколько дней в Москву за цензурным разрешением, а затем уехал в Петербург, где он обосновался после женитьбы. Вновь Брюсов был захвачен музыкальным потоком бальмонтовской лирики. «Вернулись сладостные блуждания по улицам узким, у стен недвижных домов, среди ночи оживающих скверов... Брожу и слагаю стихи и вспоминаю Бальмонта, который только что издал свою "Тишину". Это все что-то бывшее, что-то близкое, но что воскреснуть может лишь на миг» [46].

Из сложенных тогда стихов одно — с эпиграфом из «Тишины» — Брюсов назвал «К Бальмонту» («Погасни, исчезни...»), а другое — «Перепевы Бальмонта» — хронологически они следуют за бальмонтовским стихотворением «Избраннику» и являются своего рода «эхом» и откликом на «что-то бывшее» и «что-то близкое».

Моя душа свободная,
Моя душа мятежная,
Тебя пустыня водная
Пленила вновь безбрежная.

Моя душа безумная
В пространство неба просится,
Безумные и шумные
Под нею волны носятся.

Они — как привидение
Над безднами мятежности,
И снятся ей видения
Непересказной нежности.

(III, 251)

Образ Бальмонта в его последних книгах естественно соединялся с морской стихией. В книге «Тишина» многократно варьируются картины моря, то скованного льдами («Мертвые корабли», «В царстве льдов» и др.), то, напротив, бурного и мятежного («Морская пена», «Бездомные», «О, волны морские, родная стихия моя...» и др.). И в стихотворении «Избраннику» автор готов был ответить другу, как «море на ласку луны». Таковы первичные образы-понятия из стихов Бальмонта, которые концентрирует Брюсов в своем тексте, воссоздающем, «перепевающем» их стиль.

Как и автор «Тишины», Брюсов мыслил душу поэта родственной пространству неба, не ограниченного ничем. В характере его собственной мятежной души есть нечто отраженное от реальной стихии, вознесенное над ней, идеальное по своей сущности. «Перепевы Бальмонта» — это своего рода набросок собственной мысли на языке другого поэта, с которым он вступил в трудное и пока что неравное состязание.

Осенью Брюсов несколько раз виделся с Бальмонтом во время его очередного приезда в Москву. Бальмонт был в приподнятом состоянии духа, читал много новых стихов, переводов из Шелли. 4 октября 1898 г. Брюсов записал в дневнике об одной встрече, когда они сошлись вчетвером вместе с женами.

«...После я пошел его "проводить" (часа на два),-- отметил Брюсов,— и то вернулись прошлые дни. Странно. Голос Бальмонта скорее, чем что иное, возвращает мне прошлое,— меня времен "Me eum esse" и раньше — времен "И снова" или "Снегов". А в прошлом всегда есть обаяние, и потому-то, может быть, я люблю быть с Бальмонтом. И снова мы бродили по ночным улицам, при черном небе, при жестоком холоде ранней зимы, и *снова* мы сидели в освещенной зале ресторана, и то было "как прежде, как тогда", только субботний орган молчал. Мы говорили друг другу наши лучшие мысли этих последних лет, и временами становилось страшно от этих безумных созданий воображения, дошедшего до своего предела» [47].

Признание Брюсова лишний раз подтверждает существование глубокой внутренней связи стихов из «Me eum esse» с «голосом» Бальмонта, т. е. воздействие всей личности поэта на содержание и тональность брюсовской поэзии середины 90-х годов. На исходе века, когда Брюсов работал уже над следующей своей книгой «Tertia Vigilia», а Бальмонт, издав «Тишину», был на пути к «Горящим зданиям» (1900), былые отношения между друзьями стали меняться.

Екатерина Алексеевна Бальмонт, хорошо знавшая Брюсова, сообщает в своих воспоминаниях: «Если Бальмонт и Брюсов были очень разные по характеру, мышлению, восприятиям, то общей у них была их "исступленная любовь" к поэзии, и оба они принадлежали к молодому поколению, новым людям. Оба волевые, с ярко выраженными индивидуальностями, они влияли друг на друга, но ни один не подчинялся другому. У обоих было неудержимое желание проявлять себя, свою личность (. . .) Когда мы с Бальмонтом после свадьбы уехали за границу, между поэтами завязалась переписка, и Бальмонт изо всех друзей скучал больше всего по Брюсову. Писал ему часто и ждал нетерпеливо его письма.

На следующий год (1897) Бальмонт ездил в Россию печатать свою книгу "Тишина", он часто видался с Брюсовым и в Москве и в Петербурге. Брюсов только что женился. Баль-

монт нашел в нем большую перемену. "Брюсов остепенился, к сожалению,— писал он мне,— потускнел, но мил моей душе, как всегда"» [48].

В октябре 1898 г. Бальмонт на всю зиму уехал в Петербург. До его отъезда Брюсов виделся с ним еще несколько раз и проводил с грустью. «Грустно,— писал он в дневнике.— Более грустно, чем я думал. Все же горько не иметь никого, кто мог бы выслушать стихи, и к чьим словам и мнениям можно прислушиваться. Трудно быть в одно время и творцом и судьей, и так целые годы» [49].

К концу октября Брюсов получил цензурное разрешение печатать свою книгу «О искусстве». Сразу после ее выхода он выехал в Петербург. Бальмонт был первый, кто откликнулся на его книгу. Перед самым отъездом из Москвы Брюсов получил от него восторженное письмо, в котором тот приветствовал его «замечательную книгу», полную мыслей, «как горный воздух бурь» [50]. Остальные друзья отнеслись к новой книге сдержанно, а кое-кто из знакомых (Брюсов знал об этом) посмеивались по поводу того, что он в своем предисловии поставил себя на одну ногу с Толстым. К насмешкам Брюсов давно научился относиться с презрением; во всяком случае, он умел никому не показывать своей досады.

В Петербург Брюсов приехал 6 декабря 1898 г. вместе с Курсинским. В этот день, в честь встречи с Бальмонтом, Брюсов написал стихотворение, ему посвященное:

Я не боюсь ни Ночи, ни Зимы.
Молюсь уверенно Заре и Маю;
Что в будущем восторжествуем мы,
Я знаю.

Я в человеке Бога прозреваю.
Он вырвется — я знаю — из тюрьмы,
И мир дойдет к предсказанному раю.

Не страшно мне и царство нашей тьмы,
В нем чью-то близость духом постигаю;
Я в безднах не один! — Что двое мы,
Я знаю.

(КР)

Написанное в изысканной форме рондо, стихотворение подтверждало духовную близость поэтов-соратников и предсказывало в будущем торжество их общего дела. Это был призыв к полному восстановлению старой дружбы.

Тогда же, в декабре 1898 г., Бальмонт написал ответное стихотворение «Последний луч», которое он также определил как «рондо», посвятив его затем в «Книге раздумий» (1899) Брюсову [51]. Стихотворение характерное для Бальмонта времен его первых книг «Под северным небом», «В безбрежности» и «Тишина».

Прорезав тучу, темную, как дым,
Последний луч, в предчувствии заката,
Горит угрюмо,— он, что был живым
Когда-то!

Теснимой смутных гор враждебно сжата,
Одна долина светом золотым
Еще живет, блистательно богата.

Но блеск упал к вершинам вековым,
Где нет ни трав, ни снов, ни аромата...
— О, да, я помню! Да! Я был живым
Когда-то!

Брюсов ответил 10 декабря 1898 г. стихотворением «Ни красок, ни лучей, ни аромата...», обозначив его в рукописи как «quasi-рондо»; оно было также квазибальмонтовским по своей образной природе, ритмической схеме и по языку:

Ни красок, ни лучей, ни аромата,
Ни пестрых рыб, ни полумертвых роз,
Ни даже снов беспечного разврата,
Ни слез!

Поток созвучий все слова унес,
За вечера видений вот расплата!
Но странно нежит эта мгла без грез,
Без слез!

Последний луч в предчувствии заката
Бледнеет... Ночь близка... Померк утес...
Мне все равно. Не надо — ни возврата,
Ни слез!

(I, 125)

Не только стихотворение «Последний луч», послужившее прямым поводом для ответа, но и более ранние бальмонтовские стихи — «Подводные растенья...», «Надгробные цветы», лирика раздела «Любовь и тени любви» из книги «В безбрежности» — все это явилось строительным материалом для брюсовского стихотворения. В двенадцати строках «quasi-рондо» использована и одновременно критически переосмыслена общая стилистика Бальмонта, снижен по смыслу характерный набор устойчивых образов, ключевых слов и созвучий, типичный для его поэтического языка.

Бальмонт в этот приезд Брюсова был отменно приветлив и гостеприимен. В течение десяти дней они почти не расставались. Вместе читали Кальдерона, рассматривали рисунки Гойи, ходили в Эрмитаж. Бальмонт увлекся тогда Испанией и испанским искусством и стремился приобщить к своему новому увлечению Брюсова. Вечером 8 декабря Брюсов присутствовал на концерте, где Бальмонт читал стихи. «Сочетание бальмонтовских стихов и публики, конечно, мучительно,— записал по этому поводу Брюсов.— После мы трое — я, Бальмонт и Курсинский, пошли выпить вина к Палкину» [52].

Из обширной программы литературных знакомств и визитов были намечены и осуществлены встречи с Мережковским, Минским, Сологубом, Случевским и другими петербургскими литераторами. В этот же приезд Брюсов познакомился с Ив. Коневским.

Вскоре после этих встреч у Бальмонта возникла мысль издать книгу избранных стихотворений нескольких поэтов с участием Ивана Коневского, Модеста Дурнова, Федора Сологуба, Владимира Гиппиуса и Валерия Брюсова. Сологуб и Гиппиус от участия в сборнике отказались, и книгу, которую должен был открывать Бальмонт, решили составить из стихотворений четырех поэтов — в знак дружеских отношений, сложившихся между ними. Хотя сборник получился совсем небольшой, название ему оставили гордое — «Книга раздумий».

Брюсов дорожил «Книгой раздумий», запечатлевшей его дружбу с Бальмонтом и Коневским, а также с Модестом Дурновым — молодым московским архитектором, художником и поэтом. Но он чувствовал в себе силы для гораздо более крупных литературных начинаний, которые объединили бы всех близких. В Москве для такого объединения уже готовилась почва.

4

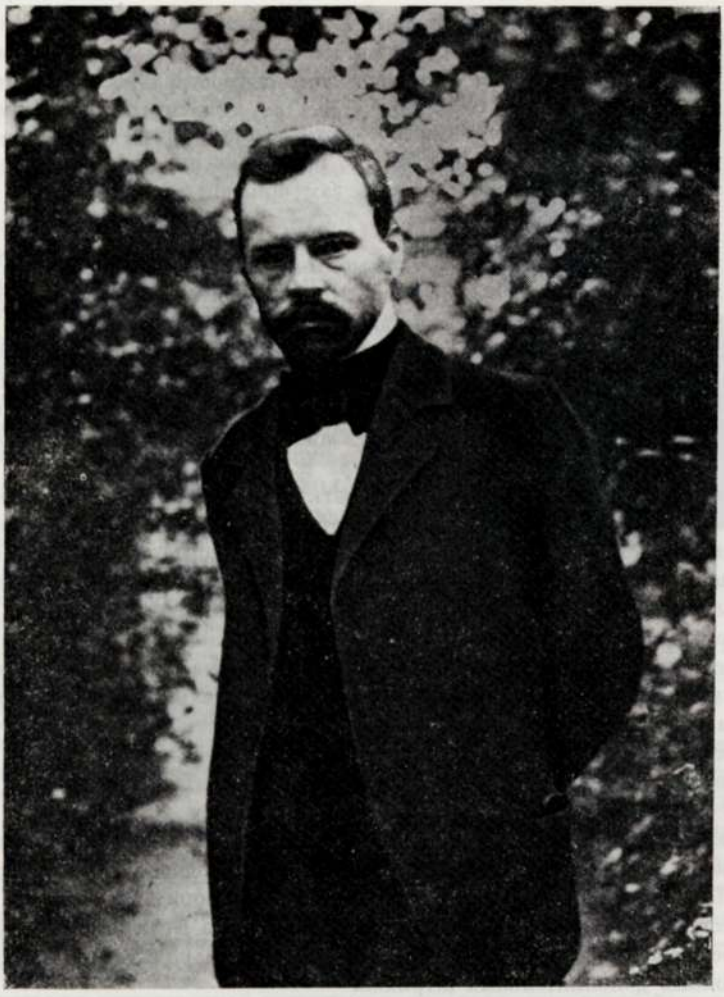
Самый тесный литературный кружок, к которому принадлежал Брюсов и в котором несколько лет царил Бальмонт, собирался раз в две недели по субботам в доме Георга Бахмана, немецкого поэта и преподавателя немецкого языка, всю жизнь прожившего в Москве, женатого на москвичке и создавшего чисто московский по своему духу домашний литературный клуб.

Очередной встречей у Бахмана был ознаменован и приезд Бальмонта в Москву зимой 1899 г. Вместе с друзьями — Бахманом, Курсинским, Саводником и Дурновым — Брюсов присутствовал на публичной лекции Бальмонта в зале Исторического музея — «О драме личности у Кальдерона». В марте 1899 г. Брюсов снова ездил по делам в Петербург, постоянно встречался с Бальмонтом и прошел повторно почти весь круг поэтов от Мережковских до Случевского и Сологуба; в мае Бальмонт приезжал в Москву на пушкинские торжества, но Брюсов был занят тогда выпускными экзаменами.

Эти эпизодические встречи сменились постоянным общением поэтов летом 1899 г., когда Бальмонт поселился в подмосковном имении Поляковых, родственников его жены. В дом Брюсова на Цветном бульваре Бальмонт явился с новыми знакомыми — Поляковым и Балтрушайтисом. Бальмонт читал друзьям новые стихи — «Избранный», «Закатные цветы», «Я насмерть поражен своим сознаньем...», «Замок Джен Вальмор», которые вызвали общий восторг. Брюсов записал в дневнике, что это вещи «действительно удивительные» [53]. Все они были из новой книги «Горящие здания», которую Бальмонт писал этим летом в имении Полякова. К Полякову в те дни он испытывал особое душевное расположение.

Часто встречаясь с Бальмонтом в подмосковном имении Поляковых Лисьи Горы, а то и в самой Москве, Брюсов скорее отдалился от него, чем сблизился с ним в это лето. «В Вашей душе есть что-то жесткое, [от чего отстраняешься, когда встречаешься с Вами много]»,— признал Брюсов (п. 45).

Бальмонт писал впоследствии, что его увлекла тогда «радость двух новых дружб — братская дружба с Ю. Балтрушайтисом и С. Поляковым. Продолжала также тянуться и услож-



К. Д. БАЛЬМОНТ
Фотография, 1899
Библиотека СССР им. В. И. Ленина, Москва

няться многоцветная нить моей дружбы-вражды с Валерием Брюсовым, с которым мы ходили вдвоем по нашим душам, как ходят в минуты счастья по ночному и утреннему саду, и как ходила андерсеновская Русалочка по осколкам стекла. В то лето, однако, Брюсов представлял для меня мало интереса» [54].

Прямым отзвуком осложнившихся отношений этого лета явился сонет Брюсова «К портрету К. Д. Бальмонта» («Угрюмый облик, каторжника взор...»), включенный затем в книгу «Tertia Vigilia». Написан он был в начале сентября 1899 г., т. е. как раз в те дни, когда Брюсов и Бальмонт в обществе Полякова, Балтрушайтиса, Дурнова и др. сходились к «одним огням».

Угрюмый облик, каторжника взор!
С тобой роднится веток строй бессвязный,
Ты в нашей жизни призрак безобразный,
Но дерзко на нее глядишь в упор.

Ты полюбил души своей соблазны,
Ты выбрал путь, ведущий на позор;
И длится годы этот с миром спор,
И ты в борьбе — как змей многообразный.

Бродя по мыслям и влачась по дням,
С тобой сходились мы к одним огням,
Как братья на пути к запретным странам,

Но я в тебе люблю,— что весь ты ложь,
Что сам не знаешь ты, куда пойдешь,
Что высоту считаешь сам обманом.

(I, 197)

Впервые в поэтической полемике с Бальмонтом Брюсов высказался со всей прямотой и страстностью, на какие был способен. Теперь Брюсов нашел собственные слова и свою личную, не заимствованную интонацию в выражении мысли и чувства, которые владели им на исходе первого пятилетия многоцветной «дружбы-вражды». В сжатой сонетной форме Брюсов дал определенную трактовку творческой личности Бальмонта, поэта и человека. В его облике подчеркнуто демоническое, сумрачное начало, любопытство к уродливому и безобразному в человеческой душе, готовность переступать «запретное», отвергать общепринятое в духе концепций Ницше, парадоксов поэзии Бодлера и Эдгара По.

Роль сверхчеловека в поэзии была не из легких, и Бальмонту в конечном счете должен был импонировать сумрачный демонический портрет, соединявший восхищение и вызов одновременно. Брюсов достаточно хорошо знал характер Бальмонта, знал, как свято тот верил в свою избранность. Все поэтические маски казались ему тогда впору, все новейшие эстетические костюмы по плечу. И Брюсов во многом поддерживал эту уверенность.

Наиболее задевающими строками были утверждения о своеобразном литературном «хамелеонстве» Бальмонта («весь ты ложь»), о непостоянстве целей его поэзии, прихотливо менявшей и свои объекты, и направление, и тональность: «сам не знаешь ты, куда пойдешь». Тут речь шла уже не о силе, а скорее о слабохарактерности поэтической натуры, слишком податливой всякому новому свежему впечатлению. Брюсов в письмах не раз заводил речь о «женских» свойствах души и натуры Бальмонта, теперь эта мысль нашла свое косвенное отражение в брюсовском сонете.

Тени, наложенные Брюсовым на портрет Бальмонта, оказались слишком густыми, получился своего рода негатив, хотя и выразительный, но односторонний. В декабре 1900 г. в письме к Коневскому Брюсов сделал характерную оговорку: «Я ведь не про Бальмонта писал, что весь он ложь, про себя» [65]. В поэзии Бальмонта Брюсов высоко ценил многое, о чем не было речи в его сонете. И он тогда же, в сентябре 1899 г., сделал к портрету Бальмонта несколько важных дополнительных штрихов:

Я люблю в твоих стихах
Смутный сумрак, жадный страх,
Вспышки всемогущих слов
И тяжелый стук оков.

Я люблю в твоих стихах
Ветра перелетный взмах,
Ширь пространства до конца,
Трепет страстного лица.

Я люблю в твоих стихах
Колыханье трав на мхах,
Под звенящий стон волны
В мире звучной тишины.

(III, 257)

Новые строки по-своему уравновешивали то, что вырвалось перед тем в сонете, но строки эти были менее выразительны, повторяли известное и плохо вязались в один цельный образ. Этот стихотворный набросок Брюсов оставил в черновиках, а сонет «К портрету К. Д. Бальмонта» включил в свою новую книгу.

В конце октября 1899 г. Бальмонт уехал в Париж, и Брюсов получил от него несколько писем, выдержанных, судя по записям Брюсова, в таком же язвительном духе, в каком они общались минувшей осенью (письма эти, к сожалению, не сохранились). Брюсов отчасти уже освоил манеру Бальмонта, который способен был объясняться то в любви, то в ненависти, не придавая, впрочем, подобным объяснениям слишком глубокого значения. Свои разногласия с Бальмонтом и споры с ним Брюсов доверял пока только письмам и, может быть, самым близким московским друзьям. Перед публикой, напротив, он демонстрировал единство и близость приверженцев новой поэзии.

Ю. К. БАЛТРУШАЙТИС
Силуэт работы Е. С. Кругликовой

В феврале 1900 г. в помещении Московского Охотничьего клуба был устроен большой вечер нового искусства. Брюсова пригласили на этот вечер для выступления, но все, что он приготовился читать, было запрещено особой цензурой. Зал был полон, собралось много знакомых, в их числе почти все из бахмановского кружка, и Брюсов решил читать из Бальмонта, чтобы не отказываться от выступления. До этого дня Брюсов, в сущности, никогда не выступал с эстрады, это было его первое публичное чтение перед большим залом. Первое стихотворение «Пустыня» («Я видел норвежские фьорды...») из книги Бальмонта «В безбрежности» было прочитано при довольно безразличном отношении публики. Тогда Брюсов с вызовом прочитал новый бальмонтовский сонет «Я горько вас люблю, о, бедные уроды...», который произвел несомненное впечатление. На «бис» Брюсов прочитал бальмонтовское стихотворение «Избранный» («О, да, я Избранный, я Мудрый, Посвященный...») [56], очень скоро ставшее знаменитым. По бурной реакции публики Брюсов мог убедиться, что именно последние, самые дерзостные стихотворения Бальмонта, смело обнажавшие противоречия души и характер личности поэта, более всего были созвучны настроению слушателей и имели неоспоримый успех. Выбором Бальмонта для публичного чтения Брюсов поддержал флаг нового направления, с которым он в то время связывал в литературе все свои надежды.

Знакомство Брюсова с Поляковым и Балтрушайтисом неожиданно изменило пути каждого из них. Обязанный Бальмонту этим знакомством, Брюсов поначалу так и относился к ним как к приятелям своего друга. Очень скоро, однако, роли переменились, Брюсов и Поляков воистину нашли друг друга для общего дела и на почве практического сотрудничества сблизились необыкновенно.

Чтобы укрепиться в отечественной словесности, писатели-символисты больше всего нуждались в собственном издательстве. Пока такого издательства у них не было, и даже Бальмонт, самый известный из них, для выпуска своих книг должен был искать в Москве подходящее пристанище. Во время последних хлопот по печатанию книги «Горящие здания» у Бальмонта и Полякова возникла мысль о создании нового издательства. Бальмонт был в этом заинтересован прежде всего как автор. С организационной стороны, живя главным образом в Петербурге, он мало чем мог помочь.

Поляков готов был дать деньги для издательства, и не малые, вместе с Балтрушайтисом он хотел издавать свои собственные переводы, а также развернуть выпуск переводных произведений современных европейских авторов — на российском книжном рынке спрос на них неуклонно рос. При солидной постановке дела издательство могло бы выпускать оригинальные художественные произведения поэтов и писателей, выступавших под флагом «нового искусства», а также сказать свое слово в области истории литературы и эстетической критики. Но для этого нужен был не просто осведомленный в литературе работник, но прежде всего литературный боец, стратег и тактик издательского дела, который сумел бы дать ему надлежащее направление.

Брюсов оказался именно таким человеком, и Поляков оценил его организационный и редакторский дар с первых же шагов совместной работы. Балтрушайтис также вошел в товарищество. На российском издательском небосклоне появилось новое созвездие под вызывающе странным названием — «Скорпион».

Первыми книгами русских авторов, выпущенными «Скорпионом» после «Собрания стихов» А. Добролюбова, были сборники стихотворений Брюсова «Tertia Vigilia» и Бунина «Листопад».

С книги «Tertia Vigilia» началось признание Брюсова как поэта, и он сам чувствовал рост своих сил и упрочение своей самостоятельности среди других поэтов.

Я, наконец, на третьей страже.
Восток означился, горя,
И обагрила нити пряжи
Кровавым отблеском заря!

(I, 143)

Целый раздел своей новой книги Брюсов назвал «Близким». Центральное место в этом цикле занял Бальмонт — их по-прежнему связывали наиболее тесные и наиболее сложные отношения.

Вслед за сонетом «К портрету К. Д. Бальмонта», сложенным памятной осенью 1899 г., Брюсов написал в ноябре 1900 г. новое послание «К. Д. Бальмонту», в котором ответил на его стихи, помещенные в книге «Горящие здания». В этой книге, изданной на полгода раньше, тоже был раздел, обращенный к «близким». Бальмонт назвал его «Антифоны», т. е. полухоры, имея в виду особый эффект церковных песнопений, когда один полухор подхватывает тему другого или отвечает ему.

Нам нравятся поэты,
Похожие на нас...

— утверждал Бальмонт в заглавном стихотворении к циклу.

К Брюсову в «Антифонах» обращены два стихотворения — одно полемическое — «Избраннику» («Отчего так бесплодно ь душе у тебя...») и другое ласковое («Мой друг, есть радость и любовь...»). Третье, новое и наиболее резкое стихотворение «Ожесточенному», написанное в ответ на прежние поэтические инвективы Брюсова, Бальмонт поместил в цикле «Возле дыма и огня». Это последнее обращение заключало в себе итог их поэтической, философской и личной полемики конца 90-х годов. В своих стихах Бальмонт возвращал Брюсову его недавние упреки:

Я знаю ненависть, и, может быть, сильней,
Чем может знать ее твоя душа больная,
Несправедливая и полная огней
Тобою брошенного рая.

Я знаю ненависть к звериному, к страстям
Слепой замкнутости, к судьбе неправосудной
И к этим тлеющим кладбищенским костям,
Нам данным в нашей жизни скудной.

Все, что Брюсов считал «темным» в бальмонтовской поэзии, сам Бальмонт относил к мрачным сторонам действительности, к тому, что, как смерть, дано нам «в нашей жизни скудной». В своем отрицании, в своей ненависти к мраку он считал себя сильнее и последовательнее своего ожесточившегося друга. В укоризнах Брюсова Бальмонту слышались крики больной, несправедливой души, живущей лишь отсветами «брошенного рая». Сознавая всю глубину разноречий и духовных терзаний, их разделявших, Бальмонт утверждал такой кодекс дружеских отношений, который исключал из столкновения идей и вкусов личную враждебность:

Но, мучимый как ты, терзаемый года,
Я связан был с тобой безмолвным договором,
И вижу, ты забыл, что брат твой был всегда
Скорей разбойником, чем вором.

С врагами — дерзкий враг, с тобой — я вечно твой,
Я узнаю друзей в одежде запыленной.
А ты, как леопард, укушенный змеей,
Своих терзаешь, исступленный!

Обвинение было серьезным, и теперь для Брюсова наступила очередь объясняться. Он много раз принимался в прошлом за стихи к Бальмонту, не все удавалось ему, и только сонет

«К портрету К. Д. Бальмонта» он считал своей настоящей удачей. Теперь Брюсов готов был ответить спокойно, без ожесточения и временных темных чувств, омрачавших их дружбу. Он испытывал потребность не только отвести укоры во враждебности, но и более явственно обозначить различия путей, избранных каждым из них в поэзии. Так возникли строки нового послания:

Нет, я люблю тебя не яростной любовью,
Вскипающей, как ключ в безбрежности морской,
Не буду мстить тебе стальным огнем и кровью,
Не буду ждать тебя в безмолвной тьме,— с тоской.

Плыви! Ветрила ставь под влажным ветром косо!
Ты правишь жадный бег туда, где мира грань.
А я иду к снегам, на даль взглянуть с утеса.
Мне — строгие стези, ты — морем дух тумань.

(I, 197)

Брюсов развил дальше мотивы, лишь слабо намеченные однажды в его стихотворении «Перепевы Бальмонта» («Моя душа свободная...»). И формулы бальмонтовской поэзии, и даже размер, заданный в стихотворении «Ожесточенному», были подхвачены, введены в стих и по-своему использованы в новом послании. Ведь Брюсов обращался к автору книг «В безбрежности» и «Тишина», напоминавшим о былых, самых лучших днях их дружбы, и он отказался следовать за яростными строками мстительного стихотворения Бальмонта из цикла «Возле дыма и огня». Следуя однажды возникшей мысли, Брюсов сохранил общий поэтический мотив, соединявший образ Бальмонта-поэта с мятежной морской стихией. Лермонтовский первообраз этой мысли стал еще более отчетливым: Бальмонт в его послании, как парус в морской безбрежности, устремленный к неведомым берегам.

Свои собственные «строгие стези» Брюсов определил по-иному. Его судьба — оставаться на берегу, пройти гребни гор, «ущелья дня и ночи», чтоб выйти к городу, в «столицу новых стран».

И там на пристани я буду в час рассветный,—
Душа умирена воскресшей тишиной,—
С уверенностью ждать тебя, как сон заветный,
И твой корабль пройдет покорно предо мной.

Мой образ был в тебе, душа гляделась в душу,
Былое выше нас — мы связаны — ты мой!
И будешь ты смотреть на эту даль, на сушу,
На город утренний, манящий полутьмой.

Дружеские отношения с Бальмонтом Брюсов трактовал не в обыденном, житейском плане, где возможны и недоразумения личных обид, и горечь повседневных противоречий. Он хотел видеть в этих отношениях высшее, сверхличное содержание, доступное лишь избранным, лишь поэтам. Его притягивало в друге воплощение идеального творческого начала, вечная и нетленная душа поэзии, и с этой высоты все недоразумения личного свойства должны были быть отброшены как мелкие и несущественные.

Твой парус проводив, опять дорогой встречной,
Пойду я — странник дней,— и замолчит вода.
Люблю я не тебя, а твой прообраз вечный,
Где ты, мне все равно, но ты со мной всегда!

(I, 198)

Летом 1900 г. Брюсов уезжал на два месяца из Москвы в Петербург и Ревель. Готический Ревель особенно поразил его как северный Неаполь, как самодовлеющий, замкнутый в себе город, в котором ощущалась и глубокая европейская старина, и вечная прелесть моря. Не здесь ли, вблизи порта, где теснились корабли и парусники, пришли к нему впервые строки нового послания к другу? Отсюда, во всяком случае, Брюсов отправил нескольким своим друзьям небольшую лирическую зарисовку в прозе, предназначив ее и Бальмонту [57].

Вернувшийся из-за границы Бальмонт приезжал летом 1900 г. на две недели в Москву — он был упоен чрезвычайным успехом своей новой книги «Горящие здания». Брюсов виделся с ним несколько раз наедине и в кругу друзей. Как в былые времена, они подолгу просиживали вдвоем в «Аквариуме», пытались говорить друг с другом более откровенно, но это не очень получалось.

В начале августа 1900 г. Брюсов написал одно из последних стихотворений для книги «Tertia Vigilia» — «Устои». В черновике он посвятил его Бальмонту, но в книге снял посвящение. Брюсов задел еще одну постоянную тему своего спора с Бальмонтом: как относиться к мгновению, к стихийному порыву? Считать ли миг вдохновения высшим достоинством поэзии или сохранять в «недремлющей груди» рассудка «вечные устои»? В жажде «ведать неземное» Брюсов отдавал предпочтение сознательной воле, терпению, способности к долгому сосредоточенному труду, способному «горы пошатнуть».

Ценой нарушенных согласий,
Ценой и мук и слепоты,
Лишь проблеск в беспокойном часе,
Мгновенье покупаешь ты.

Но кто готов отвергнуть миги
И ждать десятки строгих лет,—
Надень кровавые вериги,
Скажи молитвенный обет.

(I, 226—227)

Этот второй путь в творчестве Брюсов считал несравненно более тяжелым, неблагодарным, связанным с бесконечными лишениями. Но только он в конечном счете мог, по мысли Брюсова, надежно приблизить дух познания к истине в противоположность «пифической» поэзии, которой дано лишь случайное прозрение.

Утверждение преобладающей роли «рассудка», отрицание «мига» и «яростного восторга» подвергали сомнению самые основы импровизационного дара Бальмонта. Со своей стороны, он отвечал Брюсову решительными возражениями, негодуя против принижения стихийного начала в поэзии. Их спор об «устоях» творчества далеко еще не был закончен.

В конце августа Брюсов устроил в честь приезда Бальмонта вечер у себя дома, пришли также Бахман, Балтрушайтис, Поляков, Ланг, Ю. П. Бартенев и случайно заглянувший на огонек Бунин.

Бальмонт занял почти все время чтением новой большой поэмы «Художник-Дьявол». Брюсову эта поэма понравилась гораздо меньше, чем последние стихи Бальмонта. Он считал, что, кроме нескольких красиво формулированных мыслей и немногих истинно лирических отрывков, в ней преобладают риторические общие места, к тому же невозможно растянутые.

Августовскими днями 1900 г. датируются несколько острых пародий Брюсова на произведения Бальмонта того времени, прежде всего на главы только что прочитанной и пока еще не изданной поэмы «Художник-Дьявол» (пародия — «Из всех поэм, что скрою я от мира...»), а также на стихотворения из книг «Тишина» и «Горящие здания» (пародии — «Бело-синей резедой...», «Я хочу быть красивым, красивым, красивым...», «Я испанец, я в болеро, шпагой мой украшен бок...») [58]. Брюсов подверг пародированию характерную выспренность стиля, ноты самовосхваления и самолюбования, демонстративную экзотику и эротику некоторых стихотворений Бальмонта — все те «чрезмерности» его лирического самовыражения, которые создавали порой комический эффект. Сам факт написания этих пародий после выхода «Горящих зданий» — книги, которую Брюсов в целом высоко ценил, свидетельствует, что к началу века он все более освобождался от юношеской влюбленности в бальмонтовский стих.

При всем том «Горящие здания» Бальмонта и «Tertia Vigilia» Брюсова — книги во многом внутренне связанные, как связаны в общем хоре разные голоса. С выходом этих книг поэзия русского символизма вступала в новый, более зрелый этап. Имена Бальмонта и Брюсова с этого времени стали предметом постоянных сравнений и сопоставлений в критике. Достаточно сказать, что одним из первых сопоставил поэзию Бальмонта и Брюсова М. Горький, поместивший в «Нижегородском листке» примечательную рецензию на эти две книги.

«Автором первого сборника,— писал Горький,— является Бальмонт, которого так много ругают и о котором еще никто, кажется, не решился поговорить серьезно. А между тем этот поэт несомненно обладает талантом. Размеры и общественное значение его таланта трудно понять ввиду крайней туманности мышления г. Бальмонта и странного, быть может искусственного стремления к символизации. Крайне несдержанный в эпитетах и слишком щедрый на слова, он напоминает ту "райскую птицу — Сирина", глас которой "зело силен",

но "когда она распевает, то сама себя позабывает". Но у г. Бальмонта есть простые, красивые и сильные стихи, позволяющие до некоторой степени уловить и угадать его настроение» [59].

Горький особо оценил философские мотивы стихотворений Бальмонта «В душах есть все...», «Мир должен быть оправдан весь...», «Сумрачные области совести моей...», «Но дикий ужас преступленья...». Их содержание он связывал с борьбой добра и зла, которая «разрывает сердце человека, не позволяя ему быть духовно целостным, не позволяя ему гармонично объединить в себе весь мир». С высокой похвалой Горький отозвался также о бальмонтовских стихотворениях «Альбатрос», «Воспоминание о вечере в Амстердаме» и «Кузнец», в связи с которым высказал пожелание поэту «более частых ощущений этой бодрой радости ясного творчества» [60].

С полным основанием Горький отметил «духовное родство» Бальмонта и Брюсова, но по таланту поставил автора «Тишины» и «Горящих зданий» «во главе группы наших символистов». Книгу «Tertia Vigilia» он оценил более сдержанно, хотя отметил, что со времени первых сборников «Русские символисты» Брюсов сделал заметный шаг вперед: «Относясь к задачам поэзии более серьезно, Брюсов все же и теперь является перед читателем в одеждах странных и эксцентричных, с настроением неуловимым и с явно искусственным пренебрежением к форме и красоте стиха» [61]. Вполне сочувственно Горький оценил лишь «Сказание о разбойнике» — эту небольшую поэму он слышал в чтении автора при знакомстве с Брюсовым в Москве.

В знак нового знакомства Брюсов тогда же отправил из Москвы в Нижний Новгород свою книгу «Tertia Vigilia», сопроводив ее выразительной надписью: «Максиму Горькому, сильному и свободному, жадно любящий его творчество *Валерий Брюсов*» [62].

Осенью 1900 г. Брюсов вместе с Буниным и Поляковым предпринял попытку объединить писателей разных направлений и школ в новом альманахе «Северные цветы». Но удалось объединить лишь два потока одного литературного течения — московских символистов и более разрозненную и пеструю группу петербургских символистов, выступавших прежде в журнале «Северный вестник». Горький от предложенного сотрудничества отказался, а участие Чехова и Бунина в первой книге «Северных цветов» не изменило общего символистского характера этого альманаха.

Бальмонт дал в «Северные цветы» восемь новых стихотворений. Он стал постоянным автором альманаха и проявил большой интерес к изданиям «Скорпиона», где намерен был впредь печатать свои сочинения. Однако и в это время Брюсов должен был с горечью отметить в дневнике: «С Бальмонтом все время были очень недружественны. Ему не нравились мои новые стихи, мне его. Доходило до прямых сцен и до злобных слов...» [63].

При коротком приезде Бальмонта в Москву зимой 1901 г. друзья едва не поссорились совсем. Под впечатлением новой ссоры Брюсов в сердцах заметил в письме к Зинаиде Гиппиус, что теперь он отказывается от Бальмонта «навсегда» и уже больше не рассчитывает «фабриковать так дешево сверхчеловека» [64].

Ближайшие события общественно-политической и литературной жизни заставили, однако, обоих поэтов отрешиться от мелких мстительных чувств и попытаться встать выше возникших недоразумений.

5

Сорокалетие со дня отмены крепостного права Россия встретила 19 февраля 1901 г. стихийными политическими демонстрациями в столице. За несколько дней до того выстрелом из револьвера в упор был смертельно ранен министр просвещения Н. П. Боголепов. 25 февраля в газетах появилось позорное «определение» святейшего синода об отлучении Льва Толстого от православной церкви. На фабриках и заводах Москвы тогда же состоялись демонстрации и политические стачки. Недовольство рабочих и возмущение учащейся молодежи грозили слиться в один общий поток. Многие манифестанты вынесли на улицы портреты Толстого. Все свидетельствовало о приближении крупных революционных событий.

В правительственных кругах царило глубокое замешательство и обнаружились разногласия в том, как справиться с положением. Находившийся в Петербурге Горький 2 марта 1901 г. писал жене в Нижний Новгород: «Начальство здесь трусит, город объявлен на военном положении. Два полка солдат не раздеваются по ночам (. . .) Настроение — нервное, бодрое. 4-го здесь, наверное, будет то же, что в Москве» [65].

ЭСКИЗ ОБЛОЖКИ КНИГИ К. Д. БАЛЬМОНТА «БУДЕМ КАК СОЛНЦЕ»
Акварель Фидуса (Г. Хеппенера)
Библиотека СССР им. В. И. Ленина, Москва

4 марта 1901 г. у Казанского собора в Петербурге повторилась политическая демонстрация. Тысячи людей, собравшихся здесь, были разогнаны и жестоко избиты полицией и конными казаками. Общественное возмущение по этому поводу достигло опасных для правительства размеров. Ответные репрессии обрушились на всех, кто выражал публично свое возмущение и недовольство. «Союз взаимопомощи русских писателей» по этому поводу был закрыт, Горький арестован и посажен в Нижегородский острог, Бальмонт за прочитанное им антиправительственное стихотворение «То было в Турции...» («Маленький султан») выслан из Петербурга под надзор полиции без права проживания в течение двух лет в столицах, столичных губерниях и университетских городах.

Первые сбивчивые сведения о том, что произошло в мартовские дни 1901 г. с Бальмонтом, достигли Брюсова лишь месяц спустя через петербургских знакомых С. П. Дягилева и П. П. Перцова, которые приезжали в Москву и были у Брюсова. Версию случившегося он тогда же кратко записал в дневнике: «Бальмонт прочел на каком-то публичном вечере стихи о резне в Турции. Составили протокол. У него был обыск. Теперь только о нем и говорят в Петербурге. Горький сидит в тюрьме. Л. Толстой пишет возражение Синоду. «Все закипело духом оппозиции», говоря словами Фета» [66].

Реальный повод стихотворения «Маленький султан» менее всего относился к «резне в Турции», а был прямо связан с побоищем у Казанского собора. Вездесущая молва уже поставила рядом имена Бальмонта, Горького и Толстого. Действительно, каждый из писателей по-своему снова столкнулся в эти дни с произволом самодержавного российского государства, и конца разгоревшемуся конфликту не было видно.

Первый год своей ссылки Бальмонт провел на юге России, сначала в имении М. В. Сабашникова Никольское в Курской губернии, а затем в имении князя Д. А. Волконского Сабынино под Белгородом у родной сестры Е. А. Бальмонт. В ноябре 1901 г. Бальмонт на три недели ездил в Крым. Там в Ялте и Гаспре он встречался с Чеховым, Горьким и Львом Толстым. Весной 1902 г. в Сабынине Бальмонт окончил свою книгу стихов «Будем как солнце». Рукопись этой книги в марте 1902 г. была переправлена Брюсову в Москву для издания в «Скорпионе». В апреле того же года Бальмонт уехал из России сначала в Париж, а потом в Оксфорд. Цель его отъезда была двойная: освободиться от политического надзора в России, во-первых и, во-вторых, использовать пребывание за границей, в Англии, для подготовки полного собрания сочинений Шелли на русском языке. Переводами Шелли Бальмонт занимался много лет. Горький поддержал его предложение выпустить в «Знании» всего Шелли в трех томах. Оплатой этих томов издательство «Знание» финансировало продолжительную заграничную поездку Бальмонта, заменившую второй год его административной высылки.

В глазах царского правительства Бальмонт давно стяжал себе репутацию человека, неблагонадежного в политическом отношении. При выезде Бальмонта за границу это еще раз подтвердил в своем секретном письме заведующий Особым отделом департамента полиции, приказавший агентуре за рубежом в Берлине, Париже, Лондоне и Швейцарии продолжать наблюдение за поэтом [67].

День отъезда Бальмонта за границу, когда они с Брюсовым едва успели попрощаться в

Москве, стал поворотным днем в их неровной и страстной литературной дружбе. Теперь их пути расходились, менялось их место в литературном мире, стремительно ширился и менялся и самый мир.

Брюсов всегда помнил свою поэтическую родословную, хорошо знал далеких и близких. Его сборники «Русские символисты» не были первой декларацией нового литературного движения. До него пришли старшие символисты Минский, Мережковский, Гиппиус, Сологуб, Бальмонт. Брюсов подхватил их знамя. В течение пяти—семи лет он жадно присматривался к самым разным людям, был близок с декадентами (А. Н. Емельянов-Коханский в Москве и Александр Добролюбов в Петербурге), искал знакомства с Горьким и Чеховым, сблизился на короткое время с Иваном Буниным, расположил к себе стариков — П. И. Бартенева из «Русского архива» и К. К. Случевского, хозяина поэтических «пятниц» в Петербурге. Причем все эти и многие другие лица были интересны ему как носители определенной творческой и культурной идеи, с которой он соразмерял свои собственные искания. Брюсов охотно шел на контакты с людьми совершенно различных художественных и политических направлений — в этом как раз он видел свое преимущество и свою силу.

Я разных ратей был союзник,
Носил чужие знамена...

— признался он в стихотворении «Последнее желанье» (I, 270), написанном в январе 1902 г. Существенно, что эту свою способность «носить чужие знамена» Брюсов относит уже не к настоящему, а к прошедшему времени. А в настоящем, на рубеже 90-х и 900-х годов, он стремился — и не без успеха — собрать собственную литературную рать, выстроить крепкую фалангу, которая могла бы самостоятельно действовать на поле брани. Создание совместно с Поляковым и Балтрушайтисом издательства «Скорпион», организация альманаха «Северные цветы» были важными шагами в самоопределении нового искусства. Среди старших символистов Брюсов считался молодым, среди младших — старшим, и он вполне осознал преимущества своей центральной позиции, позволявшей ему находить общий язык с людьми разных кругов и возрастов. Его роль в литературном движении эпохи быстро возросла.

Летом 1902 г. Брюсов совершил давно задуманную и желанную поездку в Италию, увидел Венецию, Флоренцию, Рим. Вокруг него появляются новые сторонники и поклонники — Андрей Белый, Алексей Ремизов, Виктор Гофман. Завязывается переписка Брюсова с начинающим Александром Блоком, стихи которого взяты для очередной книги «Северных цветов». Дирекция Московского литературно-художественного кружка пригласила Брюсова войти в одну из его комиссий и придать новое направление литературным «вторникам». Брюсов печатает свои статьи в журнале «Мир искусства» и входит в редакцию нового литературно-художественного и религиозно-философского журнала «Новый путь», где главенствуют Мережковский, Гиппиус и Перцов. Заметно меняются в это время и прежние отношения между Брюсовым и Бальмонтом. Из почитателя, открыто признававшего литературное первенство Бальмонта, Брюсов превращается в его издателя, оппонента и критика, с годами все более строгого.

В одном из писем к Бальмонту летом 1902 г. Брюсов сравнил две последние его книги — «Горящие здания» и «Будем как солнце», еще ждавшую выхода в свет. Предпочтение Брюсов отдал предыдущей книге: Бальмонт не соглашался с этим: «Я думаю, Вы не правы, говоря, что "Здания" лучше "Солнца". Я гораздо больше люблю последнюю книгу. Но вы правы, говоря, что в «Горящих зданиях» я был в волне подъема, который, может быть, никогда не повторится. Никогда... Так ли однако? Я так зависим от каждого призрака, встающего на моем пути. Мое никогда такое же, как навсегда Шелли; он везде, где ему нравилось, хотел навсегда остаться, но после бесчисленных скитаний это ему удалось только на Средиземном море» (см. п. 75, прим. 4).

И в творческой биографии Бальмонта, и в истории его отношений с Брюсовым книга «Будем как солнце» занимает место совершенно особое и исключительное. Книга эта возникла на гребне общественной активности Бальмонта — он писал и закончил ее в дни высылки, в Сабынине, проклиная свое невольное «заточение» и обращаясь мысленно к самым дорогим и близким людям, которые когда-либо возникали на его пути.

Недавние встречи с Толстым, с Чеховым и Горьким были особенно важны для Бальмонта. Впервые он общался с писателями, к голосу которых прислушивалась вся читающая Россия и весь просвещенный мир, а не узкий кружок избранных и посвященных. Горизонты поэзии

ЭСКИЗ ОБЛОЖКИ КНИГИ К. Д. БАЛЬМОНТА «БУДЕМ КАК СОЛНЦЕ»
Акварель Фидуса (Хеппенера)
Библиотека СССР им. В. И. Ленина, Москва

Бальмонта в это время расширились. Новые идеи владели его творческим воображением.

В семи основных разделах книги Бальмонт попытался очертить весь доступный его взгляду мир, создать своеобразную лирическую космогонию, в которой предметы и явления природы были бы философски осмыслены.

С Брюсовым в книге «Будем как солнце» связана главным образом тема творчества, стихи о назначении поэзии, ее законах и возможностях, о том идеале поэта, каким он рисовался Бальмонту в его бесчисленных декларациях и самохарактеристиках. Это был главный предмет его полемики с Брюсовым, и, естественно, он перешел в стихи.

Традиция стихотворных обращений и посланий друг другу, принятая поэтами пушкинской эпохи, была подхвачена и широко использована русскими символистами. Прямое и скрытое цитирование, вполне доступное лишь посвященным, становится одной из устойчивых особенностей символистского стиля. Брюсов первым начал прямой поэтический диалог с Бальмонтом в печати, опубликовав в книге «Tertia Vigilia» стихотворения «К портрету К. Д. Бальмонта» («Угрюмый облик, каторжника взор...», 1899) и «К. Д. Бальмонту» («Нет, я люблю тебя не яростной любовью...», 1900).

Бальмонт ответил в книге «Будем как солнце» не одним посланием, а целым набором стихов: «Воля», «К другу», «Если грустно тебе...», «Ты мне говоришь, что как женщина я...», «Соперники». Всю свою книгу Бальмонт строил в форме лирических монологов, обращенных к друзьям и любимым, перед которыми он открывал интимнейшие переживания своей души. Адресаты названы в посвящении: Валерий Брюсов, С. А. Поляков, Ю. Балтрушайтис, Георг Бахман, М. А. Дурнов, М. А. Лохвицкая, Дагни Кристенсен, Люси Савицкая. Обращение к каждому лицу имеет свой особый лирический мотив.

Истинно «брюсовским» циклом книги Бальмонта остается второй ее раздел — «Зеленый глаз». Некоторые стихотворения этого раздела, уже названные выше, понятны только в контексте продолжительной полемики автора с Брюсовым. Полемика эта обнажена в стихотворении «Воля», которое и печаталось с посвящением Валерию Брюсову. В проповеди эгоцентризма и субъективности как принципа лирической поэзии Бальмонт мало в чем расходился с Брюсовым. Спорили они о другом, и разделял их не творческий принцип, а мера и степень его воплощения.

Во взглядах на поэзию Брюсов не отступал от своего теоретического максимализма. И в стихах и в письмах он доказывал, что книги Бальмонта слишком бледный оттиск с его жизни, что в его поэзии есть заданность — заданность размера и формы стиха, заданность рифмы, есть чрезмерная литературная условность, ослабляющая силу индивидуального творческого самовыражения. Безвольность в выборе пути — вот что отмечал в поэзии Бальмонта Брюсов.

Бальмонт не соглашался с этими критическими упреками. В книге «Будем как солнце» он воспел себя как поэта, воспел с вызовом, в котором угадывается, однако, потребность в самозащите. Защищаться приходилось от многих, в особенности от Брюсова, самого близкого друга. Свое опровержение Бальмонт и начинает с главного мотива, которым оканчивалось брюсовское стихотворение 1899 г. («Что сам не знаешь ты, куда пойдешь...» — см. I, 197).

Неужели же я буду колебаться на пути,
Если сердце мне велело в неизвестное идти?

Нет, не буду, нет, не буду я обманывать звезду,
Чей огонь мне ярко светит и к которой я иду.

Высшим знаком я отмечен, и, не помня никого,
Буду слушаться повсюду только сердца своего.

Явно не желая признавать за собой тех сомнительных достоинств, по поводу которых Брюсов когда-то объяснялся ему в любви («Но я в тебе люблю,— что весь ты ложь...», I, 197), Бальмонт рассматривал высшую цель своей поэзии как вечную и неизменную. Нужно ли поэту размышлять о выборе пути, употребляя «волю» для своих решений, если сердце всегда велит ему идти в «неизвестное»? Направление при этом может перемениться столько же раз, сколько подскажет сердце. И слова могут менять свое значение и свой смысл (характерно бальмонтовское стихотворение — «Слова — хамелеоны...»); и заявление о «лжи» теряет под собой почву, если в каждый отдельный миг поэт искренен в каждом слове.

На упреки в литературности, в зависимости от предшествующих поэтов, в подчинении условленным формам и образцам, которые не раз высказывались Брюсовым, Бальмонт отвечал в книге «Будем как солнце» стихами: «Я — изысканность русской медлительной речи...», «Мои песнопения», «Я полюбил свое беспутство...» и другими,— которые обычно рассматриваются вне диалога, вне поводов, вызвавших эти настойчивые саморекомендации и автохарактеристики.

Вечно юный, как сон,
Сильный тем, что влюблен
И в себя и в других,
Я — изысканный стих.

Способный, подобно Нарциссу, искренне любоваться только своим изображением, Бальмонт допускал и «других» заглядывать в светлый ручей поэзии. Из ближайших его друзей никто не мог бы с большим основанием, чем Брюсов, отнести на свой счет бальмонтовское стихотворение «Соперники»:

Мы можем идти по широким равнинам,
Идти, не встречаясь в пути никогда.
И каждый пребудет, один, властелином,—
Пока не взойдет роковая звезда.

Мы можем бросать беспокойные тени,
Их месяц вытягивать будет в длину.
В одном восхожденьи мы будем ступени,
И равны,— пока не полюбим одну.

Тогда мы солжем, но себе не поможем,
Тогда мы забудем о Боге своем.
Мы можем, мы можем, мы многое можем,
Но только — мой равный — пока мы вдвоем.

В августе 1902 г. Брюсов написал и отправил из Москвы в Оксфорд послание «К. Д. Бальмонту», почти сплошь построенное на образах и самохарактеристиках из последних бальмонтовских книг «Горящие здания» и «Будем как солнце». Вместе с тем это новое стихотворение развивало общий взгляд Брюсова на поэзию Бальмонта как поэзию импрессионистических «мигов», «беззаботности», стихийное выражение полной свободы воли, творческой раскованности, полета фантазии и мечты.

Вечно вольный, вечно юный,
Ты как ветер, как волна,
Речь твоя поет, как струны,
Входит в души, как весна.

(I, 348)

Вариации бальмонтовских стихотворений «Избранный», «Я — изысканность русской медлительной речи...», «Воля», «Соперники» и др. входят в текст брюсовского послания и

ЭСКИЗ ОБЛОЖКИ КНИГИ К. Д. БАЛЬМОНТА «БУДЕМ КАК СОЛНЦЕ»
Акварель Фидуса (Г. Хеппенера)
Собрание Р. Л. Щербакова, Москва

варьируются в нем на разные лады. Брюсов здесь как бы заклинает своего друга-соперника его собственными словами, убеждая сохранять верность себе и своему таланту.

«Высшим знаком ты отмечен»,—
Чти свою святыню сам,
Будь покоен, будь беспечен,
Будь подобен облакам.

(I, 348)

Если Бальмонт в своей книге, оставленной Брюсову в рукописи перед отъездом, обращался к нему лично, говорил и спорил с ним один на один, то Брюсов в своем послании отвечал Бальмонту не только от своего собственного имени, но и от лица кружка, от всех друзей разом, имея в виду прежде всего единомышленников по литературному делу. Отсюда заключенное в послании Брюсова противопоставление, странная на первый взгляд антитеза — «ты» и «мы».

Может: наши сны глубоки,
Голос наш — векам завет,
Как и ты, мы одиноки,
Мы — пророки... Ты — поэт!

Ты не наш — ты только божий.
Мы весь год — ты краткий май!
Будь — единый, непохожий,
Нашей силы не желай.

(I, 349)

В своем новом послании Брюсов сознательно отделил Бальмонта от остальных «близких», тяготевших к «Скорпиону» и московскому символистскому кружку. Различие заключалось не в том, что Бальмонт был «на воле» в своем вынужденном одиночестве за пределами России, а друзья его продолжали свой труд в условиях политической несвободы, хотя и это обстоятельство было существенным. Суть противоположения заключалась в том, что Бальмонту надлежало играть иную роль, чем всем оставшимся. Брюсов звал Бальмонта воспользоваться преимуществами вольного и «беспечного» поэта, не стесненного никакими заботами повседневности, отводя себе и друзьям роль «пророков» нового литературного движения. В этом качестве он по-прежнему уступал Бальмонту первенство и отклонял его великодушную готовность признать в сопернике «равного»:

Ты сильней нас! Будь поэтом,
Верь мгновенью и мечте.
Стой, своим овеян светом,
Где-то там, на высоте.

Тщетны дерзкие усилья,
Нам к тебе не досягнуть!
Ты же, вдруг раскинув крылья,
В небесах направишь путь.

(I, 349)

Написанное с большим подъемом стихотворение «К. Д. Бальмонту» являло нового, более зрелого и более сильного Брюсова. Острота мысли и отточенность формы послания сами по себе составляли вызов, тем более что на этот раз Брюсов явно возвысил идеального Поэта над тем, каким его адресат был в действительности. Не столько сам Бальмонт, сколько его «прообраз вечный» являлся в мелодических строках брюсовского стихотворения. Это была самая изысканная форма критики: поучение через преувеличенную похвалу. И Бальмонт —

надо отдать ему должное — уловил в энергичных строфах послания оборотную сторону очевидного панегирика.

В письме к Брюсову из Оксфорда 31 августа 1902 г. Бальмонт следующим образом прокомментировал обращенные к нему стихи: «Ваше стихотворение ко мне прекрасно, и я желал бы быть таким, каким Вы меня в нем рисуете, но это, к сожалению, не я. Нет, я тоже не май, а „целый год", и чем дальше идет время, тем далее я от того образа, который живет в Вашем стихотворении. Я мог бы быть таким, если бы моя внешняя жизнь не сложилась так неудачно, и если бы я не был „гражданином" столь мучительной страны, как Россия. Я буду все больше и больше уходить от „беспечности", и буду ли я сильным в Вашей силе, не знаю, но желание „забот" неизбежно. Хотя... Иногда я чувствую в себе такую легкость, воздушность и прозрачность, ощущаю такую гармонию и мировую ненарушимость, полную красоты изваяния, как будто я счастливый эллин выдуманной нами беспечной Эллады» (п. 77).

Бальмонт ответил Брюсову большим двухчастным стихотворением «Дилемма» (1. «Будь свободным, будь как птица, пой, тебе дана судьба...», 2. «Нет, мой брат, не принимаю...»). Разбор «Дилеммы» мог бы стать предметом специального анализа; если же говорить кратко, то программе Брюсова Бальмонт противопоставил двойной выбор: либо остаться «избранным», быть свободным, как птица, промелькнуть, как «луч горящий — в водопаде и в росе», либо проникнуться жизнью «других», «неярких», стать «как все» и для всех "пропеть свой стих". Напечатанное впервые в «Журнале для всех», это двухчастное стихотворение было включено затем в книгу Бальмонта «Только любовь» (1903) под названием «Выбор».

Почти одновременно с посланием «К. Д. Бальмонту» в августе 1902 г. Брюсов написал другое свое стихотворение — «В ответ» («Еще я долго поброжу...»). В рукописи оно также было посвящено Бальмонту и являлось прямым ответом на его «Волю». Брюсов искал и нашел для своей поэзии и для себя как поэта совершенно иной метафорический образ, чем тот, что возникал в «воздушных» стихах Бальмонта.

Вперед, мечта, мой верный вол!
Неволей, если не охотой!
Я близ тебя, мой кнут тяжел,
Я сам тружусь, и ты работай!

(I, 278)

Изначальный мотив тяжелой работы пахаря в поле на борозде был взят Брюсовым у Пушкина, из чернового наброска стихотворения «Родник». И эпиграфом в рукописи стояли пушкинские строки:

Скоро... Отрешишь волов от плуга
На последней борозде...

Но в окончательном варианте он заменил эпиграф на сходный из Хомякова:

Довольно, пахарь терпеливый,
Я плуг тяжелый свой водил [68].

Несомненно, что Брюсов воспользовался и общим сюжетным мотивом стихотворения А. С. Хомякова «Труженик» («По жестким глыбам сорной нивы...»), в котором человек есть раб божий, послушный пахарь, назначенный трудиться на сорной ниве ради сева господня. Брюсов сдвинул нравственно-религиозный сюжет в плоскость творческих долженствований, по поводу которых он спорил с Бальмонтом.

Общая мысль брюсовского стихотворения была развита вполне оригинально и с настоящей поэтической мощью. Впервые в русской литературе поэзия была представлена не легкокрылым Пегасом, не сладкоголосым певцом Арионом, не вольным ветром или золотой тучкой и не «сказкой золотой» (как множество раз писал о себе Бальмонт). Муза Брюсова явилась в поэзии как «пахарь терпеливый», и он не побоялся сравнить свою мечту с медлительным, усталым волом, понукаемым тяжелым кнутом погонщика!

А помнишь, как пускались мы
Весенним, свежим утром в поле
И думали до сладкой тьмы
С другими рядом петь на воле?

Забудь об утренней росе,
Не думай о ночном покое!
Иди по знойной полосе,
Мой верный вол,— нас только двое!

(I, 279)

В образной антитезе брюсовского стихотворения именно Бальмонт был поэтом весны, певцом утренней росы, которому достался счастливый удел быть «на воле». Собственное же свое предназначение Брюсов сознавал по контрасту как прямо противоположное. Не он распоряжался своим днем, от зари до темноты, а им распоряжался кто-то. Тот, кто приставил его к тяжелому плугу и обрек трудиться в поте лица до смертного часа. Свое дело поэта, труд своей мечты Брюсов сознавал теперь как пожизненный подвиг, как суровый послух, наложенный на него свыше, от которого он сам, по собственной воле, не желал, да и не мог освободиться.

Нам кем-то высшим подвиг дан,
И спросит властно он отчета.
Трудись, пока не лег туман,
Смотри: лишь начата работа!

А в час, когда нам темнота
Закроет все пределы круга,
Не я, а тот, другой,— мечта,—
Сам отрешит себя от плуга!

(I, 279)

Посвящение Бальмонту перед стихотворением в журнальной публикации Брюсов снял, а в отдельном издании «Urbi et Orbi» посвятил его П. П. Перцову. Тем не менее стихотворение «В ответ» осталось парным посланию «К. Д. Бальмонту» и продолжило мысль, намеченную ранее в «Устоях» (1900), и вполне понято оно может быть лишь в связях и в сопоставлениях с ними.

Представлениям Бальмонта о свободе воли как высшем творческом даре поэта Брюсов противопоставил собственный опыт — мысль о высшей необходимости, которая владеет творцом и от которой он не может отрешиться, даже если бы хотел этого. В полемике и споре с Бальмонтом, в постоянном соревновании и соперничестве с ним, в ответ ему Брюсов нашел наиболее глубокие и точные определения собственных целей в поэзии.

6

В январе 1903 г. Бальмонт вернулся из-за границы в Россию и нашел в Москве немалые перемены. Сторонники «нового искусства», объединившиеся вокруг «Скорпиона» и «Грифа», перешли от обороны в наступление и завоевывали одну литературную позицию за другой. Как отметил в своем дневнике Брюсов, борьба началась лекцией Бальмонта в Литературно-художественном кружке «и шла целый месяц. Борьба за новое искусство. Сторонники были „Скорпионы" и „Грифы" (новое книгоиздательство). Я и Бальмонт были впереди, как „маститые" (так нас называли газеты), а за нами целая гурьба юношей, жаждущих славы, юных декадентов: Гофман, Рославлев, три Койранских, Шик, Соколов, Хесин... еще М. Волошин и Бугаев. Борьба была в восьми актах: Вечер нового искусства, два чтения Бальмонта в Кружке, чтение в Кружке о декадентах, чтение о Л. Андрееве, две лекции в Историческом музее, два чтения Бальмонта в Обществе Любителей Российской Словесности и "Chat Noir"» [69].

В апреле 1903 г. Брюсов на месяц ездил в Париж — эта поездка была решена, когда Бальмонт оставался еще за границей, теперь Брюсов познакомился с русской колонией в Париже без него. Он побывал на лекциях в Русской вольной школе социальных наук, на «субботе» у художницы Е. С. Кругликовой, в Свободном театре Антуана. Самое сильное впечатление на него произвел Вячеслав Иванов, лекцию которого о Дионисе и Аполлоне он слушал в Русской школе. Это знакомство послужило началом новой глубокой дружбы.

Из молодых друзей в Москве Брюсов ближе всех сошелся с Андреем Белым. Сложившийся вокруг него кружок «аргонавтов», последователей религиозно-мистической философии Владимира Соловьева, привлек к себе пристальное внимание Брюсова. Наиболее одаренные из них были вовлечены в альманах «Северные цветы»; свое отношение к этой группе, примкнувшей к «Скорпиону», Брюсов выразил в послании «Младшим» («Они Ее видят! они Ее слышат!..»).

Бальмонт ревниво отнесся к новым знакомствам и новым литературным дружбам Брюсова. Об этом свидетельствует его сдвоенный сонет «Неверному» («Когда бы я к тебе ни приходил...»), помещенный в «Северных цветах» на 1903 г. и включенный затем в книгу «Только любовь». Эту книгу Бальмонт закончил писать летом 1903 г. в эстонском курортном местечке Меррекюль на берегу Балтийского моря.

Неверный, ты наказан будешь мной,
При всей моей любви к глубоким взорам

Твоих блестящих глаз. О, дух земной,
Заемным ты украшен был убором,

— писал Бальмонт, обращаясь к Брюсову с новыми упреками и укорами. Ответ не замедлил последовать, и тогда же, в августе 1903 г., Брюсов написал второе послание — «Ему же»,— в котором Бальмонту среди «аргонавтов», среди одной дружной литературной команды, предоставлена особая роль — «заклинателя духов бури», певца Ариона:

Нет, мой лучший брат, не прав ты:
Я тебя не разлюблю!
Мы плывем, как аргонавты,
Душу вверив кораблю.

Все мы в деле: у кормила,
Там, где парус, где весло.
Пыль пучины окропила
Наше влажное чело.

(I, 349)

Брюсов воспользовался и известным мифологическим мотивом, и символикой пушкинского «Ариона» («Нас было много на челне...»), и одной из эмблем современной литературной жизни, чтобы продолжить мысль своего предыдущего послания «К. Д. Бальмонту» 1902 г.,— он опять был поднят над остальными сотоварищами, искателями «золотого руна» в искусстве, как «беспечный» певец, которому уготовано чудесное спасение в бурю при любом исходе опасного предприятия.

Каждое выступление своих сторонников в те дни Брюсов, как стратег, оценивал с точки зрения предстоящего в литературе генерального сражения. 31 июля 1903 г. он писал А. Белому: «Вся русская поэзия будет в „Скорпионе". Эта осень — что-то вроде генерального сражения. Ватерлоо или Аустерлиц?» [70].

У Брюсова были основания для волнений — после «Северных цветов» на 1903 г. русские читатели должны были получить новые книги Бальмонта — «Будем как солнце» и «Только любовь», новую книгу самого Брюсова — «Urbi et Orbi», «Золото в лазури» А. Белого и другие издания «Скорпиона». Тогда же, в середине лета, была составлена программа, и скоро получено разрешение на издание журнала «Весы».

В раздел «Оды и послания» "Urbi et Orbi" Брюсов включил оба последних стихотворения, обращенные к Бальмонту, а всей книге предпослал многозначительное посвящение: «К. Д. Бальмонту, другу и брату». Это и другие подобные посвящения Бальмонт по-своему прокомментировал в стихотворении «Различные»:

В нас разно светит откровенье,
И мы с тобой не властны слиться,
Хотя мы можем на мгновенье
В лучах одной мечты забыться.

Не оскорбись, но оскорбленье
Я нанесу тебе невольно.
Мы два различные явленья,
Моей душе с твоею больно.

Ты, может быть, мой брат влюбленный,
Но, брат мой, ты мой враг заклятый,
И я врываюсь, исступленный,
В твои дремотные палаты...

(Только любовь)

Характеристику Бальмонта как «явленья» русской поэзии Брюсов развернул в своей статье о книге «Будем как солнце», тогда же опубликованной журналом «Мир искусства». Брюсов признал в Бальмонте «нового человека, который откровенно рассказывает в поэзии свою душу, но «душа у него из тех, которые лишь недавно стали расцветать на нашей земле. Так в свое время было с Верленом... В этом вся сила бальмонтовской поэзии, вся ее жизненность, хотя в этом и все ее бессилие» (VI, 250).

Двойственный взгляд на поэзию Бальмонта, его силу и его бессилие, Брюсов провел через всю статью, распространив его и на книгу «Будем как солнце», которая послужила непосредственным поводом для критического выступления. Возможности дальнейшего развития Бальмонта-поэта Брюсов оценил скептически, заметив, что его творчество в последней книге «разлилось во всю ширь и видимо достигло своих вечных берегов. Оно попыталось кое-где даже переплеснуть через них, но неудачно, какой-то бессильной и мутной волной. Надо думать, что поэзии Бальмонта суждено остаться под тем небосклоном, который окружает

эту книгу. Но в этих пределах Бальмонт,— мы хотим этому верить,— будет достигать новой и новой глубины, к которой пока лишь стремится» (VI, 258).

Жесткость брюсовской оценки, высказанной в разборе «Будем как солнце», была замечена не только «другом и братом», но и друзьями, которые внимательно следили за диалогом двух поэтов. Их соперничество, до поры скрытое или уведенное в подтекст некоторых стихотворений, стало теперь достоянием окружающих.

Получив оттиск брюсовской статьи о Бальмонте из «Мира искусства», Вяч. Иванов отвечал автору из Женевы: «Благодарю вас за оттиск вашей прекрасной статьи, именно близкой мне — до встреч мысли в отдельных частностях. Не во всем, впрочем, я с вами согласен. Так, например, я ставлю Бальмонта выше Фета, невозможным считаю сравнение его с Тютчевым (как величиной другого порядка и не лермонтовской филиации), а стих Бальмонта: „предо мною другие поэты — предтечи" — звучит для меня как богохуление. Не правы вы, на мой взгляд, и в оценке бальмонтовских rythmes brisés: сошлюсь на чудесную ритмику „Старого дома" — этой гениальной вещи. Кажется мне, что стих и стиль Бальмонта в последних произведениях сгущается и консолидируется, приобретает более насыщенный колорит — и что наш поэт далеко не исполнил еще своих граней. Но его четыре стихии хорошо определены,— хотя и не родственны ему им любимые Кальдерон, По и Бодлер» [71].

Знакомство с последними книгами Бальмонта и Брюсова произвело глубокое впечатление на Андрея Белого — он видел в них не «два различные явленья», а общность наиболее влиятельного направления современной поэзии. «Читаю и вчитываюсь в "Urbi et Orbi" и „Только любовь", вынося много глубоких и радостных впечатлений,— писал Белый Брюсову в октябре 1903 г.— "Urbi et Orbi" нравится мне как ни одна из ваших книг, „Только любовь" — пожалуй, лучший Бальмонтовский сборник. А я как раз в настроении внимать» [72].

Наиболее характерные для поэзии Бальмонта сборники «Горящие здания», «Будем как солнце» и «Только любовь» послужили поводом для замечательной статьи Ин. Анненского «Бальмонт-лирик», увидевшей свет в его «Книге отражений». Отбросив ходульные и поверхностные критические стереотипы, Ин. Анненский оценил творчество Бальмонта именно как поэт, сознающий цену настоящих завоеваний в области слова. Он указал на такие стороны оригинального лирического «я» Бальмонта, которые обычно не замечались его многочисленными критиками и пародистами. «Я начну его анализ с того момента,— писал Анненский,— который поразил меня ранее других. Бальмонт хочет быть и дерзким, и смелым, ненавидеть, любоваться преступлением, совместить в себе палача с жертвой и сирену с призрачным черным монахом, он делает кровавыми даже свои детские воспоминания, а между тем нежность и женственность — вот основные и, так сказать, определительные свойства его поэзии, его я, и именно в них, а не в чем другом надо искать объяснения как воздушности его поэтических прикосновений к вещам, так и свободы и перепевности его лирической речи, да, пожалуй, и капризной изменчивости его настроений» [73].

Отметив содержательные и стилистические новшества Бальмонта, Ин. Анненский пришел к заключениям, общезначимым для русской лирической поэзии начала 900-х годов.

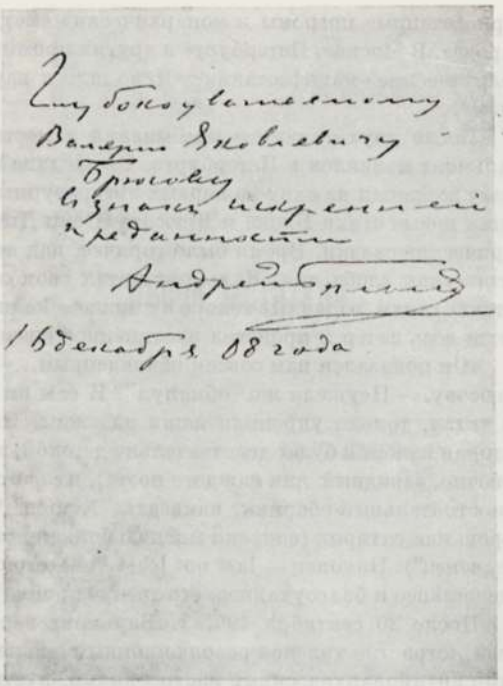
«В лирическом я Бальмонта есть не только субъективный момент, как оказывается спорный и пререкаемый,— утверждал Анненский,— его поэзия дала нам и нечто объективно и безусловно ценное, что мы вправе учесть теперь же, не дожидаясь суда исторической Улиты.

Это ценное уже заключено в звуки и ритмы Бальмонта — отныне наше общее достояние.

Я уже говорил, что изысканность Бальмонта далека от вычурности. Редкий поэт так свободно и легко решает самые сложные ритмические задачи и, избегая банальности, в такой мере чужд и искусственности, как именно Бальмонт. Его язык — это наш общий поэтический язык, только получивший новую гибкость и музыкальность» [74].

Накал литературной борьбы в канун грозных событий первой русской революции побудил Брюсова и его товарищей по «Скорпиону» создать специальный литературно-критический журнал «Весы», который своей нацеленностью на собственно литературные вопросы отчасти противостоял таким петербургским изданиям, как «Мир искусства» и «Новый путь». Субсидировать новый журнал взялся Поляков, его фактическим редактором стал Брюсов, в ядро редакции вошли также Балтрушайтис, Белый, Бальмонт, Вяч. Иванов и М. Н. Семенов [75].

Характеризуя свои настроения в переломный 1904—1905 г., время решительной переоценки прежних ценностей, Брюсов признал, что для него это был «год бури, водоворота». Никогда прежде он не переживал таких страстей, таких мучительств и таких радостей. Далеко не полное отражение этих чувств окрасило стихи книги "Stephanos" и вошло в роман



А. БЕЛЫЙ. ПЕПЕЛ. СПБ., «ШИПОВНИК», 1909

Обложка и авантитул с дарственной надписью: «Глубокоуважаемому Валерию Яковлевичу Брюсову в знак искренней преданности Андрей Белый. 16 декабря 08 года»

Библиотека СССР им. В. И. Ленина, Москва

«Огненный Ангел». «Временами я вполне искренно готов был бросить все прежние пути моей жизни и перейти на новые, начать всю жизнь сызнова,— подтвердил в дневнике Брюсов.— Литературно я почти не существовал за этот год, если разуметь литературу в Верленовском смысле. Почти не работал: „Земля" напечатана с черновика. Почти со всеми порвал сношения, в том числе с Бальмонтом и Мережковскими. Нигде не появлялся. Связь оставалась только с Белым, но скорее связь двух врагов» [76].

Сношения с Бальмонтом были не порваны, а только подорваны. На полгода Бальмонт вообще исчез с горизонта, в декабре 1904 г. он уехал за границу в продолжительное путешествие — в Мексику и Соединенные Штаты Америки. Тогда же в письме к Перцову Брюсов написал о Бальмонте: «Десять лет он царил полновластно в нашей поэзии. Но теперь жезл выпал из его рук. Мы далеко ушли вперед, он остался на одном месте. Может быть, он великан среди нас (как поэт, по непосредственному дару), но он в прошлом» [77].

Вдогонку Брюсов отправил в Мексику одно из самых откровенных и замечательных своих писем (от 5/18 апреля 1905 г.); он подвел в нем итог первого десятилетия своих отношений с Бальмонтом, которые затем стремительно пошли под уклон. Расстояние между Мехико и Москвой придало этому объяснению с «братом Константином» почти планетарное измерение, измерение в пространстве и времени.

«Для тех, кто будет смотреть на нас, как на прошлое иного века,— утверждал Брюсов в письме к Бальмонту,— станут истиной наши посвящения друг другу книг и слово, стоящее в заголовке этого письма,— так как все это и есть истина, та, настоящая, бóльшая земных житейских правд. И если я иногда говорю против Тебя и смотрю на Тебя враждебными глазами, то это вражда в области вечного братства, а не в низинах, где дружатся и ссорятся. Быть воистину врагами, как и воистину друзьями, можно лишь тем, кто близки. Какие враги — те, кто в разных мирах, или разделены тысячами ступеней?» (п. 107).

Из поездки в Америку Бальмонт вернулся в Россию в июле 1905 г., в разгар революционных событий, когда самодержавие зашаталось под напором организованных выступлений рабочих, крестьянских бунтов в деревне и солдатских волнений в армии. Россия пережила уже Кровавое воскресенье, позор военных поражений под Мукденом, катастрофу Цусимы,

черносотенные погромы и монархические выступления, инспирированные «Союзом русского народа». В Москве, Петербурге и других промышленных центрах продолжались забастовки и политические манифестации. Дело шло к народному вооруженному восстанию против царизма.

После двухмесячного пребывания в местечке Силламяги на берегу Финского залива Бальмонт появился в Петербурге. В середине сентября 1905 г. он навестил Вяч. Иванова и сразу же попал на одну из первых литературных «сред» в его «башне», Г. Чулков в этот вечер читал новые стихи Блока и Брюсова, Осип Дымов прочитал рассказ, Ф. Сологуб — свои сатирические сказки. Время было горячее, над всеми литературными интересами полыхала политическая злоба дня. Бальмонт читал свои обличительные политические стихотворения и детские стихи, изданные вскоре в книжке «Фейные сказки». Читал он больше всех, один занял почти весь вечер и произвел несомненное впечатление на хозяина «башни» и его гостей.

«Он показался нам совсем обновленным...— писал об этом чтении Вяч. Иванов в Москву Брюсову.— Неужели же "обманул"? И сам он говорил, что теперь — иной. Стихи, которые он читал, только укрепили наши надежды. Намечаются две новые струи: *детская* поэзия, которая кажется будет действительно детской, в лучшем смысле (а это в своем роде „венец",— конечно, завидный для каждого поэта), и *сатирическая*. Я советовал ему объединить сатиры в самостоятельный сборник, написать "Xenien" * на недруга и друга,— потому что он часто хорош как сатирик (вопреки мнению большинства) и даже прикоснулся к стихии юмора (также „венец"). Наконец — last not least [2*] — его старый лиризм — как старое вино — сделался еще сильнее и благоуханнее, его „певучая сила" еще энергичнее,— вольней и задушевней» [78].

После 20 сентября 1905 г. Бальмонт вернулся в Москву и, как свидетельствует его жена, «страстно увлекся революционным движением» [79]. Бальмонт был захвачен оппозиционными антимонархическими настроениями, пусть не очень глубокими, но вполне искренними. Все свои дни теперь он проводил на улице, участвовал в митингах, в строительстве баррикад, в шествиях манифестантов. Во дворе университета полиция однажды хотела арестовать его, но студенты отбили своего оратора.

Не с Брюсовым, а с Горьким был Бальмонт в грозовые дни всеобщей политической стачки и начавшихся после похорон Баумана вооруженных столкновений на улицах Москвы. «Каждый день почти он заходил к А. М. Горькому,— пишет в своих воспоминаниях Е. А. Бальмонт,— часто сопровождал его в его походах по Москве. Был на Пресне, на Тверской, когда по этим улицам стали палить из пушек...» [80]

В октябре — ноябре 1905 г. Бальмонт написал ряд политических стихотворений «Поэт — рабочему», «Начистоту», «Земля и Воля», «Русскому рабочему» и др., увидевших свет на страницах легальной большевистской газеты «Новая жизнь» в Петербурге. Несколько обличительных стихотворений Бальмонта появилось в сатирических листках и журналах. В письме к Е. П. Пешковой из Москвы от 24 октября 1905 г., когда обстановка в городе была близка к взрыву, Горький процитировал полностью стихотворение Бальмонта «Рабочему русскому слава!», которое заканчивалось призывом:

Будем тверды, не сложим оружия мы
До свержения царской чумы! [81]

Почти все стихотворения Бальмонта, предназначенные для газеты «Новая жизнь» и для сатирического журнала «Жупел», прошли через руки Горького. Эти стихотворения читал В. И. Ленин, начавший сотрудничать в «Новой жизни» с 10 ноября 1905 г. и активно включившийся в работу редакции. «Когда Владимир Ильич приехал в Россию,— подтверждает Н. К. Крупская,— там уже выходила легальная ежедневная газета «Новая жизнь». Издателем была Мария Федоровна Андреева (жена Горького), редактором был поэт Минский, принимали участие: Горький, Леонид Андреев, Чириков, Бальмонт, Тэффи и др.» [82].

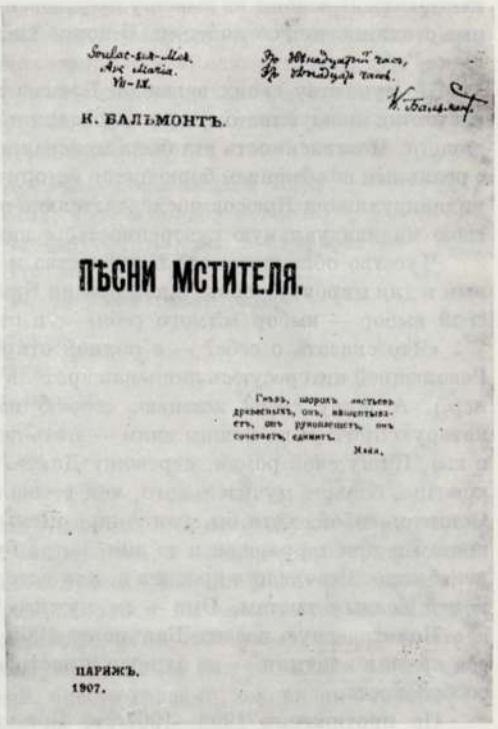
На страницах той же «Новой жизни» 16 ноября Горький резко ответил фельетонисту «Гейне из Тамбова» (П. И. Вейнбергу), который потешался в «Сыне отечества» над новой ролью Бальмонта, выступившего в качестве политического поэта рабочей газеты; Горький обрушился на современных «мещан» и «зрителей» революции, измеряющих все явления жизни «узкой и тесной меркой своего эгоизма»: «Невежественные, они не знают, что Бальмонт

---

* Название XIII книги эпиграмм Марциала *(лат.)*.
2* Последнее по месту, но не по значению *(англ.)*.

давно предал проклятию, облил ядом презрения их суетливую, бесцельную жизнь, полную трусости и лжи, прикрытую выцветшими словами, тоскливую жизнь полумертвых людей. Им невнятен чистый восторг поэта, наконец увидевшего смелую, бодрую армию строителей новой жизни, красивой и свободной» [83].

Двенадцать стихотворений Бальмонта, написанных в конце 1905 г., в дни кульминационных событий первой русской революции, были собраны в небольшую книжку «Стихотворения» (1906) и изданы Горьким в «Дешевой библиотеке» «Знания» огромным по тем временам тиражом, превышавшим 20 тысяч экземпляров. Эта в полном смысле слова антиправительственная книжка сразу после выхода в начале 1906 г. подверглась немедленной конфискации. Уже на положении политического эмигранта в Париже Бальмонт выпустил через год сборник призывных и сатирических стихотворений «Песни мстителя» (1907), совершенно нецензурный по русским условиям и запрещенный к обращению на родине. Силы Бальмонта — сатирика и политического певца были невелики, но его проклятья царю и душителям русской революции прозвучали громко и вовремя. В одном из своих «ювеналовых» стихотворений Бальмонт поднялся до точного исторического прогноза и предсказания, сбывшегося через двенадцать лет:


Soulac-sur-Mer.
Ave Maria.
VII-IX.

Это двенадцатый часъ,
Это двенадцать часовъ.

К. Бальмонтъ.

К. БАЛЬМОНТЪ.

ПѢСНИ МСТИТЕЛЯ.

Гнѣвъ, шорохъ листьевъ древесныхъ, онъ, нашептываетъ, онъ рукоплещетъ, онъ сочетаетъ, единитъ.

Маяк.

ПАРИЖЪ.
1907.

К. Д. БАЛЬМОНТ. ПЕСНИ МСТИТЕЛЯ. ПАРИЖ, 1907

Титульный лист с дарственной надписью: «Soulac-sur-Mer. Ave Maria. VII—IX. Это двенадцатый час, ‖ Это двенадцать часов. К. Бальмонт»

Библиотека СССР им. В. И. Ленина, Москва

Наш царь — Мукден, наш царь —
Цусима,
Наш царь — кровавое пятно,
Зловонье пороха и дыма,
В котором разуму — темно.

Наш царь — убожество слепое,
Тюрьма и кнут, подсуд, расстрел,
Царь-висельник, тем низкий вдвое,
Что обещал, но дать не смел.

Он трус, он чувствует с запинкой,
Но будет, час расплаты ждет.
Кто начал царствовать — Ходынкой,
Тот кончит — встав на эшафот.

(«Наш царь»)

К концу 1905 г. положение Бальмонта в Москве стало особенно опасным. В глазах властей он был связан с крайней революционной партией, ответственной за восстание, хотя практически эти связи сводились к литературному сотрудничеству с «Новой жизнью» и «знаньевской» группой Горького. Имя Бальмонта было внесено в список лиц, которым черносотенцы открыто угрожали физической расправой. Охранка готовила материалы для нового политического «дела», и после подавления в Москве Декабрьского вооруженного восстания арест Бальмонта, как и некоторых других лиц, причастных к антиправительственной пропаганде в печати, мог состояться со дня на день. В январе 1906 г. Бальмонт вместе с семьей срочно эмигрировал за границу, в Париж.

События революции 1905 г. развели Брюсова и Бальмонта дальше, чем когда-либо прежде. «Не скажу, чтобы наша революция не затронула меня,— писал по поводу 1905 г. сам Брюсов.— Конечно, затронула. Но я не мог выносить той обязательности восхищаться ею и негодовать на правительство, с какой обращались ко мне мои сотоварищи (кроме очень

немногих). Я вообще не выношу предрешенности суждений. И у меня выходили очень серьезные столкновения со многими. В конце концов, я прослыл правым, а у иных и "черносотенником"» [84].

По существу своих взглядов Брюсов в 1905 г. был, конечно, не «черносотенником», а поэтом-индивидуалистом, претендовавшим на полную духовную независимость от происходящего. Независимость эта была призрачной, и смысл ее неизбежно менялся в соответствии с реальным положением борющихся исторических сил. Логику политического и эстетического индивидуализма Брюсов последовательно отстаивал в «Весах», и он готов был пострадать за свою индивидуальную суверенность, с какой бы стороны на нее ни покушались.

Чувство общественного одиночества и сознание жертвенного стоицизма было характерным и для мировоззрения, и для поэзии Брюсова, и он тогда же, в ноябре 1905 г., подтвердил свой выбор — выбор «самого себя» — в столкновении с исторической неизбежностью.

«Что сказать о себе? — с полной откровенностью писал Брюсов А. А. Шестеркиной.— Революцией интересуюсь лишь как зритель (хотя и попал под казачьи пули в Гнездниковском пер.). А живу своей жизнью, сгораю на вечном костре. Печатаю новую книгу стихов, которую прочтут по нашим дням — пять-шесть человек (хотелось бы, чтобы в их числе были и вы). Пишу свой роман, перевожу Данте. От "Весов" и "Скорпиона" уклонился. В жизни, конечно, больше мучительного, чем веселого, но и, конечно, больше радости, чем уныния. Останусь собой, хотя бы, как Андре Шенье, мне суждено было взойти на гильотину. Буду поэтом и при терроре, и в те дни, когда будут разбивать музеи и жечь книги,— это будет неизбежно. Революция красива и, как историческое явление, величественна, но плохо жить в ней бедным поэтам. Они — не нужны» [85].

Политическую поэзию Бальмонта 1905 г., как и весь новый уклон его творчества, Брюсов принял в штыки — не за идеи и настроения, в них отраженные, а как эстетическую несообразность.

На протяжении 1905—1907 гг. Брюсов посвятил Бальмонту в журнале «Весы» ряд критических статей и рецензий, тон их становился все более жестким. В связи с новыми книгами Бальмонта — «Литургия красоты», «Злые чары» и «Жар-птица» — Брюсов впервые заговорил о «падении» таланта поэта.

«Высшей точкой, которой достиг Бальмонт в своем победном шествии,— утверждал Брюсов,— были "Горящие здания" (1899 г.). Это — вершины, уходящие в ясную лазурь, это — льдистые венцы, горящие золотом на рассвете и пламенем перед закатом. За ними раскинулось высокое и гордое плоскогорие, с широкими кругозорами и свежительным разреженным воздухом, залитое чистым неумолимым светом: книга "Будем как солнце" (1902 г.). Со следующего сборника — "Только любовь" (1903 г.) — начинается уже спуск вниз, становящийся более крутым в "Литургии красоты" (1905 г.) и почти обрывистый в "Злых чарах" (1906 г.). Еще дальше — следовало бесспорное падение, не в какие-либо горные провалы, но на топкую, илистую плоскость "Жар-птицы". На пути только маленькая площадка, поросшая благоухающими горными цветами, "Фейные сказки" (1905 г.), радует, успокаивает и обнадеживает» (VI, 265—266).

Положение эмигранта осложнило и затруднило участие Бальмонта в литературной жизни на родине. Новые репрессии, которые правительство обрушило на печать, дерзавшую поддерживать «свободу слова», поставили перед опальным поэтом вопрос — «не печатать ли свои, все возникающие книги в Париже, ввиду упорной наклонности нашего «конституционного» правительства опечатывать типографии»? (п. 115). Этот план, однако, почти лишил бы Бальмонта литературного заработка. И он сохранил, насколько это было возможно, свои связи с «Весами» и «Скорпионом», а также с редакцией журнала Н. П. Рябушинского «Золотое руно».

19 марта н. с. 1906 г. после долгого молчания Бальмонт послал Брюсову из Парижа вместо письма короткое стихотворение, которое заканчивалось призывом:

Где же ты? Душа измучилась,
Враждовать она соскучилась,
Нет цветов во мгле вражды.
Отзовись в минуту трудную,
Сказку вспомни изумрудную
Нашей, двойственной Звезды.

(п. 87)

Воспринимавший все разногласия в чисто литературном плане и пренебрегший резко изменившейся общественно-политической ситуацией, наступившей после насильственного подавления революции 1905 г., Брюсов ответил стихотворением «Равному», весь дух и весь тон которого напоминал об отзвучавшем бальмонтовском стихотворении «Соперники» (1902). Готовый к продолжению «турнира», Брюсов намеревался и в переменившихся обстоятельствах сохранить все условности прежней литературной игры.

Нет, не бойся слов враждебных,
Вольных вызовов к борьбе,
В гуле выкриков хвалебных,
В царство грез твоих волшебных,
Вдруг домчавшихся к тебе!

Хорошо, что в нашем мире
Есть, кого в борьбу вовлечь,
Что другой, как ты, в порфире,
Что нас двое на турнире,
Что на меч ответит меч!

Опусти свое забрало,
Ладь оружие свое:
Это — боя лишь начало,
Это только простучало
Затупленное копье!

(I, 541—542)

У Бальмонта были веские основания признать стихотворный ответ Брюсова «довольно нелюбезным» и напомнить ему о «безвоздушном пространстве», в котором даже самым воинственным соперникам никак не дано встретиться. «Опускать забрало? Мне ли, мне ли! — возражал Бальмонт.— Этого я не умею. Сколько раз собирался, пытался, ничего не выходит. Душно в забрале. Я так люблю вольность и беспечность. Если забочусь о чем — так это о создании новой беззаботности. Однако я весьма тоскую, и был бы рад услышать твой голос, и услышать горячую интонацию человека, который, блестя глазами, оживленно говорит — об Ассирии, так что она есть тут, совсем близко» (п. 117).

В переписке Брюсова и Бальмонта за 1906 г. возникают и прежние литературные темы — Бальмонт, в частности, высоко оценил переведенную Брюсовым книгу «Стихи о современности» из поэзии Верхарна, признав, что в брюсовском воссоздании «получился сильный, красивый, грозящий, интересный поэт» (п. 118). Признание характерное и подтверждающее, что мятежные общественные настроения Брюсова той поры были выражены в переводной книге, может быть, даже более откровенно и страстно, чем в собственных оригинальных стихах... А главный смысл диалога поэтов — возрастающее непонимание и вспыхивающая все сильней с каждым разом литературно-общественная вражда. «Приедешь ли сюда, в вольность оторванности? — спрашивал Бальмонт своего товарища, оставшегося при "Весах".— Или все будешь между изломанных и преломляющихся линий? Душно в России. Низко. Я надолго ушел опять в свои перламутровые раковины» (Там же).

Сочувственно отозвавшись о книжке Бальмонта «Фейные сказки», в которой были собраны беззаботные «детские песенки», Брюсов с полным пренебрежением написал в «Весах» о политических стихотворениях, выпущенных издательством «Знание». Не остановило Брюсова и то обстоятельство, что эта книжка «Стихотворений» в издании «Дешевой библиотеки» для народа была конфискована властями и литературный суд над ней был, по существу, судом над арестованным изданием.

«В какой же несчастный час пришло Бальмонту в голову, что он может быть певцом социальных и политических отношений, "гражданским певцом" современной России! — негодовал Брюсов.— Самый субъективный поэт, какого только знала история поэзии, захотел говорить от лица каких-то собирательных "мы", захотел кого-то судить с высоты каких-то неподвижных принципов! Всех истинно любящих творчество Бальмонта не могло не опечалить его появление на политической арене. И, действительно, неловкий и растерянный, он оказался только жалким на этом несвойственном ему поприще и, чувствуя это, старался скрыть свое смущение громкостью своего крика... Трехкопеечная книжка, изданная товариществом "Знание", производит впечатление тягостное. Поэзии здесь нет и на грош. В лучших местах — умелая риторика, гладкий размер, в худших нет даже этого. Стих не только не обличает знакомого нам виртуоза формы, но большею частью вял и незвучен; рифмы бледны и неприятливы; образы — банальны» [86].

С точки зрения эстетической Брюсов имел серьезные основания для критики последних «гражданских» стихов Бальмонта, действительно оставляющих невыгодное для автора впе-

чатление, будто голос его был сорван от крика или негодования. Особая задача этих стихотворений и чрезвычайные поводы, их вызвавшие, Брюсова не занимали. Блок в этом смысле проявил куда большую чуткость к тому, что связывало поэзию с жизнью. «Новый Бальмонт с его плохо оцененными рабочими песнями и с песнями, посвященными „только Руси",— отмечал он в статье "О лирике",— стал писать более медленным и более простым стихом. Все накопленные богатства стиха остались при нем, но вместе с тем критика не почуяла основной перемены, которая сделала Бальмонта по-своему простым (. . .) И все проще становится он, переживая такой острый кризис, который может переживать только душа, неподдельно и вечно юная» [87].

Публичная полемика Брюсова с Бальмонтом в «Весах» отнюдь не ограничилась вопросами чистой эстетики и чистой поэзии. Не вовремя затеял Брюсов новый «турнир», и его «затупленное копье» простучало совсем не в тот щит и совсем не кстати. После разгрома московского вооруженного восстания, потопленного в крови его участников, и после волны репрессий, обрушенных на оппозиционную печать, критика поэта, вынужденного покинуть страну по политическим мотивам, была не только недружественной по отношению к Бальмонту лично, но и достаточно бестактной с общественной точки зрения.

На этот раз Бальмонт имел все основания не только обидеться, но и вознегодовать. Он послал Брюсову открытку с изображением «Слепых» Брейгеля, на которой было написано его стихотворение «Один слепец ведет другого...». В эмигрантском журнале «Красное знамя» Бальмонт посвятил это стихотворение Брюсову в качестве ответа на его выступление в «Весах». Письма Бальмонта и Брюсова друг другу в декабре 1906 г. подняли стену непонимания еще выше.

Со слов общих знакомых, вернувшихся из Парижа, Брюсов подтвердил в письме к З. Н. Гиппиус, что «Бальмонт прямо озлоблен и против "Весов", и против меня. Верю, потому что прислал он мне такое бранное письмо, каких я в жизнь не получал. Он пишет между прочим: "Если ты забыл, что имя К. Бальмонта — священное имя в литературе, то я беру на себя малый труд напомнить тебе это. Моя новая книга ("Жар-Птица") — есть событие в литературе. До сих пор не существовало славянского поэтического самосознания. С появлением моей книги оно возникло. Если ты не окончательно еще утратил способность понимать поэзию, ты поймешь это" и т. д. Разумеется, я отвечал ему "в тон". Думаю, что этот ответ, а также статья о пользе брома в № 12 "Весов" совсем отклонит Бальмонта от "Скорпиона". Я не жалею, ибо в литературе перепевами и пересказами самого себя он стал нестерпим» [88].

В начале 1907 г. постановлением Комитета по делам печати была конфискована и сожжена книга Бальмонта «Злые чары», изданная редакцией журнала «Золотое руно». Автор был обвинен в богохульстве за стихотворения «Будь проклят бог!» и «Пир у Сатаны». Брюсов, со своей стороны, доказывал в «Весах», что «основной недостаток "Злых чар" — отсутствие свежести вдохновения. Бальмонт повторяет сам себя, свои образы, свои размеры, свои приемы, свои мысли». Удачными в новой книге он признал лишь несколько стихотворений — «Талисманы», «Смена чар», «Северное взморье», «Мировое древо», «Тесный гроб», «Отсветы», «Заря-заряница», которые, по его мнению, доказывали, что «певучая сила» Бальмонта еще не иссякла в нем окончательно. Свой отзыв Брюсов закончил примирительными словами: «Мы, по-видимому, переживаем не закат его дарования, а только ущерб. И книга, в которой есть прекрасные страницы, западающие в душу, должна быть признана желанной книгой» [89].

Письма Брюсова и Бальмонта за 1907 г. полны взаимных упреков и тщетного стремления переубедить друг друга. Бальмонт доказывал Брюсову, что тот «гибнет» для поэзии, подчинившись сухому «педагогическому рационализму» (п. 126). Брюсов же считал, что истинное взаимопонимание возможно лишь на основе нового опыта и тех внутренних перемен, которые произошли в жизни и поэзии каждого.

После многих лет дружбы Брюсов первым перенес свои разногласия с Бальмонтом на страницы печати, в свои отзывы и критические статьи. Бальмонт начал поступать так же, хотя в качестве критика не мог состязаться с Брюсовым.

В последнем номере «Золотого руна» за 1907 г. Бальмонт напечатал заметку «Наше литературное сегодня», где заявил, что поэтическое творчество находится вообще «вне способности рассуждающей». Критику как таковую с этой точки зрения он считал «нонсенсом» и доказывал, что критик всегда есть или «разбойничающий журналист», или «подслеповатый воспитатель». Первое определение относилось к Андрею Белому, второе явно метило в Брюсова. Когда речь идет о творчестве, считал Бальмонт, можно говорить «лишь о своем впечат-

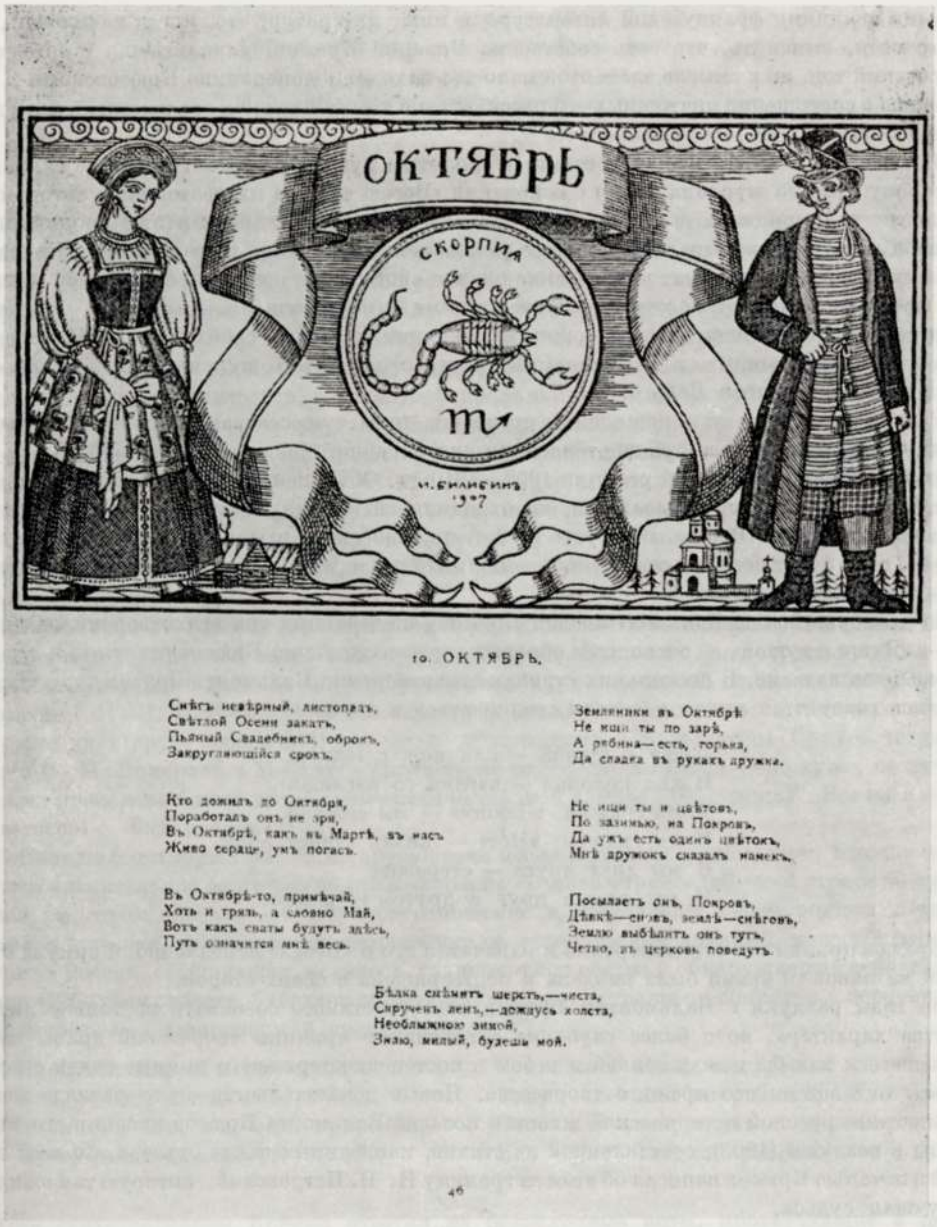


РИСУНОК А. Я. БИЛИБИНА К СТИХОТВОРЕНИЮ К. Д. БАЛЬМОНТА «ОКТЯБРЬ»
«Золотое руно», 1907, № 11—12

лении, а не вязать и разрешать». В качестве «впечатлений» Бальмонт и предложил свои заметки о русской прозе и поэзии вообще, о творчестве Брюсова в частности: «Я не высокого мнения и о современных русских поэтах,— писал Бальмонт.— Однако я все чего-то от них жду, и, кроме того, уже многие дали что-нибудь, продолжают давать: Брюсов, Сологуб, Вячеслав Иванов, Балтрушайтис, Блок, на минутку Кузмин, на полминутки Городецкий зовут, влекут и притягивают. Брюсов, со своим узкоограниченным, острым талантом, дал с десяток замечательных вещей и много интересных. Его "Крысолов", "Адам и Ева", "Путь в Дамаск", "Крылья, крылья..." сияют неувядающей красотой. Многие его песни о городе дают ощущение стен, улиц и домов, и выдыханий домов, внешних и внутренних. Но он под таким сильным впечатлением Уолта Уитмена, Верхарна, Верлена, Уэльса, он так весь проникся многораз-

личными веяниями французской литературы и иных литератур, что, когда начинаешь, для самого себя, выяснять, что есть собственно Валерий Брюсов, улавливаешь несомненный Брюсовский тон, но в смысле элементов мало что находишь доподлинно Брюсовского. Я уже не говорю о совершенно ничтожных его рассказах и о компилятивном его романе, где он даже и Мережковского не может досягнуть» [90].

В нередких стычках между «Весами» и «Золотым руном» Бальмонт все чаще склонялся на сторону второго журнала. Хотя с основания «Весов» он был их постоянным автором, а с Брюсовым и Поляковым его связывали близкие отношения, характер этого журнального органа «Скорпиона» вызывал все большее раздражение и критику с его стороны. Поводов к тому было много. Во-первых, критические оценки своих собственных произведений и книг в этом журнале Бальмонт не считал справедливыми и корректными. Во-вторых, как автор, он терпел от «Весов» нередкие задержки публикации и оплаты своих трудов. Наконец, в-третьих, он не мог мириться с групповыми пристрастиями этого журнала и особенно возмущался статьями Андрея Белого.

Разлад в «Весах», усилившийся в последние годы существования журнала, отражал общий кризис символизма и общие тенденции литературного распада, характерного для эпохи общественно-политической реакции 1908—1910 гг. Объяснения Брюсова, переживавшего изнутри все тяготы журнальных дел, не охладили гнева Бальмонта и его накопившегося раздражения против «Весов». В августе 1909 г. он пообещал Брюсову напасть на них с «дрекольем», если будет досуг, и очень скоро исполнил свое намерение, заявив в печати о полном разрыве с этим журналом [91].

11 декабря 1908 г. Бальмонт послал Брюсову из Франции три стихотворения. Одно из них — «Душа с душой» — очевидным образом адресовано лично Брюсову, хотя имя его при этом не было названо. В нескольких строках стихотворения Бальмонт выразил то, о чем они пытались говорить и никак не могли столковаться в письмах:

Душа с душой — как нож с ножом,
И два колодца — взгляд со взглядом.
Коль скажем: «Любим» — мы солжем,
Коль скажем: «Нет» — жизнь станет адом.
И мы друг друга — стережем
И мы всегда друг с другом — рядом.

Брюсов принял это стихотворение и напечатал его в «Весах» немедленно. Формула отношений на какое-то время была найдена и подтверждена с обеих сторон.

За годы разлуки с Бальмонтом Брюсов стал отчетливее сознавать не только личные свойства характера, но и более глубокие объективные причины творческой драмы поэта, оказавшегося как бы между землей и небом и постепенно терявшего прямые связи с источниками, питавшими его прежнее творчество. Новые доказательства этого разлада между реальностями русской исторической жизни и поэзией Бальмонта Брюсов нашел в его книге «Птицы в воздухе» (1908), составленной из стихов, написанных после отъезда. Со всей прямотой и печалью Брюсов написал об этом за границу Н. И. Петровской, которую там ожидала не лучшая судьба.

«По глубокому моему убеждению,— писал Брюсов,— жить русскому человеку, а особенно русскому писателю, возможно только в России. Россия нам нужна как наша стихия: вне ее мы временно дышим даже бодрее, словно в атмосфере, где более кислороду, но потом задыхаемся и жаждем вернуться в родной воздух. Вспомни последние годы Тургенева и его томление вне России. Прочти последнюю книгу Бальмонта (которую я тебе посылаю) и особенно его поэму "В белой стране". Ты увидишь, поймешь, что значит быть *без* России, без той России, которую все мы клянем и клеймим последними словами» [92].

Бальмонт, со своей стороны, не менее остро переживал каждый новый акт этой вынужденной и затянувшейся драмы, и осознание внутренних утрат и потерь окрашивает некоторые его лучшие элегические стихотворения той поры.

Аллеи рек. Зеркальности озер.
Хрустальный ключ. Безгласные затоны.
Живая сказка — страшный темный бор.
Его вершин немолкнущие звоны.

Воздушность ив. Цветы родных полей.
Апрельский сон с его улыбкой маю.
Я целый мир прошел в мельканье дней,
Но лучше вас я ничего не знаю.

(«Родное») [23]

7

Россия конца 900-х годов, поры глубокого общественного упадка, как бы двоилась в сознании Бальмонта: он тосковал по своей «белой стране» и негодовал на апатию и «безмолвие», наступившие вместе с политической реакцией. «Как там душно у вас, Валерий,— писал он Брюсову из Флоренции в декабре 1908 г.— (. . .) То, что сейчас кругом в Москве и во всей литературной России, ведь хуже гораздо, многократно, даже той низости, которая была и против которой мы так смело боролись, когда мы оба только начинали наш путь. Я не вижу исхода из этой разлагающейся, но живучей профанации» (п. 135).

Несмотря на всю остроту литературных разногласий с Брюсовым, Бальмонт не давал окончательно распасться духовной связи, установившейся с первых лет знакомства. Обреченный на одиночество за рубежом, он продолжал держаться за эту связь — одну из немногих реальных нитей, соединявших его с современной литературной Россией. В Испании на Балеарских островах он однажды неотступно думал о Брюсове — из отдельных строк, возникших тогда, Бальмонт записал потом по памяти стихотворение «Мы два раба в одной каменоломне...» (п. 141).

Осенью 1909 г. Брюсов отозвался на неоднократные приглашения Бальмонта и во время приезда во Францию встретился с ним в Париже. Бальмонт для встречи приехал специально из Бретани. Виделись они на протяжении двух недель с 7 по 19 октября. Брюсов был вместе с Н. И. Петровской, и это отчасти помешало общению поэтов, которым многое надо было друг другу сказать. О характере этой встречи с Бальмонтом Брюсов тогда же написал И. М. Брюсовой в Москву: «Читал очень много своих стихов — не хуже, не лучше, чем писал прежде, но много лучше, чем стихи печальной памяти "Жар-птицы". Все же я очень рад встрече с Бальмонтом» [24].

В Париже 8 октября 1909 г., на другой день после встречи с Бальмонтом, Брюсов написал многозначительное элегическое стихотворение «В моей стране» («В моей стране — покой осенний...»), проясняющее его сложное отношение к настоящему своей родины. Брюсов выразил в нем свое обобщенное представление об историческом моменте, который переживала тогда Россия, свершившая, казалось, главные «свои обеты» и обнаружившая себя совсем недавно «избытком страсти, буйством сил!». Будущее своей страны он сопрягал с переменами, неизбежными, как сменяющиеся времена года.

Насыться миром и свободой,
Как раньше делом и борьбой,—
И зимний сон, как всей природой,
Пусть долго властвует тобой!

С лицом и ясным и суровым
Удары снежных вихрей встреть,
Чтоб иль воскреснуть с майским зовом,
Иль в неге сладкой умереть!

(II, 26)

Этим стихотворением Брюсов ответил на безысходные ноты, прозвучавшие в поэме Бальмонта «В белой стране», остановившей его внимание при чтении книги «Птицы в воздухе». А эпиграфом к циклу «Под мертвой луною», который открывался стихотворением «В моей стране», Брюсов взял строку из другого произведения Бальмонта 1905 г.— «Осень» (2. «На кладбище старом пустынном, где я схоронил все надежды...»). Общение с Бальмонтом, как и прежде, высекало новые искры брюсовской поэзии...

В Париже Брюсов написал новое послание «К. Д. Бальмонту» («Как прежде, мы вдвоем, в ночном кафе. За входом...») — очередной портрет в форме сонета, запечатлевший перемены лица и характера друга за время после разлуки. Неизданная редакция этого сонета начиналась строфой:

Разлуки срок свершен; упали с душ оковы.
В притоне, где Париж танцует свой канкан,
Гляжу на облик твой и близкий мне и новый,
Считаю горестно рубцы от свежих ран.

(II, 415)

Послание 1909 г. представляет Бальмонта в облике сурового морехода, бесстрашного Магеллана, устремившегося через океаны к неведомым странам и неоткрытым материкам.

Я разгадать хочу, в лучах какой лазури,
Вдали от наших стран, искал ты берегов
Погибших Атлантид и призрачных Лемурий,

Какие тайны спят во тьме твоих зрачков...
Но чтобы выразить, что в этом лике ново,
Ни ты, ни я, никто еще не знает слова!

(II, 83)

Концовка сонета в неизданной его редакции была более острой и несла другую мысль. Вместо «неразгаданности» нового «лика» Бальмонта Брюсов писал о его скольжении «мимо жизни», о взгляде, устремленном лишь в глубь самого себя.

Я разгадать хочу, тебя какие бури
Качали в дни, когда искал ты берегов
Погибших Атлантид и призрачных Лемурий,
Какие тайны спят во тьме твоих зрачков,
Но прямо мне в глаза глядя неумолимо,
Ты смотришь сквозь меня, но мимо жизни! мимо!

(II, 415)

Сам Бальмонт, видимо, не вполне был удовлетворен парижской встречей с Брюсовым, состоявшейся после трехлетнего перерыва. «Валерий, мы свиделись с тобой, но не увиделись,— писал он позже.— Я думаю, что еще я сколько-нибудь увидал тебя в это свидание, а ты меня — почти нет. Причины? Во-первых, я был в растерянности. Ведь я насильственно вырвал себя из морской своей идиллии, из творческой тишины, для того, чтоб не потерять радость встречи с тобой. Для меня никогда насильственный переход от летней приморской тишины к Городу не проходил безнаказанно. Это был я, и это не был я.

А потом... О, всегдашнее препятствие всех бесед, всех друзей. Фемина. Женщина. Я очень люблю Нину Ив(ановну). Искренно. Но правда, без нее лучше с тобой видаться, думаю я(...) Но я видел тебя. Видел глаза твои, слышал голос твой, я рад, мне хорошо, я снова верю в тебя невозмутимо и целиком. Ведь и у тебя ничего-ничего нет против меня, правда?» (п. 147).

Личное свидание смягчило прежние разногласия и обиды и на какое-то время опять сблизило старых друзей. Обосновавшись с семьей в Париже, Бальмонт в 1909—1912 гг. очень много путешествовал. Он побывал в Англии, Бельгии, Испании, на Балеарских островах, в Италии, совершил специальную поездку в Египет, необыкновенно его увлекшую. В путешествиях Бальмонт вел жизнь полуфантастическую: он набирал с собой груды книг, и перемещения в пространстве уже переставали восприниматься им, как существенная перемена реальности. Он жил в своем особом воображаемом мире, к которому все окружающее имело лишь косвенное и переменное отношение. Он мог путешествовать по древнему Египту, не выходя из дверей своего дома в парижском квартале Пасси, по одним только книгам и описаниям, причем с тем же энтузиазмом, с каким осматривал пирамиды фараонов или сокровища Среднего царства в самом Каире. Брюсов не зря называл Бальмонта «искателем Атлантиды» — несуществующие материки привлекали его в гораздо большей степени, чем реальные. Но чем дальше забирался Бальмонт в своих странствиях, тем настоятельнее ощущал он потребность получать хоть изредка дружеский отклик из оставленной им Москвы.

Для Брюсова наступившие времена оказались тяжелыми во всех отношениях. В 1909—1912 гг. он пережил одно крушение за другим. Рушились его личные привязанности, гибли созданные его волей и энергией «Весы» и «Скорпион». Острая тоска после отъезда из России Н. И. Петровской погнали и его за границу, где он пробыл более трех месяцев. В письме к Вяч. Иванову от 18 января 1910 г. Брюсов признался, что, вернувшись в Москву, к своим книгам и своим бумагам, он едва ли не насильственно принудил себя жить и работать.

«Этому внутреннему неустройству,— писал Брюсов,— соответствует вполне неустройство внешнее. Я говорю о нашей, русской литературной жизни. Сколько я могу судить, в ней господствует полный распад. Былые союзы и кружки все разложились. Былые руководящие

идеи изжиты,— новых нет. Но в то время, как мы, которые, так сказать, в своей груди выносили идеи недавнего прошлого с правом говорим себе и другим: "мы хотим иного",— кругом толпа новоприбывших незнакомцев, ничего не переживших, ничего не выносивших, пляшет каннибальский танец над прежними нашими идеалами и плюет на них. И это отвратительно (. . .)

Я думаю, что в этой общественной дезорганизации достаточно повинны и мы, т. е. мы с тобой. Ибо больше обвинить некого, за полной духовной безответственностью Блока, за почти преступной зыбкостью Белого и за горестным падением Бальмонта (с которым я провел несколько недель в Париже). Что должно делать мне, я ищу, я стараюсь понять и надеюсь услышать от тебя» [95].

С 1910 г., после прекращения «Весов», Брюсов начал редактировать литературный отдел «Русской мысли», заключив шаткий союз с П. Б. Струве, одним из ведущих политических деятелей русского либерализма, принявшего на вооружение идеологию и философию «веховства». Бальмонт и прежде печатался в «Русской мысли», журнале солидном и респектабельном; все свои связи с этим журналом он теперь осуществлял через Брюсова.

В 1910 г. Бальмонт перепечатал в своем очерковом сборнике «Морское свечение» статью «Наше литературное сегодня» , в которой крайне неодобрительно отозвался о романе Брюсова «Огненный ангел». И хотя Бальмонт смягчил оценку по сравнению с журнальной редакцией, Брюсов не оставил без внимания этот укол.

Со своей стороны, Брюсов подготовил в 1911 г. к печати сборник статей «Далекие и близкие», в который включил четыре статьи о Бальмонте, напечатанные в «Мире искусства» и «Весах» на протяжении 1903—1909 гг. В послесловии к этому детальному критическому обзору поэзии Бальмонта Брюсов заметил: «Почти нет сомнения, что облик Бальмонта, как поэта, определился вполне. В ряде собранных здесь статей и библиографических заметок, я пытался охарактеризовать различные грани его поэзии, определить, в чем ее сила и каковы ее главные недостатки. Писатель высококультурный, с большим запасом знаний и впечатлений, с неутомимой жаждой учиться и жить, Бальмонт может еще дать нам не мало книг,— в частности, сборников стихов,— в которых будет много интересного и красивого. Но вряд ли он что-нибудь прибавит к тому вкладу, который сделал он в сокровищницу русской поэзии» (VI, 281).

Брюсов подчеркнул в послесловии мысль, что Бальмонт, конечно, «уже сказал свое последнее слово» (Там же). По отношению к живому и действующему поэту подобное заключение было откровенной резкостью, и Бальмонт не скрыл своей обиды.

Получив в конце 1911 г. от Брюсова сборник «Далекие и близкие», Бальмонт неприязненно охарактеризовал эту книгу как преждевременные мемуары, в которой он не нашел для себя «ничего нового» (п. 163).

По инициативе Вяч. Иванова «Неофилологическое общество» при Петербургском университете решило публично отметить в марте 1912 г. 25-летие литературной деятельности Бальмонта. Торжественное заседание в честь поэта, остававшегося в политической эмиграции, должно было стать и стало заметным общественным событием литературной жизни Петербурга. На этом заседании Вяч. Иванов прочитал 11 марта 1912 г. доклад «Лиризм Бальмонта». Как представитель юбилейного комитета и фактический организатор чествования, Вяч. Иванов приглашал и Брюсова включиться в это дело, желая, чтобы «его осуществление было на высоте замысла», и полагая, что отсутствие Брюсова «создаст незаменимый, всеми остро ощутимый пробел» [96].

Сославшись на всегдашнюю занятость, Брюсов все-таки уклонился от прямого участия в «празднике Бальмонта» — причины для этого, вероятно, были не только внешние, но и внутренние. «Десятки разнообразнейших дел и работ не позволяют мне выехать из Москвы— это первое,— отвечал на приглашение Брюсов.— Второе то, что простое мое "присутствие" не будет иметь значения. Приготовить какую-нибудь дельную, нужную слушателям речь я не мог. Выступать же с пустыми, приветственными словами — я не хочу. В конце концов мне приходится удовлетвориться присланной телеграммой» [97].

Почти целый год, совпавший с 25-летием его литературной деятельности, сам Бальмонт провел в кругосветном путешествии, отплыв 1 февраля 1912 г. из Лондона на корабле «Athenic» через Канарские острова на юг Африки и далее на Тасманию, Австралию, Новую Зеландию, Полинезию, Цейлон, Индию. Изредка присылал он Брюсову письма и открытки из самых отдаленных и экзотических мест своего нескончаемого маршрута.

Знакомый укор Брюсову прозвучал в стихотворном послании «Ему» (1912), хотя реальный адресат этого стихотворения при публикации в «Северных записках» (1913. № 1) был оставлен безымянным:

Тебя любил, тебя люблю я,
Мой брат давнишний,
Мой враг с личиной поцелуя
И с ложью лишней.

Для ока сердца четко зримо
Все то, что тайна.
Иди. Вражда проходит мимо.
Вражда случайна.

В связи с переизданием конфискованного сборника Бальмонта «Злые чары» в составе Полного собрания сочинений (М.: Скорпион, 1911. Т. 6), против него в России было возбуждено судебное дело. Возмущенный Бальмонт рвался приехать на суд, хотя, как свидетельствует Е. А. Бальмонт, он был предупрежден, что «его могут арестовать в Москве или на границе, и совсем не за явно запрещенную книгу "Злые чары", а за "Песни мстителя", книгу, ввоз которой в Россию карался каторгой» [98].

Весной 1913 г., не считаясь с возможными репрессиями, Бальмонт вернулся в Россию; тут он попал под амнистию по случаю 300-летия дома Романовых, и судебное преследование против него было прекращено. В начале мая в Москве Бальмонту была устроена торжественная встреча и шумные литературные чествования. Брюсов на этот раз принял в них деятельное участие. Однако, как уже бывало, оказавшись рядом, друзья снова ожесточились друг против друга.

Летом 1913 г. Бальмонт напечатал две резкие статьи против Брюсова — «Восковые фигурки» (в связи с выходом второй книги его рассказов и драматических сцен «Ночи и дни») и «Забывший себя» (по поводу начатого издательством «Сирин» Полного собрания сочинений и переводов Брюсова и его «Библиографии», выпущенной издательством «Скорпион»). Характер предпринятого Брюсовым издания побудил Бальмонта к ожесточенной личной атаке: «Валерий Брюсов полагает, что он академик и что он уже помер. Он издает поэтому академическое посмертное собрание своих сочинений с примечаниями, вариантами, точными датами и трогательно-подробным сборником библиографических указаний, что, где, когда напечатано, где какой стишок впервые увидел свет, где какая заметка в три строки с половиной обогатила русскую литературу. Помечены даже шаржи, карикатуры на Брюсова, помещенные в том или ином юмористическом листке. Это, как если бы в фамильную горку, рядом с хрусталями и разными раритетами помещены не только ордена тщеславного деятеля, дослужившегося до чина действительного статского советника, но и стоптанные его башмачки той эпохи, когда этот заслуженный человек еще бегал в коротких штанишках, и эпох дальнейших.

Брюсов глубоко заблуждается. Он еще не помер, хотя его способ прощаться с живыми свидетелями своих истинных переживаний — с лирическими стихами юных его дней,— его способ, переиздавая их, забивать их в гроб и добивать их вариантами и примечаниями может заставить опасаться,— хочу думать, опасаться напрасно,— что Валерий Брюсов, как лирический поэт, близок к смерти.

На самом деле Валерий Брюсов есть поэт лирический. И сколько бы он ни писал критических статей и заметок, где он, вместо выяснения литературного лика тех, о ком он говорит, лишь произвольно подгоняет литературные факты под свою собственную мерку, так что эта критика не столько есть критика, сколько памфлет,— и несмотря на то, что он упорствует на сочинении длинных-предлинных исторических романов,— он есть лирик, и лишь как таковой имеет право на серьезное внимание.

В лирике он является не памфлетистом и не стилизатором, т. е. компилятором-имитатором, а создал нечто свое, определенное, интересное, иногда сильное. Те стихотворения его, в которых он живописует изгибы настроений, душевную разорванность, вечерние состояния души одинокой или ночные настроения души, глядящей прямо в очи разврату, полны своеобразной прелести, и в этом Брюсов силен. Не стихом как стихом он силен, ибо стих его вялый, слишком часто бесцветный и всегда лишенный музыкальности. Он силен в подобных стихах прямотой своей, правдой разоблачения, безбоязненностью сочетаний и своеобразием в подборе подробностей.

(. . .) Брюсову всего сорок лет — это точка зенита. Это та творческая пора, когда в нас находятся в гармонической равноценности волевая сила чувства и охлаждающая сила разума. В этом ли возрасте не развернуться, на целый еще ряд творческих лет, всей зиждитель-

ности того, кто хочет творить. И приличествует ли, в каком бы то ни было возрасте, быть исказителем поэтических дневников своей юности и делопроизводителем собственной своей славы» [99].

Бальмонт использовал нападение на Брюсова, чтобы подтвердить и развить свой давний тезис об «одномоментности» лирического стихотворения, исключающей всякую авторскую правку с целью улучшения текста. Любой оттенок мысли поэта, считал Бальмонт, может быть выражен только отдельным и самостоятельным стихотворением. Брюсов придерживался совершенно иной точки зрения на этот счет и тогда же ответил Бальмонту статьей «Право на работу».

«И вовсе не для защиты своих стихов,— писал Брюсов,— но ради интересов всей русской поэзии и ради молодых поэтов, которые могут поверить Бальмонту на слово, я считаю своим долгом против его категорического утверждения столь же категорически протестовать. Бальмонт предлагает всем поэтам быть импровизаторами; пример Гете и Пушкина, напротив, показывает нам, что великие поэты не стыдились *работать* над своими стихами, иногда возвращаясь к написанному через много лет и вновь совершенствуя его (. . .) Если сам Бальмонт к такой работе не способен, об этом можно лишь жалеть, вспоминая, как часто даже лучшие его создания бывают испорчены неряшливыми, несовершенными стихами» (VI, 407).

Брюсов и Бальмонт опять отдалились друг от друга, на этот раз надолго.

В годы первой мировой войны Брюсов привлек Бальмонта как переводчика для антологии «Поэзия Армении», где он хотел соединить все близкие себе имена современных русских поэтов.

В революционных событиях 1917 г., на исторических поворотах от Февраля к Октябрю Брюсов нашел в себе мужество остаться поэтом, человеком и гражданином, который «мыслит, идет вперед, иное из своего прошлого осуждает» (II, 446). Сложная общественно-политическая эволюция Брюсова завершилась признанием идей ленинизма и многосторонним сотрудничеством с Советской властью.

Другим был итог Бальмонта. При всей ненависти к царизму и полицейским порядкам старой самодержавной России, отличавшей умонастроения Бальмонта в предоктябрьскую эпоху, поэт остался чужд политическим переменам. Октябрьскую социалистическую революцию он не понял и не принял. В 1920 г., получив разрешение Советского правительства, Бальмонт выехал за границу и не вернулся. Дальнейшая его судьба сложилась тяжело: последние двадцать с лишним лет жизни он провел в эмиграции, скитался, нуждался, горько переживал свой отрыв от России.

Последнее среди известных нам писем Брюсова к Бальмонту датировано 24 января 1918 г. Написано оно в первую послереволюционную зиму, когда Москва застывала от холода, голода и разрухи. Литературная, поэтическая жизнь тем не менее продолжалась, и по городу были даже расклеены афиши о публичных чтениях Бальмонта.

На втором году революции в журнале «Москва» Брюсов и Бальмонт снова и теперь уже в последний раз обратились со стихами друг к другу. Первым выступил Брюсов, напечатавший рядом два стихотворения: «К. Д. Бальмонту 1919 года» и «К себе 1919 года». Эта параллель сама по себе многозначительна. Стихотворение к Бальмонту выдержано в духе знаменитого брюсовского послания 1902 г. («Вечно вольный, вечно юный...»). Но если прежнее послание молодых лет звучало в повелительной форме и в будущем времени, то обращение 1919 г. заключено в форму прошедшего времени:

Ты нашел свой путь к лазури,
Небом радостно вздохнул,—
Ведал громы, видел бури,
В вихрях вьющихся тонул;
Славой солнца опьянялся,
Лунной магией дышал,
Всех пленял и всем пленялся,
С мировой душой дрожал;

И дождем с высот небесных,
Долгой молнией горев,
В строфах жгучих и чудесных
Ты спадал на новый сев!

Брюсов дорисовал портрет Бальмонта-поэта, не предполагая возможности новых изменений хорошо знакомого лица. Это похвала прошлому, итог былому. Значение поэзии

МОГИЛА К. Д. БАЛЬМОНТА И Е. К. ЦВЕТКОВСКОЙ-БАЛЬМОНТ
Фотография. Нуази Де Гранд. 1960-е годы
Собрание Н. К. Бруни, Москва

Бальмонта для будущего Брюсов сознавал теперь только в посеве, в «возрожденьи вешних трав», которые зеленеют от семян прошедшего лета.

Пусть погасло пламя в небе,
Под землей огонь твой жив...[100]

Свой собственный поэтический путь рядом с Бальмонтом Брюсов оценил в 1919 г. более строго, с достоинством, но без преувеличений.

Опять — не мало перекрестков,
И перепутий, и путей...
Идя, я хоронил подростков,
В могилу провожал детей;
А сколько сверстников оставил
В степях, в лесах, в теснинах скал,
И смельчаков погибших славил,
И новых спутников искал! [101]

В обращении Брюсова к себе после революции звучат и ноты усталости, и сознание близкого конца, и мужественный отказ от соблазна ускорить «последний срок».

Ответ Бальмонта Валерию Брюсову также заключает в себе некоторую итоговую оценку пройденного и пережитого. В свое послание Бальмонт ввел формулы десятилетней давности из брюсовского стихотворения 1909 г. «Соблазнителю» (II, 19): «И стало в мире нас лишь двое: Твой пленник — я, и ты — мой бог!». Теперь в ответе Бальмонта те же самые

местоимения — «я» и «ты» — поменялись местами, и в этих переменах, в отношениях подвижной связи между ними осмыслено их общее прошлое.

В те дни, когда мы были двое,
Лишь ты и я, лишь я и ты,
Светило небо голубое
Первопричастьем красоты.

Все мироздание живое
Вело нас в тайну бытия,
И было в мире только двое:
Лишь я и ты, лишь ты и я.

В пережитом для Бальмонта открылись «две силы», постоянно боровшиеся между собой,— сила дружеского согласия, гармонического единения двух душ и враждебная им сила окружающего множества — «разрывный хохот», «звериный крик», призраки победы и символы поражения, которые остаются где-то в «изжитой были». Две души, воплощенные в первом и втором лице, проходят через испытания, чтобы через временное, низменное, изжитое вернуться к высшему и вечному.

Две силы бьются в равном бое,
Орел летит, язвит змея,
И падаем мы в вечность двое:
Лишь я и ты, лишь ты и я [102].

Реальная история дружбы-вражды Брюсова и Бальмонта осмыслена и «преображена» в последнем бальмонтовском послании по всем канонам символической поэзии начала XX в.

Над «загадкой» Бальмонта Брюсов размышлял до последних лет своей жизни. После 1921 г. он несколько раз принимался за статью «Что же такое Бальмонт?», в которой собирался выяснить для себя тайну его былого влияния. «Сейчас для меня стихи Бальмонта «остывшая зола» Тютчева,— писал Брюсов,— и почти не верится, что некогда они горели, и светились, и жглись» (VI, 483).

Чтобы вполне удостовериться в сказанном, надо было бы заново прожить целую жизнь.

В настоящую переписку включены 144 письма; из них 26 писем Брюсова и 118 писем Бальмонта.

В архиве Брюсова сохранилось 125 писем, открыток и записок Бальмонта 1894—1916 гг. К некоторым письмам приложены списки стихотворений, есть несколько писем в стихах. Фонд бальмонтовских писем в архиве Брюсова разделен на две части: 73 единицы хранятся в *ЦГАЛИ* (Ф. 56. Оп. 3. Ед. хр. 6), 52 единицы в Отделе рукописей *ГБЛ* им. В. И. Ленина (Ф. 386. Карт. 76. Ед. хр. 1—2—3).

Многие письма Бальмонта были присланы Брюсову из-за рубежа, из Англии, Франции, Швейцарии, Мексики и других стран — эти письма имеют соответственно двойную дату — по новому и по старому стилю. Все письма, написанные в России, датируются по старому стилю.

Как уже говорилось выше, беловые тексты писем Брюсова к Бальмонту не сохранились, они пропали вместе с другими документами архива Бальмонта за рубежом (см. наст. ст., прим. 3). В архиве Брюсова остались черновики его писем к Бальмонту — основная их часть на отдельных листах (наиболее законченные по тексту); некоторые письма были вписаны Брюсовым в его дневники 1890-х годов. И наконец, особая трудночитаемая часть эпистолярных черновиков и набросков осталась в рабочих тетрадях Брюсова, потребовавших специальной расшифровки. Эти эпистолярные наброски брюсовских писем к Бальмонту (общее их число 26) публикуются и рассматриваются в работе С. И. Гиндина «Письма из рабочих тетрадей Брюсова», также представленной в настоящем томе (см. наст. ст., прим. 4). Их номера включены в общий хронологический ряд переписки Брюсова и Бальмонта. Лишь некоторые из писем, представленные и в отдельных листах, и в рабочих тетрадях, имеющие соответственно две и более черновые редакции, публикуются и в основном корпусе переписки, и в специальном исследовании С. И. Гиндина. Каждый из таких случаев оговорен в примечаниях к соответствующему письму.

В черновиках брюсовских писем к Бальмонту, сохранившихся в *ГБЛ*, адресат иногда не указан; поэтому, кроме основной стопки черновиков, явно обращенных к Бальмонту (Ф. 386, 69. 26), несколько писем без личного обращения и адреса оказались по ошибке среди

писем Брюсова к Курсинскому и Самыгину (письма от 12 января 1896 г., 17 мая и 11 августа 1897 г.).

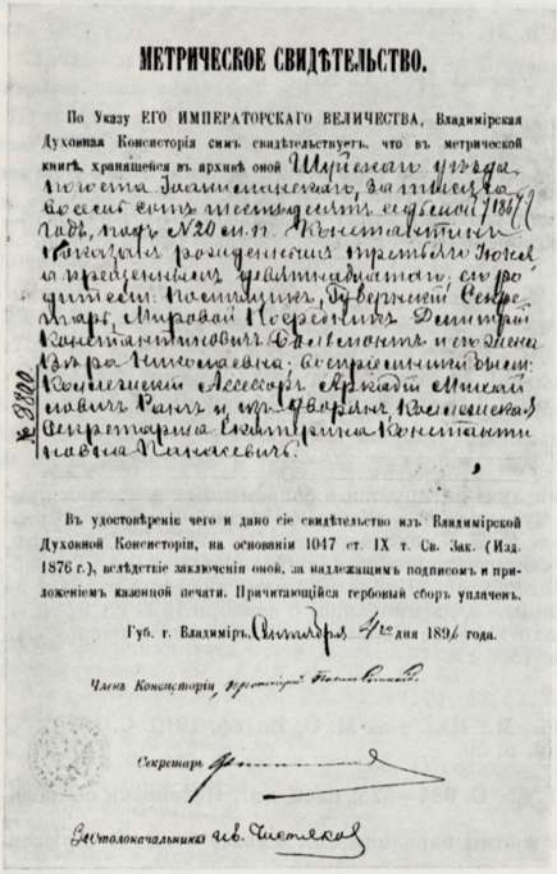
Личные и творческие взаимоотношения Брюсова и Бальмонта давно привлекали к себе внимание исследователей (см.: *Анчугова Т. В.* Брюсов-критик: Статьи В. Я. Брюсова о К. Бальмонте // *Чтения 1971*; *Нинов А.* Так жили поэты... Документальное повествование // Нева. 1978. № 6—7; 1984. № 10; *Он же.* (Брюсов и Бальмонт, 1894—1898 // *Чтения 1980*), и ряд писем из их переписки целиком или в отрывках печатались в разное время в периодике или специальных изданиях.

Из представленной в настоящем томе переписки Брюсова и Бальмонта ранее были опубликованы следующие номера писем: 13, 44 — в кн.: *Дневники*. С. 26—27, 62; 8, 15—16, 18, 26, 30—31 — в кн.: *Чтения 1980*. С. 93—122; 39, 43, 46 — в журн. «Нева» (1978. № 6. С. 99—118); 48—50, 52—54, 56 — в журн. «Нева» (1978. № 7. С. 105—134); 57—66, 68, 71, 75—80, 82—87 — в журн. «Нева» (1984. С. 101—139).

Остальные письма, как и вся переписка Брюсова и Бальмонта в сводном виде и с учетом эпистолярных черновых набросков, с необходимыми исправлениями в текстах и уточнениями датировки, публикуются впервые. Комментарии к письмам № 1—114 подготовлены А. А. Ниновым; к письмам № 115—144 — Р. Л. Щербаковым.

[1] *Далекие и близкие*. С. 107.
[2] *Автобиография*. С. 111.
[3] В 1930 г. Бальмонт заявил в печати о пропаже значительной части своего архива, сданного в 1924 г. на хранение в парижский склад, который через шесть лет без предварительного уведомления ликвидировал все доверенное ему имущество, распродав невостребованные вещи с молотка (Последние новости. Париж. 1930. 12 дек.). О судьбе архива Бальмонта за границей подробно сообщила дочь поэта Н. К. Бруни в 1970 г. в выступлении по советскому радио. Текст выступления см.: *ГБЛ*. Ф. 374, 14. 46.
[4] См.: *Тетради*, п. 16, 31, 35, 47, 49, 51, 53, 57, 64, 67, 70, 71, 74—77, 84, 86—88, 90, 97, 100—102.
[5] *Письма к Перцову*. С. 15.
[6—7] *ГБЛ*. Ф. 386, 2. 18. Л. 2, 2об. «Уходящие тени» — первоначальный вариант заглавия сб. «В безбрежности».
[8] *ГБЛ*. Ф. 386, 3. 2. Л. 2, 2об.
[9] Там же. Л. 3.
[10] *Письма к Перцову*. С. 9.
[11] Там же. С. 48.
[12] Там же. С. 20.
[13] Там же. С. 25.
[14] Цит. по ст.: *Паниян Ю. М.* Ранние критические статьи В. Брюсова // *Чтения 1963*. С. 275.
[15] *Письма к Перцову*. С. 35.
[16] Там же.
[17] *Дневники*. С. 34—35. Запись от 9 апреля 1898 г. О смене «ролей» в поэзии Брюсова см.: *Трифонов Н. А.* От искусства эстетической игры к поэзии социальной действительности. (Заметки о творческом пути Валерия Брюсова) // Изв. АН СССР. Сер. лит. и яз. 1985. Т. 44, № 6. С. 495—505.
[18] Впервые опубликованное в Собр. соч. стихотворение оставлено в примечаниях без каких-либо разъяснений (см. III, 595); между тем без указания на объект подражания — «Подводные растенья» Бальмонта — пародийный смысл брюсовского стихотворения для современного читателя теряется.
[19] *ГБЛ*. Ф. 386, 3. 2. Л. 3об., 4. Текст статьи на этом обрывается. Продолжение ее в тетради отсутствует.
[20] *Письма к Перцову*. С. 35—36.
[21] Там же. С. 58.
[22] Там же. С. 59—60.
[23] Там же. С. 62.
[24] Там же. С. 65.
[25] *Дневники*. С. 23.
[26] Там же. С. 23—24.
[27] *ЛН*. Т. 85. С. 742—743.
[28] *Дневники*. С. 23.
[29] См.: *Дронов В. С.* К творческой истории «Me eum esse» // *Чтения 1971*. С. 58—95.
[30] См.: *Максимов Д.* Брюсов. Поэзия и позиция // *Максимов Д. Е.* Русские поэты начала века. Л., 1986. С. 20—33; *Он же.* Поэтическое творчество Валерия Брюсова // *Стихотворения и поэмы*. С. 12—13.
[31] *Дронов В. С.* Указ. соч. С. 63.
[32] *Письма к Перцову*. С. 60. Курсив мой.— *А. Н.*
[33] *Дневники*. С. 23.

[34] *Чтения 1971*. С. 82.
[35] Наст. кн., Переписка с Курсинским, п. 31.
[36] *ЛН*. Т. 85. С. 743.
[37] *Тяпков С. Н.* В. Брюсов-пародист // *Чтения 1983*. С. 204.
[38] *Чтения 1983*. С. 203.
[39] *ЛН*. Т. 85. С. 745.
[40] *Дневники*. С. 28—29.
[41] Подробнее о пребывании Бальмонта в Оксфорде в 1897 и 1902 гг. см.: *Нинов А.* Так жили поэты... Документальное повествование. Ч. 2 // Нева. 1984. № 10. С. 76—139.
[42] *Дневники*. С. 29—30. Соответствующий третьему стиху Бальмонта стих Брюсова — «Здесь по стволам свиваются удавы» из стихотворения 1894 г. «Предчувствие» («Моя любовь — палящий полдень Явы...»).
[43] *Дневники*. С. 30.
[44] Там же. С. 31.
[45] Там же. С. 33.
[46] Там же. С. 48.
[47] Там же. С. 50.
[48] *Бальмонт Е. А.* Мои воспоминания о К. Д. Бальмонте // *ЦГАЛИ*. Ф. 57. Оп. 1. Ед. хр. 133. Л. 63—64.
[49] *Дневники*. С. 51.
[50] Там же. С. 53.
[51] Стихотворение Бальмонта «Последний луч» датируется в современных изданиях приблизительно — 1899 г., по времени первой публикации в «Книге раздумий» (цензурное разрешение — 26 марта 1899 г.) См.: *Бальмонт К. Д.* Стихотворения. Л., 1969. С. 184 (прим. В. Н. Орлова). Есть основание считать, что стихотворение было написано между 6 и 10 декабря 1898 г., в дни пребывания Брюсова в Петербурге. «Последний луч» является ответом на «рондо» Брюсова «Я не боюсь ни Ночи, ни Зимы...», датированное 6 декабря 1898 г.; Брюсов, в свою очередь, почти сразу ответил на стихотворение Бальмонта своим «квази-рондо» «Ни красок, ни лучей, ни аромата...» 10 декабря 1898 г.
[52] *Дневники*. С. 53.
[53] Там же. С. 74.
[54] *Бальмонт К.* Морское свечение. СПб., М.: Изд. т-ва М. О. Вольф, 1910. С. 197.
[55] См.: наст. кн. Переписка с Коневским, п. 50.
[56] См.: *Дневники*. С. 81.
[57] См.: Нева. 1978. № 6. С. 124; *ЛН*. Т. 85. С. 624—625; наст. кн., Переписка с Коневским, п. 41.
[58] Публикацию текстов и комментарий к этим пародиям см.: *Тяпков С. Н.* В. Брюсов-пародист // *Чтения 1983*. С. 194—205.
[59] *Горький М.* Литературные заметки: Стихи К. Бальмонта и В. Брюсова // Нижегородский листок. 1900. № 313. 14 ноября.
[60] Там же.
[61] Там же.
[62] Летопись жизни и творчества А. М. Горького. Вып. 1. 1868—1907. М.: Изд-во АН СССР, 1958. С. 285.
[63] *Дневники*. С. 99.
[64] Цит. по: *Стихотворения и поэмы*. С. 743 (прим. М. И. Дикман).
[65] *Горький А. М.* Письма к Е. П. Пешковой, 1895—1906 // Архив А. М. Горького. М., 1955. Т. V. С. 78.
[66] *Дневники*. С. 102.
[67] Письмо заведующего Особым отделом департамента полиции Л. Ратаева, отправленное 25 апреля / 8 мая 1902 г. в Берлин. См.: *Нинов А.* Так жили поэты... Документальное повествование // Нева. 1978. № 7. С. 133—134.
[68] О черновых редакциях стихотворения см.: *Стихотворения и поэмы*. С. 751 (прим. М. И. Дикман).
[69] *Дневники*. С. 130. «Chat noir» — литературное кафе в Москве.
[70] *ЛН*. Т. 85. С. 360.
[71] Там же. С. 438.
[72] Там же. С. 370.
[73] *Анненский И.* Бальмонт-лирик // *Анненский И. Ф.* Книги отражений. М.: Наука, 1979. С. 103.
[74] Там же. С. 115.
[75] См.: *Азадовский К. М., Максимов Д. Е.* Брюсов и «Весы». (К истории издания) // *ЛН*. Т. 85. С. 261.
[76] *Дневники*. С. 136.
[77] Цит. по: *Стихотворения и поэмы*. С. 743 (прим. М. И. Дикман).
[78] *ЛН*. Т. 85. С. 485.
[79] *Бальмонт Е. А.* Мои воспоминания о К. Д. Бальмонте. Л. 95.
[80] Там же. Л. 96; см. также: *Сухарев Г. М.* Горький и Бальмонт // Историко-литературный сборник. Уч. зап. Иван. гос. пед. ин-та им. Д. А. Фурманова. Иваново, 1970. Т. 73 С. 79.
[81] Архив А. М. Горького. Т. V. С. 166.



МЕТРИЧЕСКОЕ СВИДЕТЕЛЬСТВО.

По Указу ЕГО ИМПЕРАТОРСКАГО ВЕЛИЧЕСТВА, Владимірская Духовная Консисторія симъ свидѣтельствуетъ, что въ метрической книгѣ, хранящейся въ архивѣ оной Шуйскаго уѣзда Успенія Благовѣщенскаго, что на посадѣ, въ 1867 году, мая № 20 дня Константинъ родился и крещенъ 21 того же мѣсяца и года, законнорожденный сынъ Шуйскаго 2-й гильдіи купецъ Константинъ Дмитріевъ Бальмонтъ и законная жена его Вѣра Николаевна; а воспріемниками были: Коллежскій Асессоръ Аркадій Михайловичъ Ранцъ и мѣщанская дѣвица Екатерина Константиновна Ивановская.

№ 3800

Въ удостовѣреніе чего и дано сіе свидѣтельство изъ Владимірской Духовной Консисторіи, на основаніи 1047 ст. IX т. Св. Зак. (Изд. 1876 г.), вслѣдствіе заключенія оной, за надлежащимъ подписомъ и приложеніемъ казенной печати. Причитающійся гербовый сборъ уплаченъ.

Губ. г. Владимірь, Октября 2-го дня 1896 года.

Члена Консисторіи, протоіерей [illegible]

Секретарь [illegible]

Вс.столоначальника [illegible]

МЕТРИЧЕСКОЕ СВИДЕТЕЛЬСТВО О РОЖДЕНИИ К. Д. БАЛЬМОНТА

Центральный архив литературы и искусства СССР, Москва

[82] *Крупская Н. К.* Воспоминания о Ленине // На баррикадах: Воспоминания участников революции 1905—1907 гг. в Петербурге. Л., 1984. С. 335.

[83] *Горький М.* По поводу // Новая жизнь. 1905. № 14. 16 ноября.

[84] *Дневники.* С. 136—137.

[85] *ЛН.* Т. 85. С. 654. Подробнее о взглядах и поэзии Брюсова в эти годы см.: *Ямпольский И.* Поэты и прозаики: Статьи о русских писателях XIX — начала XX в. Л., 1986. С. 323—344; *Литвин Э. С.* Революция 1905 г. и творчество Брюсова // Революция 1905 г. и русская литература. М.; Л.: Наука, 1956. С. 198—245.

[86] Весы. 1906. № 9. С. 53.

[87] *Блок А.* Собр. соч. М.; Л., 1962. Т. 5. С. 138.

[88] *ЛН.* Т. 85. С. 688.

[89] *Брюсов В.* Новые сборники стихов // Весы. 1907. № 1. С. 71.

[90] *Бальмонт К.* Наше литературное сегодня // *ЗР.* 1907. № 11—12. С. 62.

[91] См.: *Бальмонт К.* Письмо в редакцию // Речь. 1909. № 179.

[92] *ЛН.* Т. 85. С. 796.

[93] *Бальмонт К. Д.* Стихотворения. Л., 1969. С. 355 (кн. «Птицы в воздухе», 1908).

[94] ЛН. Т. 85. С. 525.

[95] Там же. С. 524—525.

[96] Там же. С. 535.

[97] Там же.

[98] *Бальмонт Е. А.* Мои воспоминания о К. Д. Бальмонте. Л. 98.

[99] *Бальмонт К.* Забывший себя // Утро России. 1913. № 179. 3 авг.

[100] Москва. 1919. № 3. С. 2.

[101] Там же.

[102] Москва. 1919. № 4. С. 2.

1. БАЛЬМОНТ — БРЮСОВУ

⟨Москва.⟩ 24 ноября 1894 г., четв⟨ерг⟩

Приходите завтра ко мне в ½ 4-го. Мы отправимся к моим знакомым [1].

К. Бальмонт

ЦГАЛИ. Ф. 56. Оп. 3. Ед. хр. 6. Л. 3.

[1] 1 декабря 1894 г. Брюсов записал в дневнике: «Через Бальмонта познакомился с некими Андреевыми. Вообще видаюсь с Бальмонтом очень часто. Был у него в пятницу, субботу и воскресенье, он у меня сегодня». Из дальнейших подневных записей следует, что Брюсов познакомился с семьей будущей жены Бальмонта — Екатерины Алексеевны Андреевой не в пятницу, как предполагал Бальмонт, а в субботу, 26 ноября: «*25 п⟨ятница⟩*. Вечер⟨ом⟩ у Бальмонта. *26 с⟨уббота.⟩* Вечер⟨ом⟩ у Бальмонта и Андр⟨еевых⟩ *27 в⟨оскресенье⟩ веч⟨ером⟩* у Бальмонта» (*ГБЛ.* Ф. 386, 1.13/1. Л. 44об.).

2. БРЮСОВ — БАЛЬМОНТУ

⟨Москва. Декабрь 1894 г.⟩

См.: *Тетради*, п. 16.

3. БРЮСОВ — БАЛЬМОНТУ

⟨Москва. 19—21 августа 1895 г.⟩

Там же, п. 31.

4. БРЮСОВ — БАЛЬМОНТУ

⟨Москва. 28 сентября 1895 г.⟩

Там же, п. 35.

5. БАЛЬМОНТ — БРЮСОВУ

⟨Москва.⟩ 6 ноября ⟨1895 г.⟩

Дорогой В⟨алерий⟩ Я⟨ковлевич⟩, не можете ли придти ко мне в 8 ч. в⟨ечера⟩ в среду и попросить Фриче * также придти в среду, а не завтра [1]. Экстренное обстоятельство лишает меня возможности быть завтра дома. Хочется стихов, стихов и ничего кроме стихов.

Ваш К. Д.

P. S. Пожалуйста, простите за надувательство (относительно вторника). Никак не могу. Тучи и буря [2].

ЦГАЛИ. Ф. 56. Оп. 3. Ед. хр. 6. Л. 2.

Год определяется по содержанию. Время дружбы Брюсова с Фриче — 1894—1897 гг. В ноябре 1896 г. Бальмонта не было в России, а позже встречи с Фриче прекращаются. Следовательно, возможен лишь 1894 или 1895 г. Судя по контексту, письмо написано в понедельник (Бальмонт просит зайти «в среду, *а не завтра*»). 6 ноября приходилось на понедельник в 1895 г. Эта датировка согласуется и с дневниковой записью Брюсова от 11 ноября 1895 г.: «В среду был у Бальмонта. Ночь оргии — и вина и стихов. Ушел в 4 часа и с Курсинским пошел к заутрене» (*ГБЛ*. Ф. 386, 1.13/2. Л. 22). Имеется в виду среда, 8 ноября. Фриче в записи Брюсова не упомянут.

[1] Владимир Максимович *Фриче* (1870—1929) — старший товарищ Брюсова по университету, критик-марксист, историк и теоретик литературы, искусствовед, впоследствии академик. Вместе с Бальмонтом и Брюсовым участвовал в работе кружка любителей западной литературы при Московском университете. Ему посвящено стихотворение Брюсова «Ученый» (*РС 3*; I, 36).

[2] Возможно, что Бальмонт имеет в виду сложности во взаимоотношениях с первой женой — Л. М. Бальмонт (рожд. Гарелиной), которые в это время были уже близки к разрыву.

6. БАЛЬМОНТ — БРЮСОВУ

Г. Шуя [1], Влад. г., с. д. 11 янв. ⟨1896 г.⟩ Clair-obscur [2*]

Милая Тень, я не простился с Вами. Умчался, как ветер. Бежал. Скрылся. Растаял.

С 1-го января — вне Москвы. Жить в ней более не буду [2]. Существую как философ. Среди звуков, мыслей, красок и снов. Напишите мне, что, как и пр. и пр. Ваше здоровье? Нет ли стихов? Что видели, что слышали?

Передо мной сейчас тучки тают. Молятся. Приезжайте ко мне! Я написал миллион стихотворений. Т. е. хоть не миллион, но все же десять. Жму руку. Всем кланяюсь (более или менее всем).

Ваш К. Бальмонт

P. S. Вы конечно знаете *потрясающую* новость: Мережковский написал стих. «*И вновь*» [3]

ЦГАЛИ. Ф. 56. Оп. 3. Ед. хр. 6. Л. 71.

Год устанавливается на основании ответных писем Брюсова (п. 7 и 8. См. прямую перекличку postscriptum'а наст. письма и первой фразы п. 7; см. также п. 5, прим. 5).

[1] Шуя — родной город Бальмонта, в котором его родители имели собственный дом. Отец его, Дмитрий Константинович Бальмонт, служил там председателем земской управы. В 10 верстах от Шуи он имел поместье Гумнищи, в котором родились и выросли семь его сыновей, среди них и будущий поэт. В автобиографии, написанной 17 мая 1903 г. для «Критико-биографического словаря» С. А. Венгерова, Бальмонт, в частности, указал: «Мои родители еще живы. Отец — председатель земской управы в гор. Шуе, Владимирской губ., помещик.

---

* Если увидите его. Я ему, вероятно, пошлю письмо. Но я забыл, в чьем доме он живет *(прим. Бальмонта)*.

[2*] Светотень *(франц.)*.

Мать очень много делала в своей жизни для распространения культурных идей в глухой провинции и в течение многих лет устраивала в Шуе любительские спектакли и концерты» (*Венгеров. Словарь.* Т. VI. С. 375).

[2] Последняя перед отъездом Бальмонта встреча с ним зафиксирована в дневнике Брюсова 26 декабря 1895 г. (*ГБЛ.* Ф. 386, 1. 14/1. Л. 3об. Неполный текст записи — *Дневники.* С. 23). О возвращении его в Москву см. п. 8, прим. 3.

[3] Речь идет, вероятно, о стихотворении Мережковского «Нирвана» («И вновь, как в первый день созданья, // Лазурь небесная чиста...») — *СВ.* 1896. № 1; *Мережковский Д. С.* Новые стихотворения, 1891—1895. СПб.: Изд. М. М. Ледерле, 1896.

7. БРЮСОВ — БАЛЬМОНТУ

⟨Москва. 12⟩ янв⟨аря 1896 г.⟩

Привет!

И вновь? Потрясающая новость? — их нет. Есть только смерть и ночь — пожалуй, впрочем, утро, но столь же черное. Мой сосед по койке хрипит и бормочет: «О Господи Иисусе, поскорей бы на Ваганьково». Он всегда так. Он уже всех здесь истерзал. Недавно обращается ко мне: «Вот вы больны, а о боге подумали? Ну, как умрете без покаяния?» Я согласился, что точно, без покаяния умирать никак нельзя. В тот же день торжественно исповедовался и причащался. Правду сказать, я думал напугать моего исповедника, а на деле он меня совсем расстроил. Вчера пришла Маня [1], та самая, которой посвящен «Осенний день» [2], увидела меня и руками всплеснула: «Что же это с тобой, Валёчек!»

И влажный поцелуй на пламенных устах [3]. Это из Пушкина. У него есть удивительные стихи:

Опечалься. Взор свой нежный
Подыми иль опусти [4].

О моих стихах? Не пишу. Раз только подражал Вам.

И ночи и дни примелькались,
Как дольние тени волхву.
В безжизненном мире живу,
Живыми лишь думы остались [5].

Пока прощайте, а, может быть, и не «пока».

Ваш и здесь и там * Валерий Брюсов.

ГБЛ. Ф. 386, 71.41. Л. 1—2.

Ошибочно лежит среди писем Брюсова к Курсинскому. Черновик, без обращения и с ошибочной датой: «14 янв. 1895». Ответ на п. 6. Кроме бесспорной смысловой соотнесенности postscriptum'а п. 6 с первой фразой данного письма, доказательством того, что письмо адресовано не Курсинскому, служит то обстоятельство, что Брюсов обращается к адресату на «Вы», тогда как с Курсинским в это время они давно уже перешли на «ты». Написано в больнице, где Брюсов лежал с 3 по 12 января 1896 г. с острым приступом ревматизма. В дате — двойная ошибка Брюсова: 1895 вместо 1896 г. и 14 января вместо 12. В январе 1895 г. Брюсов в больнице не был. День выхода из больницы определяется по записи в дневнике от 15 января 1896 г. (курсив в цитатах везде мой.— *А. Н.*): «Перебрался домой. Мне стало хуже. *Третий день* лежу в постели. Мой доктор запьянствовал и вместо него был у меня Еголин ⟨...⟩ *11-го была у меня Маня* ⟨...⟩

12 п⟨ятница⟩. Дома. Плохо.
13 с⟨уббота⟩. Очень плохо.
14 в⟨оскресенье⟩. Просто плохо.
15 п⟨онедельник⟩. Лучше. Еголин.»
(*ГБЛ.* Ф. 386, 1. 14/1. Л. 6)

Очевидно, письмо было написано в больнице 12 января утром, а вечером того же дня Брюсов перебрался домой, где пережил новый приступ болезни. Путаница в числах в условиях больницы — не удивительна. Фраза из комментируемого письма: «Вчера пришла Маня» — в сопоставлении с дневниковой записью: «11-го была у меня Маня» — дополнительно подтверждает нашу датировку.

[1] Мария Павловна *Ширяева* — сестра жены А. А. Ланга — Авдотьи Павловны *Ланг* (рожд. Ширяевой).

* *Было:* Ваш, как и всегда

[2] Поэма «Осенний день» («Ты помнишь ли больной, осенний день» — 25 сентября 1894 г.) входила в состав *Chdo I* с посвящением «Мане». В состав *Chdo 2* не вошла и была перенесена Брюсовым в сб. «Juvenilia» (см. I, 49—53 и 571).

[3] Неточная цитата из стихотворения Пушкина «Выздоровление» («Тебя ль я видел, милый друг...» —1818): «И вдруг я чувствую твое дыханье, слезы // И влажный поцелуй на пламенном челе...».

[4] Цитата из стихотворения Пушкина «Предчувствие» («Снова тучи надо мною...» — 1828).

[5] Стихотворение, открывающее цикл «Веянье смерти» в *MEE* (I, 121); Авторская дата: «12 января 1896. Дома» (*ГБЛ*. Ф. 386, 14. 5/5. Л. 27). Очевидно, стихи начали складываться в сознании поэта еще в больнице, но окончательно оформились и были записаны 12 января вечером, после возвращения домой. В примечаниях к этому стихотворению (I, 585) цитируется комментируемое письмо, но там повторена ошибка, допущенная архивистами при раскладке писем Брюсова, и адресатом письма назван Курсинский. Отметим попутно и опечатку в том же примечании: там сказано, что в комментируемом письме приведено 4 *строфы* стихотворения «И ночи и дни примелькались...», тогда как следует читать: 4 *строки* (стихотворение состоит всего из трех строф). Говоря о «подражании» Бальмонту, Брюсов прежде всего имеет в виду, очевидно, стихи «Смешались дни и ночи...» из сб. *В безбрежности*.

8. БРЮСОВ — БАЛЬМОНТУ

(Москва. Между 15 и 28 января 1896 г.)

«Воскресшему» от воскресающего [1].

Здравствуйте, тысячу раз здравствуйте.— Это из Фета [2]. Вы в Москве? [3] Говорят, заходили ко мне? Не обижайтесь — приходите еще. Серьезно, безо всяких фраз, умоляю — заходите. Я так давно не видал людей.— Теперь я пишу, пишу, п⟨отому⟩ ч⟨то⟩ вернулась фантазия. Знаете, было время, когда я не мог связать двух рифм. Чуть-чуть-чуть Смерть меня не убаюкала [4] — так шаг за шагом, миг за мигом. Я не мог подымать головы от подушки, а теперь я сижу и, кажется, готов ухватиться за архимедов рычаг. У Вас миллион стихотворений [5] — у меня, по обыкновению, больше,— все они настоящие стихотворения, в Вашем стиле [6], хотя меня не удовлетворяют. «В будущем я напишу гораздо более значительные вещи» [7]. Пора, однако, приниматься и за «будущее». Я пишу Историю русской лирики [8], которая будет называться «Души» — пишу «Теорию рифмы», написал драму «Красная шапочка», маленькую поэмку и сейчас напишу повесть «Летучая Мышь» [9]. Не находите ли Вы, что лучше сказать «Видений жаждут очи», чем «Виден и й ищут очи»? [10] Мое предыдущее письмо было очень отчаянное — Я очень серьезно размышлял о своих некрологах [11]. Поджидаю Вас ежевечерно. Письмо посылаю почти в пространство. Выздоровел и Антон Облеухов [12].

«На бой» грохочет эхо [13].

Мечтающий о Вас Валерий Брюсов

Опять Цветной б⟨ульвар⟩ [14]

ГБЛ. Ф. 386, 69. 26. Л. 1—2.

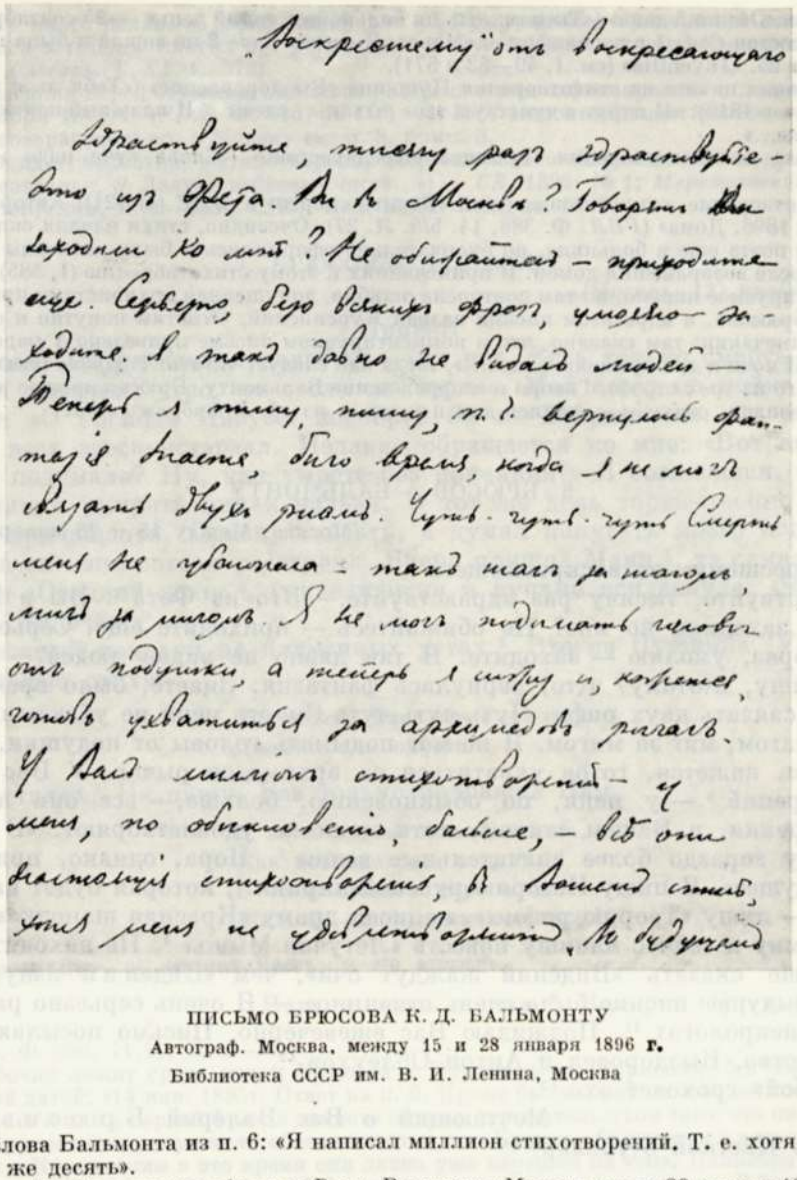
Черновик, без обращения и даты. Датируется приблизительно, по времени выхода Брюсова из больницы и улучшения состояния его здоровья после 15 января (см. п. 7, преамбула к комментарию. Вторая дата определяется по записи в дневнике от 28 января: «У меня Бальмонт» (*ГБЛ*. Ф. 386, 1.14/1. Л. 6об; письмо написано до встречи по выходе из больницы). Адресат определяется по упоминанию стихотворения «Воскресший» (*В безбрежности*).

[1] В стихотворении «Воскресший» («Полуизломанный, разбитый...») переосмыслен трагический эпизод из жизни Бальмонта — попытка самоубийства, совершенная 13 марта 1890 г. в Москве. Находясь в тяжелом душевном состоянии, он выбросился из окна третьего этажа, но остался жив. Бальмонт считал впоследствии, что его «воскрешение» после физического увечья оказалось одним из важнейших внутренних импульсов дальнейшего художественного творчества: «Душа моя стала вольной, как ветер в поле, никто уже более не был над ней властен, кроме творческой мечты, а творчество расцвело буйным цветом» (*Бальмонт К.* Белая невеста // Современные записки. 1921. Кн. 7. С. 119).

[2] Очевидно, реминисценция первой строки стихотворения Фета «Здравствуй! тысячу раз мой привет тебе, ночь!» (1842 — ср.: *Тетради*, п. 14, прим. 5).

[3] Вернувшись из Шуи, Бальмонт провел в Москве всю весну 1896 г. и в феврале — мае постоянно встречался с Брюсовым.

[4] Реминисценция строки из стихотворения Бальмонта «Смерть, убаюкай меня...» (*Под северным небом*).



ПИСЬМО БРЮСОВА К. Д. БАЛЬМОНТУ
Автограф. Москва, между 15 и 28 января 1896 г.
Библиотека СССР им. В. И. Ленина, Москва

[5] См. слова Бальмонта из п. 6: «Я написал миллион стихотворений. Т. е. хотя не миллион, но все же десять».

[6] Ср. в п. 7: «Раз только *подражал Вам*». В тетрадь «Мои стихи» до 28 января 1896 г. занесено 27 стихотворений, оригинальных и переводных. Из них 10 написаны до 12 января, т. е. до выхода Брюсова из больницы, а 17 — после (см. *ГБЛ*. Ф. 386, 14. 5/5. Л. 20об.— 36).

[7] Автоцитата из предисловия к книге *Chdo 1*: «Название ее имеет свою историю, но никогда оно не означало «шедевры моей поэзии», потому что в будущем я напишу гораздо более значительные вещи (в 21 год позволительно давать обещания)» — I, 572.

[8] Об этой работе см.: *Неосуществленный замысел*.

[9] К работе «Теория рифмы» в черновых тетрадях Брюсова сохранилось множество набросков, но окончательно оформлена она не была; «Красная шапочка» сохранилась среди неопубликованных драматических произведений (*ГБЛ*. Ф. 386, 28.8); под названием «Летучая мышь» Брюсов опубликовал в *Chdo 2* стихотворение «Весь город в серебряном блеске...», датированное 27 сентября 1895 г. О повести «Летучая мышь» сведений нет, хотя Брюсов отметил, что реальный повод одноименного стихотворения послужил началом «маленького (и банального) романа...» (*Письма к Перцову. С. 56*).

[10] Третья строка стихотворения Бальмонта (без загл.): «Смешались дни и ночи, // Едва гляжу на свет, // Видений ищут очи, // Родных видений нет...» (*В безбрежности*). Брюсов выделяет пунктирным подчеркиванием фонетический стык слов: и й и. Поправки Брюсова Бальмонт не принял.

[11] См. п. 7. 25 декабря 1895 г., в день Рождества, тяжело больной Брюсов с мрачной иронией писал Перцову о том, чтобы в случае его смерти тот оказал ему последнюю услугу и при-

строил в какой-нибудь газетке некролог о поэте, «обладавшем некоторым талантом, но загубленном символизмом» (*Письма к Перцову*. С. 59).

[12] О психическом расстройстве А. Д. Облеухова см.: *Тетради*, п. 39, прим. 15.

[13] Последняя строка стихотворения Бальмонта «Звуки прибоя»: «"Шуми, греми, прибой!" // И стонут всплески смеха. // "Идем, идем на бой!" // "На бой" — грохочет эхо» (*В безбрежности*).

[14] Брюсов имеет в виду, что он уже не в больнице, а снова дома, на Цветном бульваре.

9. БРЮСОВ — БАЛЬМОНТУ

(Пятигорск.) 4 августа 1896 г.

См.: *Тетради*, п. 47.

10. БРЮСОВ — БАЛЬМОНТУ

(Москва. Октябрь 1896 г.)

Там же, п. 49.

11. БРЮСОВ — БАЛЬМОНТУ

(Москва. Начало ноября 1896 г.)

Там же, п. 51.

12. БРЮСОВ — БАЛЬМОНТУ

(Москва. Не позднее 22 ноября 1896 г.)

Там же, п. 53.

13. БРЮСОВ — БАЛЬМОНТУ

(Москва.) 23 д(екабря 1896 г.)

О мой друг! о мой брат! — сегодня мне принесли первый экземпляр «Me eum ...» [1] — и я вдруг оглянулся на прошлое. Наши блуждания в Сокольниках! Наши холодные споры! Мое бесстрастие, о мое бесстрастие! [2] Такой горькой насмешки я не ожидал и от жизни. Четыре месяца вычеркнуты [из моей жизни]. Как эпоха Возрождения примыкает к античному миру, забывая Средние века, так день нашей разлуки был кануном сегодняшнего дня. Их не было, их нет,— этих долгих пятнадцати недель,— их не было!

Бледные тени... Элеонорочка, смеющаяся, вечно счастливая, про́клятая мной... Лена, томная, жаждущая, ненавистная иногда... Женя, робкая Женя, любящая, любящая без конца... О бледные тени [3].

Текст, с пометой: «Письмо к Бальмонту в Париж» — вписан Брюсовым в дневник (*ГБЛ*. Ф. 386, 1.14/2. Л. 8—8об. Опубл. с неточностями и купюрами: *Дневники*. С. 26—27).

[1] «Me eum esse» («Это — я») — вторая книга стихов Брюсова. Датирована на титуле 1897 г.

[2] Ср. запись в дневнике Брюсова от 29 октября 1896 г.: «Да! Элеонорочка, Евгения... А Бальмонт пишет мне, что я... "ускользнул в келью бесстрастия" — а-а!» (*ГБЛ*. Ф. 386, 1.14/2. Л. 31). Записи Брюсова о прогулках с Бальмонтом в Сокольники в сентябре 1896 г., перед самым отъездом Бальмонта в Париж, когда Брюсов «проповедовал воздержание от вина, женщин, опьяняющих разговоров», см.: *Тетради*, п. 49, прим. 1. Очевидно, именно под влиянием этих разговоров Бальмонт и писал Брюсову о его «бесстрастии».

[3] Э. И. Царевская, Е. Е. Коршунова, Е. И. Павловская. См. о них: *Тетради*, п. 52, прим. 22; п. 60 и прим. 12 к нему; п. 51, прим. 1.

14. БРЮСОВ — БАЛЬМОНТУ

(Москва. Конец января — начало февраля 1897 г.)

См.: *Тетради*, п. 57.

15. БРЮСОВ — БАЛЬМОНТУ

(Москва.) 16 ф(евраля) (18)97 г.

Привет Вам, Константин Дмитриевич!

Вчера, вернувшись домой, нашел я у себя письмо за тремя подписями, из которых мне была знакома только одна — В. Саводник [1]. Это — поэтишка,

ДОМ СЕМЬИ БАЛЬМОНТА
Шуя, Малая Соборная улица (ныне Садовая)
Фотография, 1967
Центральный архив литературы и искусства СССР, Москва

печатающийся в «Русском обозрении» и в «Вестн⟨ике⟩ Евр⟨опы⟩». Облеухов (Н.) [2] рассказывал мне, что с ним этот Саводник всегда «ржет по-консервативному», а со мною он всегда был крайним либералом (считая, конечно, меня, как студента, за такового). Письмо почтительнейше приглашало меня на заседание какого-то литературного кружка. Я, понятно, удовольствовался бы пожатием плеч, если бы тема реферата не была обозначена так: «Поэзия К. Д. Бальмонта». Я подумал, что нехорошо оставлять Вас беззащитного на произвол консервативным либералам, надел новый (впрочем, единственный) мундир и пошел в отдаленный Гагаринский переулок. У нас, К. Д., первое веянье весны: воробьи чирикают, городовые без клобуков, дворники * с губительными метлами.

Кучи свезенного снега,
Лужи, ручьи и земля;
Дышит весенняя нега
В этом конце февраля [3].

Пришел я на собрание в самом светлом настроении, и мне очень горько было, что его так скоро рассеяли — глупыми замечаниями о символизме, легковесными шутками о политике и выпиванием водки перед литерат⟨урным⟩ вечером. Нелепые висячие часы показывали уже 11, когда все расселись и на месте лектора, за отдельным столиком со свечами и водой, появилась женская фигура. Фамилию этой особы я забыл; она не слишком юна и не слишком красива, хотя и не старше 28 лет; видимо, где-то она встречала Вас, п⟨отому⟩ ч⟨то⟩ раз обмолвилась «Конст⟨антин⟩ Дмитр⟨иевич⟩», вместо своего обычного Ба́льмонт. Я ждал озлобленных нападок и уже заранее составил план защиты: я хотел сказать, что «не достаточно бегло прочесть поэта; надо сжиться с ним,

---

* *Далее зачеркнуто:* обрызгивают прохожих

полюбить или возненавидеть его», что «лирического поэта надо судить по правилам, им самим поставленным» [4] и многое другое» [2*]. Но мои ожидания были обмануты. Тихим голосом и довольно литературным языком неведомая референтка [3*] прочла Вам восторженный панегирик...

О, Константин Дмитриевич! Настанет день, когда и мы будем только историческими лицами. Тогда придут неведомые и незнаемые, начнут кроить из наших творений глупые статьи, «разбирать» и «изучать» нас, как варварски разбирают и изучают Тютчева, Фета, Пушкина [4*], Баратынского. Этот день придет, но я «заживо, как небожитель» [5], уже видел его. «Океан», «Первая Любовь», «Аргули», «Сибилла» [6] — все то, что я знал и понимал, вдруг приобрело новое значение и бессмысленный смысл. Из стихотворений надергивались отрывочки, и через это узнавали Ваши убеждения, мысли, надежды.

«Но наш поэт (т. е. Вы) не теряет надежды, что и ему откроется земной Эдем.

Вот уж я с ними... в их тихой обители.
«Где же я медлил?» — шептали уста [7],

только не хочет он войти в этот Эдем ценою забвения прошлого, не хочет, чтобы то, чему он верил когда-то, послало ему укоры, «что бури громовой слышней», чтобы перед ним встал упрек, «застывший в глубине неподвижных очей» [8]. Наш поэт такому отречению предпочтет небытие. Если нельзя сохранить *все*, он не возьмет ничего.

Тише, тише. Засыпаю. Не буди меня».[9]

Вот в таком роде были рассуждения неведомой референтки. При этом она указывала, что Вы удивительно легко владеете анапестом, «этим, как известно, труднейшим размером», и роняете рифмы даже в середине стиха, чего, «как известно, еще не делал никто». Затем сообщалось, что на Вас имели влияние два поэта, Шелли [10] и Бодлер [11], а что Ваши занятия Эдгаром По были «чисто внешние» [12]. Разъяснялось нам и то обстоятельство, что в противоположность всем поэтам Вы очень мало интересуетесь женщиной и любовью, а если и заговариваете о той или другой, то всегда бываете «чист и целомудрен, как его британский Брат (scil.[5*] Шелли)» [13]. Одним словом, реферат заставил меня совершенно онеметь.

Начались прения. Я удовольствовался чисто формальными возражениями — сообщил, что Верлен написал не одну книгу [14], как думала референтка (Choix [6*]), что Малларме не «самый молодой из символистов» [15], что в Ярославском сборнике [16] есть и хорошие стихи («На валу»), что тень (святая тень, которую увидеть...) не была Беатриче [17], что «Прометей» написан спенсеровыми стансами [18], что Змеиный глаз [19] это растение и т. д.

После меня возражали много, спорили еще больше. Сравнивали Вас с Гете, находили, что Вы не похожи на Гете и заключали отсюда, что Ваши стихи никуда не годятся,— и многое другое. Я слушать не захотел и ушел. Вот мой отчет. Поспешил написать его, хотя и не был в эпистолярном настроении. Надеюсь, за любопытное содержание Вы простите мне погрешности стиля. Я выхожу из университета [20].

До свидания.

Ваш Валерий Брюсов.

P. S. Страстно жду ответов.

ГБЛ. Ф. 386, 69.26. Л. 3—5об.

[1] Владимир Федорович *Саводник* (1874—1940) — историк русской литературы, учился на одном с Брюсовым курсе историко-филологического факультета Московского университе-

[2*] *Далее зачеркнуто:* хотел свести спор на общие вопросы, хотел...
[3*] *Было:* miss
[4*] *Было:* даже Пушкина
[5*] то есть (*от лат.* «scilicet»).
[6*] Избранное *(франц.)*.

та, начинал как поэт, близкий к группе символистов, в 1898 г. издал в Москве первый сборник стихов. Брюсов встречался с Саводником, бывал у него и принимал его у себя дома. См., напр., запись в дневнике от начала января 1899 г.: «У Саводника видел Д. Викторова и Е. Жураковского. Вяло говорили о философии (...) Пятого января устроил я у себя вечер, где собрались поэты: Бахман, Бунин, Дурнов, Курсинский, Саводник, Ланг» (*Дневники*. С. 59).

[2] Николай Дмитриевич *Облеухов* — старший брат поэта Антона Облеухова, сотрудник консервативных газет «Московские ведомости» и «Русский листок», редактор организованного им в Москве еженедельного журнала «Знамя». После встречи с братьями Облеуховыми Брюсов отозвался о старшем как человеке «весьма надоедливом» (*Дневники*. С. 32). В июле 1898 г., посетив Облеуховых в Петровском-Разумовском, Брюсов записывает в дневнике: «Слушал злобные рассказы о "Моск(овских) ведомостях„ о взятках, которые будто бы берет Медведский, о глупости Грингмута и т. д. Потом слушал бесконечные повествования о их журнале "Знамя"» (*Дневники*. С. 40). О неудавшейся попытке привлечь Брюсова к сотрудничеству в журнале Облеуховых см. наст. кн., Переписка с Курсинским, п. 47, прим. 3.

[3] Первая строфа стихотворения Брюсова, написанного 24 февраля 1895 г. (III, 219). При жизни Брюсова не публиковалось.

[4] Переложение известной мысли Пушкина из письма к А. Бестужеву: «Драматического писателя должно судить по законам, им самим над собою признанным» (*Пушкин А. С.* Полн. собр. соч. М., 1958. Т. 10. С. 121).

[5] Цитата из стихотворения Тютчева «Цицерон».

[6] Все названные стихотворения вошли в книгу *В безбрежности*.

[7] Последние строки стихотворения «Ночью мне виделся // Кто-то таинственный...» (*В безбрежности*).

[8] Неточно процитированная вторая строка стихотворения «Не могу я забыть неотступный укор...» (Там же).

[9] Последняя строка стихотворения «Не буди воспоминаний. Не волнуй меня...» (Там же).

[10] Перси Биши *Шелли* (1792—1822) — английский поэт-романтик. Бальмонт восхищался Шелли и начиная с 1892 г. переводил его сочинения на русский язык. В переводах Бальмонта были изданы Сочинения Шелли в семи выпусках (изд. М. Стасюлевича. СПб., 1893—1899); затем в издательстве «Знание» в его переводах и с его комментариями вышло Собрание сочинений Шелли в трех томах (СПб., 1903—1907). Поэт был неутомимым пропагандистом Шелли и много писал о нем. Таковы статьи: «Сердце сердец (Перси Биши Шелли)» (*РВ*. 1892. № 293. 23 окт.); «Шелли и Байрон. (Из публичной лекции)» (*РВ*. 1894. № 211. 2 авг.); «Шелли» (Журнал для всех. 1901. № 1). 20 апреля 1902 г. в связи с подготовкой Полного собрания сочинений Бальмонт подробно излагал принципы своей работы над переводами из Шелли в письме к директору-распорядителю «Знания» К. П. Пятницкому (см.: Нева. 1984. № 10. С. 78).

[11] Шарль *Бодлер* (1821—1867) — один из самых близких Бальмонту, после Шелли, поэтов-предшественников в европейской поэзии. Свое понимание Бодлера Бальмонт воспринял от А. И. Урусова, первого переводчика «Цветов зла» на русский язык. «Урусов заставил меня,— писал Бальмонт,— как он заставил десятки русских людей, ознакомиться подробно с двумя крупными французскими писателями, из которых один является высоко-замечательным. Я говорю о Флобере и Бодлере» (*Горные вершины*. С. 105).

В 1895 г. Бальмонт написал предисловие к стихам Бодлера, изданным отдельной книгой (анонимные переводы П. Ф. Якубовича; см. наст. кн., Письма Ноздрина, п. 2, прим. 3). Специальная статья о «Цветах зла» включена в сборник статей Бальмонта *Горные вершины*. Раздел «Совесть» в книге *Горящие здания* Бальмонт сопроводил эпиграфом из Бодлера: «Я говорю: Слепцы! Что нужно им от неба?». В этом сборнике Бодлеру посвящено одно из самых восторженных стихотворений:

Как страшно-радостный и близкий мне пример,
Ты все мне чудишься, о, царственный Бодлер,
Любовник ужасов, обрывов и химер!

Переводы из Бодлера, выполненные Бальмонтом, см.: Вестник иностранной литературы. 1889. № 4; 1899. № 4.

[12] Эдгар *По* (1809—1849) — американский поэт, прозаик, создатель «поэзии ужасов», один из любимейших авторов Бальмонта. «Смотря на лицо Эдгара По и читая его произведения,— писал он,— получаешь представление о громадной умственной силе, о крайней осторожности в выборе художественных эффектов, об утонченной скупости в пользовании словами, указывающей на великую любовь к слову, о ненасытной алчности души, о мудром хладнокровии избранника, дерзающего на то, перед чем отступают другие, о торжестве законченного художника, о безумной веселости безысходного ужаса, являющегося неизбежностью для такой души, о напряженном и бесконечном отчаянии (...) Его поэзия, ближе всех других стоящая к нашей сложной и больной душе, есть воплощение царственного Сознания, которое с ужасом глядит на обступившую его со всех сторон неизбежность дикого Хаоса» (*Горные вершины*. С. 50, 53). Бальмонт осуществил перевод основных произведений Эдгара По; им были переведены «Баллады и фантазии» (М.: Изд. книжного магазина Ф. А. Богданова, 1895) и «Таинственные рассказы» (М., 1895), а в 1901—1912 гг. издательство «Скорпион» выпустило в переводах Бальмонта Собрание сочинений Эдгара По в пяти томах.

[13] Ср. стихотворение Бальмонта «К Шелли» («Мой лучший брат, мой светлый гений...» — *Тишина*).

[14] См.: *Тетради*, п. 1, прим. 3, 5—7.

[15] Среди основателей французского символизма самым молодым был Артюр *Рембо* (1854—1891). Стефан *Малларме* (1842—1898) был на два года старше Верлена.

[16] Первая юношеская книга Бальмонта — «Сборник стихотворений» (Ярославль: Типолит. Г. Фалька, 1890). Книга была издана на средства автора, скупавшего затем тираж, чтобы его уничтожить. Бальмонт вспоминал впоследствии: «Начало литературной деятельности было сопряжено со множеством мучений и неудач. В течение четырех или пяти лет ни один журнал не хотел меня печатать. Первый сборник моих стихов не имел, конечно, никакого успеха. Первый мой переводной труд (книга норвежского писателя Иегера о Генрике Ибсене) была сожжена цензурой. Близкие люди своим отношением отрицательным значительно усилили тяжесть первых неудач» (*Бальмонт К.* Автобиография (1903) // *Венгеров. Словарь.* Т. 6. С. 376). О запрещении книги Иегера см.: *Добровольский Л. М.* Запрещенная книга в России, 1825—1904. М.: Изд. Всесоюзной книжной палаты, 1962. Дело о запрещении — *ЦГИАЛ.* Ф. 776. Оп. 20. Д. 1267.

[17] Имеется в виду стихотворение Бальмонта «Данте» («Пророк, с душой восторженной поэта...» — *В безбрежности*), где Данте в час молитвы объясняется с божественной Тенью, открывающей ему весь его дальнейший путь несчастий и мучений:

Святая Тень, которую увидеть
Здесь на земле немногим суждено,
Тем избранным с ней говорить дано,
Что могут бескорыстно ненавидеть
И быть всегда — с Любовью заодно.

[18] Речь идет о стихотворении Бальмонта «Последняя мысль Прометея» («Вдали от блеска дня, вдали от шума...» — *В безбрежности*); стихотворение написано т. н. «спенсеровой строфой» («стансами») — особая стихотворная форма, введенная по образцу французских баллад английским поэтом Эдмундом *Спенсером* (1552—1599). Строфа содержит в себе девять строк, из которых первые восемь написаны пятистопным ямбом, а последняя, девятая — шестистопным. Рифмовка по формуле — *ababbcbcc*. Такая строфика была применена Спенсером в поэме «Королева фей». Спенсеровой строфой пользовались Шелли, Байрон (например, в поэме «Чайльд-Гарольд»).

[19] Змеиный глаз — название болотного цветка; использовано в стихотворении Бальмонта «Змеиный глаз» («Огней полночных караван...» — *В безбрежности*).

[20] Это намерение не было осуществлено (см. п. 18, прим. 1).

16. БРЮСОВ — БАЛЬМОНТУ

(Москва.) 22-го марта 1897 г.

Константин Дмитриевич! Не сердитесь, что я не пишу ответа. Мне многое, бесконечно многое хотелось бы сказать Вам; именно потому и не пишу: все, что можно написать, ничтожно. Быть может, после.

Конечно, Ваш Валерий Брюсов

P. S.

Мы звали духа-искусителя,
Но нам и Дьявол не помог [1].

Вы еще не знаете этих стихов Мережковского. Реторика. Фофанов искреннее:

И молча мне больно
И сердце обиды людские шутя переносит...
Довольно! довольно!
Душа отстрадала и только забвения просит [2].

Но это мелко! — «Забвения» — как просто, как детски просто! О, Гамлет, Гамлет,— «простым ударом шила» [3] нельзя решать вопросов.

Но все это — после. Знаете, из всех друзей, знакомых, поклонников и любовниц, из числа всех этих ненавидящих, презирающих, смеющихся и любящих,— сохранил я одну Елену [4], ту, о которой когда-то писал Вам [5], существо смутное и бессвязное, из всей всемирной поэзии знающее только два стиха —

Ландыши, лютики, ласки любовные,
Ласточки лепет, лобзанье лучей [6],

которые к тому же постоянно путает. Я живу один, по необходимости выхожу к людям, и говорю только с ней. Это хорошо. Через нее я дохожу до полного

примирения —

Надежды нет и нет раскаянья,
И полны тихого отчаянья
Мы опускаемся на дно [7].

Я читал и читаю «Le trésor des humbles», это книга, которую я осудил бы (и осуждал) год тому назад и которая кажется мне теперь едва не евангелием [8].

В. Б.

P. P. S. Вы говорите «заграницу». Да разве я тысячу тысяч раз не мечтал о ней, о многом подобном, о монастыре.— Невозможно. Хотите знать причину? — О, определенная, ясная, точная. Мне предстоит «отбывать воинскую повинность». Был план ехать в Иерусалим, куда меня могли отпустить, но там чума и выезд паломников воспрещен.

P.P.S.S. Я посылаю Вам «Ch(efs) d'O(euvre)». Что касается до «Русс(ких) Симв(олистов)», то у меня они остались в единичн(ом) экз(емпляре.) Да и что можно говорить о этих книжках? Вы хорошо знаете их значение, то есть отсутствие их значения [9].

ГБЛ. Ф. 386, 69.26. Л. 6—7.

Ответ на несохранившееся письмо Бальмонта из Парижа; другой вариант того же письма см.: *Тетради*, п. 60.

[1] Из стихотворения Д. С. Мережковского «Спокойствие» (см. наст. кн., Переписка с Курсинским, п. 40, прим. 3).
[2] Из стихотворения К. М. Фофанова «Так полно, так полно...» (см. там же, прим. 1).
[3] Цитата из «Гамлета» Шекспира (там же, прим. 2).
[4] См.: *Тетради*, п. 60, прим. 12.
[5] См. п. 13, прим. 3.
[6] Начальные строки стихотворения Бальмонта «Песня без слов»; (*Под северным небом*).
[7] Из стихотворения Мережковского «Спокойствие» (см. прим. 1).
[8] Книга литературно-философских эссе М. Метерлинка «Сокровище смиренных». Брюсов неточно передает свое первое впечатление от этой книги (см. наст. кн., Письма к Самыгину. Вст. ст. Н. А. Трифонова, прим. 18 и там же, п. 4, прим. 4).

В 1896 г. именно Бальмонт обратил внимание Брюсова на трактат Метерлинка, но затем он отнесся к этой книге отрицательно, отметив вторичность многих его идей. «Я прочел "Le Trésor des humbles" с чувством скуки и неприязни,— писал Бальмонт Л. Н. Вилькиной в январе 1901 г.— Эта книга написана человеком бессильным, который никогда не знал, что такое крик страсти, и потому его отречение от страстей флегматично и плоско, как страна, в которой он вырос. Те немногие страницы и строки, которые действительно хороши в книге Метерлинка, представляют из себя выписки, частию заключенные в кавычки, частию не заключенные. Литературные заимствования вполне позволительны, когда они окрашены индивидуальной печатью блестящего языка, как, например, у Д'Аннунцио. Но язык Метерлинка безвкусен, как невинная фруктовая вода. А между тем, те книги, откуда он почерпал свою, полны самой яркой, самой душистой пьяности! Какой же смысл имеет его книга? Он дурно говорит о том, что у других сказано хорошо. Он слишком о многом лепечет понаслышке» (*ЛН*. Т. 85. С. 454—455). Творчеству Метерлинка Бальмонт посвятил отдельную статью «Тайна одиночества и смерти» (Весы. 1905. № 2).

[9] Сборники «Русские символисты» и «Chefs d'oeuvre» были нужны Бальмонту для подготовки к курсу лекций по истории русской лирики от Пушкина до символистов, который он читал весной 1897 г. в Оксфордском университете.

17. БРЮСОВ — БАЛЬМОНТУ

(Москва. Начало апреля) 1897 г.

См.: *Тетради*, п. 64.

18. БРЮСОВ — БАЛЬМОНТУ

(Москва.) 25 апр(еля 18)97 г.

У меня экзамены [1]. Вы улыбаетесь, Константин Дмитриевич? — что до меня, я смеюсь — над собой. Как только отложу в сторону тяжелые и скучные Archives *,— буду писать Вам так давно обещанное письмо [2]. Сейчас взялся

* архивы *(франц.)*.

за перо случайно: в старой газете нашел неожиданно несколько строк о Вас. Посылаю Вам вырезку [3]; она, конечно, неинтересна, но ведь если не воспользоваться этой минутой, Вы уже никогда не прочтете этого отзыва одного из Ваших читателей, может быть, никогда и о существовании этой газеты не услышите. Прочтите. До скорого свидания в моем большом письме. Да, чтобы не забыть. У нас на Передвижной выставке [4] (о, боги, что за ужас!) есть прекрасная картина: это Нестерова «На горах». Высóко, высóко. Где-то там вдали — река; она упирается в эту гору и, видимо, огибая ее, течет у подножья. Стога сена; отсюда они кажутся такими маленькими; чуть заметная лодочка на реке. По тропинке горы тихо идет белица. Взор грустно проникновенный; в руках букет белых цветов. Как высоко! звуки сюда не достигают. Это хорошо. Еще у этого Нестерова «Сергий Радонежский». Он трудится, пилит бревна, носит воду. Осуждают сияние вокруг головы, но, на мой взгляд, в этом сиянии вся прелесть. Последнее «кстати». Из пророка Осии. «Рече господь — аз помилую непомилованную и возлюблю невозлюбленную и реку — людие [2*] мои есте» [5]. Хорошо?

Ваш Валерий Б(р ю с о в) [6].

ГБЛ. Ф. 386, 69.26. Л. 8—8 об.

[1] Вопреки более раннему намерению (см. п. 15, прим. 20) Брюсов не вышел из Московского университета и весной 1897 г. сдавал экзамены за третий курс.

[2] Ср. последнюю фразу письма Брюсова (начала апреля 1897 г.) (*Тетради*, п. 64).

[3] О какой статье идет здесь речь — установить не удалось.

[4] См.: *Тетради*, п. 66, прим. 6.

[5] Библия, Книга пророка Осии, гл. 2, ст. 23. Цитата неточна.

[6] Под текстом письма — запись И. М. Брюсовой: «Приложено было стихотворение "Встречать зарю преображенья..."».

Приводим текст этого стихотворения (публикуется впервые):

Встречать зарю преображенья
И смело, с темного пути,
Свои свободные моленья
До трона бога вознести...

О, этот луч зари над прахом!
Он опалил мечты мои
И переполнил душу — страхом,
Безумным ужасом любви.

Апр. 97

(*ГБЛ*. Ф. 386, 10.4. Л. 10)

19. БРЮСОВ — БАЛЬМОНТУ

⟨Москва.⟩ 13 мая ⟨18⟩97 г.

См.: *Тетради*, п. 67.

20. БРЮСОВ — БАЛЬМОНТУ

⟨Москва.⟩ 17 мая ⟨18⟩97.

Небосвод опрокинутый,
Уходящая даль,
Об отчизне покинутой
Замирает печаль

. . . . . .

И корабль убегающий
Уронил паруса...[1]

Мне как-то вдруг стали понятны эти стихи. Я прочел их давно, месяц назад,— но они тогда были чуждыми. Настроения сменяются так быстро, так быстро. Довольно. Теперь хочется бросить все и бежать. Прочь, дальше. Бездомные...

Об отчизне покинутой
Замирает печаль.

И, быть может, встретиться где-нибудь с Вами.— Это мечта. Встретиться [2]. Найдем ли мы что сказать друг другу?

[2*] *Было:* сынове

ПИСЬМО БРЮСОВА К. Д. БАЛЬМОНТУ
Автограф. Москва, 17 мая 1898 г.
Библиотека СССР им. В. И. Ленина, Москва

И в розное они теченье
Опять влекомые судьбой,
Сойдутся ближе на мгновенья,
Чем все миры между собой [3].

Вы забыли? Это К. Павлова.

О былом, о погибшем, о старом
Мысль немая душе тяжела...[4]

Я бы все написал вам, но воспоминания слишком блестящи, ярки. Этот год я жил для себя, от чего отвык уже давно. Я «затворил святилище поэзии» [5],

может быть, я и двух раз не читал своих стихов вслух... Но я слушал признания, говорил о любви, и проклинал и плакал. Я встретил женскую душу... Судьба дважды в жизни не дает таких встреч [6]. Помните, я когда-то был готов молиться? Теперь *она* плачет, а я смеюсь, смотря на хорошенькие, чужие глазки. «Христос с Тобой, мой Валя! мой неизменно дорогой. Будь счастлив и не вспоминай о твоей умирающей змейке». И, быть может, она умерла; — умерла? [7]

Да! теперь увидать Вас, потому что в моей душе не осталось ни убеждений, ни надежд. Увидеть Вас — e poi morire? * — Нет! — нет.

Я ведаю, мне будут наслажденья [8] — Это он, наш неизменный. Ведь он наш? Отрекайтесь, ищите, создавайте кумиров — мы вернемся к нему, к Единому! [9]

Все, все, что гибелью грозит,
Для сердца смертного таит
Неизъяснимы наслажденья,—
Бессмертья, может быть, залог!
И счастлив тот, кто средь волненья
Их обретать и ведать мог [10].

А ясность? свет?

В воскресенье бывала
Церковь божия полна;
Наших деток в шумной школе
Раздавались голоса,
И сверкали в светлом поле
Серп и быстрая коса...[11]

Великий! Мы поклоняемся тебе —

В начале жизни школу помню я...[12]

Простите бред. Во вторник я еду, пока в Ахен [13]. (Адрес, вероятно,—Aix-la-Chapelle. Prusse rhénane. Poste-restante VB) — или сюда, на Цветной б(ульвар), мне перешлют.

Где вы? [14] — так давно нет от Вас вести. Письма словно убегают в вечность.

Кончаю; страшно перечесть, но мне порукой ваша честь И смело ей себя вверяю [15].

Ваш, всегда Ваш Валерий Брюсов.

ГБЛ. Ф. 386, 72.31. Л. 1—2об.

Ошибочно лежит среди писем Брюсова к Самыгину. Черновик, без обращения. Адресат устанавливается по стихам, открывающим письмо (см. прим. 1).

[1] Начальные строки стихотворения Бальмонта «Бездомные» (*СВ.* 1897. № 4).

[2] Брюсов и Бальмонт не раз договаривались встретиться где-нибудь за границей, но это намерение осуществилось лишь много позже, в 1909 г.

[3] Последнее четверостишие из стихотворения К. Павловой «Две кометы» («Текут в согласии и в мире...» — 1855).

[4] Начальные строки стихотворения К. Павловой (без загл.— 1854).

[5] Источника цитаты установить не удалось.

[6] О Е. И. Павловской см.: *Тетради*, п. 51, прим. 1.

[7] В начале апреля 1897 г. Е. И. Павловская, которая была больна скоротечной формой чахотки, уехала к родным на Украину. В это время ей оставалось жить немногим более полугода.

[8] Строка из «Элегии» Пушкина («Безумных лет угасшее веселье...» — 1830).

[9] Речь здесь идет несомненно о Пушкине.

[10] Гимн Вальсингама («Пир во время чумы» Пушкина).

[11] Песня Мери (там же).

[12] Первая строка стихотворения Пушкина (без загл.— 1830).

[13] В мае — июне 1897 г. состоялась первая заграничная поездка Брюсова. «Поездка моя ограничилась Германией: я побывал в Берлине, в Кельне, в Ахене, в Бонне и еще нескольких прирейнских городах» (Новый мир. 1926. № 12. С. 119).

* и потом умереть? *(итал.)*.

[14] В конце мая 1897 г. Бальмонт оставался еще в Оксфорде.
[15] Сокращенная цитата из «Евгения Онегина» Пушкина (Гл. III, Письмо Татьяны к Онегину).

21. БРЮСОВ — БАЛЬМОНТУ

(Москва. Июнь 1897 г.)

См.: *Тетради*, п. 70.

22. БРЮСОВ — БАЛЬМОНТУ

(Москва. Июль 1897 г.)

Там же, п. 71 (и прилож. к нему).

23. БРЮСОВ — К. Д. БАЛЬМОНТУ

(Москва.) 11 августа 1897

Прочел изложение Ваших лекций в «Северном вестнике» (август) [1]; почти ни с чем не согласен, хотя все очень красиво. Это, конечно, не критика, а поэтические картинки, более или менее полно передающие характер отдельных поэтов [2]. Мне теперь чужды некоторые из Ваших приемов.

«Поэзия Жуковского напоминает лунный свет, заемный, но своеобразный, мертвый, но красивый...» [3]

Красиво, но мертво. То же скажу и о ночном пожаре Лермонтова [4], и о маленьких рыбках Майкова [5].

Полежаев, на мой взгляд, никак не байронист и очень далек от Лермонтова.

Не расцвел и отцвел
В утре пасмурных дней...[6]

Совсем не нравится мне характеристика А. Толстого [7]. P. S. Садко, сколько помнится, попадает к морскому царю не во время кораблекрушения. Это очень заметьте, если будете печатать лекции [8].

Я бы не пропустил Огарева. Если бы вы вспомнили об нем, Баратынский не остался бы у вас таким лишним и одиноким [9]. Неужели Вы не оценили Огарева, его стихи, сработанные из стали, а с виду столь небрежные!..

Впрочем, оставим эти «беглые» заметки. Знаете вы новые стихи З. Гиппиус в той же книге «Северного вестника»? Я зачарован мелодией этого стиха.

Спускается на землю бледный мрак,
Сквозь дым небесный виден месяц юный,
И конь все больше замедляет шаг
И возжи тонкие дрожат, как струны...[10]

Льдов напечатал книжку стихов [11] («С послесловием цена 1 руб.»); я не читал. Емельянов-Коханский напечатал три книжки; в одной из них ряд довольно хороших стихов, кажется, чужих [12]. Он (Ем. К.) недавно женился.

Вы улыбнулись, и вам обидно. Это невольно вспомнилась и моя женитьба. Я, конечно, в ней не убежден, так же, как и Вы [13]; впрочем, может быть; во всяком случае то, что Вы сказали, очень хорошо. Только стихи... Нет, кто «рифмочки презирает» [14], много их не напишет.

ГБЛ. Ф. 386, 102.6.
Ошибочно лежит среди писем к Самыгину. Два других варианта того же письма см.: *Тетради*, п. 73.

[1] См.: *СВ*. 1897. № 8 (без подп.). Рецензент писал о лекциях Бальмонта в Тэйлоровском институте (Оксфорд): «Лекции эти, как сообщает местная пресса, привлекли многочисленную аудиторию, весьма сочувственно отнесшуюся к молодому русскому писателю и к предмету его лекций» (с. 117). По свидетельству жены поэта, Е. А. Бальмонт, текст лекций Бальмонт написал по-русски, а затем перевел их на французский язык. «Он решил читать их по-французски, это ему посоветовали люди, хорошо знающие английские нравы: нельзя читать в Англии

по-английски, если не знать английский язык в совершенстве (...) Один наш знакомый, французский писатель Понсерво, согласился поправить наш перевод. Он вернул нам его с немногими пустячными замечаниями и с кучей комплиментов. Особенно он хвалил стихотворные переводы, которые сделал Бальмонт, стихов Пушкина, Лермонтова, Тютчева, Фета и др.» (*Бальмонт Е. А.* Мои воспоминания о К. Д. Бальмонте // *ЦГАЛИ*. Ф. 57. Оп. 1. Ед. хр. 133. Л. 37). См. также: *Тетради*, п. 73А, прим. 1.

[2] Вводная лекция была построена Бальмонтом в форме общего сопоставления поэзии Пушкина и Лермонтова (он характеризовал их как представителей «художественного натурализма, который ищет содержание вне себя и воспроизводит природу так, как он ее видит») с поэзией Тютчева и Фета, которые создали русскую «психологическую лирику». В отличие от Пушкина и Лермонтова, прошедших, как и Байрон, через горнило роковых страстей и погибших в столкновении с враждебной им «чернью» аристократического общества, Тютчев и Фет, утверждал Бальмонт, «живут как самые скромные, тихие люди, в их жизни нет никакого трагизма, они умирают, как библейские патриархи, "насыщенные днями",— но в их поэзии, лишенной героического характера и берущей сюжетами попросту разные состояния человеческой души, все таинственно, все исполнено стихийной значительности, окрашено художественным мистицизмом. Это поэзия более интимная, находящая свое содержание не во внешнем мире, а бездонном колодце человеческого "я", созерцающего природу не как нечто декоративное, а как живую цельность» (*СВ*. 1897. № 8. С. 119). Кроме этих основных четырех фигур, данных крупным планом, Бальмонт включил во вступительную лекцию краткие характеристики ряда других русских поэтов XIX в.— Жуковского, Баратынского, Полежаева, Кольцова, Никитина, Алексея Толстого, Некрасова, Майкова, Полонского, М. Михайлова, К. Павловой, Надсона, Апухтина, Голенищева-Кутузова. «Почти вся вторая и третья лекции,— говорилось в обзоре,— посвящены г. Бальмонтом разбору особенностей творчества Тютчева и Фета; последняя лекция его представляет попытку охарактеризовать новейшую русскую поэзию в лице некоторых ее представителей,— попытку, страдающую односторонностью и преувеличениями, но не лишенную своеобразности» (Там же. С. 122).

[3] Творчество Жуковского Бальмонт осветил сквозь призму его переводческой деятельности, благодаря которой многие замечательные ценности европейской поэзии были освоены русской лирикой как свои собственные. «Его поэзия напоминает лунный свет,— говорил в этой связи Бальмонт,— заемный, но своеобразный, мертвый, но красивый,— лунную атмосферу, исполненную привидений, бледности и неясных умирающих звуков. Главное содержание этой поэзии — невозможность любви, порванной враждебными влияниями, резигнация, стремление от земли к небу,— темы, которым суждено было повториться в наши дни в совершенно иной разработке» (Там же. С. 117).

[4] О Лермонтове Бальмонт говорил: «В его поэзии мы видим пламя ночного пожара, не долгое, неровное, но исключительно-яркое, мы видим болезненное умирание погребального факела, подавленный трепет могучей личности, не нашедшей себе места в окружающей обстановке» (Там же. С. 118).

[5] О лирике Аполлона Майкова в лекции сказано: «Его поэзия напоминает невозмутимый пейзаж, тихое журчанье лесного ручья, над которым сплелись бессильные ветви ивы, исполненной изнеможения и бросающей кружевную тень на зеркальную поверхность; в неглубоких водах мелькают маленькие рыбки, оживленные солнечным лучом, и прохожий, заметив этот ручей, непременно захочет посидеть на берегу, и скажет: «Здесь хорошо!», но, уйдя, забудет о нем, если только он не исключительный любитель природы или не знает этот ручей с детства» (Там же. С. 100).

[6] Из стихотворения Полежаева «Вечерняя заря» («Я встречаю зарю...» 1826).

[7] В лекциях А. К. Толстому была дана следующая характеристика: «Современник великого романиста, граф Алексей Толстой, известен в России как автор исторического романа «Князь Серебряный», снискавшего многочисленных читателей среди народа, и как автор красивых баллад, где воспеваются герои русской народной фантазии: Алеша Попович, соблазняющий женские сердца магической силой музыки гусляр Садко, попавший во время кораблекрушения к морскому царю и рвущийся из подводного царства на землю, любимец народных былин Илья Муромец, бросающий роскошь придворной жизни, чтоб вновь изведать сладость дикой воли и простор «государыни-пустыни». В других стихотворениях Толстой беспритязательно изображает природу Малороссии, с ее вишневыми садами и хуторами, с ее вольными степями и свидетелями седой старины, молчаливыми курганами» (Там же. С. 121).

[8] В былине А. К. Толстого «Садко» буря на море и кораблекрушения происходит уже после того, как Садко попадает в подводное царство.

[9] Баратынский был представлен Бальмонтом в его лекциях как «поэт рефлексии и северной природы», стоявший «ближе всех из поэтов пушкинской эпохи к современным нервным и печальным поэтам» (Там же. С. 121).

[10] Из стихотворения З. Н. Гиппиус «Вечер» («Июльская гроза, шумя, прошла...») — *СВ*, 1897. № 8.

[11] *Льдов К.* Лирические стихотворения. СПб.: Паровая скоропеч. Я. Либермана, 1897. В конце 1897 г. Брюсов отозвался о Льдове скептически: «Самыгин писал мне, что в Туле читал лекции Льдов, и что он, Самыгин, познакомившись с ним лично, нашел его очень замечательным. Странно. Льдова я видел однажды в жизни. Он мне очень не понравился. А стихи его — яркий пример фальшивых бриллиантов; при первом взгляде блестят, как драгоценные камни, а на деле хрупки, как стекло» (*Дневники*. С. 32).

[12] О каких трех книгах Емельянова-Коханского идет здесь речь — установить не удалось.
[13] Свадьба Брюсова и И. М. Рунт состоялась 28 сентября 1897 г.
[14] Кавычки в тексте Брюсова, очевидно, отсылают нас к словам из не дошедшего до нас письма Бальмонта. Ср.: *Тетради*, п. 73 Б, прим. 11.

24. БРЮСОВ — БАЛЬМОНТУ

⟨28 августа 1897 г.⟩

Совершаю романтическое путешествие. Еду в глубь Малороссии, в Сорочинцы, близ Миргорода (какие местности!), еду проститься с той, кто умирает [1]. То была лучшая женщина, какую я встречал когда-либо,— единственная... Вернувшись, я женюсь [2]. [Неделя в вагонах, на почтовых лошадях, на таратайке] И все вперед, immer weiter *. Жизнь [не спрашивая нас насильно] сама подчиняет нас этому закону.

Ваш ВБ.

Текст письма записан Брюсовым в дневнике под датой 28 августа 1897 г. (*ГБЛ*. Ф. 386, 1.14/2. Л. 34).

[1] О прощальной поездке Брюсова к умирающей Е. И. Павловской см. подробнее: Там же. Л. 34об.— 36; см. также наст. кн., Письма к Самыгину, п. 6.
[2] См. п. 23, прим. 13.

25. БРЮСОВ — БАЛЬМОНТУ

⟨Москва. Между 20 и 30 января 1898 г⟩.

См.: *Тетради*, п. 74.

26. БРЮСОВ — БАЛЬМОНТУ

⟨Москва.⟩ 8 ф⟨евраля⟩ ⟨18⟩98 года

Сознаюсь, Константин Дмитриевич, что исполнять поручения хуже, чем я, трудно. Но Вы не падайте духом, если Вам нужно из Москвы еще что-нибудь: все это был первый опыт. Эда (жена моя) искала Лазарильо [1] и Кальдерона [2] по разным магазинам (а мне доктор все не позволяет выходить) [3], и, наконец, у Сувор⟨ина⟩ [4] сказали ей, что Кальдерон скоро к ним придет и что поэтому выписывать его не надо. Со дня на день так тянулось целый месяц,— то говорили «вот в четверг», то «мы уже счет получили» и в конце концов оказалось, что книга есть налицо в маг⟨азине⟩ «Русс⟨кой⟩ мысли» (где Вы покупали злополучных философов), да и Лазарильо тоже. Так что теперь обе книги в дороге; сознаю, конечно, что поздно.

Верю, что Вы не покинули ни химер ни чумы. Сам я занят прозой, такой прозаической прозой, которая окончательно приведет Вас в отчаянье [5]. В «Мире бож⟨ьем⟩» есть стихотворение И. Бунина [6],— клянусь,— интересное, первое из всех его стихотворений. Там же П. Я. пишет длинные строчки.

Нет, не довольно страдал я во имя свободы и света,
Я не достоин, о братья! святого названья поэта...[7]

В «Сев⟨ерном⟩ Вестн⟨ике⟩» (февраль)

Мне снилось, мы с тобой дремали в саркофаге [8].

и

Целовать! Целовать! без конца [9].

что напоминает январское

Умереть, умереть, умереть [10].

---

* все дальше *(нем.)*.

(P. S. такую же строчку я написал еще в 95 г.) [11].— Сам я печально перелистываю белые листки записной книжки. Есть «Колыб(ельная) песня»

. . . . . .
Фея-кудесница
Песни поет,
К месяцу — лестница
Света ведет [12].
. . . . . .

И только. О, неужели трудно писать стихами! Боже мой! Вот новый сборник М. Лохвицкой [13]. Согласен, уступаю,— здесь многое недурно, хорошо. Но вот я, который стихов не пишет, предлагаю написать на любую тему стихотворение, ничем не отличное от этих, такое, что Вы его признаете не отличающимся, таким же «недурным, хорошим».

Все это трафарет, новые трафареты поэзии, все те же Боги Олимпа, те же Амуры, Психеи, Иовиши *, но в новой одежде. Нет, не этого нужно, не этого. Лучше не писать. Или уж так необходимо повторять свои заученные молитвы?

Д. К. БАЛЬМОНТ. ОТЕЦ ПОЭТА
Фотография. Владимир, 1890-е годы
Центральный архив литературы и искусства СССР, Москва

Dieu nous bénira
Nous et nos familles,
Marie ouira
Les voeux de ses filles,
Dieu vous benira [2*]
. . . . . .

О, конечно, надо ждать этой награды!

Ваш Валерий Брюсов

ГБЛ. Ф. 386, 69.26. Л. 9—10.

29 января 1898 г. Брюсов отметил в дневнике: «Получил письмо от Бальмонта» (*Дневники*. С. 33). Бальмонт в это время находился в Париже, куда он уехал снова после кратковременного пребывания в России (ноябрь — декабрь 1897 г.).

[1] «Ласарильо из Тормеса, его невзгоды и злоключения» — испанский плутовской роман (1554, автор неизвестен).

[2] После поездки в Испанию (1896) Бальмонт увлекся испанской поэзией и драматургией, изучал испанский язык и принялся за переводы пьес классика испанской драматургии *Кальдерона* де ла Барка (1600—1681). В ноябре 1898 г. Бальмонт сообщал в письме к Чехову: «Я перевожу и читаю, и перечитываю Кальдерона. Кончил перевод одной его драмы и на днях кончу перевод другой и не знаю, что с ними делать. Никто их, конечно, печатать не станет, да и прочтут не более 200 человек. Впрочем, я не унываю и хочу перевести не менее 15-ти пьес Кальдерона. Какая бы судьба его ни постигла в России, он должен возникнуть в русской литературе. Он нисколько не менее интересен, чем Шекспир, только он более национален, менее общедоступен, он философ и мистик, он экзотичен, причудлив и пышен, как все истинно испанское. И герои его в своей судьбе превышают человеческое. Уже это одно делает его пленительным» (*ВЛ*. 1980. № 1. С. 108). В 1898 г. Бальмонт перевел пьесу «Чистилище св. Патрика» (М., 1899). В 1900—1912 гг. в издательстве М. и С. Сабашниковых вышли Сочинения Кальдерона в трех выпусках, в переводах Бальмонта и с его вступительной статьей. См. также его статью «Кальдероновская драма личности» в кн. *Горные вершины*.

---

* Юпитеры (*от лат.* Jovis).

[2*] Бог нас благословит, // Нас и наши семьи, // Мария освятит // Обеты девушек, // Бог нас благословит... (*франц.*).

[3] В январе 1898 г. Брюсов перенес тяжелый плеврит.
[4] Магазин книжного склада А. С. Суворина в Москве.
[5] В январе — феврале 1898 г. Брюсов напряженно работал над книгой «Литературные опыты» (см. п. 31, прим. 2).
[6] Имеется в виду стихотворение Бунина «Когда на темный город сходит...» (Мир божий. 1898. № 2). Об отношениях Бунина и Брюсова см. публикацию их переписки. Вступ. ст. и публ. А. А. Нинова (*ЛН*. Т. 84. Кн. 1). См. также наст. том, кн. 2, Переписка с Поляковым, п. от 6 окт. 1901 г., прим. 2.
[7] Неточная цитата из стихотворения П. Ф. Якубовича «Нет, еще мало страдал я во имя свободы и света...» (Мир божий. 1898. № 2).
[8] Из стихотворения М. Лохвицкой «Бессмертие» (*СВ*. 1898. № 2).
[9] Из ее же стихотворения «Песнь любви» (Там же).
[10] Из ее же стихотворения «Я хочу быть любима тобой...» (Там же № 1).
[11] Первая строка стихотворения Брюсова «Воспоминания о малюточке Коре». Первоначальный его вариант был написан 21 ноября 1894 г. (см. I, 63 и 575).
[12] Вторая строфа «Колыбельной песни» Брюсова («Мы забавляемся...»), датированной 30 января 1898 г. (I, 193).
[13] *Лохвицкая М.* Стихотворения. М.: Тип. А. Левенсона, 1898. Т. 2. Оценивая первый том ее стихов (1896), Брюсов отнес ее вместе с рядом других поэтов (Варженевской, Курсинским, Голиковым и др.) к «школе Бальмонта»: «Все они перенимают у Бальмонта и внешность: блистательную отделку стиха, щеголяние рифмами, ритмом, созвучиями,— и самую сущность его поэзии: погоню за оригинальными выражениями во что бы то ни стало, вместе с тем все они, как и Бальмонт, чистые романтики» (*Письма к Перцову*. С. 78). Бальмонт впоследствии особенно высоко оценил именно второй том ее стихотворений: «Из напечатанных Лохвицкой книг наиболее удачными являются несомненно том 2-й и том 5-й. В них наиболее выдержано общее настроение и больше отдельных стихотворений, доставляющих художественное наслаждение» (Весы. 1904. № 2. С. 59).

27. БРЮСОВ — БАЛЬМОНТУ

⟨Москва.⟩ 15 февраля 1898 г.

См.: *Тетради*, п. 75.

28. БРЮСОВ — БАЛЬМОНТУ

⟨Москва. Начало апреля⟩ 1898 г.

Там же, п. 76.

29. БРЮСОВ — БАЛЬМОНТУ

⟨Крым. 18—30 апреля 1898 г.⟩

Здесь, когда Вас нет, когда нет Ваших книг, когда читаешь стихи, вспоминая и слушая их звуки,— здесь вдруг мне возвращается их понимание. Вы знаете, я не раз начинал писать о «современных поэтах» (и м. б. еще напишу) [1]; говоря ⟨о⟩ Вас, я Вас не щадил [2]. Но иногда Ваши стихи мне так близки, как никогда не будут стихи других. Все же Ваша душа ближе мне, чем те. Я ее люблю.

Нам скучны пределы родимых полей,
Изведанных дум и желаний...[3]

Есть новизна ⟨?⟩ и в мире и в любви, в «тихой нежности». Потом возвращается старое чувство полунегодования ⟨?⟩ к этой жизни, м. б. чувство падшего ангела в человеке, а м. б. бессильное чувство земного существа. ⟨*6 нрзб.*⟩

О, Дон Жуан мудрее ⟨?⟩, чем и Вы думаете.

Убит?
In pace requiescat *. Безрассудный!
Забыл, что Дон-Жуан неуязвим [4].

«И я иду вперед дорогою открытой» [5]. Итти с усмешкой все вперед, всегда вперед, зачем-то вперед. Моисей, разбивающий скрижали [6], это детская картинка, это пересказ для толпы одной из истин [2*]. ⟨*6 нрзб.*⟩

---

* Покойся в мире *(лат.)*.
[2*] *Далее зачеркнуто:* Сибилла, роняющая свои мистические свитки, которые были написаны [7]

В. Н. БАЛЬМОНТ (ЛЕБЕДЕВА). МАТЬ ПОЭТА
Фотография. 1880-е годы
Центральный архив литературы и искусства СССР, Москва

ГБЛ. Ф. 386, 69.26. Л. 16.

На л. 16об.— текст письма от 30 апреля 1898 г. (п. 30). Перед данным письмом помета Брюсова: «К Б⟨альмонту⟩ раньше». Оно написано в Крыму, куда Брюсовы приехали не позднее 18 апреля. Это и определяет датировку данной редакции письма. Но до 30 апреля письмо, по-видимому, не было отправлено адресату, так как существует еще одна его редакция, датируемая 1 мая 1898 г. (публикуется ниже, в приложении к данному письму; там же — обоснование датировки).

[1] Об этом замысле см. подробнее наст. кн., Переписка с Курсинским, п. 8, прим. 14 и п. 10 и 11, а также: *Тетради*, п. 52, прим. 9.

[2] См.: *Тетради*, п. 86, прим. 5.

[3] Цитата из поэмы Бальмонта «Мертвые корабли» (*Тишина*).

[4] Цитата из третьего стихотворения цикла Бальмонта «Дон Жуан (отрывки из ненаписанной поэмы)». Цикл вошел в книгу *Тишина*; впервые опубл.: Книжки Недели, 1898. № 9. Из публикуемого письма следует, что Брюсов знал эти стихи задолго до их появления в печати.

[5] Автоцитата из стихотворения «Когда былые дни я вижу сквозь туман...» (22 июня 1895 г.; I, 86).

[6] Стихотворение Брюсова «Моисей» («Я к людям шел назад с таинственных высот...» — I, 149) написано в Крыму и датировано 25 апреля 1898 г.

[7] См. стихотворение Брюсова «Амалтея» («Пустынен берег тусклого Аверна...» — 15 февраля 1898 г.; I, 151—152).

Приложение

Вариант п. 29

БРЮСОВ — БАЛЬМОНТУ

(Крым. 1 мая 1898 г.)

Как скучны пределы родимых полей,
Изведанных дум и желаний [1]

И все проходит, и тихая нежность, и красота в вечно колеблемых волнах, и вера в то, что можно «всегда неизменно» молиться иной неземной красоте [2]. И встречая свои прошлые думы, уже улыбаешься грустно. Итти вперед, неизменно вперед, зачем-то вперед. А есть ли там неизведанные поля, и думы, и желания? Нет ответа! Повинуйся! Моисей, разбивающий скрижали, это детская картинка, это пересказ для толпы одной из непонятных истин [3]. Для греков то была сибилла, со смехом отбрасывающая свиток, который она писала трепеща и жадно.

А ветер скал лепечет стих над гробом,
Взвивает свитки и влечет шурша [4].

Прощайте *.

P. S. Природу я не полюбил, и нет у меня с ней ничего общего.

Ваш ВБ.

Сегодня мы смотрели медуз. Есть такая скала — они борются между собой, ласкаются. А хорошо прыгать по прибрежным скалам, потому что все-таки есть возможность оступиться и разбиться вдребезги [2*].

Я написал очень много неплохих (?) стихов, едва ли не половину — терцинами (?) [5]. Выбираю наиболее сносные [6].

ВБ.

Есть еще «Моисей», есть (*1 нрзб.*) — право, я могу всю древнюю, средневековую, новую и новейшую историю обращать в сонеты, терцины и канцоны (а знаете Вы, что̀ такое канцоны?).

В.Б р.

ГБЛ. Ф. 386, 69.26. Л. 19об.— 19.

Датируется на основании фразы: «Сегодня мы смотрели медуз». Аналогичная дневниковая запись Брюсова сделана 1 мая 1898 г. (*Дневники*. С. 36).

[1] См. п. 29, прим. 3.

[2] Прозаическое переложение строк 13—14 из стихотворения Брюсова «Как царство белого снега...» — 23 марта 1896 г.; I, 99.

[3] См. п. 29, прим. 6.

[4] Там же, прим. 7.

[5] Апрелем 1898 г. датируются 6 стихотворений Брюсова из раздела «У моря» (*TV*; I, 162—165) и «Моисей» (см. прим. 3). Терцинами написана поэма «Аганат» (I, 241—245), над которой Брюсов работал с декабря 1897 г. по октябрь 1898, и стихотворение «Амалтея» (февраль 1898 г.— см. прим. 4). Возможно, что обе эти вещи Брюсов взял с собой на доработку в Крым весной 1898 г. и что Бальмонту они известны пока еще не были.

[6] Какие именно стихи были отобраны для посылки Бальмонту — неизвестно.

30. БРЮСОВ — БАЛЬМОНТУ

(Крым.) 30 апр(еля) (18)98 года

Тоска вернулась. Было безумием ожидать иного. Вы говорили когда-то, что мы слишком заняты собой и своими чувствованиями, а надо работать, как Мережковский [1]. Работать, если можешь жить во имя «искусства». Так жил

* Продолжение текста — на л. 19. Перед P. S.— почти дословное повторение рассуждения о сибилле, с приведением тех же стихотворных строк.

2* *Далее зачеркнуто:* Я никогда не хвастаюсь моей храбростью, и хорошо, если сердце немного замирает

Флобер, Гонкур [2], когда-то — я. Не теперь. Но не могу жить и для себя. Говоря строго — жить не могу, и уже давно. Если живу, и радуюсь, и — говорю бодрые слова — это призрак.

И тень склонясь и горестно рыдая [3].

Все равно. Да будет. Ваш В. Б.

ГБЛ. Ф. 386, 69.26. Л. 16об.

Черновик, без обращения, с пометой Брюсова: «К Б(альмонт)у». Под текстом письма — запись Брюсова, воссоздающая историю его отношений с Е. И. Павловской.

[1] Брюсов с юности относился к Д. С. *Мережковскому* (1865—1941) как литературному мэтру и одному из провозвестников русского символизма; он зачитывался его поэмой «Вера», а сборник стихотворений Мережковского «Символы» (1892) стал для юного Брюсова настольной книгой. Находясь в последнем классе гимназии, Брюсов писал: «Осенью (1892 г.— *А. Н.*) я взялся за Мережковского. Все начали читать «Символы». Теперь я — декадент» (*Дневники*. С. 13). С середины 90-х годов Мережковский особенно много работал над переводами из античной и новой европейской поэзии, а также активно выступал как исторический романист и литературный критик. Книги Мережковского «О причинах упадка и о новых течениях современной русской литературы» (1893) и «Вечные спутники. Портреты из всемирной литературы» (1897) оказали несомненное воздействие на формирование эстетики раннего русского символизма. Личное знакомство Брюсова с Мережковским состоялось в декабре 1898 г.

[2] Французские романисты Гюстав *Флобер* (1821—1880) и Эдмон *Гонкур* (1822—1896) прославились как подвижники литературного труда и неистовые ревнители совершенства художественной формы.

[3] Цитата из стихотворения Бальмонта «Данте» (см. п. 15, прим. 17).

31. БРЮСОВ — БАЛЬМОНТУ

Москва. 21 июня (18)98 года

Вы получили мои жалобные слова, да? [1] Я вернулся в Москву, прежде всего к своим тетрадям, к той книжке о поэзии [2], которую я написал перед отъездом... Я вернулся и перечел те листки, которые исписывал с гордостью и злорадством... О Боже, как все это оказалось и бледно, и несмело, и совсем не то, что нужно. И еще одно заблужденье, и еще одна недостигнутая цель,— и много их, много в прошлом.

Но оставим это. Давайте читать вместе, как давно, как в прошлом. В Алупке в библиотеке нашлось издание стихов Фета 1850 г.[3], эту книгу я взял и не возвратил. Там много стихов, которых Вы не знаете, там «Соловей и роза» весь, без переделок [4]. Вы знаете начало? —

Такая дрожащая бездна
В дыхании полдня и ночи,
Что ангелы в страхе закрыли
Крылами звездистые очи...

Начало почти как в переделке,— потом:

СОЛОВЕЙ.

Ты — роза долины, я ночи певец,
И чувство в нас братское то же;
Нам месяц кристальный готовит венец,
А солнце пурпурное ложе.
Росою на песни, на песни росой
Дала отвечать нам природа,
И наши все грезы, все песни, как рой,
Горят у небесного свода.
Там ангел лазурный, востока жилец,
Их огненной метит рукою.
Ты — роза долины, я ночи певец,
Мы вечные братья с тобою *.

На востоке небо чисто,
Как сапфир твоих очей,
В рощах пальмовых тенисто,
Лунный луч дрожит теплей.
На востоке есть у Бога
Заповедные места:
Сердцу снится та дорога,
Полетим вдвоем туда...
Мы, как лотос, богомольно
Заглядимся в ручеек...
Сердцу станет больно, больно —
Полетим же на восток.

. . . . . .

* Строки 1, 3—4 и 9—11 отчеркнуты Брюсовым на полях слева.

РОЗА

Где милый, где сердце — там грезы,
Где вера — там царство весны,
Где очи — там жаркие слезы,
Где думы — там чудные сны.
Во сне мое спящее око
Небесный измерило круг,
От запада вплоть до востока,
Узрело и север и юг...

Ни — дна! только в бездне рождаясь,
Горят и сверкают ключи,
И силою вечной вращаясь,
Дрожат золотые лучи.
И вся эта сила стремилась
К одной отдаленной звезде,
А я все молилась, молилась,
Чтоб ты мне был верен везде.

. . . . . .

И дальше, как теперь — «Зацелую тебя, закачаю...» и—

Я дремлю, но слышит
Роза соловья.
Ветерок колышет
Сонную меня.
Звуки остаются
Все в моих листах...

А! если б мы прочли это с Вами три года назад! [5] А теперь эта поэзия выражений уже кажется мне чуждой, далекой. Быть может, и Вам.

И я иду вперед дорогою открытой,
Вокруг меня темно, а сзади блеск зарниц,
Но неизменен путь — звезды ее орбитой...[6]

Это из моих «ранних», «ранних» стихотворений. А знаете? — Я, может быть, все же напечатаю свою книжку о поэзии [7], так, из мести себе.

Ваш Валерий Брюсов

ГБЛ. Ф. 386, 69.26. Л. 13—14об.

Письмо адресовано Бальмонту, вернувшемуся из-за границы в Россию. Лето и осень 1898 г. он провел в Москве, в Крыму и в Петербурге. Адресат устанавливается по содержанию — ссылкой на предыдущее письмо к Бальмонту и упоминанием совместных чтений из других поэтов, обычным для первых лет знакомства и дружбы Брюсова с Бальмонтом.

[1] См. п. 30.

[2] В первой половине 1898 г., перед отъездом из Москвы в Крым, Брюсов усиленно работал над рукописью книги, изданной в 1899 г. под названием «О искусстве» (первоначальный вариант заглавия — «Литературные опыты»). Ср. п. 26, прим. 5.

[3] Вторая книга поэта — «Стихотворения А. Фета» (М.: Тип. Н. Степанова, 1850).

[4] Стихотворение «Соловей и роза» в первой, ранней редакции было напечатано в «Московском городском листке» (1847. № 255. 24 нояб.) и с небольшими изменениями включено в сборник стихотворений Фета (изд. 1850). Автор не включал это стихотворение в свои основные собрания, и оно было напечатано снова с переделками и большими сокращениями лишь в третьем выпуске «Вечерних огней» (1888). В предисловии к этому изданию Фет писал о «Соловье и розе»: «Решаемся сохранить его, находя, что ни в одном из наших молодых произведений с такою ясностью не проявляется направление, по которому постоянно порывалась наша муза» (см.: *Фет А. А.* Полн. собр. стихотворений. Л., 1959. С. 727, прим. Б. Я. Бухштаба).

[5] В первые годы знакомства (1894—1896) Брюсов и Бальмонт нередко читали друг другу по вечерам свои стихи и стихи других поэтов (см. подробнее вступ. ст. к наст. публ.).

[6] Последние строки стихотворения Брюсова «Когда былые дни я вижу сквозь туман...» (1895), входившего в сборник «Juvenilia» (отдел «Воспоминания»). См. I, 86 и 579.

[7] См. прим. 2.

32. БРЮСОВ — БАЛЬМОНТУ

(Москва.) 10 июля 1898 г.

См.: *Тетради*, п. 77.

33. БРЮСОВ — БАЛЬМОНТУ

(20-е числа августа 1898 г.)

Там же, п. 84.

34. БРЮСОВ — БАЛЬМОНТУ

(Конец августа 1898 г.)

Там же, п. 86.

35. БРЮСОВ — БАЛЬМОНТУ

(Москва. Конец августа 1898 г.)

Я вернулся в Москву, я опять среди книг. В первый же вечер перечитывал я Ваши книги, о друг мой. Ваши книги как новое и как целое [1]. Да, Вы правы — худшая «В безбрежности», это даже не книга, а только сборник. Но и в ней есть «Пустыня», «Океан» [2] и многое, многое (что — знаете). Мучительны в «Безбрежности» заплаты, наложенные на пустые места в стихах, и целые вещи придуманные. Или что я очень любил прежде стало для меня очень, очень детским. Первая любовь. «Под северным небом» нельзя бы и приближать ко многому уж слишком знакомому в «Безбрежности». Но Ваша истинная книга — «Тишина» [3]. В ней узнал Вас таким, как знаю, и в ней внятны мне все любови Ваши, все пути мысли. Мы слишком мало читаем стихов, это я Вам писал давно. Еще меньше читаем мы самих себя. Свои стихи я забываю, это не горе *для меня*, но я забываю Ваши, это дурно. Г⟨осподин⟩ А. Волынский, хоть Вы и защищали его когда-то, конечно (?), не смыслит в стихах ничего, мне это ясно [4]. Но я понимаю, что можно осмеять и ⟨*1 нрзб.*⟩ «В безбрежности». Но «Тишина» — это книга, которую надо не разбирать, а читать *. А, какие цельные вещи Вы написали. Какое было бы страшное счастье прочесть неожиданно (?) «Аккорды» [5] или отрывочные строки ⟨*неск. нрзб.*⟩ Все, что было, все, что будет, знаю, знаю наизусть, И смертный смертному навек чужой [6].

И будто пропасть света или утесных глыб, открывающаяся за отрывочным словом — дали *воздушных* отдохновений, Сон, как заглавие стихотворения о Боге [7], и слова, сначала смущавшие меня (а этого не мало), внушают ночную тишину, брызжут светом откровений.— Радуйтесь, о радуйтесь, и Вы ис⟨полнитесь?⟩ Тишины. А после нее ⟨*неск. нрзб.*⟩ О тихий Амстердам, [Как под ярмом], И оставляют след окружностью колес, Лишь гении, да демоны, да люди...[8]. Как хорошо, что Вы существуете в мире.

Я вернулся к стихам, к В⟨ергилию⟩ и Vielé-Griffin [9] и моему Баратынскому [10] — из гор, из мест, где есть последний умирающий вздох красоты дикой...[11]

⟨*4 нрзб.*⟩ Три дня шли мы по горам, две ночи ночевали в горах. Узкая тропинка по ущелью, между двумя стенами гор, красивейшая в Крыму, мало кому известная. В полдень дикие козы ищут самого уединенного, нетревожимого приюта; они уходят на эту тропинку, ложатся на нее и удивленно встают, когда видят нас.

яснее (?) звук
Крик птиц и диких коз [12].

Смущенно (?) касались мы уединенной жизни тех, для кого Ялта далекий и громадный город, знакомый больше по наслышке. Охотники припадали на земь при шорохе подходящего оленя, ⟨*1 нрзб.*⟩ ужин готовился ⟨*3 нрзб.*⟩ Монахи в пустых (?) монастырях приветливо отвечали на все «можно», а потом холодные и молчаливые ночи на высоте и молчаливые ⟨*8 нрзб.*⟩. Я не знал, что все это еще можно увидеть в нашем Крыму.

Теперь еще перехожу к математике [13], которой Вы не знаете и потому не ⟨*1 нрзб.*⟩ Хорошо и здесь, в мире, ушедшем от мира, в свободно созданном и торжествующем в Пангеометрии, где вычисляются линии и фигуры, которые и не могут существовать. Мне хочется слышать, как ряд «касательных» с тихим визгливым звуком, как нож, когда его точат, прикасаются с разных сторон к параболе, а та ускользает (?) в бесконечность. Я только читаю строки стихов,

* *Далее зачеркнуто:* Слабости ее в ней — более ранние, подходят к «Безбрежности»

Ваших, других, (*1 нрзб.*) учусь, п. ч. хотел бы сказать многое и о многом, и нет выражений (?) для всего, и радостней молчать.

Есть великое счастье, познав, утаить [14]

Чем-нибудь да окончится жизнь, если есть в ней смысл.

Тогда я буду радоваться (?) на ясный (?) конец, (*2 нрзб.*). А если нет смысла, так что и заботиться о ней. Пойдем как туманные тени за шагом шаг. Я очень люблю Вашего скорпиона.

Я окружен огнем кольцеобразным,
Он близится, я к смерти присужден...
Я пламенем стеснен многообразным [15].

Но это не мой страх, ибо этот огонь я презираю, ибо ему я улыбаюсь и не нужно мне смерти в самом себе. Мои враги глядят со всех сторон.

Есть какая-то глубь в душе, в которую так хорошо глядеть и долго видеть мрак глубины колодца, который (*неск. нрзб.*) и найти свое лицо. Может быть, это призрак, созданный воображением (?), но ведь и (*2 нрзб.*) призрак. Сиди же в мире призраков. Сиди же в мире.

Ваш ВБ.

ГБЛ. Ф. 386, 69.26. Л. 17—18об.

Черновик письма, без обращения и даты. Адресат устанавливается по содержанию, дата — по времени возвращения Брюсова в Москву после летнего пребывания на даче и по времени выхода сб. *Тишина* (см. прим. 3).

[1] К концу августа 1898 г. Бальмонт выпустил четыре книги стихотворений: «Сборник стихотворений» (Ярославль: Типолит. Г. Фалька, 1890); «Под северным небом» (СПб.: Тип. М. Стасюлевича, 1894); «В безбрежности» (М.: скоропеч. А. Левенсона, 1896); «Тишина» (СПб.: Тип. А. Суворина, 1898).

[2] Суждение Брюсова о стихотворении «Пустыня» («Я видел норвежские фьорды с их жесткой бездушной красой...») см. также: наст. кн., Переписка с Курсинским, п. 3; стихотворение «Океан» («Вдали от берегов страны обетованной...»), впервые опубликованное без посвящения (Русское обозрение. 1895. № 5), в книге «В безбрежности» посвящено Брюсову. По выходе этой книги (январь 1896 г.) Брюсов оценил ее как крупное литературное событие и доказательство того, что символизм занимает господствующее положение в русской поэзии. «Раскройте "В безбрежности" Бальмонта,— писал Брюсов Перцову 25 декабря 1895 г.,— и Вы найдете этому новое подтверждение. Я уверен, что Вы рано или поздно ознакомитесь с этой книгой (во всяком случае выдающейся), и потому не привожу цитат» (*Письма к Перцову*. С. 59—60).

[3] Ср. дневниковую запись Брюсова от 29 августа 1898 г. (вступ. ст. к наст. публ., прим. 46).

[4] Аким Львович *Волынский* (Флекcер, 1863—1926) — критик, искусствовед, один из руководителей журнала «Северный вестник». В своем письме Брюсов явным образом откликнулся на две статьи А. Волынского, помещенные в «Сев. вестнике» (1898. № 8—9). В полемической заметке «О символизме и символистах» (отклике на фельетон Н. Минского в газ. «Новости») А. Волынский дал критический разбор философии Н. Минского, развитой в его книге «При свете совести», и его поэзии (критик назвал его «талантливым литературным горбуном»). А. Волынский затронул также поэзию Д. Мережковского и Бальмонта, предупредив, что он никогда не был их поклонником: «Читатели и критики, язвительно упрекавшие меня в партийном сочувствии молодым русским писателям, которые сами охотно называют себя символистами, напрасно делали мне эту великую честь: во всем, что я когда-либо писал, не было ничего сочувственного их идеям и тем литературным задачам, которые ставят себе эти писатели. Когда мне приходилось говорить об их произведениях, я всегда выдвигал мое идейное разногласие с ними, хотя и не умалчивал об их дарованиях, о том, что в чисто литературном отношении я отдаю им предпочтение перед старыми шаблонистами и серыми рутинерами современного искусства. В их неясно обозначающихся талантах, шатающихся из стороны в сторону в смутных исканиях новых форм и ощущений, я сочувственно выделял только то, что могло развиться в художественный идеализм, открыто осуждая и отшвыривая все враждебное идеализму, а следовательно и истинному символизму...» (*СВ*. 1898. № 8—9. С. 221).

«О Гиппиус, Бальмонте и Сологубе я писал в разное время, когда они были на заре и на вершине своей литературной известности. Я всегда указывал на их талантливость, разъедаемую многочисленными язвами. Певучие бессмыслицы Бальмонта, окутанные дымкой «нежно-золотою», невыносимая вульгарность Сологуба, которая временами застилается густым туманом тоскливых чувств, каким-то неподдельным вдохновением мрачной фантазии — все эти черты их творчества я неизменно раскрывал в моих периодических рецензентских отчетах» (Там же. С. 224).

В том же номере журнала А. Волынский поместил язвительную рецензию на новую книгу Бальмонта «Тишина». Общие выводы критика были более снисходительны, чем разборы отдельных стихотворений и разделов книги: «(...) г. Бальмонт владеет певучим музыкальным стихом, в котором есть своя красота. Стихом этим он умеет передавать иногда очень тонкие впечатления от природы, с ее далекими воздушными перспективами, и в этом отношении он стоит бесспорно выше некоторых своих товарищей по литературно-поэтическому направлению» (Там же. С. 239).

[5] По заглавию стихотворения «Аккорды» («Мне снился мучительный Гойя, художник чудовищных грез...») назван один из разделов сб. *Тишина*.

[6] Приводятся строки из стихотворений, вошедших в сб. *Тишина*: «Проходя по лабиринту...» и «И ты изменила...»

[7] См. стихотворение «Сон» (сб. *Тишина*).

[8] Цитируются строки из стихотворений, вошедших затем в следующую книгу Бальмонта — *Горящие здания*: «Воспоминание о вечернем Амстердаме», «Под ярмом», «Лишь гении, да демоны, да люди...». В экземпляре книги «Горящие здания», сохранившемся в библиотеке Брюсова (*ГБЛ*. Ф. 386. Книги, № 62), возле первого из этих стихотворений — помета Брюсова: «В своем роде совершенство» (с. 134).

[9] Перевод Брюсова из «Энеиды» Вергилия, относящийся к лету 1896 г., см.: *ГБЛ*. Ф. 386, 14. 5/9. Л. 19—19об.; летом 1898 г. создана новая редакция брюсовского перевода отрывка из поэмы Вьеле-Гриффена «Бал на Северном мосту» (см. наст. кн., Переписка с Коневским, п. 1, прим. 15 и п. 2, прим. 10, а также: *Тетради*, п. 39, прим. 18).

[10] В 1898 г. Брюсов работал над статьей «Мировоззрение Баратынского» (см.: *Тихончева Е. П.* Брюсов о русских поэтах XIX в. Ереван, 1973, с. 46—88).

[11] Апрель, май и первую половину июня 1898 г. Брюсов с женой провели в Крыму.

[12] Источника цитаты установить не удалось.

[13] Брюсов увлекался математикой еще в гимназические годы и намеревался одно время поступить на математический факультет Московского университета.

[14] Строка из стихотворения Брюсова «И покинув людей, я ушел в тишину...» (I, 100).

[15] Сонет Бальмонта «Скорпион» впервые опубл. в *КР* и датирован в «Стихотворениях» Бальмонта (Л., 1969) 1899-м годом, но написан, судя по этому письму, до августа 1898 г.

36. БРЮСОВ — БАЛЬМОНТУ

(Москва. Сентябрь — начало октября 1898 г.)

См.: *Тетради*, п. 87.

37. БРЮСОВ — БАЛЬМОНТУ

(Москва. Октябрь 1898 г.)

Там же, п. 88.

38. БРЮСОВ — БАЛЬМОНТУ

(Москва. Октябрь — ноябрь 1898 г.)

Там же, п. 90.

39. БРЮСОВ — БАЛЬМОНТУ

Москва. 3 ноября (18)98 года

Я был болен (что со мной нередко), потому и не писал Вам; и теперь мыслю не совсем точно. Вы правы, я бы не угадал, что те стихи — Шелли [1]. «На обороте» русские стихи,— если не знаете чьи, угадайте [2]. Я получил свою рукопись и отдал ее печатать [3]. Ведомо ли Вам точно, когда Вы будете в Москве,— мне не хотелось бы разъехаться [4]. Читал и смотрел Шекспира; окончательное мнение — поэт пережитой, устаревший, «исторический» [5]. Так как способен только на легкое,— то перевожу «Фауста» [6], опять соперничая с Вами [7].

Ваш Валерий Брюсов

Verte *

ГБЛ. Ф. 386, 69.26. Л. 15—15об.

Черновик письма без обращения. Адресат устанавливается по содержанию. В начале октября 1898 г., после возвращения из Крыма, Бальмонт уехал из Москвы в Петербург. Брюсов был огорчен разлукой с ним (см. вступ. ст. к наст. публ., прим. 49).

[1] См.: *Тетради*, п. 87, прим. 1.

---

* Перевернуть страницу *(лат.)* [8].

[2] На обороте листа — рукой И. М. Брюсовой, карандашом — две первых строки из стихотворения Фета «Прозвучало над ясной рекою...».

[3] Имеется в виду рукопись книги Брюсова «О искусстве», которая с августа 1898 г. находилась в московской цензуре. 26 октября 1898 г. Брюсов отметил в дневнике: «Получил наконец, после двухмесячного ожидания, свою статью из цензуры. Не вычеркнуто ничего. Перечитывал. Написано совсем хорошо, но сжато до последней степени; часто совсем непонятно по краткости. Переделал только некоторые выражения в предисловии, чтобы стать скромнее» (*Дневники*. С. 51—52). 24 ноября 1898 г. книга «О искусстве» была уже напечатана (на титуле помечена 1899 г.). «Внешностью издания я доволен»,— писал Брюсов на следующий день (Там же. С. 52). Тогда же он послал свою книгу Бальмонту в Петербург. 5 декабря 1898 г. Брюсов получил от него ответ (см. вступ. ст. к наст. публ., прим. 50).

[4] Брюсов приехал в Петербург 6 декабря. Целью поездки было более основательное знакомство с петербургскими поэтами и литераторами. До декабря 1898 г. Бальмонт в Москву не приезжал, а 8 декабря Брюсов уже встретился с ним в Петербурге. «Дважды и даже трижды видел Бальмонта. Рассматривали рисунки Гойи и читали Кальдерона. Курсинский, который поехал с нами, посещает редакции и издателей. Еще были в Эрмитаже. Завтра у Бальмонта предполагается собрание поэтов, позванных "на меня"» (*Дневники*. С. 53).

[5] Мнение Брюсова о Шекспире как поэте «устаревшем» оказалось далеко не «окончательным» для него. Так, в лекции «Театр будущего» (1907) Брюсов называет Шекспира среди драматургов, творения которых «вызывают наш восторг и поклонение» (*ЛН*. Т. 85. С. 180).

[6] Отрывки переводов Брюсова из «Фауста», относящиеся к 1890-м годам, см.: *ГБЛ*. Ф. 386, 14.1. Л.27; 14.5/8. Л. 34об. Эти ранние редакции остались неопубликованными.

[7] Переводы Бальмонта из «Фауста» см.: Почин. Сборник общества любителей российской словесности на 1895 и на 1896 гг. М., 1895 и 1896. В юбилейном гетевском журнале «Жизнь» Бальмонт напечатал статью «Избранник земли (памяти Гете)» и переведенные им сцены из I части «Фауста» (Жизнь. 1899. № 9).

[8] См. прим. 2.

40. БРЮСОВ — БАЛЬМОНТУ

(Москва. Вторая половина декабря 1898 г.)

См.: *Тетради*, п. 97.

41. БРЮСОВ — БАЛЬМОНТУ

(Москва. После 25 декабря 1898 г).

Там же, п. 100.

42. БРЮСОВ — БАЛЬМОНТУ

(Январь — начало февраля 1899 г.)

Там же, п. 101.

43. БРЮСОВ — БАЛЬМОНТУ

(Москва.) 11 февраля 1899 г.

Там же, п. 102.

44. БРЮСОВ — БАЛЬМОНТУ

(Москва. Первая половина) Март(а) 1899 г.

Друг мой! Знаю, что Вы близко. И если бы год странствия пришел, он прожег бы душу до дна, открыл бы ей и всю ненависть и всю возможную силу. Знаю или, вернее, угадываю «шорох приближения», ибо все жизненное только угадываю. Не живу никогда, не дышу мгновением [1]. А после, его вспоминая, постигну. Все — в воображении и в мечте [2]. Но Вам старый гомеровский завет: νάρσει — мужайся.

Текст письма без подписи был включен Брюсовым в его дневниковые записи за март 1899 г. (*Дневники*. С. 62). Письмо отправлено до поездки Брюсова в Петербург 17—22 марта 1899 г.

[1] Поэтом «мгновения», «мига» Брюсов считал Бальмонта, и это свое понимание провел через свои основные статьи о его поэзии. «Для него жить,— писал Брюсов,— значит быть во мгновениях, отдаваться им. Пусть они властно берут душу и увлекают ее в свою стремительность, как водоворот малый камешек. Истинно то, что сказалось сейчас. Что было пред этим, уже не существует. Будущего, быть может, не будет вовсе. Подлинно лишь одно настоящее, только этот миг, только мое сейчас.

Люди, соразмеряющие свои поступки со стойкими убеждениями, с планами жизни, с разными условностями, кажутся Бальмонту стоящими вне жизни, на берегу. Вольно подчиняться смене всех желаний — вот завет. Вместить в каждый миг всю полноту бытия — вот цель» (VI, 250—251).

[2] Эту же идею противопоставления поэзии мгновений и поэзии мечты, рефлексии и рассудка Брюсов развил позднее в своих стихотворениях «Устои» (1901 — I, 226) и «В ответ» (1902 — I, 278). Подробнее см. во вступ. ст. к наст. публ.

45. БРЮСОВ — БАЛЬМОНТУ

(Москва.) 12 декабря ⟨18⟩99 г.

Внешнее:

Книгу Шарко [1] отдал в Екатер⟨ининскую⟩ больницу уже очень давно, если не тотчас после В⟨ашего⟩ отъезда, то м⟨ожет⟩ б⟨ыть⟩ через неделю, самое большее дней через 10—12.

Перцов и Дурнов [2], интересующиеся Гойей, искали его офортов у Брауна [3], на которого Вы указывали; там их нет. Не знаете ли Вы другого магазина?

М. А. ДУРНОВ
Фотография. Москва, 1904
Литературный музей, Москва

Можно ли «утруждать» Вашу жизнь? Вы когда-то похитили у меня «Гавриилиаду». Нет ли в Париже ее отдельного маленького издания? [4] Если есть, пришлите мне в письме, как обычное письмо, без обложки, безо всего лишнего, чтобы не оставили на почте. Мне она среди моих занятий Пушкиным очень нужна [5].

Книги раздумий [6] в Москве нет. Разные наши общие и частные знакомые хотели бы ее получить, но это невозможно. В⟨ам⟩ как изд⟨ателю⟩ не лиш⟨не⟩ было бы ее продвинуть ⟨?⟩. Сделайте подобающее распоряжение и тут ⟨*6 нрзб.*⟩. наверное продадут до сотни среди одних знакомых.

Внутреннее:

Друг мой! очень хотелось бы написать Вам открыто и полно все, о чем вновь думаю. Но в Вашей душе есть что-то жесткое *. Один из знавших Вас как-то раз обмолвился мне: если бы он (т. е. Вы) не уехал, я бы убил его [7]. Эту осень мы встречались раз двадцать [8]. Я ни разу не говорил с Вами открыто. Вероятно, виноват и я, отошедший от общего пути куда-то в сторону, Вам нелюбопытную, Вами отвергаемую. Но виноваты и Вы, потому что [2*] не видел я Вас ни разу только восторженным, только поэтом...

Друг мой, Вас мучит

О, Боже, для чего же
Настанет Страшный Суд! [9]

Но для меня это внешнее, дважды внешнее [3*]. Вы рассказываете мне о той, которая повернула к Вам голову и посмотрела удивленными человеческими

---

* *Далее зачеркнуто:* От чего отстраняешься, как в случае с Вами. Мне Поляков

[2*] *Далее зачеркнуто:* я видел Вас то пьяным, то злым, то усталым (ах, как верны эти грубые слова). Ближайшее общее, что было у нас,— стихи, но я видел Вас

[3*] *Далее зачеркнуто:* дважды неинтересное

глазами. И это внешнее. Я не сниму флер д'оранжа с Вашего портрета. Всех греховнее был тот, кто всю жизнь чуждался страсти. Неужели же Вы никогда не будете свободны, неужели ж Вы всегда будете рубить, как в русской песне, по железным обручам, когда от удара вместо одного [кольца] вырастают два! Эти оковы устра(няются) (?) за́говором, а не мечом. Пока Вы боретесь, пока Вы побеждаете, Вас оставляют в рабстве. Надо согласиться быть побежденным.

Я наблюдал, я знаю, что многое, к чему я прихожу путем логики и мгновенной догадки, открывается Вам каким-то созерцанием, мне непостижимым. Знаю, что Вы, как я, давно осудили всю внешнюю прелесть нового, уже ставшего старым, все эти освобождения от добра, прелесть неверности, счастья, но разве это предел? За осуждением (*1 нрзб.*) не следует новый путь. Иерусалим небесный! Торжество праведных. Мы дойдем до предела порубежной горы, чтобы пасть ниц в пыли, в крови (?) молиться. Об этом многие мечтают, вплоть до самых недостойных. И в этом особое унижение и особое умиление. Идемте!

Ваш Вал. Б.

ГБЛ. Ф. 386, 69.26. Л. 21—22об.

Черновик письма с пометой: «Бальмонту». В архиве сохранилась еще одна редакция данного письма (Там же. Л. 23—24), по-видимому более поздняя, в которой раздел «Внешнее» отсутствует, а воспроизведен, почти без разночтений, лишь раздел «Внутреннее» (без обозначения его каким бы то ни было заголовком). Для воспроизведения выбираем первый вариант, как более полный. Письмо предназначалось для отправки Бальмонту в Париж, куда он уехал в конце октября 1899 г. Третья, еще более поздняя редакция, представляющая собой по сути совсем уже новое письмо, содержащее лишь отдельные вкрапления из текста данной редакции (о книге Шарко, например), публикуется ниже (п. 46).

[1] Жан Мартен *Шарко* (1825—1893) — французский врач, основоположник современной невропатологии и психотерапии. О которой из его книг пишет здесь Брюсов — неизвестно. Возможно, что имеются в виду «Поликлинические лекции» Шарко, выпущенные двумя выпусками в русском переводе (СПб., 1889—1890).

[2] Петр Петрович *Перцов* (1868—1947) — журналист, литературный критик, один из самых активных корреспондентов Брюсова. Подробнее см. о нем: *Тетради*, п. 26, преамбула к комментарию; о М. А. Дурнове см. наст. кн., Переписка с Курсинским, п. 48, прим. 1.

[3] 3 декабря 1899 г. Перцов писал Брюсову: «А знаете ли, что у Брауна, по справке, не оказалось офортов Гойи? Нет ли где в других местах?» (*ГБЛ.* Ф. 386, 98.6. Л. 15).

[4] Речь идет, вероятно, об издании: Гавриилиада. Соч. А. С. Пушкина. Эротическая поэма. Б. м., 1899 (обложка на рус. и франц. яз.).

[5] О пушкинских штудиях Брюсова см. подробнее наст. том, кн. 2, Переписка со Щеголевым. Вступ. ст. Е. Ю. Литвин и С. А. Фомичева. Статья Брюсова о «Гавриилиаде» была опубликована лишь в 1903 г. («Пушкин. Рана его совести».— *РА*. 1903. № 7).

[6] «Книга раздумий» (СПб.: Тип. Балашова и К°, 1899). Сборник стихов четырех поэтов: Бальмонта, Брюсова, Коневского и Дурнова. Была издана по инициативе Бальмонта.

[7] Как свидетельствует зачеркнутый вариант текста, речь идет о С. А. Полякове (о нем см. наст. том, кн. 2, Переписка с Поляковым. Вступ. ст. Н. В. Котрелева). В подмосковном имении Поляковых Баньки (Лисьи Горы) Бальмонт жил летом и осенью 1899 г.; там же была написана одна из лучших его книг — «Горящие здания», посвященная (начиная со второго, «скорпионовского» издания 1904 г.) «моему другу С. А. Полякову, с которым мы вместе ее пережили». По свидетельству Е. А. Бальмонт, «самая мысль об издании "Весов" и "Скорпиона" принадлежала Бальмонту вместе с С. А. Поляковым, дававшим средства для этих начинаний. Родилась эта мысль об издательстве на Баньках, в имении моих родственников Поляковых (моя сестра Анна была замужем за Я(ковом) А(лександровичем), старшим братом С. А. Полякова), где мы с Бальмонтом проводили лето 1899 г.» (*Бальмонт Е. А.* Мои воспоминания о К. Д. Бальмонте // *ЦГАЛИ*. Ф. 57. Оп. 1. Ед. хр. 133. Л. 65).

[8] Брюсов встречался с Бальмонтом в августе—октябре 1899 г. в обществе Полякова, Балтрушайтиса и других лиц, причастных к организации нового книгоиздательства «Скорпион». Об этих встречах Брюсов тогда же писал в дневнике: «Потом приехал Бальмонт и сразу выбил из колеи мою жизнь. Он явился ко мне втроем с неким Поляковым и с литовским поэтом Юргисом Балтрушайтисом. Пришел еще Бахман. Бальмонт читал стихи, все приходили в восторг, ибо все эти вещи действительно удивительные («Джен Бальмор», «Закатные цвета», «Я насмерть поражен своим сознаньем...», «О да, я Избранный...»). Вечер закончился в «Аквариуме» (*Дневники*. С. 74; см. также наст. кн., Переписка с Курсинским, п. 53). Встречаясь с Бальмонтом, Брюсов возобновлял постоянные словесные состязания с ним, и они доходили порой до обидных слов друг другу. Бальмонт в своем более позднем очерке «Пьяность солнца» (1908), вспоминая о летних месяцах 1899 г., писал: «В то лето, однако, Брюсов представлял для меня мало интереса. Мы с ним скорее встречались тогда, помнится, лишь два-три раза — как встречались когда-то александрийские спорщики,

чтобы поиграть рапирами слов и кинжалами понятий, блеснуть, проблистать, переблестеть, завлечь, усмехнуться, уйти. Не в этом, конечно, главное содержание моей многолетней дружбы с Брюсовым, но в то лето было почти только это» (*Бальмонт К.* Морское свечение. СПб., 1910. С. 197). Прямым отзвуком ожесточившихся споров, взаимных упреков и словесных ристалищ явился сонет Брюсова «К портрету К. Д. Бальмонта» («Угрюмый облик, каторжника взор...»), написанный в конце августа — начале сентября 1899 г. и помещенный затем в разделе «Близким» книги *TV* (I, 197). Тогда же, в сентябре 1899 г., Брюсов сделал несколько дополнительных штрихов к поэтическому портрету Бальмонта («Я люблю в твоих стихах...»), однако этот набросок Брюсов оставил в черновиках и не стал публиковать его (см. I, 257 и 598). В конце октября Бальмонт уехал в Париж, и Брюсов получил от него несколько писем, выдержанных в таком же язвительном духе, в каком они общались прошедшей осенью. 19 декабря 1899 г. Брюсов записал в дневнике: «Бальмонт прислал Бахману письмо; его сущность: «Милый Георг! я счастлив; ресницы мои опускаются от счастья; Георг, имя твое красиво, как твои стихи...». Мне в тот же день послал письмо: «Если бы вы знали, как я вас ненавижу» и т. д.» (*Дневники.* С. 79). Настоящее письмо является отзвуком обострившихся отношений Брюсова и Бальмонта в последние месяцы 1899 г.

[9] Неточная цитата из двустишия Бальмонта:

Стучи, тебе откроют. Проси, тебе дадут.
— О Боже! Для чего же назначен Страшный Суд?

Помещено под третьим номером в разделе «Страна неволи» книги «Горящие здания».

46. БРЮСОВ — БАЛЬМОНТУ

⟨Москва.⟩ Янв⟨арь⟩ 1900 ⟨г.⟩

Майя [1].

Как Вы, мечтающий * о индийской мудрости [2], не постигли давно и бесповоротно всей призрачности этих житейских бездн и ужасов. Сначала дрожь, после бесстрастие; правда, еще после радость и счастье, их наполняющие, как краски или вино. Но эта радость уже высоко, где холод и чистый свет, откуда далек стонущий и кающийся...

Жизнь для незнающих — призрак для йоги [3].

Но Вы — незнающий! Неужели она только красочность заката, запах листьев и лепестков? — И все изысканности слова и весь трепет, наполнивший мгновения, даже замыслы, даже предчувствия. Широка эта заповедь. Дальше, глубже, снимай венец и с новых кумиров. Как смешны исступленные, как ничтожно преступление, как позорно блаженство земного пророка. Я презираю стоны. Любовь должна быть выше любви и бесстрастие выше победы [2*].

Но милы мне кристаллы...[4]
«О блаженные сонмы спокойно кочующих скифов» [5].

Уходите к ним, если можете.

Ваш В.

Внешнее.

Праздники были мы в Ваших Баньках [6], обошли (на «быстрых» лыжах) Ваш парк и лес. Луна величиною с гривенник.

Книгу Шарко отдал давно, очень давно [7]; если и не тотчас после Вашего отъезда, то м. б. через неделю.

В журналах прежнее; иной раз встречается не лишенное любопытства, но пересказывать совсем не стоит. ⟨*4 нрзб.*⟩ Книга Ореуса хороша [8]. О Вас среди парижских студентов было в «Курьере» [9].

«Книга раздумий [10] нигде не продается и ее показывают ⟨*1 нрзб.*⟩ как редкость [3*]. Вы решительно не хотите послать ее в редакции? Тогда пошлите хотя бы в книжные магазины (да не в один, а в несколько).

Бахмана [11] и Дурнова [12] и Балтрушайтиса [13] и Полякова [14] видел не редко. Все то же. Балтрушайтис пишет неожиданно хорошие стихи.

---

* *Было:* пишущий
[2*] *Далее зачеркнуто:* презрение то же, что нежность
[3*] *Далее зачеркнуто:* Вы как издатель

ГБЛ. Ф. 386, 69.26. Л. 25—26.
Черновой набросок, без обращения и точной даты, но с пометой Брюсова: «Бальмонту».

[1] Майя — магическая сила, обман *(санскрит)*; одно из основных понятий религиозно-философской школы Веданты. С помощью майи бог вызывает к жизни иллюзорный мир объектов, которому человек, не обладающий подлинным знанием, склонен придавать статус реальности. Трактовка реальности как создания человеческого духа принадлежит лишь избранным — брахманам. Майя трактуется также как иллюзия, видимость, призрак, закрывающие действительный божественный мир от постигающего его разума. Стихотворение «Майя» («Тигры стонали в глубоких ущельях...») вошло в книгу Бальмонта «Горящие здания».

[2] В конце 90-х годов Бальмонт с увлечением изучал философию индуизма, и это нашло затем отражение в его поэзии, книгах «Горящие здания», «Будем как солнце», «Зовы древности» и др. Целый раздел книги «Горящие здания» («Индийские травы») является своеобразным откликом современного поэта на вероучения индийских мудрецов. Этот раздел открывают два эпиграфа: «Tat tvam asi — То есть ты (основоположение индийской мудрости)»; «Познавший сущность стал выше печали» (Шри Шанкара Ачария). Шри Шанкара Ачарья (Шанкарачарья) — один из вероучителей индуизма, религиозный реформатор Веданты, живший в VIII—IX вв. Сопоставляя философское миропознание, характерное для Индии и Ирана, Бальмонт писал в книге «Зовы древности»: «Два братских народа, развив до полноты, каждый, единственный и неповторимый лик свой, оба коснулись грани, полюса. Индия, будучи живой, постигла то, что связано с Полюсом Смерти. Иран, более преданный земному, воплотил в своем религиозно-поэтическом творчестве очарование Жизни. Но как Индия, так и Иран, молятся Огню и Солнцу, мысли Парсов и мысли Индусов исполнены сияний, пряного запаха цветов, и свежего запаха полевых злаков. Только в утонченном поэтическом и философском восприятии Индусов более ощущается пьяный запах цветов или боль сердца, в котором опьянение кончилось, а в полном мужественности жизнестроительстве Парсов, влюбленников Земли, чувствуется вся красота возделанного поля, поэзия тяжелого снопа» (*Бальмонт К. Д.* Зовы древности: Гимны, песни и замыслы древних. СПб.: Пантеон, 1908. С. 207).

[3] Из стихотворения Бальмонта «Майя»:

Бешено мчатся и люди и боги...
«Майя! О, Майя! Лучистый обман!
Жизнь — для незнающих, призрак — для йоги,
Майя — бездушный немой океан!»
(Горящие здания)

[4] Из стихотворения Брюсова «Люблю я линий верность...» (1898):

Люблю дома, не скалы.
Ах, книги краше роз!
— Но милы мне кристаллы
И жало тонких ос.
(I, 171)

[5] Неточная первая строка из стихотворения Бальмонта «Скифы»:

Мы блаженные сонмы свободно кочующих скифов,
Только воля одна нам превыше всего дорога.
Брюсов замок Ольвийский с его изваяньями грифов,
От врага укрываясь, мы всюду настигнем врага.
(Горящие здания)

[6] См. п. 45, прим. 7.
[7] Там же, прим. 1.
[8] Первый поэтический сборник И. Коневского (И. И. Ореуса. См. о нем наст. кн., Переписка с Коневским. Вступ. ст. А. В. Лаврова) «Мечты и думы» вышел в свет в конце ноября 1899 г. (на титуле — 1900). См. там же, п. 29, прим. 1.
[9] Этой заметки в газете «Курьер» обнаружить не удалось.
[10] См. п. 45, прим. 6.
[11] Георг Георгиевич *Бахман* (1852—1907) — немецкий поэт, переводчик, преподавал немецкий язык в Московской гимназии, друг Бальмонта и Брюсова.
[12] См. п. 45, прим. 2.
[13] Юргис Казимирович *Балтрушайтис* (1873—1944) — поэт, друг Бальмонта, Брюсова, Бахмана, Полякова.
[14] См. п. 45, прим. 7.

47. БАЛЬМОНТ — БРЮСОВУ

(Биарриц.) 10 июня н. с. 1900 г.

Большое спасибо за список [1]. Получил своевременно. Спасибо и за статью о Тютчеве [2]. Я послал ее одному русскому парижанину, поклоннику Тютчева. Вы, вероятно, получили «Здания» — ? — [3]

Я пишу новую книгу стихов [4], которая будет меньше, уже значением, и как более узкая, острее. В Россию вернусь в августе — и надолго [5].

Жму руку.

Ваш К. Бальмонт

P. S. Будете ли Вы в августе в Москве? Когда выйдет Ваша книга? [6] Я упоминаю Вас в «Атенеуме» [7].

ЦГАЛИ. Ф. 56. Оп. 3. Ед. хр. 6. Л. 1.

[1] О чем идет речь — установить не удалось.

[2] В первой половине 1900 г. Брюсов опубликовал две статьи о Ф. И. Тютчеве: «Некрасов и Тютчев» (*РА*. 1900. № 2) и «По поводу нового издания сочинений Ф. И. Тютчева» (Там же. № 3). Вторая статья, написанная в связи с выходом в свет «Сочинений Ф. И. Тютчева» (СПб., 1900), содержала дополнения к биографии, написанной И. С. Аксаковым, и перечень разночтений в тютчевских стихах. Эта вторая статья, по-видимому, и была отправлена Бальмонту в Париж.

[3] «Горящие здания» — пятая книга стихов Бальмонта, изданная в Москве во второй половине мая 1900 г. Брюсов в это время книги еще не имел. 23 июня 1900 г. он пишет отцу из Ревеля: «Если еще не посылал мне *Горящие здания*, пожалуйста, пошли заказной бандеролью, как я уже просил. А то Бальмонт в каждом письме осведомляется о том, какое они произвели на меня впечатление» (*ГБЛ*. Ф. 386, 142.8. Л. 15об.).

[4] Над книгой «Будем как солнце» Бальмонт работал в 1900—1902 гг.

[5] В конце июля 1900 г. Бальмонт уже вернулся из-за границы в Россию и навестил Брюсова в Москве. По приезде из Ревеля Брюсов записал в дневнике: «Москва. Сразу и более властно, чем я ждал, охватили меня обычные московские впечатления, весь круг друзей. Прежде других предстал Ланг (который живет в нашем доме). Затем скоро, очень скоро (случайно) пришли Поляков, Балтрушайтис и сам Бальмонт» (*Дневники*. С. 89). Бальмонт пробыл в Москве до конца августа 1900 г. «На второй же день он опять прислал за мной из «Аквариума»,— отметил Брюсов.— Я пошел, хотя только что вернулся с Донской. Мы читали стихи и пытались говорить» (Там же. С. 90. На Донской улице в Москве жили родители И. М. Брюсовой, ее братья и сестры). В конце августа перед отъездом Бальмонта в Петербург Брюсов устроил у себя традиционный поэтический вторник. «Были: Бальмонт, Бахман с женой, Поляков, Балтрушайтис с женой, Ю. Бартенев, Ланг и случайно зашедший Бунин. Бальмонт читал стихи без конца. («Художника Дьявола») (...) Сидели до 4 часов» (Там же).

[6] Книга Брюсова «Tertia vigilia» вышла в свет во второй половине октября 1900 г.

[7] «Атенеум» («The Athenaeum») — английский литературный журнал, в котором после посещения Оксфорда в 1897 г. Бальмонт помещал ежегодные обзоры русской литературы за 1898 и 1899 гг.

В обзоре, помещенном в журнале № 3740 (1 июля 1899 г.), Бальмонт дал высокую оценку книге Брюсова «О искусстве»: «Молодой поэт-символист Валерий Брюсов является оригинальным писателем, и он выпустил книгу, небольшую по охвату, но прекрасно написанную и интересную. Она называется "О искусстве"» (с. 26).

О сотрудничестве в том же журнале Брюсова см. п. 48, прим. 12.

48. БРЮСОВ — БАЛЬМОНТУ

(Москва. 18—20 июля 1901 г.)

Где я и что я — вот слушайте. Тотчас, простясь с Вами [1], уезжал я на 1½ суток из Москвы [2]. Потом прожил (и свою роль вел очень удачно) маленькую драму; если бы рассказать ее с некоторым искусством, чувствительные слушатели конечно бы плакали; в самом деле то было самое «ужасное» изо всего, что было в моей жизни [3]. Потом жил мирно, день за днем, не опаздывая «домой к обеду»; писал рассказы [4], унижаясь таким образом до соперничества с Максимом Горьким [5]; еще написал статью о спиритизме [6] — начало и конец очень хороши, Вы похвалите, а середины конечно не прочтете; написал пять-шесть совершеннейших стихотворений [7] — пришлю в обмен на Ваши. Теперь у нас на несколько дней сестра жены — младшая [8], еще несколько лет и она будет слишком полной, но пока

С глазами кроткими, как голубого дня
За рощей и т. д.[9]

Изучаю Лобачевского [10] и буду им столь же попрекать Вас, как Кантом [11] (или вернее Вы им меня будете попрекать). О «Атенеуме» не имею никаких

сведений; так как все сроки уже миновали, это не предвещает ничего хорошего [12]. Статья моя в «Мире иск(усства)» и правда не хороша [13]; но надо и то иметь в виду, что треть ее они пропустили; плохая статья, став короче, конечно, улучшилась, но смысл ее утратился; впрочем, от нее видимо смысл не требовался. Говорил ли Вам о книге Мережковского? [14] Истинно прекрасно, хотя в конце концов однообразно по приемам и — как можно ссылаться на Тэна! [15] Когда вторая часть кончится, напишу против [16]. Вообще напишу очень многое. После этого года, в который математически изучал безумие, буду превращать себя в кузнеца [17] и Флобера. Пришлите обещанные стихи к А.[18] Люблю Вас.

Ваш Валерий Брюсов

1901

P. S. Перечел, и удивляюсь, как мало, как это далеко не все. Вот дополнения. О «ужасном»: что оно все-таки достойно этого слова, помните, я Вам говорил на вокзале о двух возможностях; теперь лишь одна. О «рассказах»: я намерен их писать много, и именно их писать; почему не так? почему уступить Флоберу, Гамсуну, Достоевскому? О «кротких глазах»: это зеркальность, отражения с малым изменением; но Вы знаете.

ГБЛ. Ф. 386, 69.26. Л. 27—28об.

Черновик письма, без обращения и без точной даты, с пометой Брюсова: «Бальмонту». Датируется по сообщению: «Теперь у нас на несколько дней сестра жены, младшая» (см. прим. 8).

[1] Письмо написано после отъезда Бальмонта из Москвы 15 июня 1901 г. в село Никольское Курской губернии, где он был вынужден временно поселиться в имении Сабашниковых, родственников Е. А. Бальмонт, после политического скандала, связанного с публичным чтением в Петербурге обличительного стихотворения «Маленький султан», написанного под впечатлением жестокой расправы правительственных войск и полиции с демонстрантами на площади у Казанского собора 4 марта 1901 г. (см. публикацию документов по этому делу: *Нинов А.* «Так жили поэты...» Документальное повествование // Нева. 1978. № 7. С. 89—103). Не успев получить формального предписания Департамента полиции о высылке, Бальмонт 12 мая 1901 г. сам выехал из Петербурга в Москву, где уже не имел права находиться, и здесь, переезжая от одних знакомых и родственников к другим, на несколько недель исчез из-под надзора полиции.

Только в середине июня 1901 г. московской охранке удалось наконец вручить Бальмонту посланное ему вслед из Петербурга извещение Департамента полиции и получить от него расписку в том, что постановление министра внутренних дел ему объявлено. С этого момента Москву и Московскую губернию он должен был покинуть немедленно. 13 июня 1901 г. Брюсов получил срочную телеграмму от С. А. Полякова: «Монт * завтра уезжает надолго, будьте в два у Сабашникова». «Конечно, лечу,— записал Брюсов в дневнике.— Бальмонта высылают "из столиц и университетских городов и их губерний" на два года, все за те же стихи о "маленьком султане". Пока он едет в Курскую губернию к Сабашниковым, после за границу. Стало быть, проводы. Сначала у Сабашниковых, после в "Праге", еще после в "Мавритании" и у Яра, на другой день в "Славянском" и на станции. Впрочем, Бальмонт не пьет. Конечно, он все тот же» (*Дневники.* С. 103). 14 июня 1901 г. Брюсов сообщил А. А. Шестеркиной: «Увиделся, наконец, с Бальмонтом. Его все за те же стихи высылают из столицы на 2 года. Вчера и сегодня прощаемся с ним и провожаем его» (*ЛН.* Т. 85. С. 637). Брюсов провожал Бальмонта на Курском вокзале. Настоящее письмо было написано в ответ на письмо Бальмонта из Курской губернии, о котором Брюсов упомянул в переписке с А. А. Шестеркиной 2 июля 1901 г.: «Бальмонт из Иванина пишет что-то темное о мечтах и снах» (Там же. С. 642).

[2] Во второй половине июня Брюсов навестил в Верее А. А. и М. И. Шестеркиных.

[3] О чем идет речь — неясно.

[4] Брюсов имеет в виду, вероятно, следующие свои рассказы: «Дитя и безумец», «С новым счастьем», «Мраморная головка», «Менуэт» (*РЛ.* 1901. № 354. 25 дек.; 1902, № 1, 5 и 19; 1, 6 и 20 янв.).

[5] Суждений Брюсова о прозе раннего Горького сохранилось немного. В основном они, как и комментируемое высказывание, негативны. Но в обзоре русской литературы за 1901 г. для английского журнала «Атенеум» (см. прим. 12) Брюсов назвал повесть «Трое» «одной из самых замечательных повестей» текущего года, отметив, правда, что «стиль повести неровен. Одни части художественно совершенны, другие написаны вяло» (*Чтения 1980.* С. 289—290).

* Текст телеграммы был внесен Брюсовым в *Дневники.* После слова «Монт» в скобках помета Брюсова: «прозвище Бальмонта, как и Джо» (см. наст. том, кн. 2, Переписка с Поляковым, п. 10).

[6] В стремлении «все испытать и пережить» Брюсов не обошел и спиритизма, усилившего в конце 90-х — начале 900-х годов свое влияние на отдельные группы буржуазно-дворянской интеллигенции. В сентябре 1901 г. Брюсов записал в дневнике: «Усердно посещаю спиритические среды. Проповедую, поучаю и имею некоторое влияние» (*Дневники*. С. 90—91). В октябре того же года Брюсов отметил: «В спиритических сеансах испытал я ощущение транса и ясновидения. Я человек до такой степени "рассудочный", что эти немногие мгновения, вырывающие меня из жизни, мне дороги очень» (Там же. С. 93). В середине 1901 г. Брюсов работал над статьей, опубликованной позже: «Спиритизм до Рочестерских стуков» // Ребус. 1902. № 7, 11, 14, 18, 29 — 17 февраля, 17 марта, 7 апреля, 5 мая, 21 июля (подпись — В.). По свидетельству Ходасевича, Брюсов как-то сказал после одного из спиритических сеансов: «Спиритические силы со временем будут изучены и, может быть, даже найдут себе применение в технике, подобно пару или электричеству» (*Ходасевич В. Ф.* Некрополь. Воспоминания. Париж, 1976. С. 28).

[7] Первой половиной 1901 г. датированы следующие стихотворения Брюсова: «По улицам узким...», «Работа» («Здравствуй, тяжкая работа...»), «Мечтание» («О, неужели день придет...»), «Свидание» («В одном из тех домов, придуманных развратом...»), «Отвержение» («Мой рок, благодарю, о верный, мудрый змий...»), «Терцины к спискам книг» («И вас я помню, перечни и списки...»), «Каменщик» («Каменщик, каменщик в фартуке белом...»), «Фабричная» («Есть улица в нашей столице...»), «Подражание Гейне» («Мне снилось, я в городе дальнем...»), «Эпизод» («Не правда ли, мы в сказке...»).

[8] Мария Матвеевна *Рунт* (в замуж. Стоша, 1878—1951) гостила на даче Брюсовых летом 1901 г. дважды: 24 июня и 18 июля (см.: *ЛН*. Т. 85. С. 639, 645, а также наст. том, кн. 2, Переписка с Поляковым, п. 11, обоснование датировки). Здесь Брюсов говорит о ее втором приезде.

[9] Источник цитаты установить не удалось.

[10] Николай Иванович *Лобачевский* (1792—1856) — великий русский математик, создатель неэвклидовой геометрии. В трудах Лобачевского Брюсова привлекал ярко выраженный сенсуализм, стремление вывести математические понятия из субъективного человеческого опыта, отражающего объективные свойства вещей. «Поверхности и линии не существуют в природе, а только в воображении,— утверждал Лобачевский,— они предполагают, следовательно, свойства тел, познание которых должно родить в нас понятие о поверхностях и линиях» (Материалы для биографии Н. И. Лобачевского. М., 1948. С. 177). Об увлечении Брюсова математикой см. также п. 35, прим. 13.

[11] Иммануил *Кант* (1724—1804) — родоначальник немецкой классической философии, создатель новой космогонической теории и теории познания. Брюсов обратился к работам Канта еще в университетские годы. В июне 1895 г. он отметил в дневнике: «За Канта я взялся как за откровение, но он более чем разочаровал меня (это лето было посвящено философии, особенно же Лейбницу)» (*Дневники*. С. 21. Исправление неточности в тексте по: *ЛН*. Т. 85. С. 755). В теории Канта Брюсова не удовлетворяло компромиссное решение основного философского вопроса, попытка примирения идеализма с материализмом. Из сочетания разнородных направлений в философии Канта он черпал в эти годы преимущественно субъективно-идеалистические положения и установки. В области эстетики вслед за Кантом Брюсов развивал идею «незаинтересованности» искусства, самоценности личности, превосходства поэзии над всеми другими видами художественной деятельности.

[12] По рекомендации Бальмонта ежегодные обзоры русской литературы для английского журнала «Атенеум» с 1901 г. стал писать Брюсов. 12 июня 1901 г. он сообщил А. А. Шестеркиной: «Сегодня получил предложение от английского журнала "Athenaeum" написать для них (по-русски, они переведут) обзор русской литературы за 1900—1901 г.» (*ЛН*. Т. 85. С. 636), а 16 июня ей же сообщил о том, что статья уже послана (Там же. С. 638). После проводов Бальмонта в деревню Брюсов заметил в дневнике: «Бальмонт, так как уезжал "из столиц", не мог написать своего обозрения в „Athenaeum" и поручил мне. Я всю жизнь следил за всей русской литературой, кроме именно этого года. Написано кое-как, в 5 дней, ибо срок был близок» (*Дневники*. С. 104). Подробнее освещение обстоятельств сотрудничества Брюсова с английским журналом и публикацию сохранившихся текстов брюсовских критических обзоров см.: *Ильев С. П.* Обзоры русской литературы Валерия Брюсова для английского журнала «The Athenaeum» (1901—1906) // *Чтения 1980*; *Он же*. Валерий Брюсов и Уильям Морфилл // В. Брюсов и литература конца XIX—XX века. Ставрополь, 1979. Правда, в этой последней работе комментируемая нами здесь фраза интерпретируется неверно: С. П. Ильев считает (см. с. 92), что Брюсов тревожится об отсутствии предложения со стороны журнала написать статью, тогда как речь здесь идет о неизвестности, принята ли редакцией журнала уже посланная в Англию статья. Обзор появился в журнале «The Athenaeum» 20 июля (№ 3847). Обратный перевод английского текста см.: *Чтения 1980*. С. 287—295).

[13] Статья Брюсова «Ответ г. Андреевскому» (Мир искусства. 1901. № 5). Андреевский в статье «Вырождение рифмы» (Там же) писал об отмирании стихотворной формы в поэзии. Этот эпизод журнальной полемики Брюсов и Бальмонт обсуждали в июне 1901 г. в Москве: «Бальмонт говорил мне, что "Мир искусства" моей статьей против Андреевского недоволен. "Им нужна статья с жалами". З. Гиппиус говорила: "Брюсов пла-ахую статью написал, начал с Адама"» (*Дневники*. С. 104). Полемику с Андреевским Брюсов продолжил в обзоре русской литературы, написанной для «Атенеума»: «В самом конце года (обзор охватывал литературу с лета 1900 до лета 1901 г.— *А. Н.*) в журнале "Мир искусства" появилась лек-

ция С. Андреевского "Вырождение рифмы", в которой автор утверждает, что время рифмованной поэзии миновало, что позитивизм нанес ей смертельный удар, что последними поэтами были Гюго, Гейне и Теннисон. На долю автора настоящих строк выпало возразить Андреевскому в том же номере журнала, однако самым красноречивым опровержением являются напечатанные в нем стихи г-жи Гиппиус, Мережковского, Минского, Бальмонта и Федора Сологуба» (*Чтения 1980*. С. 292).

[14] *Мережковский Д. С.* Л. Толстой и Достоевский. СПб.: Мир искусства, 1901. Т. 1. Появление этой книги Брюсов связал с деятельностью Религиозно-философских собраний в Петербурге. «Первой ласточкой можно назвать книгу одного из представителей этих Собраний, имевшую значительный успех в прошлом году,— писал Брюсов в черновом наброске обзора русской литературы за 1901 г.— Я говорю об исследовании Д. С. Мережковского "Толстой и Достоевский". Бесспорно, что Толстой и Достоевский — писатели, наиболее читаемые в наши дни. Поэтому, подвергая критике их произведения, Мережковский в то же время подходит к самым жгучим вопросам современной души. В своей книге он показывает, что искусство обоих стоит в неразрывной связи с религией. Смысл книги можно передать в тех кратких, но проникновенных словах, которыми Мережковский характеризует их творчество: "Толстой — тайновидец плоти, Достоевский — тайновидец духа". Книга Мережковского — явление значительное, и год, в который она появилась, должен быть отмечен в истории литературы» (*Чтения 1980*. С. 283). В окончательном варианте статьи общая оценка книги Мережковского сдержаннее (Там же. С. 292).

[15] Ипполит Адольф *Тэн* (1828—1893) — французский философ, эстетик, историк литературы. Высказывая свое отношение к трактовке личности Наполеона в «Войне и мире», Мережковский корректирует суждения Л. Толстого ссылками на И. Тэна. См.: *Мережковский Д.* Христос и антихрист в русской литературе. Глава 1. Лев Толстой и Наполеон-антихрист // Мир искусства. 1901. № 1. С. 1—23.

[16] См. заметку Брюсова «Новая ересь» (*РЛ*. 1902. № 153. 7 июня (подпись — Аврелий)).

[17] Метафорический образ поэта-мастера, кузнеца, кующего свои строки, подсказан, вероятно, одноименным стихотворением Бальмонта «Кузнец», которым открывается раздел «Возле дыма и огня» в книге «Горящие здания» (1900):

Я хочу быть кузнецом,
Я, работая, пою,
С запылившимся лицом
Я смотрю на жизнь мою,

Возле дыма и огня
Много слов я создаю,
В этом радость для меня,—
Я кую!

Стихотворение «Кузнец» в ряду некоторых других произведений Бальмонта было особо отмечено Горьким в его рецензии о книгах «Горящие здания» и «Tertia vigilia»; именно в связи с этим стихотворением Горький пожелал Бальмонту «более частых ощущений этой бодрой радости ясного творчества» (*Горький М.* Литературные заметки: Стихи К. Бальмонта и В. Брюсова // Нижегородский листок. 1900. № 313. 14 нояб.). Близкие по смыслу строки и образы можно найти в стихах Брюсова 1901 г., включенных затем в *UO*.

Я создал, и отдал, и поднял я молот, чтоб снова
сначала ковать,
Я счастлив и силен, свободен и молод, творю,
чтобы кинуть опять!
(I, 269)

Прочь венки, дары царевны,
Упадай порфира с плеч!
Здравствуй, жизни повседневной
Грубо кованная речь!
(«Работа»; I,272)

Рядом со стихотворением «Кузнец» в книге «Горящие здания», сохранившейся в библиотеке Брюсова (*ГБЛ*. Ф. 386. Книги, № 62) стоит помета Брюсова: «Verh⟨aeren⟩ лучше» (с. 97). Имеется в виду стихотворение Верхарна «Кузнец» из сборника «Лики жизни», впоследствии переведенное Брюсовым (см.: *ПСС XXI*. С. 129).

[18] Очевидно, к А. А. Шестеркиной (см. о ней: *ЛН*. Т. 85. С. 622—656).

49. БРЮСОВ — БАЛЬМОНТУ

⟨Москва. Конец января — начало февраля 1902 г.⟩

Мне не думается, чтобы эти мои дни были потерянными; я делаю то, что должен был сделать в юности, вместо «Русских символистов» [1]. Но я знаю, что будущее еще мое, что я властвую им. От времени до времени я пробую веревки, вижу, что они натянуты, и спокоен [2].

Вы — в затворничестве [3]. Я, напротив, очень на шуме [4]. Познакомлен со столькими людьми, что всех спутал, и приветливо кланяюсь тому, кто только и сделал, что бранно поносил меня на моем чтении. От стольких женщин слышал

слова о любви, что спутал тоже, и оставшись вдвоем, напоминаю иной то, чего с ней не было никогда.

Пишу довольно плохие рассказы [5] (все в «Рус⟨ском⟩ листке»), совсем плохие статьи [6] и хорошие стихи [7]. Получаю странные приглашения — вроде того, чтобы быть «заведующим редакцией» «Р⟨усского⟩ листка» [8]. Встречаю своих читателей, которые выражают мне свои умиления, и не удивляюсь и не восторгаюсь.

Так меня *безвольно* волна
Возносит ввысь.

(«Книга раздумий», если забыли) [9]

СЕВЕРНЫЕ ЦВЕТЫ НА 1902 ГОД
Обложка К. А. Сомова

Есть у меня к Вам поручение. П. П. Перцов (читайте: Мережковские) с *весны* будут издавать «богословско-литературный» журнал «Новый Путь» [10]. Участники все те же. Мне поручено просить у Вас всего — много стихов, статей, переводов, заметок — всего, что есть и что может стать сущим [11]. И скоро. Ибо они хотят к Пасхе выпустить 1-ую книгу [12]. Впрочем, в эту поспешность я не верю... Будут печататься там протоколы религиозно-философского общества (Вы о нем все знаете?) [13], статьи о католичестве, синоде, пресуществлении и т. д., много стихов, мало рассказов, очень много статей. Распоряжаться и деспотствовать будет Мережковский, который Вас славит очень. [Вообще, вдруг и сразу, все узнали, что «несмотря ни на что» Вы первый поэт (т. е. «первый» в наши дни), и Мережковский, и этот Перцов (бывший очень Вашим гонителем) [14], и здешние либералы, и здешние консерваторы. Есть поэт Lolo из «Новостей дня». Он выпустил (осенью еще) какой-то сборник, где стихи [15]. Ему в похвалу писали, что в иных вещах он достигает «почти бальмонтовской звучности и красоты стиха»] *

Не гневайтесь, Константин Дмитриевич, что мы, скорпионы, пропустили в «Северных цветах» две главы из «Художника». Иначе получалось слишком наглядное, для глаза мучительное, несоответствие в количестве Ваших стихов и всех остальных. Терялся смысл альманаха [16]. Кстати сказать, печатается он так неспешно, что может и к весне не поспеет [17]; С⟨ергей⟩ А⟨лександрович⟩ не настаивает [18], а я бессилен.

В «Одесских новостях» я нашел удивительные переводы стихов По,— много лучше Ваших; пошлю пример на днях. Подпись Altalena [19].

Зачем Вы в Сабынине! почему не в Ревеле (это же столица! Северный Неаполь!), не в Туле хотя бы, на расстоянии одной ночи от Москвы... Но Вам, конечно, то же говорят все и все —?

Это было когда-то давно и давно.

Так в «О⟨десских⟩ Н⟨овостях⟩» начинается Аннабель Ли [20].

Почему Вы не переводите дальше По. Книжный спрос самый явный [21]. Я возненавидел Бунина [22], но в «Р⟨усской⟩ м⟨ысли⟩» (1) его стихи хороши,

* Квадратные скобки поставлены в тексте Брюсовым.

также в «Курьере» — рождественском — Stella maris [2*], подражание мне [23]

Мой рок был странен и неведом.
В объятьях ледяной волны,
Мне шум ее казался бредом,
А холод — близостью луны.

О Вашей просьбе не пишу. Т. А. говорила мне, что все уже сделано помимо меня [24]. А успеха *в наши дни* все равно не будет. Написал бы об этом много, но можно ли?

Ваш Валерий Брюсов.

ГБЛ. Ф. 386, 69.26. Л. 29—30об.

Черновик письма, с пометой Брюсова: «Бальмонту», отправленного из Москвы в деревню Сабынино, имение князя Д. А. Волконского в Курской губернии под Белгородом, где с декабря 1901 г. Бальмонт вместе с женой и годовалой дочерью Ниной поселился по приглашению родственников жены (Д. А. Волконский и Бальмонт были женаты на родных сестрах). Ответ на неизвестное письмо Бальмонта. Датируется по ответному письму концом января — началом февраля 1902 г. (см. п. 50). В верхнем правом углу — помета И. М. Брюсовой: «Зима 1902».

[1] Речь идет, вероятно, о напряженной работе Брюсова в издательстве «Скорпион» по подготовке альманаха «Северные цветы» и серии авторских сборников виднейших представителей русского символизма: И. Коневского, Ф. Сологуба, А. Белого, К. Бальмонта, З. Гиппиус, Д. Мережковского. Смысл сопоставления этой работы с деятельностью по изданию «Русских символистов», очевидно, прежде всего в том, что теперь, как и тогда, Брюсов ставит перед собой задачу консолидации сил молодой русской поэзии. Но если в 1890-х годах Брюсов работал практически в одиночку, лишь имитируя наличие новой литературной школы в России, то теперь он стоял в центре действительно складывающегося литературного направления, представленного крупными литературными дарованиями. Ср. его фразу из письма к А. Белому (31 июля 1903 г.): «Вся русская поэзия будет в "Скорпионе". Эта осень — что-то вроде генерального сражения. Ватерлоо или Аустерлиц?» (*ЛН*. Т. 85. С. 360).

[2] Бальмонт, очевидно, тревожился, что организационно-издательская деятельность отвлекает Брюсова от его творческой работы.

[3] Свое зимнее пребывание в Сабынине Бальмонт воспринимал как тяжелое и вынужденное затворничество. «Зима эта была исключительно теплая, бесснежная,— вспоминала Е. А. Бальмонт.— Флигель, в котором мы жили, тонул в черноземной грязи. Выходить было трудно. Для Бальмонта это было огромное лишение, так как он всю жизнь привык выходить на воздух каждые два-три часа. Выезжать было также нелегко: на санях нельзя было, рисковали зарезать лошадей, в экипаже колеса не вертелись от густой липкой грязи» (*Бальмонт Е. А.* Мои воспоминания о К. Д. Бальмонте // *ЦГАЛИ*. Ф. 57. Оп. 1. Ед. хр. 133. Л. 32). В письме к А. П. Чехову из Сабынина Бальмонт писал: «(...) Все эти дни я был в Чистилище. Да и теперь тоже. Когда выберусь и выберусь ли? Бог весть. Я один здесь. В минуту сомнения мне не к кому обратиться. Буду сам собой, и баста» (Письмо от 25 декабря 1901 г. // *ВЛ*. 1980. № 1. С. 118).

[4] Зимой 1902 г. Брюсов был вовлечен во множество литературно-общественных дел и событий. В редакции газеты «Русский листок», где он продолжал активно сотрудничать, встречался с братьями А. и Н. Облеуховыми, Медведским и др. «Бываю в Литературно-художественном кружке; слушаю нестерпимо пошлые рефераты и нестерпимо пошлые возражения на их вторниках. Скучно...» (*Дневники*. С. 113). В январе 1902 г. Брюсов сам прочитал в Литературно-художественном кружке реферат о Московском Художественном театре, вызвавший оживленные прения. «Сошло сносно. Было не мало приятелей. Возражал яростно Викторов (а перед этим подходил познакомиться), бранно Френкель и дружелюбно Фейгин, Курсинский и еще кто-то. Я дал тоже яростную отповедь. Рукоплескания. Г-жа Крандиевская подходила благодарила» (Там же. С. 114).

[5] См. п. 48, прим. 4. В феврале 1902 г. в *РЛ* (№ 32. 2 февр.) был опубликован рассказ «Бемоль».

[6] Старое о г. Щеглове // *РА*. 1901. № 12; Немцы о наших писателях // *РЛ*. 1901. № 331. 2 дек.; П. И. Бартенев как издатель // Лит. прилож. к *РЛ*. 1901. № 339. 9 дек.; Рождественские рассказы в газетах // Прибалтийский край. 1902. № 8. 10 янв.; Переводная наука // *РЛ*. 1902. № 21. 29 янв.; Исторические статьи в неисторических повременных изданиях // *РА*. № 1 (цикл заметок; был продолжен в № 4 и 11); Текст пушкинской «Русалки» // *РА*. 1902. № 2; и др.

[7] Декабрем 1901 — началом февраля 1902 г. датированы следующие стихи Брюсова (все вошли позже в *UO*): «З. Н. Гиппиус» («Неколебимой истине...» — I, 354), «Прощальный взгляд» («Я сквозь незапертые двери...» — I, 313), «Пытка» («Эта боль не раз мной испытана...» — I, 315), «Лестница» («Все каменней ступени...» — I, 269) «Последнее желанье» («Где я последнее желанье...» — I, 270) и «У моря» («Когда встречалось в детстве горе...» — I, 292).

[2*] Звезда морей *(лат.)*.

[8] «Русский листок» — консервативная, полубульварная по духу газета с сомнительной политической репутацией. Один из ее редакторов, Константин Петрович *Медведский* (1867 — ?), поэт и критик, стяжал скандальную известность своими статьями в «Московских ведомостях» против Н. К. Михайловского и «Русского богатства», носившими характер неприкрытого политического доносительства. Широко публикуя свои произведения и статьи в «Русском листке», Брюсов уклонился все же от предложения «заведовать редакцией» этой газеты. Об участии Брюсова в «Русском листке» см.: *П.* Мимоходом (Курьер. 1903. № 59. 27 апр.); вероятно, его же: *Перо* (А. А. Дробыш-Дробышевский) Мимоходом (Нижегородский листок. 1904. № 36. 6 февр.). См. также наст. кн., Переписка с Курсинским, п. 60, прим. 4 и п. 66, прим. 1.

[9] Из стихотворения Брюсова «Я прежде боролся, скорбел...» (I, 134; впервые опубл. в *КР*).

[10] В 1902 г. Перцов вместе с Мережковскими начал работу по созданию литературного и религиозно-философского журнала «Новый путь», к участию в котором они стремились привлечь и Брюсова.

[11] 23 января 1902 г. Перцов писал Брюсову: «Напишите Бальмонту обо всем (...) Пусть присылает стихи, переводы, статьи о чем угодно (...) вообще что придумается» (*ГБЛ*. Ф. 386, 98.8. Л. 6—6об.).

[12] Первый № журнала вышел в январе 1903 г.

[13] Общество Религиозно-философские собрания возникло в Петербурге в конце 1901 г. по инициативе ряда писателей — Д. С. Мережковского, Н. М. Минского, В. В. Розанова, Д. В. Философова и др. с согласия высокопоставленных церковников во главе с обер-прокурором Синода К. П. Победоносцевым. Целью общества являлось сближение светской и духовной мысли на почве возрождения общественного интереса к религии. Ради этой цели в дискуссиях допускалось неканоническое толкование некоторых религиозных вопросов, притом что представители высшего духовенства, участвовавшие в собраниях, твердо стояли на страже идеологии господствующей православной церкви. Во время поездки в Петербург в начале февраля 1902 г. Брюсов присутствовал на очередном заседании (*Дневники*. С. 117). Его отчет о деятельности Религиозно-философских собраний см.: *РЛ*. 1902. 22 февр. («Новое знаменательное движение». Подпись — Аврелий).

[14] В письмах Перцова к Брюсову за 1896—1901 гг. множество суждений о Бальмонте, как правило, негативных. Приведем некоторые из них. О кн. «В безбрежности»: «Я едва заставил себя просмотреть эту холодную и надутую книгу. У него есть некоторый талант, но он понятия не имеет, что такое поэзия» (18 января 1896 г.— *ГБЛ*. Ф. 386, 98.6. Л. 2). О «Тишине»: «Видел лишь книжку Бальмонта, о которой нечего говорить» (23 ноября 1898 г.— Там же. Л. 13об.). О «Книге раздумий»: «Я не мог прочесть всего Бальмонта, скуки ради» (7 декабря 1899 г.— Там же. Л. 14). Лишь о «Горящих зданиях» Перцов отозвался иначе: «Читаю здесь на досуге "Горящие здания" и (incredibile dictu *) становлюсь поклонником Бальмонта!! Кто бы подумал!» (4 января 1901 г.— Там же. 98.7. Л.1). Но в апреле того же года он замечает: «Ведь как и что хотите, а бальмонтовский перезвон рифм и перелив звуков (из пустого в порожнее) Фета и Тютчева не заменит. "Нет того виду". А ведь Бальмонт все-таки "глава"» (7 апреля 1901 г.— Там же. Л. 19).

[15] *Lolo* (Леонид Григорьевич Мунштейн, 1868—1947) — журналист, сотрудник петербургской газеты «Новости дня». О каком сборнике идет речь — установить не удалось. Написал шуточную пьесу-пародию «Журфиксы у Мельпомены», изображающую Брюсова и хор декадентов (Новости дня. 1902. 25 дек.). Наибольшую известность приобрел в 1905—1906 гг. как автор сатирических стихотворений на злободневные политические темы (см.: Русская стихотворная сатира 1905—1907 годов. Л., 1969). В 1906 г. вынужден был эмигрировать из России.

[16] Речь идет о поэме Бальмонта «Художник-Дьявол», которая первоначально печаталась без двух первых глав в альманахе «Северные цветы на 1902 год». Полностью впервые поэма напечатана в книге стихотворений Бальмонта «Будем как солнце» (1903).

[17] *СЦ 1902* вышли в свет в апреле 1902 г.

[18] С. А. Поляков.

[19] Псевдоним Владимира Евгеньевича *Жаботинского* (1880—?) — одесского журналиста, поэта, критика и публициста, постоянного сотрудника газ. «Одесские новости», где в начале 1900-х годов он вел литературный фельетон «Вскользь», а также печатал статьи, заметки на литературные и театральные темы, стихотворные пародии и переводы. Переводы из Эдгара По: «Элалюм» и «Дин-дон» («Колокола») опубликованы под общим заглавием «Рождественские баллады Эдгара По» (Одесские новости. 1901. № 5505. 25 дек.).

[20] Перевод этого стихотворения Э. По был опубликован в «Одесских новостях» (1902. № 5515. 8 янв.). Перевод помещен в постоянной рубрике «Вскользь», которую вел Altalena, с посвящением Всеволоду Л. Первая строфа «Аннабель-Ли» в указанном переводе:

Это было когда-то давно и давно,
Там — в краях, что над морем легли,
Там жила дорогая малютка моя,
И я звал ее Аннабель-Ли.

Сравн. у Бальмонта:

---

* Невероятно сказать *(лат.)*.

Это было давно, это было давно
В королевстве приморской земли:
Там жила и цвела та, что звалась всегда,
Называлася Аннабель-Ли ...

Бальмонтовский перевод «Аннабель-Ли» был помещен в сб.: *По Э.* Баллады и фантазии/ Пер. с англ. К. Д. Бальмонта. М., 1895. С. 11.

[21] См. п. 15, прим. 12. К началу 1902 г. был издан первый том Собр. соч. Э. По — Поэмы, сказки (М.: Скорпион, 1901). Занятый подготовкой Собр. соч. Шелли для «Знания», Бальмонт отложил на несколько лет систематическую работу над переводами из По. Второй том его Собрания сочинений (Рассказы, статьи) в переводе Бальмонта был издан «Скорпионом» в 1905 г.

[22] Знакомство Брюсова с Иваном Алексеевичем *Буниным* (1870—1953) относится к 1895 г. После выпуска сборника стихотворений Бунина «Листопад» в изд-ве «Скорпион» (М., 1901) отношения поэтов, вполне дружеские до той поры, резко обострились. «На скорпионовском вторнике,— отметил в дневнике Брюсов в сентябре 1901 г.,— я с ним опять поговорил крупно, сказал, что все его писания ни на что не нужны, главное, скучны и т. д. Он проявлял великодушие и всячески славил мои стихи» (*Дневники*. С. 106). На следующую книгу Бунина — «Новые стихотворения» (М.: Тип. О. Гербека, 1902) — Брюсов откликнулся резко отрицательной рецензией (*НП*. 1903. № 1). См. также п. 26, прим. 6.

[23] Стихотворения Бунина «Ночь» («Ищу я в этом мире сочетанья...») // *РМ*. 1902. № 1 и «Stella maris» («Я в бездне был, я жил кошмаром...») // Курьер. 1901. № 356. 25 дек.

[24] Татьяна Алексеевна *Полиевктова* (рожд. Орешникова) — ближайшая в Москве подруга Е. А. Бальмонт. Т. А. Полиевктова нашла возможность включить влиятельных лиц в хлопоты о разрешении Бальмонту выехать за границу и выдаче ему заграничного паспорта. Решение этого вопроса было целиком во власти курского губернатора, к которому Бальмонт, со своей стороны, давно уже обратился с официальным ходатайством. Ответа не было более двух месяцев, но к середине февраля, когда в ход были пущены разветвленные родственные и дружеские связи, все уже было сделано. 14 февраля 1902 г. курский губернатор генерал-лейтенант А. Д. Милютин выдал Бальмонту заграничный паспорт сроком на полгода. О своем решении он в тот же день уведомил департамент полиции. 16 февраля 1902 г. начальник курского губернского жандармского управления отправил в Петербург следующую секретную депешу: «Имею честь донести Департаменту полиции, что Курский губернатор отношением от 14 сего февраля за № 532 сообщил мне о выдаче им того же числа заграничного паспорта № 30, сроком на полгода, состоящему под негласным надзором полиции в Московской губернии, дворянину Константину Дмитриеву Бальмонту вследствие его ходатайства» («Нева», 1978, № 7, с. 128).

50. БАЛЬМОНТ — БРЮСОВУ

15 февраля 1902. Сабынино.

Да, я верю только в себя и в Вас. Я знаю, что мы останемся всегда такими же, где бы мы ни были. Мы будем молодыми и неземными — годы, десятки лет, века. Все другие, кроме нас двоих, так жалко делаются людьми при первой же возможности, и даже не дожидаясь ее, стареют, забывают блеск своих глаз и прежних слов своих. Мелкота. Дрянь. Сволочь. Я никогда так не убеждался в жалкой хрупкости земных душ, как теперь, когда я посмел пожелать еще бо́льшего, чем мое прежнее, и, пожелавши, увидел тотчас, что Судьба со мной. Мне нравится во многом Мережковский, но чуждо, и как старик [1]. Я ведь люблю и стариков,— не старых, и не старцев, а стариков: в них есть что-то жуткое. Но Мережковский, кажется, уже очень скоро станет старцем, и конец ему. А эти петербургские мудрецы и валькирии... Представляю себе Ваши впечатления. Все эти эпилептические, печеночные, желудочные и чахоточные философы, пророки и канатные плясуны — поистине жалости достойны. Не знаю, когда их выметет мороз, как нечисть.

То, что Вы пишете о Юргисе [2], мне очень хорошо известно. Но я его люблю. Иногда. Очень, впрочем, редко.

Спасибо за все фактические сообщения. Я изнемогаю от однообразия воздействующих причин. Все работа, работа или старые внутренние счета перед полным освобождением. Уж вовсе скоро напишу Вам письмо с Итальянского бульвара [3]. Впрочем, еще не теряю надежды попасть в начале марта в Москву, хотя в Департаменте полиции отказали. Может быть, московские власти не будут столь свирепы [4].

Пишите, пожалуйста. Ваши письма так мне нужны. Стихи Альталены очень плохи, и как стихи, и как перевод [5]. Пришлите мне своих стихов. Я почти

ничего не пишу. Только мадригалы новому гению моей души и, может быть, судьбы [6]. Зато перевожу сколько стихов... Ах, ах...[7]

Побудите, деликатно, мистера Джо [8] отвечать на деловые вопросы. Этот странный человек поистине духообразен в смысле способности ускользать. Вот уже несколько месяцев, как он где-то отсутствует. Что с ним?

Иоанну Матвеевну благодарю за труд переписывания [9], Анну Рудольфовну [10] молю извинить мое невольное молчание. Час торопит нас. «И в этот самый час...»

Валерий, я знаю, я узнал истинное счастье. Я узнал, как через другого видишь свою душу. Как хорошо, как глубоко, как призрачно!

Всегда Ваш К. Бальмонт

ЦГАЛИ. Ф. 56. Оп. 3. Ед. хр. 6. Л. 4—5.

[1] Определенный итог своим отношениям с Д. С. Мережковским Бальмонт подвел в цикле из пяти стихотворений — «Д. С. Мережковскому»: 1. «Ты благородней и выше других...», 2. «Когда я думаю, любил ли кто кого...», 3. «Я полюбил индийцев потому...», 4. «Зачем волна встает в безбрежном море...», 5. «О Христос! О рыбак! О ловец!..». Этот цикл вошел в раздел «Сознание» книги «Будем как солнце». В «Полном собрании стихов» (т. 3. «Будем как солнце». Изд. 4-е. М.: Скорпион, 1912) Бальмонт снял посвящение Д. С. Мережковскому и заменил название цикла (вместо «Д. С. Мережковскому» — «Одинокому»).

[2] Знакомство Бальмонта с Ю. К. Балтрушайтисом относится к лету 1899 г., когда тот сблизился с С. А. Поляковым и часто бывал в его имении Баньки. Бальмонт посвятил Балтрушайтису стихотворение «Поэты» («Тебе известно, как и мне...»), вошедшее в книгу «Будем как солнце» (первая публикация — *ЕС*. 1900. № 9), и включил его имя в коллективное посвящение, открывающее книгу «Будем как солнце»: «... угрюмому, как скалы, Ю. Балтрушайтису...». Ср. стихотворение Брюсова, посвященное Балтрушайтису: «Ты был когда-то каменным утесом...» (1899). Как вспоминает Е. А. Бальмонт, «после Брюсова Бальмонт больше всего был привязан к Сергею Александровичу Полякову, к Ю. Балтрушайтису, к Максу Волошину и художнику М. Дурнову. Со всеми ними он дружил до конца жизни» (*Бальмонт Е. А.* Мои воспоминания о К. Д. Бальмонте // *ЦГАЛИ*. Ф. 57. Оп. 1. Ед. хр. 133. Л. 68). Об отношениях Балтрушайтиса с Брюсовым см.: *Ковалева Т. Ю.* Валерий Брюсов и Юргис Балтрушайтис // *Чтения 1980*. Суждение Брюсова о Балтрушайтисе, на которое отвечает здесь Бальмонт, содержалось, очевидно, в недошедшем до нас письме Брюсова.

[3] Итальянский бульвар в Париже, где Бальмонт надеялся быть в марте 1902 г.

[4] Поскольку двухлетняя высылка Бальмонта распространялась на обе столицы и университетские города, Департамент полиции отказал Бальмонту в возможности даже кратковременного пребывания в Москве. Ему разрешили пробыть в Москве проездом меньше суток — от поезда из Курска до поезда в Варшаву.

[5] См. п. 49, прим. 19, 20.

[6] Имеются в виду стихотворения цикла «Семицветник», посвященные Людмиле Ивановне (Люси) Савицкой: «Лесной ручей поет, не зная почему...», «Смотри, как звезды в вышине...», «Нет, ты не поняла, что в бездне пустоты...», «Люси, моя весна! Люси, моя любовь!..», «Кто полюбив — не сразу полюбил...», «Когда сейчас передо мною...», «Зачем ты хочешь слов?.. Ужели ты не видишь...». Е. А. Бальмонт в своих воспоминаниях так описывает появление в начале 1902 г. этой новой героини любовной лирики Бальмонта: «В одну из своих поездок к соседям Бальмонт встретил в одном поместье прелестную молодую девушку Люси Савицкую. Она приехала к родным из-за границы, где воспитывалась с детства, чтобы опять ехать в Париж поступать на сцену. Ей уже был обещан дебют в театре Gymnase. Это была очень талантливая девушка, она писала стихи по-русски и по-французски. Она немедленно подружилась с Бальмонтом и рассказала ему свою жизнь. Когда Бальмонт узнал о всех условиях ее приема на сцену, о закулисных нравах парижских театров, он отсоветовал ей решать так быстро свою судьбу, уговаривал ее подождать, он был уверен, что не по ней, не по ее открытому, благородному характеру продажные нравы французского театра. Люси вернулась в Париж и не поступила на сцену, а занялась литературой и поэзией. Она сотрудничала во многих парижских журналах, (где печатались) * и ее оригинальные французские стихи и критические статьи. Она очень много переводила Бальмонта, его стихи и прозу. Рассказы Бальмонта в ее переводе выходили в «Mercure de France» и других французских журналах. Отдельной книжкой вышла в Париже «Visions solaires» («Солнечные видения». Перевод с русского на французский Людмилы Савицкой. 1923.— *А. Н.*), впечатления Бальмонта из его путешествий по Мексике, Египту, Индии и т. д. Эта книга имела большой успех в Париже, она быстро разошлась, и об ней было много хвалебных отзывов в серьезных газетах и больших журналах. Затем Люси вышла замуж за француза инженера, с которым Бальмонт очень дружил. Пока она и Бальмонт жили в Париже, они не переставали общаться. Их связывала очень нежная дружба весь остаток их жизни. И Люси мне сама говорила, какую огромную роль сыграла в ее жизни встреча с Бальмонтом в этом глухом углу Курской губернии» (*Бальмонт Е. А.* Мои воспоминания о К. Д. Бальмонте, л. 94—95).

* В машинописном экземпляре *ЦГАЛИ* эти слова отсутствуют.

Г. БАХМАН

Фотография. Коломна, 1878
На обороте надпись рукой И. М. Брюсовой: «Г. Бахман — подарок от Ольги Михайловны Бахман»
Литературный музей, Москва

[7] Бальмонт в Сабынине усиленно занимался редактированием старых и созданием новых переводов для трехтомного Полного собрания сочинений Шелли в издательстве «Знание» (см. п. 15, прим. 10).

[8] Шутливое прозвище С. А. Полякова.

[9] Возможно, к письму Брюсова были приложены стихи, переписанные И. М. Брюсовой.

[10] Анна Рудольфовна *Минцлова* (? — 1910) — одна из ближайших подруг Е. А. Бальмонт, переводчица Новалиса и других немецких поэтов. В Москве и Петербурге пользовалась репутацией «прорицательницы» и «ясновидящей», увлекалась антропософскими религиозно-мистическими идеями Рудольфа Штейнера. В 1910 г. исчезла без вести, скорее всего погибла при невыясненных обстоятельствах. См. о ней также наст. кн., Переписка с Курсинским, п. 55, прим. 6.

51. БАЛЬМОНТ — БРЮСОВУ

16 февр⟨аля⟩ ⟨19⟩02. Саб⟨ынино.⟩

Валерий, посылаю Вам через руки свой новый сборник [1]. По прочтении передайте, пожалуйста, мистеру Джо [2]. Мы с ним давно уже условились, что он мне издаст эту книгу. Надеюсь, он не откажется [3].

Печатать я хотел бы немедленно, в формате и по образцу моего нового Шелли [4]. Прилагаю. Стихи печатать не вовсе сплошь, но и не вовсе по отдельности. Небольшие по два на одной стр⟨анице⟩, большие же, и с посвящениями, на отдельных стран⟨ицах⟩.

Теперь, как быть насчет цензуры? Есть благодетель? Если да, лучше процензуровать. Иначе же... Предоставляю решить Вам и Джо. Боюсь изуродования, но и боюсь сожжения. Не лучше ли просто выбросить 6—7 рискованных вещей? Или посоветоваться келейно с кем-н⟨и⟩б⟨удь⟩? [5]

Напишите поскорей. И напишите впечатление.

Ваш К. Бальмонт.

P. S. Да. Удобно ли Бахмана включать в посвящение? Спросите его. Ведь он в виц-мундире [6].

№ Переведите, пожалуйста, греческую цитату на стр. 7-й корр⟨ектуры⟩ [7].

ЦГАЛИ. Ф. 56. Оп. 3. Ед. хр. 6. Л. 6.

[1] Бальмонт выслал с оказией в Москву рукопись книги «Будем как солнце».

[2] См. п. 50, прим. 8.

[3] Сборник вышел в издательстве «Скорпион» весной 1903 г.

[4] См. п. 15, прим. 10. В начале 1902 г. Бальмонт располагал корректурой первого тома Собр. соч. Шелли (см. прим. 7).

[5] Опасения Бальмонта насчет цензуры имели под собой основания. Цензурная история книги «Будем как солнце» оказалась драматичной и сложной (см. п. 87, прим. 8).

[6] Поскольку Г. Г. Бахман находился на государственной службе (как преподаватель 1-й Московской женской гимназии), посвящение ему книги политически неблагонадежным поэтом могло быть связано для него с осложнениями. Однако Бахман пренебрег этими опасениями, и его имя включено в посвящение, открывающее книгу: «...творцу сладкозвучных песнопений Георгу Бахману». Находясь в Москве, Бальмонт не пропускал обычно литературные субботы Бахмана. Многие стихотворения Бальмонта Бахман первым перевел на немецкий язык. Поэтов связывала многолетняя дружеская переписка.

[7] Имеется в виду эпиграф к стихотворению Шелли «К Кольриджу». В русском переводе он звучит так: «В слезах вынесу бездольную долю» (*Эврипид.* Ипполит). В т. 1-м Полн. собр. соч. Шелли (СПб.: Знание, 1903) стихотворение помещено не на 7-й, а на 9-й странице.

52. БАЛЬМОНТ — БРЮСОВУ

27 февраля 1902. Сабынино.

Большое спасибо за повествование о петербуржцах [1]. Расскажите еще о Ясинском. Видели Вы его? [2] Скажите также, возникало ли при беседах мое имя на чьих-нибудь устах, кроме перцовских, и почему Перцов восхваляет Вас и меня? Почему Мережковский был уязвлен? За «старика-старца» или за остальную часть письма? [3] Я очень доволен, что Вы прочли ему мое письмо. Жалею, что не предвидел; я бы излился в более красноречивых словах и оборотах.

Из Ваших стихов мне понравились «Ступени» [4]. И ритм красив, и настроение передано очень хорошо.

Напишите мне, пожалуйста, поскорее и скажите, могу ли я остановиться у Вас от поезда до поезда? Только скажите откровенно. Меня звала Т(атьяна) А(лексеевна) [5], но мне конечно было бы приятнее провести эти несколько часов у Вас. Я приеду в Москву проездом: уезжаю за границу числа девятого марта [6]. Я не имею права ночевать в Москве, но на остановку от поезда до поезда конечно никто не может посягать, ибо не через воздух же мне лететь в Париж.

С нетерпением жду Ваших впечатлений от «Солнца» [7].

Пожалуйста, переведите цитату латинскую и исправьте орфографию греческую [8], листок верните. Молю сделать это тотчас. Также и посланную ранее цитату, в корректуре Шелли [9].

Жму руку. На днях получите моего левиафана-Кальдерона [10].

Ваш К. Бальмонт.

ЦГАЛИ. Ф. 56. Оп. 3. Ед. хр. 6. Л. 7.

[1] Брюсов был в Петербурге в первой половине февраля 1902 г., главным образом по делам журнала «Новый путь». О его петербургских встречах с литераторами и художниками см.: *Дневники*. С. 115—118.

[2] С поэтом, беллетристом и издателем Иеронимом Иеронимовичем *Ясинским* (1850—1931) Брюсов познакомился в декабре 1898 г. на «пятнице» у К. К. Случевского. После встречи в Петербурге осенью 1900 г. Брюсов отметил в «Дневнике»: «Ясинский очень хвалил мои статьи в "Русском архиве", говорил, что ради них начал читать "Русский архив" и звал писать у него» (*Дневники*. С. 96). С этого времени Брюсов печатался в журналах Ясинского «Ежемесячные сочинения» (1900—1903), «Почтальон» (1902—1903), «Беседа» (1903—1906). Ясинский сочувственно откликнулся на книгу «Tertia vigilia», заметив, что автор ее «не только поэт, но и мыслитель и стоит на верной дороге» (*ЕС*. 1900. № 12. С. 400). В следующем номере журнала была помещена одобрительная рецензия на эту книгу. В феврале 1902 г. Брюсов посетил Ясинского в Петербурге и оставил такую запись: «В среду утром ездил к Ясинскому. Страшно далеко, у Черной речки, совсем за городом. Ясинский страшный, обросший волосами и босой. Босыми ногами ходит он и по снегу из одного домика в другой. С ним некая молодая женщина. Кормил меня обедом, показывал своих Левицких, Тропининых, Боровиковских (все в plural *), уклонился платить гонорар. Он постарел и отстал от века» (*Дневники*. С. 116). Подробнее об отношениях писателей см.: *Ясинская З. И.* В. Брюсов и И. Ясинский // *Чтения 1971*.

[3] См. п. 50, прим. 1.

[4] Имеется в виду стихотворение «Лестница» («Все каменней ступени...» — январь 1902 г.). Опубл.: *НП*. 1903. № 4, цикл «Предчувствия»; I, 269.

[5] См. п. 49, прим. 24.

[6] Бальмонт проехал через Москву на Варшаву 15 марта 1902 г. (см. п. 54, прим. 1).

[7] См. п. 51, прим. 1.

[8] О каких текстах идет речь — неизвестно.

[9] См. п. 51, прим. 7.

[10] *Кальдерон П.* Сочинения. Т. 2. Философские и героические драмы. М.: Изд. М. и С. Сабашниковых, 1902.

---

* Во множественном числе *(нем.)*.

53. БАЛЬМОНТ — БРЮСОВУ

3 марта 1902. Сабынино.

Я Вас совсем изведу своими просьбами. Закажите мне, пожалуйста, у Сiу сотню визитных карточек по прилагаемому образцу. Я возьму их у Вас при свидании и тогда же расплачусь. Засим. На днях Поляков получит от дочери переводчика «Небожественной Комедии» [1] (разумею, конечно, не гнусного Курсинского) [2], Лидии Петровны Лебедевой, перевод нескольких вещей Красинского. Они, кажется, вполне цензурны. Побудите Полякова издать их на каких бы то ни было основаниях (или вернее на каких-либо). Правда стоит [3]. Девица сия, между прочим, много уже переводила с польского и с английского, в «Северном вестнике», «Варшавском дневнике» и пр.

Жду Ваших писем. Считаю дни. Их осталось так мало.

До свиданья. Жму руку.

Ваш К. Бальмонт

P. S. Не поедете ли со мной в Париж? Вот было бы хорошо!
А что же «Сев(ерные) цв(еты)»? [4]

ЦГАЛИ. Ф. 56. Оп. 3. Ед. хр. 6. Л. 8.

[1] Зыгмунт *Красиньский* (1812—1859) — польский писатель-романтик, драматург, автор фантастической драмы-видения «Небожественная Комедия» («Nie-Boska Komedia»), опубликованной анонимно во Франции в 1835 г. На русский язык впервые «Небожественная комедия» была переведена Петром Семеновичем *Лебедевым* (1817—1875), редактором «Русского инвалида». Его дочь Лидия Петровна Лебедева — поэтесса, переводчица, доводилась Бальмонту двоюродной сестрой по матери.

[2] Об А. А. Курсинском и его переводе «Небожественной комедии» см. наст. кн., Переписка с Курсинским. Вступ. ст. А. А. Козловского и Р. Л. Щербакова и п. 60, прим. 1 и 2.

[3] О взаимоотношениях Л. П. Лебедевой с издательством «Скорпион» см. наст. том, кн. 2, Переписка с Поляковым, письмо от 28 мая 1902 г., прим. 2.

[4] *СЦ 1902* вышли из печати в мае 1902 г.

54. БАЛЬМОНТ — БРЮСОВУ

10 м(а)рт(а) 1902. Сабынино.

Итак 15-го, часов в 6 или 7 мы увидимся [1]. Вы, вероятно, получили письмо от Люси? [2] Я буду рад увидеть не только «вестников вечного», но и всех, кто пожелает видеть меня, до Курсинского включительно. Я уезжаю действительно надолго из России. Думаю, что в следующий раз мы встретимся с Вами не в Москве, а в Париже или в Севилье.

Пожалуйста, исполните еще две просьбы. Отыщите Скирмунта, в его доме, в Гранатном переулке, часа в 4, получите от него деньги в размере ста рублей [3], и сообщите ему, что я в один из кратких часов своего, так сказать, весеннего пролета через Москву непременно заеду к нему. Это во-1-х. А во-2-х, купите мне, пожалуйста, флакон Royal Oubigant (рубля в четыре): кажется, хороший магазин есть на углу Брюсовского и Тверской.

Считаю часы. До свидания. Как радуюсь мысли, что хоть несколько часов будем вместе.

Ваш К. Бальмонт

ЦГАЛИ. Ф. 56. Оп. 3. Ед. хр. 6. Л. 9.

[1] Бальмонт приехал в Москву 15 марта 1902 г. «Перед приездом Бальмонта,— отметил Брюсов,— был в честь его вечер у Бахмана, где читалась новая книга Бальмонта, пока рукопись. "Будем как солнце"» (*Дневники*. С. 119). Тогда же Брюсов записал в дневнике: «Бальмонт в Москве. Бальмонту дозволено было уехать за границу и проехать через Москву, о чем он меня известил через Люси Савицкую. Решено было, что он проведет ночь у меня. К его приезду приглашены были к нам на обед к 7 ч.— Бахманы, Юргисы, Дурнов, Т(атьяна) А(лексеевна), Ланг, Минцлова, Курсинский (...) Обед прошел довольно скучно. Бальмонт читал бесконечные свои переводы из Шелли... Я встречал Бальмонта на вокзале. Приехал он с Екатериной Алексеевной. Москве Бальмонт радовался, как давно невиданному» (*Дневники*. С. 119).

[2] См. п. 50, прим. 6. Письма Л. И. Савицкой к Брюсову см.: *ГБЛ*, Ф. 386, 101.30.

[8] Сергей Аполлонович *Скирмунт* (1863—1932) — московский издатель, владелец книжного магазина «Труд». Бальмонт редактировал переводы сочинений Г. Гауптмана, издававшихся Скирмунтом, за что должен был получить гонорар.

55. БАЛЬМОНТ — БРЮСОВУ

12 м(а)рт(а) 1902. Сабынино.

Посылаю обратно корректуры [1]. Пожалуйста, сверьте их по исправлении. Смертельно боюсь «ѣррат» *.

Hasta la vista [2*]

Д о я

ЦГАЛИ. Ф. 56. Оп. 3. Ед. хр. 6. Л. 10.

[1] По-видимому, речь идет о корректурах стихов Бальмонта в *СЦ 1902*: «Воля», «В домах», «Чужой», «Арум», «Восхваление луны», «Художник-Дьявол» (главы из поэмы).

56. БАЛЬМОНТ — БРЮСОВУ

(22 марта/) 3 avril 1902. Paris 50, rue de Mathurins, Hôtel Sydney.

Снова смерть прошла мимо меня и даже не коснулась своей тенью. Поезд, на котором я уехал, сошел с рельсов, но из этого ничего не воспоследовало, кроме ужасов и воплей, в которых я не участвовал [1].

Я пленен Парижем. Вечно-прекрасный город. Но еще гляжу на него почти мертвыми глазами. Все еще сердцем там, откуда уехал, и, говоря словами Шелли, я застыл, как тот, чье тело не может быть там, где его душа [2].

Пишите мне. Не сердитесь на «открытку». Привет друзьям. Обнимаю Вас.

Ваш К. Б.

ЦГАЛИ. Ф. 56. Оп. 3. Ед. хр. о. Л. 11.

[1] Поезд Москва—Варшава, на котором уехал Бальмонт, потерпел аварию под Смоленском. См. также наст. кн., Переписка с Курсинским, п. 65.

[2] Источник цитаты не установлен.

57. БРЮСОВ — БАЛЬМОНТУ

(Москва. Апрель 1902 г.)

Писал Вам тотчас как Вы уехали poste-restante, получили ли Вы ту деловую записку?[1]

А вот беглое впечатление нашей встречи:

Вы осуществили идеал, о котором в малолетстве я мечтал. Из двух стихов

Мгновенье мне принадлежит,
Как я принадлежу мгновенью —[2]

— Вы взяли первый. Вы исполнили завет Добролюбова (которого отрицаете) — «все во всем так делать, чтоб ввек дрожать» [3]. Вы — рыба, если стихия жизнь. Вы — свободны. Говорю, что это идеал, о котором мечтал я долго. Мне, конечно, кажется, что я перешел куда-то выше, достиг некоей большей свободы. Но допускаю, что может быть неправ, и только просто отошел в сторону. Верно одно, что здесь мы разошлись с Вами. Мне не нужно то, что Вы ищете. Мы были когда-то близко, теперь нет. Впрочем, пересекаться могут лишь те пути, которые расходятся. Параллельные линии навсегда остаются близкими, но и не соприкоснутся нигде.

А теперь скажите мне — почему Вы, достигший этой свободы в жизни, не достигли ее в стихах? Здесь наши роли меняются. Насколько Вы «безумнее» (Ваше слово из предисловия к «Пану») [4] меня в жизни, настолько же трез-

* ошибок (*от лат.* erratio — заблуждение).

2* До свидания *(исп.)*.

веннее, литературнее в стихах. В Вас есть что-то Меевское [5], обязывающее Вас на правильные размеры, на условности, на стихи, а не на поэзию — Ваши книги слишком бледный оттиск с Вашей жизни. Вы слишком добродетельны в своих греховных стихах, и слишком робки — в рассуждающих. Почему это, почему Вы считаете красивым каждый свой жест, и смущаетесь за каждый свой стих?

Все это объясняет, между прочим, мне, почему все Ваши стихи так прекрасны в Вашем чтении. Прекрасны не стихи, а Вы. В Вас есть магия, которой все мы, я по крайней мере, не можем не подчиняться. Будь я женщиной, я всегда, когда Вы хотели бы того, был бы в том перечне, осмеянном (из зависти?) Минским [6]. Я не могу судить Ваших стихов, когда их читаете Вы, и я досадую на них, когда читаю сам.

Все это, должно быть, мое окончательное мнение о Вас. Идите вперед все так же стремительно, я буду на Вас любоваться. Но, встречаясь, мы всегда будем доходить до обидных слов друг другу. Я согласился бы и на то, чтоб Вы позволили всматриваться в Вас, не требуя ничего. Но Вам этого мало. Все для Вас должны быть декорациями, такими, как Вы хотите, а иные Вам не то что нелюбопытны, а не нужны.

Встречаться ли нам за рубежом, куда мы едем летом решительно [7].

«Ваш» Валерий Брюсов

1902

ГБЛ. Ф. 386, 69.26. Л. 31—32об.

Черновик, без обращения и точной даты. Адресат устанавливается по содержанию: упоминается, в частности, предисловие Бальмонта к роману К. Гамсуна «Пан» (см. прим. 4). Написано после отъезда Бальмонта из Москвы. Является, по-видимому, откликом на письмо Бальмонта из Парижа от 22 марта (3 апреля) 1902 г., в котором тот сообщил свой парижский адрес.

[1] Записка не сохранилась.

[2] Цитата из стихотворения Баратынского «Финляндия» («В свои расселины вы приняли певца...» — 1820).

[3] Цитата из стихотворения А. М. Добролюбова «На вечеринку уединенную...» (опубл.: *Добролюбов 1900*). Эти строки Брюсов включил также в статью «К. Д. Бальмонт. Статья первая. "Будем как солнце"» (VI. 250).

[4] В предисловии к роману «Пан» Бальмонт писал, в частности, что Гамсун волшебным лиризмом соединяет любовь с Природой «и мы чувствуем, что мы раньше не видали нашей любви,— мы раньше любили как-то неполно, а он вдруг раздвинул стены, и окружил нас лесом, и окружил нас морем, и мы стали ярче, богаче, и безумнее» (см.: *Гамсун К.* Пан: Роман/Пер. С. А. Полякова; Предисл. К. Бальмонта. М.: Скорпион, 1901. С. VII).

[5] Лев Александрович *Мей* (1822—1862) — русский поэт, знаток фольклора и народной речи, придавал большое значение ритмической и музыкальной организации стиха и в этом отношении действительно является одним из предшественников Бальмонта в русской лирике середины XIX в.

[6] О каком «перечне» идет речь — установить не удалось.

[7] Брюсов с женой и сестрой Надеждой совершил летом 1902 г. продолжительную поездку по Италии (выехали 5 мая, вернулись 11 июля 1902 г.). Бальмонт в это время также путешествовал по Европе, однако встреча за рубежом между поэтами не состоялась.

58. БАЛЬМОНТ — БРЮСОВУ

⟨4/⟩ 17 avril 1902. Paris

Два слова лучше, чем молчание. Писать еще не в силах. От души благодарю Вас, брат мой, за оба письма, за второе, такое, как можете написать только Вы [1]. О, настоящий! Как я люблю Вас!

Пишите в Оксфорд [2]. До отъезда напишу. Привет И⟨оанне⟩ М⟨атвеевне⟩.

Всегда Ваш К. Б.

ЦГАЛИ. Ф. 56. Оп. 3. Ед. хр. 6. Л. 14.

[1] См. п. 57.

[2] Бальмонт выехал в Оксфорд 9/22 апреля 1902 г. Об этом он сообщил 7/20 апреля 1902 г. в письме к К. П. Пятницкому: «Послезавтра еду в Оксфорд и там в тишине с новым жаром примусь за работу. Там все под рукой, и сам Оксфорд со своими колледжами и парками — свидетель юношеских дней Шелли» (Нева. 1982. № 10. С. 78).

59. БАЛЬМОНТ — БРЮСОВУ

15/28 апреля 1902. Оксфорд. 12, Museum Road.

О. УАЙЛЬД
Ксилография Дж. Гекстера
«Весы», 1907, № 1

Валерий, милый, пишите мне, не покидайте меня, я так мучаюсь. Если б я был в силах рассказывать о власти Дьявола, оликующем ужасе, который я вношу в свою жизнь! Больше не хочу. Я играю с Безумием, и Безумие играет мной. Я был бы рассчетливым холодным игроком, если бы я только играл с Безумием. Я был бы истинным лордом. Да, Оскар Уайльд сказал: «Это истинная джентльменская роскошь дважды и трижды бросить кости, играя с Грехом, но тот не выигрывает, кто играет с ним в Доме Позора» [1]. Вы когда-то мечтали о счастье протянуть руку за милостынью. Я знаю это счастье, как я знаю счастье расточительства. Я знаю еще другое счастье: холодный Англичанин, не знавший, кто я, говорил со мной, взял меня к себе в дом, умолял не губить себя, и весь дрожал с головы до ног от ужаса перед моим состоянием. А я незримо, глазами души, глядел на него и, безумный игрок, внутри дрожал от веселья чудовищности.

Но будет, будет, я больше не хочу этого. Не хочу исступленья. Я кончил. Внешность воплотилась. Я хочу сознания.

Я восклицал:

Меня преследуют кошмары,
Которые призвал я сам,
Создав ликующие чары,
В угрозу синим Небесам.

Но вот я полон Неба. Тишина. Отчаяние. Беспредельность одиночества. Холод сознанья. Не покидайте меня, брат, единственный. Любите меня. О, любите, любите меня!

Ваш К. Бальмонт

ЦГАЛИ. Ф. 56. Оп. 3. Ед. хр. 6. Л. 12—13.

[1] Прозаический пересказ 23-й строфы третьей части «Баллады Рэдингской тюрьмы» О. Уайльда. В позднейшем (1904) переводе Бальмонта:

Ого! — кричали.— Мир обширен,
Но цепи — вот беда!
И джентльмены кость бросают
И раз, и два,— о, да!
Но раб тот, кто с Грехом играет
В прибежище стыда!

(*Уайльд О.* Баллада Рэдингской тюрьмы / Пер. с англ. К. Д. Бальмонта. М.: Скорпион, 1904. С. 23)

60. БАЛЬМОНТ — БРЮСОВУ

Оксфорд. ⟨17/⟩ 30.IV. ⟨19⟩02. 12, Museum Road.

Если Вы захотите узнать, что такое деревья, и что такое голубые дали, не ездите никуда, а приезжайте в Англию. Здесь скоро будет чудный расцвет. И как хороши были бы итальянские озера после Оксфорда! [1]

Ваш К. Б.

ЦГАЛИ. Ф. 56. Оп. 3. Ед. хр. 6. Л. 15.

[1] Брюсов этим приглашением не воспользовался.

61. БАЛЬМОНТ — БРЮСОВУ

Oxford. 12, Museum Road. ⟨18 апреля/1 мая 1902 г.⟩

Только ты в мой ум проник,
В замок, спрятанный за рвами.
Ты увидел тайный лик,
С зачарованными снами.

Что нам этот бледный мир?
Есть с тобой у нас примета.
В каждом схимнике — вампир,
В каждом дьяволе — комета.

Только ты поймешь меня,
Только ты! На что мне люди?
Мы от духа и огня,
Мы с тобою чудо в Чуде.

1 мая. Ночь

Лионель [1]

ЦГАЛИ. Ф. 56. Оп. 3. Ед. хр. 6. Л. 16.

[1] *Лионель* — один из псевдонимов Бальмонта; был взят им у Шелли, в стихотворении которого «Лодка на Серкио» (1821) действуют два друга-героя — Лионель и Мильчиор. В конце 90-х годов получило известность стихотворение М. Лохвицкой «Лионель», обращенное к Бальмонту. Псевдонимом «Лионель» был подписан бальмонтовский цикл псалмов «Восхваление луны» *(СЦ 1902)*.

62. БАЛЬМОНТ — БРЮСОВУ

⟨27 апреля⟩, 10 мая 1902. Оксфорд 12, Museum Road.

Благодарю за скорый ответ. Я, кажется, не успел сказать Вам, что я оставил книгу о Приапе [1] среди достопочтенных волюмов в белых переплетах. Кто нашел ее впервые? Вы или некто иной? Я не согласен относительно текста. Конечно, он скучен, но факты там есть весьма любопытные. А как Вам нравится хищная птица с лениво-властными глазами. Я думаю, это лучшее, что имеется в сей книге.

Относительно 25-и рублей: удержите их, пожалуйста, пока у себя. Я буду обращаться к Вам время от времени с маленькими просьбами, и начинаю тотчас же. Если «Скорпион», т⟨о⟩ е⟨сть⟩ С. Поляков, не послал Дагни [2] «Сев⟨ерные⟩ цв⟨еты⟩», пошлите ей, пожалуйста, в мой счет. Адр⟨ес⟩: Norge Kristiania, Revisions-departementet, 5-te Kontor, D. Kristensen [3].

Пошлите мне, пожалуйста, 5-й, 6-й и 7-й выпуски Шелли [4], «Под северным небом» и «В безбрежности». Затем прошу послать безвозмездно (для Бодлеяны [5] и для Тайлорской библиотеки [6]) Эдгара По, т. 1 [7] и стихи Валерия Брюсова [8].

За посылку мне «Сев⟨ерных⟩ цв⟨етов⟩» благодарю. Я надеюсь, что мне пошлют сколько-нибудь денег за напечатанные в них стихи.

Сообщите мне, пожалуйста, получили ли Вы моего Кальдерона [9], а также, когда я получу корректуры своего нового стихотворного сборника. Передайте Скорпиону, что я очень прошу его набирать книгу теперь же [10]. Мы столько раз говорили с ним о ней, что мне было бы крайне обидно, если бы он стал

медлить с печатанием. Надеюсь, что наши, непостижимые для меня, личные недоразумения не будут оказывать какого-либо влияния на нашу совместную литературную работу.

Когда Вы покидаете Москву? [11] Мне жаль, если я Вас не скоро увижу. Я здесь до конца здешнего июня. Потом на два месяца свободен. Где будете Вы? Я бы приехал. Хотите, предпримем странствие пешком по Швейцарии? Было бы очаровательно, и мы оба написали бы что-нибудь очень хорошее [12].

С искусственными эдемами я кончил, если не навсегда, то во всяком случае на много лет [13]. Я уравновешен, спокоен и силен. Довольно. Есть всему предел. Я не знаю ничего лучше сознания.

Вира [14] я читал, и Дель Рио [15], и частию Сведенборга [16]. Читаю многое из родственных сфер. Этот год будет исходным в моей жизни. Не будет, а уже стал.

Послушайте: я не пленен Верхареном. О, как он описателен! Но хорош его «Звонарь». Хорош и «Дождь», но здесь он раб материи [17].

Ваш рассказ в «Сев(ерных) цв(етах)» мне нравится [18], и веселая песня, так же как вступление [19]. Нужно было напечатать по крайней мере 10—15 таких стихотворений. Иначе нет смысла. Не убедительно. Только поэты Вас отчасти поймут. Кстати: благодарите меня за новую «поклонницу». Если увидите Люси [20],— она для Вас хочет ехать в Москву,— будьте с ней, как со мной. Быть может, Вы не сразу увидите, она единственна, как Дагни [21], как Зина М.[22], как Вы, как я.

Пишите мне. Обнимаю Вас душой. Люблю Вас, холодный брат мой. Очень люблю Вас. Я был бы несчастен долго и всегда, если бы Вы не жили, если бы Вы перестали жить.

Ваш К. Бальмонт.

ЦГАЛИ. Ф. 56. Оп. 3. Ед. хр. 6. Л. 17—18.

[1] О какой книге идет речь, установить не удалось.

[2] *Дагни Кристенсен* — норвежская поэтесса, переводчица, работала корреспондентом в Петербурге, где в 1900 г. и познакомилась с Бальмонтом. Вскоре после знакомства Бальмонт опубликовал три стихотворения с посвящением «норвежской поэтессе Дагни Кристенсен»: «Да, тебя я знаю, знаю. Ты из рода королей...», «В моем саду», «Солнце удалилось. Я опять один...» (*ЕС*. 1900. № 10). В книге «Будем как солнце» эти стихотворения составили «Трилистник» (цикл «Млечный путь») и также посвящены Дагни Кристенсен. Имя ее включено в общее посвящение ко всей книге: «рассветной мечте Дагни Кристенсен, валькирии, в чьих жилах кровь короля Гарольда Прекрасноволосого». Бальмонт поддерживал близкие отношения с Д. Кристенсен и переписывался с ней в течение многих лет.

[3] *СЦ 1902*.

[4] Сочинения Шелли/Пер. с англ. К. Д. Бальмонта. Вып. 5—7. М.: Тип. М. Стасюлевича, 1897—1899.

[5] Бодлеянская библиотека в Оксфорде; основана английским дипломатом и ученым, современником Шекспира Томасом *Бодлеем* (1544—1612), положившим всю жизнь на собирание книг и обновление старой университетской библиотеки в Оксфорде. По примеру Бодлея и другие богатые коллекционеры из числа государственных лиц и ученых Англии завещали библиотеке свои книжные раритеты. С начала XVII в. Бодлеянская библиотека быстро разрослась и превратилась за три столетия в одну из лучших в Европе.

[6] Библиотека в Оксфорде при Тайлоровском институте, основанном знаменитым английским антропологом Эдуардом Бернеттом *Тайлором* (1832—1917), поставившим своей целью изучение культуры и искусства всех народов мира. В своей работе над переводами Шелли и других английских поэтов Бальмонт постоянно пользовался в Оксфорде услугами Бодлеянской и Тайлоровской библиотек.

[7] См. п. 15, прим. 12.

[8] Брюсовым к этому времени были изданы четыре книги: *ChdO 1*, *ChdO 2*, *MEE* и *TV*.

[9] См. п. 52, прим. 10.

[10] Скорпионом друзья называли в шутку С. А. Полякова. Речь идет здесь о книге «Будем как солнце».

[11] См. п. 57, прим. 7.

[12] Эти планы не осуществились.

[13] В примечаниях к стихотворению Шелли «Сон Марианны» Бальмонт напомнил о старой книге английского предромантика Де Куинси «Исповедь английского любителя опиума», которая была переведена на французский язык Бодлером и включена в извлечениях в его книгу «Искусственные эдемы» («Les paradis artificiels»). Искусственные эдемы у романтиков (возбуждающая игра воображения под воздействием наркотиков, алкоголя, музыки и т. д.) противостояли прозе «вседневных дел» и обыденному сознанию.

[14] Обри Томас де *Вир* (1814—1902) — ирландский поэт постромантического направления, продолжал традиции английских романтиков Вордсворта и Теннисона. Первый сборник стихов — «Уолденсы или падение Роры» (1842), вторая книга — «В поисках Прозерпины. Воспоминания о Греции и другие стихотворения» (1843). Примкнул к национальному движению Ирландского возрождения. В 1872 г. написал «Легенду о Св. Патрике». В 1884—1892 гг. вышло Собрание его стихотворений в 6 т.

[15] Хулиан Санс дель *Рио* (1814—1869) — испанский философ, развивал и пропагандировал идеи немецкого философа-идеалиста и кантианца Карла Краузе; перевел на испанский язык одно из основных сочинений Краузе «Идеал человечества в жизни». Автор оригинальных трактатов «Система философии», «Философия смерти» (1877), в которых развивал мистические взгляды. Современная оценка и критика философии Санса дель Рио содержится в работе испанского философа и публициста Гильермо Диас-Плаха «Модернизм лицом к лицу с поколением 1898 года» // От Сервантеса до наших дней. М., 1981.

[16] Эмануэль *Сведенборг* (1688—1772) — шведский философ-теософ и ученый, был почетным членом Петербургской академии наук. Подверг резкой критике ортодоксальную католическую церковь в сочинении «Истинная христианская религия» (1771). Оказал влияние на английских поэтов-мистиков Блейка, Колриджа и других авторов, которых Бальмонт считал «праотцами» современного европейского символизма. Интерес к Сведенборгу на рубеже XIX и XX вв. проявился в творчестве шведского писателя и драматурга А. Стриндберга (романы «Ад», 1897; «Легенды», 1898; пьеса «Путь в Дамаск», 1898—1904). С основными натурфилософскими и мистическими идеями Сведенборга Бальмонт соприкоснулся в середине 90-х годов, работая над переводом двухтомной «Истории скандинавской литературы» Горна Швейцера.

[17] Эмиль *Верхарн* (в устаревшей транскрипции Верхарен, 1855—1916) — франко-бельгийский поэт, один из любимых поэтов Брюсова. Об отношении Брюсова к Верхарну см.: Переписка с Эмилем Верхарном, 1906—1914/Вступ. ст. и публ. Т. Г. Динесман // *ЛН*. Т. 85; *Дронов В. С.* Валерий Брюсов и Эмиль Верхарн // *Чтения 1962*; наст. кн., Переписка с Коневским. Вступ. ст. А. В. Лаврова и прим. 52, 53 к ней. «Звонарь», «Дождь» — стихи Верхарна из книги «Призрачные деревни».

[18] «Теперь, когда я проснулся» *(СЦ 1902)*.

[19] В той же книге *СЦ* была напечатана подборка стихов Брюсова «Мой песенник»: «Вступление» («По улицам узким, и в шуме и ночью...») и песни: две «Фабричные» («Как пойду я по бульвару...», «Есть улица в нашей столице...»), «Солдатская» («Так-то, братцы, и с Китаем...»), песня сборщиков на новый колокол («Пожертвуйте, благодетели...»), «Детская» («Палочка-выручалочка»), «Веселая» («Дай мне, Ваня, четвертак...»). Лирическим субъектом этих стихов был не автор, а другое лицо, уличный персонаж, в духе которого и складывалась каждая песня. Стилизации по мотивам городского фольклора заняли важное место в поэзии Брюсова начала 900-х годов.

[20] См. п. 50, прим. 6.

[21] См. прим. 2.

[22] З. Н. Гиппиус (в замуж. Мережковская).

63. БАЛЬМОНТ — БРЮСОВУ

(4/) 17 мая 1902. Оксфорд

Как медленно идут письма! Зашел случайно на почту, и хочется сказать Вам хоть два слова. Писал Вам несколько раз. Не уехали ли Вы уже? [1] Впрочем, Морфиль [2] мне сказал, что Вы готовите статью для «Атенея» [3]. Видали ли Вы Л(юси)? [4] Очень хочется знать Ваше впечатление от нее, и ее от Вас.

Забыл сказать Вам, что мне *очень* нравится Ваша «палочка-выручалочка» [5]. Истинный образец символической поэзии. Вы не знаете, что в 18-м столетии именно так писал стихи Вильям Блэк [6]. До странности полное сходство метода. И очень хорошо «Рыдать на раздолии нив» [7]. Какая щеголеватая скорбь. Настоящий Смердяков. Очень хорошо.

Ваш Лионель [8].

ЦГАЛИ. Ф. 56. Оп. 3. Ед. хр. 6. Л. 19.

[1] См. п. 57, прим. 7.

[2] Уильям Ричард *Морфиль* (Морфилл) (1834—1909) — английский славист, профессор Тайлоровского института, пригласивший Бальмонта в Оксфорд в 1897 г. По предложению Морфиля Бальмонт писал годовые обзоры современной русской литературы для журнала «Атенеум», передав затем эту работу Брюсову (см. п. 47, прим. 7 и п. 48, прим. 12).

[3] Статья Брюсова «Русская литература в 1902 году» (The Athenaeum. 1902. Juli. № 3897).

[4] Л. Савицкая писала в своих воспоминаниях: «В Москве я посетила Брюсова, которому Бальмонт расхваливал меня...» (Цит. по: *ГБЛ*. Ф. 374, 16.2, л. 2. Подлинник по-французски).

[5] «Детская» (песня) («Палочка-выручалочка») — *СЦ 1902*; I, 283.

Е. А. АНДРЕЕВА

Портрет работы М. В. Сабашниковой. 1909

Местонахождение портрета неизвестно, фотография с него находится в архиве Н. К. Бруни (Москва)

[6] Уильям *Блейк* (Блэк) (1757—1827) — английский поэт переходной эпохи от Просвещения к романтизму, предшественник Шелли и Байрона. Наряду с демократическими, народно-песенными мотивами и ясными образами Блейк в своей поэзии отдал дань мистике; некоторые его стихотворения и поэмы темны и загадочны по смыслу и выдержаны в символическо-аллегорическом стиле. Бальмонт посвятил Блейку специальную статью «Праотец современных символистов» *(Горные вершины)*.

[7] Слова из «Фабричной» (песни) («Есть улица в нашей столице...»)

Войти я к тебе не посмею,
Но, земный поклон положив,
Пойду из столицы в Расею
Рыдать на раздолии нив.

(*СЦ 1902*: I, 282)

[8] См. п. 61, прим. 1.

64. БАЛЬМОНТ — БРЮСОВУ

Oxford, 12, Museum Road (15/) 28 мая 1902.

Я не из тех, кто требует любви,
Но не могу я быть и обделенным,
И ты меня своим не назови,
Когда не можешь быть со мной влюбленным.

В меня ли, в безграничность ли кругом,
В мечту, твою, мою. Нам нет условий!
Но ты не будешь даже и врагом,
Раз этого не понял ты в основе.

Лишь в беспредельном я с тобою слит,
И жалко мне, смешно твое молчанье.
Смотри: ты брошен наземь, позабыт.
Я вновь один... На празднике Созданья!

К. Бальмонт

ЦГАЛИ, Ф. 56. Оп. 3. Ед. хр. 6. Л. 20.

65. БАЛЬМОНТ — БРЮСОВУ

(25 мая/) 6 июня 1902. Оксфорд

Так ты не получил проклятия мои? [1]
Я проклинал тебя... Но только в забытьи.
Нет, я люблю тебя, и навсегда я твой.
Мы связаны с тобой. Мы скованы Судьбой.

Хотя б единый знак, что ты еще живешь,
Мне говорит, что жизнь и наша мысль — не ложь.
О, я люблю тебя! Но — брат — в мельканьи дней
Есть, может быть, другой, кого люблю сильней.

Как странно было мне уразуметь себя,
Понять, что я всегда любил одну — любя,
Что я ее хочу, что без нее я труп
Со складкой роковой холодных мертвых губ.

Когда я буду с ней, я буду и с тобой,
Я буду весь огонь, я буду весь живой.
Теперь же я лежу в зловещей тишине,
И только тени снов склоняются ко мне.

О, если б мог ты знать весь ужас диких лиц,
Что смотрят на тела в безмолвии гробниц,
И смотрят, и хотят к умершему прильнуть,
Чтоб вовсе исказить подавленную грудь.

Но им не победить того, кто знал любовь,
И пусть я мертвый труп, но я воскресну вновь.
Мой гроб, твой гроб — гроба. Но в бездне темноты
У нас есть свет... Она! — И снова день, и ты.

P. S. Через 5 минут по получении «знака» [2].

К. Бальмонт

ЦГАЛИ. Ф. 56. Оп. 3. Ед. хр. 6. Л. 21.

[1] См. п. 64.
[2] Речь идет, очевидно, об одном из не дошедших до нас писем Брюсова.

66. БАЛЬМОНТ — БРЮСОВУ

12, Museum R[d]. ⟨3/⟩ 16 июня 1902. Оксфорд.

Что за дьявольская русская привычка не давать точного адреса? Друг мой, это варварство. Пишу наудачу. Если б знал, что письмо мое получите, написал бы нечто. Бросать в пространство единственные слова не могу. В стихах бросил бы, но их еще нет. Солнце не зашло. Краски слишком ярки. Ваше письмо в стихах хорошо там, где Вы говорите о мыслях-карликах [1]. Все остальное хорошо для любого, не для Вас, о, дух родной!

Ваш К. Бальмонт

ЦГАЛИ. Ф. 56. Оп. 3. Ед. хр. 6. Л. 22.

[1] Письмо не сохранилось.

67. БАЛЬМОНТ — БРЮСОВУ

12, Museum Road, Oxford. ⟨5/⟩ 18 июня 1902.

Я хотел бы видеть Вас, быть с Вами, быть.
До какой возможности я желаю быть с Вами, Вы знаете. Если я Вас действительно увижу, я скажу Вам что-то. Хотите? Я очень бы хотел.

Ваш К. Бальмонт

ЦГАЛИ. Ф. 56. Оп. 3. Ед. хр. 6. Л. 23.

68. БАЛЬМОНТ — БРЮСОВУ

Ostende [1] (Poste restante) ⟨14/⟩ 27.VI.1902.

Если светится волна
О тебе поет она
О тебе и счастьи сна.

Если хмурится прибой,
Все ж я в грезе голубой,
Я всегда везде с тобой.

К. Бальмонт.

ЦГАЛИ. Ф. 56. Оп. 3. Ед. хр. 6. Л. 24.

[1] В июне 1902 г., когда в Оксфордском университете начались каникулы, Бальмонт совершил небольшую поездку по Европе, побывав в Дании, Голландии, Бельгии и Германии. Остенде — порт в Бельгии.

69. БАЛЬМОНТ — БРЮСОВУ

⟨Брюссель. 4/⟩ 17 июля 1902.

Уезжаем в Нюренберг. Через пять дней я еду в Оксфорд (12, Museum R[d]). Пишите. Я дважды писал Вам в неведомый мне итальянский город [1]. До свиданья.

Ваш К. Бальмонт

ЦГАЛИ. Ф. 56. Оп. 3. Ед. хр. 6. Л. 25.

[1] См. п. 57, прим. 7.

70. БАЛЬМОНТ — БРЮСОВУ

Адрес: Oxford, 12, Mus(eum) R(oad).

Жажду стихов.

⟨10/⟩ 23 июля 1902.

Где Вы? [1] Писал Вам в последний Ваш итальянский пункт дважды.

Будьте добры послать Дагни «Рассказы» Леон. Андреева [2] и последнюю книгу З. Гиппиус [3]. Если пошлете тотчас, ее адрес: Stavanger. Если позднее: Kristiania, Revisions departement, 5-te Kontor. Пошлите мне что-нибудь из газетного лепета обо мне. Еду в Байрейт [4].

Ваш К. Б.

ЦГАЛИ. Ф. 56. Оп. 3. Кд. хр. 6. Л. 26.

[1] 11 июля 1902 г. Брюсовы уже вернулись из Италии в Москву.
[2] *Андреев Л.* Рассказы. СПб.: Знание, 1901. Книга издана с посвящением А. М. Пешкову.
[3] *Гиппиус З.* Третья книга рассказов. СПб., 1902.
[4] Город в Баварии, где жили и работали Р. Вагнер и Ф. Лист. В 1876 г. в Байрейте создан оперный «Театр Вагнера», предназначенный для исполнения его произведений. Е. А. Бальмонт, рассказывая об отношении Бальмонта к музыке, вспоминает: «Любил Вагнера. Мы ездили из Нюренберга раз в Байрейт его слушать» (*Бальмонт Е. А.* Мои воспоминания о К. Д. Бальмонте // *ЦГАЛИ*. Ф. 57. Оп. 1. Ед. хр. 133. Л. 82).

71. БАЛЬМОНТ — БРЮСОВУ

⟨23 июля/⟩ 4 августа 1902. Оксфорд.

Писал Вам несколько раз в Италию и в Москву, открытки. Не пора ли нам перейти к закрыткам? Покажите добрый пример. Пожалуйста, если есть какие-нибудь отзывы о Кальдероне [1], или о «Сев. цветах» [2], не поленитесь послать мне вырезки или выписки. Очень обяжете.

Когда получу корректуры своего сборника? [3] Тоскую по ним, и тоска сия несправедливо на меня наложена.

Буду рад каждому знаку жизни. Я совершенно один, и ни малейших звуков эхо.

Ваш К. Бальмонт.

ЦГАЛИ. Ф. 56. Оп. 3. Ед. хр. 6. Л. 27.

[1] См. п. 52, прим. 10. Из отзывов см., например, *Венгерова З.* Сочинения Кальдерона. Вып. 2. Пер. с исп. К. Д. Бальмонта // Образование. 1902. № 7—8.
[2] Перечень откликов на *СЦ 1902*, см.: *Библиография/II*, № 121—126, 128.
[3] Сб. «Будем как солнце».

72. БАЛЬМОНТ — БРЮСОВУ

⟨29 июля/⟩ 10 авг. 1902. Оксфорд. 12, Museum Road.

Ежедневно жду корректуры [1], безрезультатно. Очевидно, московская «спешность» явление особого рода.

Не окажете ли Вы мне услугу. В «Рус. мысли» за 1892-й год, если не изменяет мне память, в 8-ом №, есть листок переводов из Шелли и статей о нем, существующих на русском языке [2]. Не будете ли Вы добры переписать его для меня. Очень обяжете.

Что Вы пишете? Что делает безмолвствующий Скорпион? [3] Где Юргис? [4]

Я пребываю в Испании и в Индии [5].

Ваш К. Бальмонт.

ЦГАЛИ. Ф. 56. Оп. 3. Ед. хр. 6. Л. 28.

[1] См. п. 71, прим. 3.
[2] В *РМ* (1892. № 7) был помещен библиографический список: *Провинциальный библиограф.* «Шелли в русской литературе». (К 100-летию рождения).
[3] С. А. Поляков.

[4] Ю. К. Балтрушайтис с женой летом 1902 г. также совершил поездку в Италию, там они встретились с Брюсовыми: «Во Флоренции повстречались с Юргисами... Жили с ними до конца. Сроднило нас в S. Margherita купанье. Купались мы впятером с лодки (дамы раздевались на утесе). Расставшись с нами, Юргисы поехали в Швейцарию на Achensee» (*Дневники*. С. 121).

[5] В Оксфорде Бальмонт перечитал множество книг, в их числе об Испании и Индии.

73. БАЛЬМОНТ — БРЮСОВУ

12, Museum R[d], Oxford. (3/) 16 авг. 1902.

Будьте добры, не откажитесь исполнить просьбу: пошлите мне (если можно, тотчас) стихотворения Фета в новом издании [1], и стихотворения Тютчева, предпочтительно в старом издании *, если же нет его, то в новом [2].

Если у Вас нет больше моих денег, сообщите, пожалуйста, я немедленно вышлю Вам.

От Вас вестей нет. Жму руку.

Ваш К. Бальмонт.

ЦГАЛИ. Ф. 56. Оп. 3. Ед. хр. 6. Л. 30.

[1] Полн. собр. стихотворений А. А. Фета: В 3 т./Под ред. Б. В. Никольского. СПб.: Изд. А. Ф. Маркса, 1901.

[2] Стихотворения Ф. И. Тютчева. М.: Изд. «Русского архива», 1886; Сочинения Ф. И. Тютчева. Стихотворения и политические статьи. СПб.: Тип. А. С. Суворина, 1900.

74. БАЛЬМОНТ — БРЮСОВУ

(5/) 18 авг(уста) 1902. Оксфорд.

Сегодня получил 3 листа своей книги [1], и сегодня же отослал их Вам заказной бандеролью. Будьте добры посылать мне корректуры в двух экземплярах.

Куда Вы пропали?

Ваш К. Бальмонт.

P. S. Если Вы «собрались с духом» и прочли что-нб. из Кальдерона, напишите о впечатлении [2].

ЦГАЛИ. Ф. 56. Оп. 3. Ед. хр. 6. Л. 29.

[1] Первые листы набора книги «Будем как солнце».

[2] См. п. 52, прим. 10. Никаких отзывов Брюсова об этой книге не сохранилось.

75. БАЛЬМОНТ — БРЮСОВУ

Оксфорд. (7/) 20 авг(уста) 1902.

Для кого Вы пренебрегли мною, неверный и коварный друг, для чьих глаз, для чьих улыбок, для чьей души? Мне очень недостает Ваших писем. Сообщите же о себе что-нибудь и внешнее и внутреннее. Что до меня, я весь в книгах, которые заменяют мне людей,— страницы возникают передо мной, как паруса перед глазами глядящего с необитаемого острова, и так же бледнеют, исчезают, оставляя в душе чувство неудовлетворенности. Однако же, когда мы встретимся весною в Париже (ведь Вы приедете) [1], Вы увидите меня другого, не того, о, не того, который покидал в таком разорванном состоянии нашу милую Москву [2]. Когда я опять буду с Вами там, где так поют колокола, где люди напоминают мне живые оттиски со старых, дурно сделанных, но милых сердцу, гравюр, где каждая улица связана с каким-нибудь воспоминанием, где я впервые знал отчаяние и любовь, где мне столько раз воскликнули «люблю», где столько глаз потемнели, глядя в мои потемневшие глаза.

---

* малого формата *(прим. Бальмонта)*.

Здесь я один, как в башне.

Москва... Если бы я начал говорить подробно о моей любви к ней, я никогда бы не кончил. Не там ли я полюбил Вас, в первое мгновение, когда увидел, и эта любовь длится почти уже десятилетие. Не кажется ли Вам это таинственным? Я стольких разлюбил, а любовь моя к другим так похожа на привычку повторять раз сложенные созвучные слова. Из всех, кого я называл названьем друга, только Вас мне больно было бы утратить навсегда, расстаться с Вами на этой Зеленой Звезде. Живите долго, потому что Вы нужны для красоты мира, и потому что я хочу еще жить десятки лет.

Я думаю, Вы не правы, говоря, что «Здания» лучше «Солнца» [3]. Я гораздо больше люблю последнюю книгу. Но Вы правы, говоря, что в «Горящих зданиях» я был в волне подъема, который, может быть, никогда не повторится. Никогда... Так ли, однако? Я так зависим от каждого призрака, встающего на моем пути. Мое никогда такое же, как навсегда Шелли: он везде, где ему нравилось, хотел навсегда остаться, но после бесчисленных скитаний это ему удалось только на Средиземном море [4].

Я почти не пишу стихов. Однако посылаю для «Нового пути» четыре стихотворения [5] (если там не участвует Победоносцев) [6]. Напишите свое впечатление. Я очень просил бы Вас написать что-нибудь в этом журнале о Кальдероне [7]. Или, может быть, Мережковский напишет? Скажите ему. Мне кажется, что драмы, собранные в этом томе, по меньшей мере столь же интересны, как Шекспировские [8]. О скорейшем наборе моей книги весьма молю. Не забудьте посылать корректуры в двух экземплярах.

Жду Ваших последних стихов. Неужели о «Северных цветах» у Вас нет никаких отзывов? [9]

До свиданья. Поклонитесь Иоанне Матвеевне, и прочтите Минцловой «Безрадостность» [10]. Или, может быть, Вы перепишете этот сонет для нее. Приветствия всем — Бахману, Юргису, Дурнову.

Жму руку.

Ваш К. Бальмонт.

ЦГАЛИ. Ф. 56. Оп. 3. Ед. хр. 6. Л. 31—32.

[1] Двухлетний срок высылки Бальмонта из столиц и университетских городов России истекал в мае 1903 г. Весну 1903 г. Бальмонт предполагал провести в Париже и приглашал Брюсова встретиться там. Однако Бальмонт смог вернуться в Россию досрочно, в январе 1903 г. Брюсов в апреле 1903 г. на две недели приезжал в Париж, но Бальмонт оставался в это время в России.

[2] О тяжелом настроении Бальмонта при отъезде его из Москвы в марте 1902 г. см. п. 56.

[3] Отклик на суждение Брюсова из его несохранившегося письма к Бальмонту. Брюсов повторил затем ту же мысль в третьей статье «К. Д. Бальмонт», посвященной сборникам «Злые чары» и «Жар-Птица»: «Высшей точкой, которой достиг Бальмонт в своем победном шествии, были „Горящие здания" (1899). Это вершины, уходящие в ясную лазурь, это — льдистые венцы, горящие золотом на рассвете и пламенем перед закатом. За ними раскинулось высокое и гордое плоскогорье, с широкими кругозорами и свежительным разреженным воздухом, залитое чистым неумолимым светом; книга „Будем как солнце" (1902 г.). Со следующего сборника, „Только любовь" (1903 г.) начинается уже спуск вниз...» (VI, 265).

[4] Покинув Англию в 1814 г., Шелли много путешествовал по Франции, Швейцарии, Германии, Голландии и Италии. 8 июля 1822 г. он утонул в Средиземном море, в заливе Специя, во время катания на лодке с друзьями. Через несколько дней тела погибших были найдены и кремированы. Прах Шелли погребен на новом протестантском кладбище в Риме.

[5] Как следует из п. 77, в «Новый путь» были посланы стихи: «Я люблю в немом покое...», «Если жизнь тебе дана...» и «Безрадостность» («Мне хочется безгласной тишины...»); название четвертого стихотворения не установлено.

[6] Константин Петрович *Победоносцев* (1827—1907) — обер-прокурор Синода, член Государственного совета, крайне консервативный публицист, вдохновитель реакционной репрессивной политики Александра III, потом Николая II, один из участников Религиозно-философских собраний в Петербурге, материалы которых печатались в «Новом пути».

[7] Рецензии на второй том сочинений Кальдерона в *НП* не было.

[8] Ср. аналогичное суждение в письме Бальмонта к Чехову от 10 ноября 1898 г. (*ВЛ*. 1980. № 1. С. 108).

[9] См. п. 71, прим. 2.

[10] См. п. 50, прим. 10. О сонете «Безрадостность» см. прим. 5 к наст. письму.

76. БАЛЬМОНТ — БРЮСОВУ

⟨Оксфорд. Между 7/20 и 18/31 августа 1902 г.⟩

Чем Вы заняты? как-то совсем не могу представить себе Вас. Ведь «уроки», вероятно, отнимают очень немного времени. Строю гипотезу, и беру струнный инструмент.

О, ты, которого зловещая старуха,
Неведомая мне, приводит в свой альков!
Явись усладою для жаждущего слуха,
Явись мне вестником далеких берегов!
Ведь мы всегда, во всем — от пламени и духа,
Дай мне дохнуть цветов Аидовых лугов!
Ответствуй мне в словах размеренной октавы,
Яви мне в образах позорные забавы!

Ну, прощайте. Пишите же.

Ваш К. Бальмонт.

P. S. Большое спасибо за Тютчева и Фета [1].

ЦГАЛИ. Ф. 56. Оп. 3. Ед. хр. 6. Л. 30а.
Верхняя часть листа отрезана. Вероятно, часть текста утрачена.
Датируется приблизительно, так как из содержания письма ясно, что оно написано между п. 75 и 77.

[1] См. п. 73, прим. 1 и 2.

77. БАЛЬМОНТ — БРЮСОВУ

⟨18/⟩ 31 августа 1902. Оксфорд.

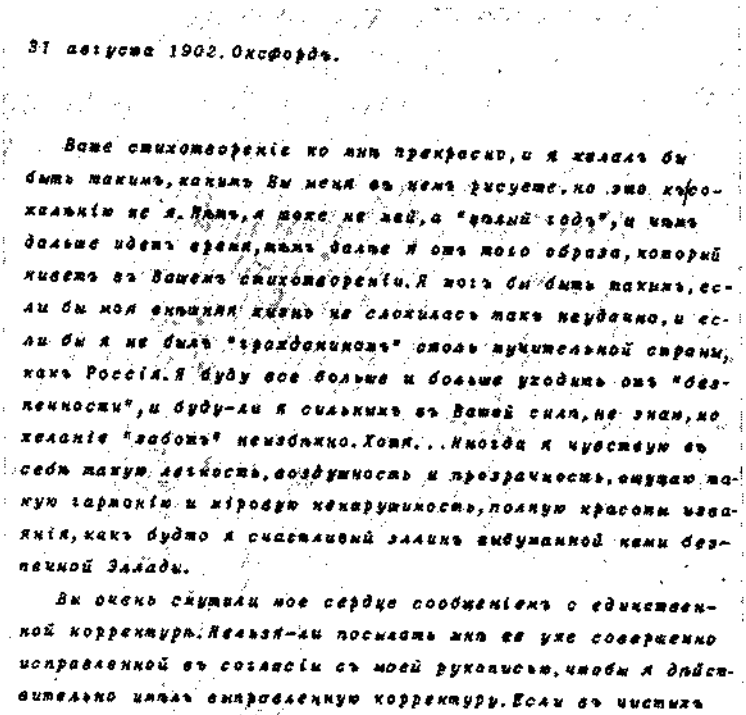
Ваше стихотворение ко мне прекрасно [1], и я желал бы быть таким, каким Вы меня в нем рисуете, но это, к сожалению, не я. Нет, я тоже не май, а «целый год» [2], и чем дальше идет время, тем далее я от того образа, который живет в Вашем стихотворении. Я мог бы быть таким, если бы моя внешняя жизнь не сложилась так неудачно, и если бы я не был «гражданином» столь мучительной страны, как Россия. Я буду все больше и больше уходить от «беспечности» [3], и буду ли я сильным в Вашей силе, не знаю, но желание «забот» неизбежно. Хотя... Иногда я чувствую в себе такую легкость, воздушность и прозрачность, ощущаю такую гармонию и мировую ненарушимость, полную красоты изваяния, как будто я счастливый эллин выдуманной нами беспечной Эллады.

Вы очень смутили мое сердце сообщением о единственной корректуре [4]. Нельзя ли посылать мне ее уже совершенно исправленной в согласии с моей рукописью, чтобы я действительно имел выправленную корректуру. Если в чистых листах будут опечатки, я безусловно потребую, чтобы они были перепечатаны, и принимаю это обещание Полякова не как пустую фразу. Нотабене.

Молю Вас торопить типографию и потребовать от нее высылки мне корректур и чистых листов в двух экземплярах. Неужели это так трудно. Я получил опять корректуру в одном экземпляре. Мне кажется, что Поляков, продержав мою рукопись полгода, мог бы быть несколько внимательнее ко мне. Это уже относится не к дружбе, которой между нами нет, а к простому литературному приличию.

Из тех стихов, что я Вам послал для «Пути», два, кажется, очень посредственные: «Я люблю в немом покое» и «Если жизнь тебе дана» [5]. Если Вы того же мнения, примите сии два взамен: «Ты мне была сестрой» [6], и великолепную фантазию Кольриджа, навеянную опиумом [7]. Напишите мне впечатление Ваше. Отчего Вы, «гадкий», ни слова мне не сказали о сонете? Неужели Вас не обрадовала моя «Безрадостность»? [8] Мне кажется, что этот сонет прекрасен.

Напишите поподробнее о «Пути». Что это за журнал? Почему Вы его редактор? Сколько просуществует эта эфемерида? Ужели Вы покинули Моск-



31 августа 1902. Оксфордъ.

Ваше стихотвореніе ко мнѣ прекрасно, и я желалъ бы быть такимъ, какимъ Вы меня въ немъ рисуете, но это къ сожалѣнію не я. Нѣтъ, я тоже не мой, а "цѣлый годъ", и чѣмъ дальше идетъ время, тѣмъ далѣе я отъ того образа, который живетъ въ Вашемъ стихотвореніи. Я могъ бы быть такимъ, если бы моя внѣшняя жизнь не сложилась такъ неудачно, и если бы я не былъ "гражданиномъ" столь мучительной страны, какъ Россія. Я буду все больше и больше уходить отъ "безпечности", и буду-ли я сильнымъ въ Вашей силѣ, не знаю, но желаніе "заботъ" неизбѣжно. Хотя... Иногда я чувствую въ себѣ такую легкость, воздушность и прозрачность, ощущаю такую гармонію и міровую ненарушимость, полную красоты изваянія, какъ будто я счастливый эллинъ выдуманной нами безпечной Эллады.

Вы очень смутили мое сердце сообщеніемъ о единственной корректурѣ. Нельзя-ли посылать мнѣ ее уже совершенно исправленной въ согласіи съ моей рукописью, чтобы я дѣйствительно имѣлъ выправленную корректуру. Если въ чистыхъ листахъ будутъ опечатки, я безусловно потребую, чтобы они были перепечатаны, и принимаю это обѣщаніе Полякова не какъ пустую фразу. Нотабене.

Молю Васъ торопить типографію и потребовать отъ нея высылки мнѣ корректуръ и чистыхъ листовъ въ двухъ экземпляровъ. Неужели это такъ трудно. Я получилъ опять корректуру въ одномъ экземплярѣ. Мнѣ кажется, что Поляковъ, продержавъ мою рукопись полгода, могъ бы быть нѣсколько вни-

ПИСЬМО К. Д. БАЛЬМОНТА БРЮСОВУ
Машинопись. Оксфорд, 31 августа 1902 г.
Библиотека СССР им. В. И. Ленина, Москва

ву? [9] Это мне кажется таким же невозможным и безвкусным, как переселение Папы в Авиньон [10].

Относительно человеков Вы говорите неверно. Конечно, Победоносцев умен. Было бы глупо отрицать это. Но неужели можно радоваться на ум, который направлен на убиение чужих мышлений, на убиение не силой ума, а силой полицейских мер. Я жалею, что этой собаке не прострелили ее зловредный череп, хотя я вовсе не поклонник убийства [11]. Что же касается Богдановича и Бунина, они очень маленькие и вполне безвредные Иванушки-Дурачки [12]. Быть с ними в одной комнате так же неприятно, как быть в доме, где кричит с утра до вечера идиотическая птица, чье имя — попка-дурак, но все же приятнее быть с попугаем, чем с гиппопотамом или с вонючей гиеной.

До свиданья. Пишите скорей. Завидую Вам, что Вы нашли «учительницу» [13]. Я, увы, ни о чем таком не помышляю, и живу в полной святости, без единого стакана вина в течение недель и недель, и без единого поцелуя.

Напишите мне о «гнусности». Пожалуйста. Что сие? [14] Я так легкомыслен и доверчив к людям, что много раз был в положениях, повторения которым не желал бы. Вы можете уберечь брата Вашего от лишнего неосторожного

поступка. Ну, расскажите. Я смерть как любопытен. Сперва я подумал, на молниеносное мгновение, о Скорпионе, но сейчас же с негодованием отверг свое подозрение. Потом о Юргисе, которого, как Вы, я считаю способным на все, и тоже немедленно отверг свою мысль. Потом подумал о Мережковских и остановился. Если я ошибся, буду очень рад, потому что, хотя я не люблю их, я все же и люблю их *.

ГБЛ. Ф. 386. 76.1. Л. 4—6.

[1] Стихотворное послание «К. Д. Бальмонту» («Вечно вольный, вечно юный...» — I, 348), отправленное в августе 1902 г. в Оксфорд вместе с несохранившимся письмом. См. об этом подробнее: *Нинов А. А.* О стихотворном послании В. Я. Брюсова «К. Д. Бальмонту» 1902 // *Чтения 1983*

[2] Отклик на девятую строфу брюсовского стихотворения:

Ты не наш — ты только божий.
Мы весь год — ты краткий май!
Будь — единый, непохожий,
Нашей силы не желай.

[3] Ответ на брюсовский призыв:

Будь покорен, будь беспечен,
Будь подобен облакам.

[4] Очевидно, Брюсов сообщал, что корректура сб. «Будем как солнце» будет посылаться Бальмонту лишь в гранках, а верстка прислана ему быть не может.

[5] См. п. 75, прим. 5.

[6] Вошло в книгу: «Только любовь. Семицветник». М.: Гриф, 1904.

[7] Перевод фрагмента неоконченной поэмы Колриджа «Кубла Хан» («В стране Ксанад благословенной...»). Самюэл Тейлор *Колридж* (1772—1834) — английский поэт, философ, критик, теоретик романтизма, виднейший представитель «озерной школы». В поэме «Кубла Хан» поэт воссоздает мир ярких, но болезненных сновидений, являющихся человеку под влиянием наркотиков. Перевод Бальмонта опубл. в его кн.: Из чужеземных поэтов. М.: Просвещение, 1908.

[8] См. п. 75, прим. 5.

[9] Мережковские предлагали Брюсову стать секретарем «Нового пути» и переехать в Петербург. Этого предложения Брюсов не принял. Подробнее об этом см.: *Максимов Д.* Брюсов и «Новый путь» // *ЛН*. Т. 27—28.

[10] Авиньон — город на юго-востоке Франции, в Провансе. После захвата в плен папы римского Бонифация VIII король Франции Филипп IV добился избрания на папский престол французского ставленника, ставшего в 1305 г. папой под именем Климента V и перенесшего в 1309 г. папскую резиденцию из Рима в Авиньон. В 1377 г. папа Григорий IX снова перенес резиденцию в Рим.

[11] В 1901 г. была произведена попытка покушения на жизнь Победоносцева.

[12] Ангел Иванович *Богданович* (1860—1907) — литературный критик и публицист, участник народовольческого движения; сотрудничал в народническом журнале «Русское богатство»; со второй половины 90-х годов перешел на позиции легального марксизма. С 1894 г.— редактор журнала «Мир божий», в котором выступал с резкими статьями о декадентах. В журнале печатался Бунин, а с 1897 г.— и Бальмонт, на что, вероятно, в письме к нему и указал Брюсов.

[13] Вероятно, намек на какое-то очередное увлечение Брюсова.

[14] О чем идет здесь речь, неясно. Подозрения Бальмонта падают попеременно на С. А. Полякова, Ю. К. Балтрушайтиса, З. Н. и Д. С. Мережковских. Но кого имел в виду в своем письме Брюсов — установить не удалось.

78. БАЛЬМОНТ — БРЮСОВУ

(31 августа/) 12 сентября 1902. Оксфорд.

Сегодня отправил Вам четвертый и пятый листы. В них пропущен листок отдела [1]. Он был пропущен и в первом листе («Четверогласие стихий»), но я думал, что этот листок для означения отдела мне будет доставлен с листком посвящения. Не вышло ли какого недоразумения? Означения отделов непременно должны быть в книге, и потому я не подписал к печати этих двух листов. Будьте добры сделать для них исключение и прислать вторичную корректуру. Для остальных, если безусловно необходимо, с тяжелым сердцем соглашаюсь на одну, как писал Вам [2]. И прошу Вас, Валерий, окажите же мне эту услугу,

* Нижняя часть листа оторвана. Подпись отсутствует.

похлопочите о скорейшем наборе, если это возможно. Эта книга писалась три года. Мне мучительно больно, что она до сих пор еще не напечатана.

Отчего молчите? Вот ответ Вам, «Дилемма» [3], на Ваше чудесное стихотворение, которое чем больше читаю, тем больше люблю. Пленил им Морфиля и строгую к Вам жену мою [4], которая от него в курсивном восторге. Я думал о Вас последние дни напряженно. Мне Вы были необходимы. До страдания. Теперь опять в волне работы, вдохновения, тихой радости жизни. Друг мой, приезжайте в Париж весной [5]. Мы переживем небывалые дни духовного единения. Уезжаю туда через два дня. Пишите по адресу: Hôtel Corneille, vis-à-vis de l'Odéon.

Пишите о себе. Жду. Жму руку.

Сердцем Ваш К. Бальмонт.

ЦГАЛИ. Ф. 56. Оп. 3. Ед. хр. 6. Л. 36.

[1] Бальмонт говорит, очевидно, об отсутствии в корректуре сб. «Будем как солнце» шмуцтитула с обозначением второго раздела книги — «Змеиный глаз».

[2] См. п. 77, прим. 4.

[3] Приложено двухчастное стихотворение «Дилемма»: 1. «Будь свободным, будь как птица, пой, тебе дана судьба...» и 2. «Нет, мой брат, не принимаю...». Помечено датой: «8 сентября. Вечер. 1902. Оксфорд». Является ответом на стихотворное послание Брюсова «К. Д. Бальмонту» (см. п. 77, прим. 1). В книге «Только любовь» опубл. под названием «Выбор».

[4] Характеризуя отношения двух поэтов, Е. А. Бальмонт писала: «Оба они принадлежали к молодому поколению, к новым людям. Оба волевые, с ярко выраженными индивидуальностями, они влияли друг на друга, но ни один не подчинялся другому. У обоих было неудержимое желание проявлять себя, свою личность. Бальмонт это делал непосредственнее и смелее. У Брюсова его „дерзания" были более надуманны, и выходили и в жизни и в творчестве как-то искусственно» (*ЦГАЛИ*. Ф. 57. Оп. 1. Ед. хр. 133. Л. 63).

[5] См. п. 75, прим. 1.

79. БАЛЬМОНТ — БРЮСОВУ

(Париж. 19 сентября/2 октября 1902 г.)
B-d St.-Michel, 107. Hôtel de l'Observatoire

2 окт. 1902. В круговороте ощущений не мог до сих пор ничего написать Вам. На днях напишу. Не забывайте меня. Я помню Вас, когда шумят волны, и помню в лабиринтах бессмертного Города, в зыбях его гипноза.

Ваш К. Бальмонт.

ЦГАЛИ. Ф. 56. Оп. 3. Ед. хр. 6. Л. 39.

80. БАЛЬМОНТ — БРЮСОВУ

(26 сентября/) 9 сентября 1902. Париж 107, Бульвар Сен-Мишель.

Куда же Вы опять пропали, и отчего умолкли? Я не писал так долго от невозможности. Дни и ночи спутались, все на время изменилось.

По одному моему слову она бросила все и приехала ко мне из Норвегии в Париж [1]. И вот часами мы лежим слабые, изнеможенные, беспомощные. Мир далеко. Близкие, любимые, далеко. Тело отдало телу все, что могло отдать. Душа чувствует родную и зыбкую душу, которая вот тут. Звуки, доходящие снизу, с улицы упадают в слух, как в сказке, как в солнечный миг, исполненный внушений алкоголя. Помните сонет Верлена, которым мы восхищались пять лет тому назад? [2] Как странно-четко слышатся иногда чужие шаги.— Почему же это противоречие? — Я первые дни несколько раз ходил один ночью над Сеной, и мне так хотелось броситься в нее. Меня манила и звала ее всегда беспокойная вода. Теперь и то, и это ушло. Проходят последние дни свиданья, улица, бульвары, парк, и лес,— настоящий лес около Парижа, и сладострастье среди густой переплетенной зелени, ягоды, лесные ягоды, сорванные близ Парижа, и два побледневшие лица у ствола зеленого высокого

дуба. Потом тишина, падающие мгновенья, еще день, еще несколько дней, и я один на долгие месяцы. Я снова буду после утренней детской молитвы считать мгновенья, отдавая их работе, и не знать поцелуев, и не знать радости выпить стакан живительного вина. Снова радость отречения. Не высшая ли она?

Бесполезны все речения,
Безрассудны все слова,
Только радость отречения
В безъизмерности жива.

На башне Сен-Сюльпис звонят к вечерней молитве. Как сладко мне верить в Бога среди ничтожных богохульников. Как сладостно шептать детские слова в том городе, где нет детей. Я не изменю Ему, единственному. И в самом низком падении не забуду о нашей, о Вашей и моей, блестящей двумирной вечерней звезде.

Ваш К. Бальмонт.

P. S. Пожалуйста, обратите внимание: в листах моей книги кажется не везде поставлено внизу мое имя; если оно не поставлено в отпечатанных, тогда вычеркните его в тех двух, что я послал Вам вчера. Пошлите мне Ваших стихов.

ЦГАЛИ. Ф. 56. Оп. 3. Ед. хр. 6. Л. 40—42.

[1] Речь идет о встрече с Дагни Кристенсен — см. п. 62, прим. 2.
[2] Очевидно, Бальмонт пишет о сонете Верлена «Lassitude» («Усталость») из книги «Poèmes saturniens» («Сатурнические стихотворения»). Перевод этого сонета, выполненный Брюсовым, см.: *Верлен П.* Собрание стихов/Пер. В. Брюсова. М.: Скорпион, 1911.

81. БАЛЬМОНТ — БРЮСОВУ

⟨Париж. 11/24 октября 1902 г.⟩

Париж. 24 окт. 1902. Только что отправил корректуры. Был болен и потому задержал. Отчего молчите? У меня смерть в сердце. Откликнитесь.

Ваш К. Бальмонт.

ЦГАЛИ. Ф. 56. Оп. 3. Ед. хр. 6. Л. 42.

82. БАЛЬМОНТ — БРЮСОВУ

⟨16/⟩ 29 окт. 1902. Париж.

Давно от Вас нет ни слова. Напишите же. Тем более напишите, что я в последние дни познал сочетание слов hermano и traidor *. В высшей степени интересны все московские новости [1]. Я с своей стороны поделюсь парижскими случайностями, если они Вас интересуют.

Всегда Ваш К. Бальмонт.

ЦГАЛИ. Ф. 56. Оп. 3. Ед. хр. 6. Л. 43.

[1] Основные новости осени 1902 г.: Брюсов в это время был избран членом комиссии по организации литературных «вторников» Московского литературно-художественного кружка, познакомился с А. М. Ремизовым, сблизился с Андреем Белым. В октябре 1902 г. Брюсов записал в дневнике: «Одно время я со всеми ссорился. Разошелся с „Русским архивом" и „Русским листком", очень поссорился с „Новым путем", написал бранные письма Ясинскому и др. ⟨. . .⟩ В Художественном кружке — вторники. Идиоты говорят глупости, и в этом проходит вечер. Хлопают тому, кто скажет поглупее. И неистовствуют от радости, если оратор косвенно заденет, плюнет на правительство или христианство. Дурнов построил очень плохой театр (Омон) — банально-декадентский» (*Дневники*. С. 122—123).

* брат и предатель *(исп.)*.

83. БАЛЬМОНТ — БРЮСОВУ

(Париж. 21 октября/) 3 ноября 1902.

Простите, что пишу лишь два слова. Не уверен, что Вы в Петербурге сейчас [1], и кроме того очень занят. Читаю 7-го в Русском университете лекцию [2] «Чувство личности в поэзии» [3]. Взгляд и нечто, за которые не жду особых аплодисментов. Пошлите, пожалуйста, «Новый путь» [4]. Здесь многие им интересуются. Зин. Ник и Д. С.[5] мои приветствия. Опишите мне подробно Ваши впечатления от П(етер)бурга [6]. Я пишу стихи, читаю книги, гляжу на две чаши весов, находящиеся на одном уровне.

Ваш всегда Б а л ь м о н т.

ЦГАЛИ. Ф. 56. Оп. 3. Ед. хр. 6. Л. 44.

[1] Брюсов приехал из Москвы в Петербург 12/25 ноября 1902 г. и оставался там до 29 ноября (см.: *ЛН*. Т. 92, кн. 1. С. 484, прим. 7).

[2] Русский университет или Вольная русская школа социальных наук была открыта 14 ноября 1901 г. в Париже усилиями русской колонии, главным образом политическими эмигрантами. С лекциями на разные темы в Русском университете выступали известные русские ученые, философы, писатели и публицисты. Общее направление лекций было оппозиционным по отношению к русскому царскому правительству. В лекциях излагались также общие проблемы европейской истории, политики, культуры и искусства.

[3] Темой этой лекции Бальмонт избрал отношение к любви в английской и испанской классической драме XVI—XVII вв. Содержание лекции в виде отдельной статьи было изложено в альманахе *СЦ 1903*. Статья «Чувство личности в поэзии» вошла в сборник статей К. Д. Бальмонта «Горные вершины».

[4] Первый номер «Нового пути» появился в конце декабря 1902 г. О программе и содержании журнала см.: *Корецкая И. В.* «Новый путь». «Вопросы жизни» // Литературный процесс и русская журналистика конца XIX — начала XX века, 1890—1904.— Буржуазно-либеральные и модернистские издания. М.: Наука, 1982. См. также п. 77, прим. 9.

[5] З. Н. Гиппиус и Д. С. Мережковский.

[6] О пребывании Брюсова в Петербурге в конце 1902 г. см. подробнее: *Дневники*. С. 124—126.

84. БАЛЬМОНТ — БРЮСОВУ

(3/) 16 ноября 1902. Париж. 107, Бульвар Сен Мишель.

Ах, чорт французов побери:
Я побывал в Консьержери [1].

Изведал я, по воле тьмы,
Четыре мерзкие тюрьмы [2].

Не знаю я,— свидетель бог,—
Как был захвачен я врасплох.

Но я узнал, как глуп судья,
И воры были мне друзья.

И я теперь вполне знаком,
Как много мыслят под замком.

Я видел полчище страстей,
Мужчин, и женщин, и детей.

Я нищим был, без слов, без сил,
Со мной свой суп жокей делил.

И всех, кто был под стражу взят,
Я всех любил,— люблю, как брат.

Чтоб нежным быть, нам нужно пасть,
Нам нужно внешнее проклясть.

И боли нет. О, жизнь, о, свет.
Как счастлив я, что я Поэт.

Посему — задержка с корректурами. Три листа высланы вчера. Умоляю не задержать остальной набор книги и тщательно исправить погрешности. Очень молю поскорее набрать дальнейшее, чтобы книга успела выйти до Святок. Затем: один молодой художник предлагает мне, и даже как одолжения просит, сделать, по-видимому вовсе бесплатно, обложку [3], в стиле наготы Ропса [4]. Согласится ли «Скорпион» воспроизвести ее? Ответьте поскорее. Многое этого художника я видел, и думаю, что будет что-нибудь интересное. Во всяком случае могу послать эскиз.

Для «Северных цветов» приготовлю статью «О чувстве личности в поэзии» [5] (с тайным девизом — истинные поэты все шокинг, и с многими силуэтами),

а также надеюсь прислать новые стихи, ждущие мига. То же самое и касательно «Нового пути». Буду весьма очарован возможностью появиться не в обрывке, а в некоторой множественности.

Пишите мне, ради Бога. Я не могу писать много. Восполняю пробелы ежедневности, и пробелы в том дорогом, что я называю «течением мысли», от далеких ко мне, и от меня к далеким.

Обнимаю Вас.

Всегда Ваш К. Бальмонт.

ЦГАЛИ. Ф. 56. Оп. 3. Ед. хр. 6. Л. 45—46.

[1] Тюрьма предварительного заключения в Париже, куда Бальмонт попал 7 ноября 1902 г. после лекции в Русском университете в результате случайного уличного инцидента по обвинению в «неуважении к полиции». Через два дня по уплате штрафа Бальмонт был выпущен.

[2] Первый раз Бальмонт был задержан и подвергнут допросу в жандармском управлении г. Шуи в седьмом классе гимназии (1884) в связи с обвинением в принадлежности к нелегальному революционному кружку (см.: *Агриков Н. Д.* Шуйский противоправительственный кружок 80-х годов прошлого столетия // Историко-революционный сборник: Труды Иваново-Вознесенского губернского научного общества краеведения. Иваново-Вознесенск, 1926. Вып. 4. С. 23—68). В ноябре 1887 г. Бальмонт был арестован и посажен на несколько дней в московскую Бутырскую тюрьму как один из организаторов студенческих беспорядков в Московском университете. Следствием этого инцидента было исключение Бальмонта из университета, где он начал учиться на юридическом факультете (см.: *Орлов В. Н.* Бальмонт: Жизнь и поэзия // *Бальмонт К. Д.* Стихотворения. Л., 1969. С. 18). В апреле 1902 г. Бальмонт был допрошен в Петербургском охранном отделении после ночного обыска в его квартире (см. п. 48, прим. 1). Консьержери оказалась четвертой в истории столкновений Бальмонта с русской и иностранной полицией.

[3] Молодой художник *Фидус* (Гуго Хеппенер, 1868—1948), с которым Бальмонт познакомился в парижской мастерской Е. С. Кругликовой, выразил желание оформить его книгу стихотворений «Будем как солнце» — это предложение было принято издательством «Скорпион».

[4] Бельгийский художник и график Фелисьен *Ропс* (1833—1898), мастер офортов, создал несколько серий обнаженных фигур, украсивших некоторые художественные издания конца XIX в. Предварительные эскизы и окончательный вариант обложки Фидуса для книги «Будем как солнце» см.: Записки отдела рукописей ГБЛ. Вып. 39. М., 1978. С. 59 и наст. кн. С. 56, 58, 60.

[5] См. п. 83, прим. 3.

85. БАЛЬМОНТ — БРЮСОВУ

(Париж. 28 ноября/) 11.XII.02

Пожалуйста, пошлите отпечатанные листы в 2-х экз.[1] Очень прошу поторопиться с набором. Получили ли статью для «Сев(ерных) цв(етов)? [2] Стихи пошлю недели через две [3]. Пишу на днях [4]. Спасибо за письмо из СПб. Напишите скорей хоть две строки.

Ваш К. Бальмонт.

ЦГАЛИ. Ф. 56. оп. 3. Ед. хр. 6. Л. 47.

[1] Речь идет о листах книги «Будем как солнце», которая в декабре 1902 г. была представлена в московскую цензуру.

[2] См. п. 83, прим. 3.

[3] См. п. 86, прим. 1.

[4] Это письмо неизвестно.

86. БАЛЬМОНТ — БРЮСОВУ

(13/) 26 дек(абря.) 1902. Париж.

Я не успел вчера написать о просьбе, с которой обращаюсь сейчас, и жалею, что не написал вчера, ибо сегодня получил Ваше письмо, и как бы пишу после него. Мне нужно денег, сколько-нибудь, 100—150 рублей. Не может ли «Скорпион» послать их мне. Если может, пошлите их тотчас телеграммой, через «Лионский кредит». Мне очень нужно, и, если эти деньги не могут быть посланы как плата, я решаюсь просить их заимообразно.

Стихи для «Северных цветов» вышлю на днях [1]. Относительно статьи моей [2] ответствую на Ваши вопросы частию положительно, частию отрицательно. А именно. Сократить часть цитат можно, но, если это уж так неизбежно, я прошу сократить цитаты из Кальдерона [3], никак не из Тирсо [4], и не из Форда [5]. Или Форд нецензурен? Цитаты из Шекспира очень прошу сохранить. Я знаю, что как перевод, это хорошо и лучше, чем у Тютчева [6]. Очень просил бы прислать корректуру возможно скорее. Не задержу.

Относительно Ибсена приветствую Вас десятикратно [7]. Обещаюсь ответить отказом и Скирмунту [8] и Поповой [9], если они обратятся ко мне. Прошу оставить за мной перевод «Северных воителей» и «Пеера Гинта» и напоминаю, что давно уже перевел «Привидения» [10], прошу очень предложить Екат(ерине) Ал(ексеевне) перевод чего-нибудь, что она выберет (предпочтительно «Дикой утки» и «Сольнеса»). Она не знает норвежского языка, но я сверю ее перевод с подлинником строка за строкой. Я хотел бы знать подробности об этом плане. Быть может, «Северные воители» уже отданы кому-нибудь? Я люблю их более, чем что-нибудь, и готов был бы «отнять» их.

Я охотно принял бы более «подробное» участие в сем предприятии, если «Скорпион» этого хочет. Мы можем совершенно уничтожить другое предприятие. Раздавить Буниных нельзя, ибо черви живучи, но сократить их вполне возможно [11].

Сейчас получил 17-й лист. Верну сегодня, или не позже завтра. Пожалуйста, пошлите мне отпечатанные листы, если можно, в двух экземплярах.

Я напишу Вам «письмо» о себе тоже сегодня или завтра. Писал Вам весьма романтически из Версаля, но уничтожил письмо, боясь, что края Ваших губ ухмыльнутся насмешливо. Эта поездка в Версаль несколько походила на утро Ставрогина, с Лизой, если верно помню ее имя [12]. Но я погасил по методу Шекспира огонь огнем. Та другая говорит мне: «Я бы все-таки хотела быть для тебя лучше Брюсова». О, Господи, ведь есть же ухищрения в человеческой душе. Когда я буду с Вами, брат мой. Мне недостает, как жизни, Ваших слов, и Вашего уменья слушать.

До свиданья. Пишите скорей, и исполните, если можно, мои просьбы. Мне кажется, что я только что вышел из подземелья.

Всегда Ваш К. Бальмонт.

ЦГАЛИ. Ф. 56. Оп. 3. Ед. хр. 6. Л. 48—49.

[1] В альманахе *СЦ 1903* были опубликованы стихи Бальмонта: «Весь — весна» («Мой милый, ты сказала мне...»), «Болото» («На версты и версты протянулось болото...»), «Старый дом» («В старинном доме есть высокий зал...»).

[2] См. п. 83, прим. 3.

[3] Бальмонт цитировал в статье отрывки из переведенных им пьес Кальдерона «Жизнь есть сон», «Большой», «Поклонение кресту».

[4] *Тирсо-де-Молина* (1571—1648) — испанский драматург, одним из первых обработал в драматической форме средневековую легенду о Дон Жуане. Бальмонт приводит в статье переведенные им отрывки из его драмы «Месть Тамар».

[5] Джон *Форд* (1586—1640) — английский драматург, завершивший развитие драмы елизаветинской эпохи. Наиболее известные его пьесы: «Меланхолия влюбленного» (1629), «Нельзя ее развратницей назвать» (1633), «Разбитое сердце» (1633), историческая хроника «Перкин Уорбек» (1634).

[6] Бальмонт перевел отдельные строки из «Гамлета» и из комедии «Сон в летнюю ночь». Он выбрал в комедии Шекспира тот отрывок, который переводил Ф. И. Тютчев. Ср.:

Любовники, безумцы и поэты
Из одного воображенья слиты!
Тот зрит бесов, каких и в аде нет
(Безумец то есть); сей, равно безумный,
Любовник страстный видит, очарован,
Елены красоту в цыганке смуглой.
Поэта око, в светлом исступленье,
Круговращаясь, блещет и скользит
На землю с неба, на небо с земли —
И, лишь создаст воображенье виды
Существ неведомых, поэта жезл
Их превращает в лица и дает
Теням воздушным местность и названье.

(*Тютчев Ф. И.* Соч.: В 2 т. М., 1984. Т. 1. С. 297)

Любовники, безумные, поэты
Воображеньем творческим полны.
Неведомым вещам дарует форму,—
Поэт преобразует их в виденья,

В тот час, как исступленный взор поэта
С земли скользит на небо, и с небес
На землю,— час, когда воображенье
И, закрепив воздушные ничто,
Дает им место, назначает имя.

(*Горные вершины*. С. 23—24)

[7] В несохранившемся декабрьском письме к Бальмонту Брюсов, по-видимому, излагал план нового издания пьес Ибсена в книгоиздательстве «Скорпион». План этот не был осуществлен.

[8] См. п. 54, прим. 3. Полн. собр. соч. Г. Ибсена вышло в издательстве Скирмунта в 1903 г.

[9] Ольга Николаевна *Попова* (1848—1907) — издательница, владелица книжного магазина и библиотеки-читальни в Петербурге. Сочинения Ибсена в издательстве Поповой не выходили.

[10] Творчеством Ибсена Бальмонт увлекался с юности. В начале 90-х годов он перевел с норвежского и подготовил к печати критико-биографическую книгу Г. Иегера «Генрих Ибсен» (см. п. 15, прим. 16). В 1896 г. Бальмонт перевел и выпустил отдельным изданием драму Ибсена «Привидения». Театральная постановка этой пьесы в переводе Бальмонта тогда же была запрещена цензурой (*ЦГИАЛ*. Ф. 776. Оп. 26, 1896. Д. 15. Л. 172). В сентябре 1900 г. дирекция императорских театров повторно обратилась в Главное управление по делам печати с просьбой разрешить ее к представлению. Первый цензор драматических сочинений, изложив содержание пьесы и историю ее запрещения в переводах Лимонова (1895) и Бальмонта (1896), пришел к выводу, что, кроме двух неудобных мест, «в пьесе не заключается решительно ничего предосудительного», и полагал возможным, при устранении этих мест, «дозволить ее к представлению на сцене императорских театров» (Там же. Оп. 25. Ед. хр. 600). Однако 20 октября по заключению члена Совета Литвинова запрещение ставить пьесу было оставлено в силе.

[11] Очевидно, И. А. Бунин должен был принимать участие в изданиях Ибсена, которые предполагались в издательстве С. А. Скирмунта или О. Н. Поповой. Однако ни в одном из русских изданий Ибсена переводы Бунина не печатались.

[12] Утреннее объяснение Лизы Дроздовой со Ставрогиным в Скворешниках после ее «побега» с ним составляет содержание третьей главы («Законченный роман») последней части романа Достоевского «Бесы». В этом объяснении Лиза, между прочим, говорит Ставрогину: «Третьего дня, когда я вас всенародно „обидела", а вы мне ответили таким рыцарем, я приехала домой и тотчас догадалась, что вы потому от меня бегали, что женаты, а вовсе не из презрения ко мне, чего я в качестве светской барышни всего более опасалась. Я поняла, что меня же вы, безрассудную, берегли, убегая. Видите, как я ценю ваше великодушие» (*Достоевский Ф. М.* Полн. собр. соч. Л., 1974. Т. 10. С. 400). Бальмонт имеет в виду, вероятно, встречу в Париже с Еленой Цветковской после возвращения Дагни Кристенсен в Норвегию.

87. БАЛЬМОНТ — БРЮСОВУ

(23 декабря 1902 г./) 5 января 1903. Париж.

Снова свершились какие-то круги, и я тоскуя гляжу на мир, и как ладья в море, плыву куда-то без цели.

Неделю тому назад был довольно фантастический вечер здесь. Русский вечер. Глупая Анненкова-Бернард читала какой-то вздор [1], а публика вела себя приблизительно как в конюшне. Очень это было горестно. Когда настала моя очередь читать, я, выйдя на эстраду, уклонился заранее от бисов, и заявил: «Я прочту три стихотворения: стихотворение Эдгара По «Колокольчики и колокола», в моем переводе [2], стихотворение Валерия Брюсова, посвященное мне [3], и мое последнее стихотворение». Это сообщение было встречено аплодисментами, и публика стала внимательно слушать, что меня, знавшего конец, исполнило некоторым злорадством. И первое и второе стихотворение было встречено, или вернее «награждено» рукоплесканиями. Мне было радостно читать Ваши строки. «Вдохновенный, вечно-юный». Я был с Вами, и мне казалось, что это мои строки Вам. Я дрожал, телесно, от негодования, и от чего-то еще, но я был высоко над толпой, я был с Вами. И наконец я прочел свое стихотворение.

Я был вам звенящей струной,
Я был вам цветущей весной,
Но вы не хотели цветов,
И вы не расслышали слов.
Я был вам призывом к борьбе,
Для вас я забыл о себе,
Но вы, не увидев огня,
Оставили молча меня.

Е. К. ЦВЕТКОВСКАЯ
Фотография, 1899
Центральный архив литературы и искусства СССР, Москва

Когда ж вы порвали струну,
Когда растоптали весну,
Вы мне говорите, что вот
Он звонко, он нежно поет.

Но если еще я пою,
Я помню лишь душу мою,
Для вас же давно я погас,
Довольно, довольно мне вас [4].

Это стихотворение имело наибольший успех. Что сие? Или действительно я «умею обращаться со зверьми»? Когда аплодисменты и крики «бис» стали мне нестерпимыми, я вышел и сказал, что я могу лишь повторить последнюю строку последнего стихотворения: «Довольно, довольно мне вас». И публика покорно умолкла. Вчера я читал лекцию о Шелли [5]. Мне кто-то хотел устроить какой-то скандал. Но устроили полную залу слушателей, и полное внимание, и полное сочувствие.

Внешности.

В промежутке между этими вечерами я блуждал по ночному Парижу. Один. С отчаянием в душе. В одну из ночей я постепенно утратил возможность заходить в помещения, а в воду броситься мне не очень хотелось. Я зашел в одно помещение и спросил, могут ли мне дать что-нибудь на два су. Мне ответили, что они не могут дать мне за эту сумму ничего, но рядом могут. Я зашел «рядом» в ужаснейший и пустынный малый вертеп, где безмолвная сиделица любезно дала мне за два су стакан рома. Кроме меня там был добродушно-злодейственного вида человек и его престарелая любовница, с частью носа, растраченного, как ее невинность. Она пришла в ярость от вида человека, одетого в английское пальто и жеманно просящего дать ему что-нибудь на два су, она подскочила ко мне с яростью, и долго что-то говорила, и ее слова были красноречивее многих нежных весенних слов. О, как мне было жаль ее. Злодейственный человек кротко призывал ее к своему столу, но ей нужно было что-то пить и есть на четыре су, которых не было ни у него, ни у меня. Сиделица грустно смотрела на нас, и должно быть мечтала о далекой деревне, откуда ее затащили для этого проклятого ремесла в этот мучительный вертеп. Это было по соседству с Морг [6].

Потом я встал и дошел до бульвара Распайль, где Елена [7] отперла мне свою комнату, и я лежал у нее, без мысли, без слов почти, и несколько холодных поцелуев не таили в себе страсти. Сестра, сестра. Ведь она воистину сестра.

Благодарю за деньги. Поблагодарите Полякова. Корректуры только сейчас отправил. Благодарю очень за посылку отпечатанных листов. Спасите мою книгу. В ней верно вырежут много страниц [8]. Пошлите обложку и посвящение. Рисунок к обложке я отверг. Галиматья [9].

Солнце светит. В душе жажда. Когда увижу Вас? Пишите скорей. Я не могу писать о многом. Нет слов.

Мне кажется, что я в Мальстрёме [10]. Веселие безысходности.

Ваш К. Бальмонт.

ГБЛ. Ф. 386, 76.1. Л. 7—9.

[1] Нина Павловна *Анненкова-Бернард* (в замуж. Дружинина, 1864—1933) — писательница, актриса Александринского театра. Что читала она на описываемом вечере — установить не удалось.

[2] Опубл.: *По Э.* Баллады и фантазия/Пер. К. Д. Бальмонта. М., 1895 (первые две части); *ЕС*. 1900. № 12 (полностью). Бальмонт писал, что эта его работа — «скорее подражание, чем перевод» (Баллады и фантазии. С. XIV).

[3] Стихотворение «К. Д. Бальмонту» (см. п. 77, прим. 1).

[4] Под заглавием «Довольно» опубл.: *Только любовь* (раздел «Проклятья»).

[5] Лекция была прочитана в Русском университете.

[6] Улица в Париже; место действия рассказа Э. По «Убийство на улице Морг».

[7] Елена Константиновна *Цветковская* (1883 (?)—1944) — возлюбленная, после 1920 г.— жена Бальмонта. Дочь генерала из Киева, Е. К. Цветковская в начале 900-х годов училась в Париже на математическом факультете Сорбонны. С Бальмонтом познакомилась после его публичной лекции в Русском университете в ноябре 1902 г.

[8] Книга «Будем как солнце», неофициально представленная в московскую цензуру в декабре 1902 г., вызвала там серьезные замечания. Несмотря на исправления и замены отдельных стихотворений, неофициальные переговоры не привели к решению вопроса, и 3 марта 1903 г. в Главное управление по делам печати в Петербурге поступило представление из Московского цензурного комитета. Рассматривавший названную книгу и. д. цензора Московского цензурного комитета коллежский советник Соколов представил о ней следующий доклад: «Книга К. Бальмонта состоит из 205 стихотворений (. . .) В цензурном отношении эти стихотворения тем особенно обращают на себя внимание, что все они относятся к разряду так называемых символических и среди них имеется слишком много эротических, крайне циничных и по местам, как напр., на стр. 220, 222 и 251, даже кощунственных (. . .) Рассматриваемую книгу Бальмонта я нахожу крайне вредною с цензурной точки зрения и (. . .) с своей стороны полагаю, что о ней, как таковой, следует незамедлительно донести Главному управлению по делам печати, присовокупляя, что она вредна особенно может быть в настоящее время, когда большая часть читающей публики, особенно молодежь, так увлекается символизмом. Притом рассматриваемые стихи Бальмонта отличаются по форме тщательной отделкой и несомненно рассчитаны не на чувство, а на чувственность читателя» (*ЦГИАЛ*. Ф. 776. Оп. 21. Ч. 1. Ед. хр. 625. Л. 26, 27).

4 марта из Главного управления по делам печати последовало указание Московскому цензурному комитету приостановить выпуск в свет отпечатанной без предварительной цензуры книги (Там же. Л. 29). Книга была направлена на дополнительное рассмотрение члену Совета М. В. Никольскому. Заключение последнего было более благоприятным, хотя оно и предписывало ряд изъятий в готовых листах книги. Вместо 205 стихотворений в книге осталось 198, причем некоторые стихотворения из первоначального состава были уже заменены и отдельные строки исправлены. Указание В. Н. Орлова, что книга печаталась в ноябре 1902 г. и «вышла в свет в изд-ве „Скорпион", очевидно, в самом конце года», неточно (см.: *Бальмонт К. Д.* Стихотворения. Л., 1969. С. 626). Книга Бальмонта не только помечена на титуле 1903 г., но и вышла фактически в свет не ранее конца марта 1903 г. В письме к редактору «Ежемесячных сочинений» И. И. Ясинскому от 1 июля 1903 г. Бальмонт заметил: «Получили ли Вы мою книгу „Будем как солнце", прошедшую сквозь строй московских и петербургских цензоров и потерявшую при этом 10 стихотворений, в том числе напечатанного у Вас „Святого Георгия"» Хотели вырезать и „Художника-Дьявола", но спасло указание на то, что он был напечатан в „Ежемесячных сочинениях"» (Там же).

[9] О каком рисунке говорит здесь Бальмонт — не вполне ясно. Кроме окончательного варианта обложки «Будем как солнце», известны еще четыре предварительных эскиза Фидуса (см. п. 84, прим. 3, 4). Возможно, что Бальмонт «отверг» один из этих эскизов.

[10] Мальстрём — холодное течение в Атлантическом океане.

88. БАЛЬМОНТ — БРЮСОВУ

(25 декабря 1902/) 7 января 1903. Париж.

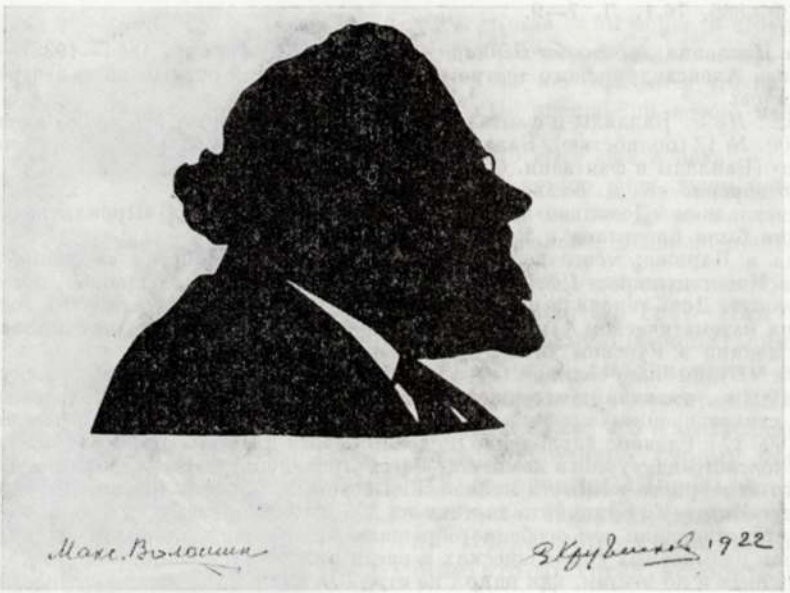
Податель сего письма, Макс Волошин, да внидет в дом Ваш, приветствуемый и сопровождаемый моей тенью [1]. Он не только любит стихи, но и знает первобытные скитания не менее, чем А. Добролюбов [2].

Неизменно Ваш К. Бальмонт.

ГБЛ. Ф. 386, 76.1. Л. 10.

[1] О М. А. Волошине и его знакомстве с Брюсовым см. наст. том, кн. 2, Переписка с Волошиным. Вступ. ст. К. М. Азадовского и А. В. Лаврова; о знакомстве с Бальмонтом: *Нинов А. А.* Так жили поэты... // Нева. 1984. № 10. С. 118—121.

[2] В студенческие годы и после отъезда за границу Волошин много путешествовал: осенью 1899 г. он первый раз побывал в Италии, Швейцарии, Франции и Германии. После ареста и изгнания из университета Волошин отправился в Среднюю Азию, он работал в пустыне,



М. А. ВОЛОШИН

Силуэт работы Е. С. Кругликовой, 1922

в партии геодезистов, на трассе будущей Туркестанской железной дороги. В июне 1901 г. вместе с друзьями совершил пешеходное путешествие из Франции по Испании и Андорре. «В эти годы,— писал позднее Волошин,— я только впитывающая губка, я весь — глаза, весь — уши. Странствую по странам, музеям, библиотекам: Рим, Испания, Балеары, Корсика, Сардиния, Андорра ⟨. . .⟩ Лувр, Прадо, Ватикан, Уффици ⟨. . .⟩ Кроме техники слова, овладеваю техникой кисти и карандаша» (Радуга. 1966. № 3. С. 53). Александр Добролюбов скитался по окраинам и глухим местам России — по Карелии, Архангельской и Олонецкой губерниям, среди уральских казаков, по Оренбуржью и т. д.

89. БАЛЬМОНТ — БРЮСОВУ

7 января ⟨ст. ст.⟩ 1903. Москва.

Богам ветров (есть боги сквозняка, как демоны снега etc.) [1] было угодно исказить мой внешний лик и тем лишить меня возможности тотчас же по прибытии приехать к Вам. Не придется и быть вечером среди Ваших слушателей [2]. Приезжайте, если возможно, хоть на один час ко мне. Жажду Вас видеть.

Ваш К. Бальмонт.

ГБЛ. Ф. 386, 76.1. Л. 12.

[1] Ср. стихотворение Брюсова «Демоны пыли» (1899; I, 209).

[2] Бальмонт вернулся в Москву из Парижа 6 января 1903 г. Вечером 7 января Брюсов выступил на «вторнике» Московского Литературно-художественного кружка с докладом «Искусство или жизнь. О поэзии Фета». Доклад вызвал резкие возражения в прениях и закончился литературным скандалом, получившим отклики в прессе. Свою версию этого происшествия Брюсов изложил в заметке «Фетовский вечер и фетовский скандал» (за подписью Москвитянин — *НП*. 1903, № 2). Через несколько дней Брюсов записал в дневнике: «Бальмонт приехал за день до моего чтения, но не был на нем из-за флюса. Я видел Бальмонта раза три. Он был уныл, скучен, вял...» (*Дневники*. С. 129).

90. БАЛЬМОНТ — БРЮСОВУ

23 января 1903. Москва
Знаменка, Ваганьковский, д. Куманина, кв. 18.

Посылаю Вам только что написанные стихи. Я опять возвратился к ритмическим строчкам. Прочтите их пленительной Бэле, и расскажите мне ее впечатление [1].

Впрочем, стоит ли кружиться
В заколдованных кругах?
Что свершится, то свершится,
Ты разлюбишь дольний прах.

Ты остынешь к поцелуям
Этой тленной красоты,
И отдашься вечным струям,
Где исчезли «я» и «ты» [2].

Мне нравится больше мое другое стихотворение, начинающееся словами:

Мне радостно видеть, что в сердце моем
Есть нежность без жадных желаний [3].

Я напишу к весне книгу стихов нежных и бесплотных, как паутинки под солнцем [4]. Я знаю теперь, что есть бесплотные «маленькие» поцелуи. Елена живет в моей душе [5].

Пишите мне скорее и больше. Я видел двух-трех людей. Но люди утратили для меня какой-либо интерес. Я только мечты свои вижу, вот они со мной,— о, нежные, красивые, в них трепет белых крыльев и мерцанье белых лепестков. Привет.

Ваш К. Бальмонт.

ЦГАЛИ. Ф. 56. Оп. 3. Ед. хр. 6. Л. 50.

[1] Бэла — лицо неустановленное. См. посвященное ей стихотворение Бальмонта «Я не знаю, как же быть?..» («Будем как солнце»).
[2] Публикация этих стихов не найдена.
[3] Второе из четырех стихотворений, объединенных общим заглавием «Жемчуг» *(Только любовь)*.
[4] Книга «Только любовь» вышла в свет в ноябре 1903 г.
[5] Е. К. Цветковская (см. п. 87, прим. 7) оставалась в это время в Париже.

91. БАЛЬМОНТ — БРЮСОВУ

7 мая 1903. Москва.

Думал, что придете сегодня. Может, еще надумаете? Очень бы хотелось увидать Вас.

Ваш К. Бальмонт.

ЦГАЛИ. Ф. 56. Оп. 3. Ед. хр. 6. Л. 51.

92. БАЛЬМОНТ — БРЮСОВУ

Ст. Корф, Балт. ж. д. Меррекюль [1], д. 6
28 мая 1903.

Пошлите мне, пожалуйста, Ваш «Путь в Дамаск» [2]; в это стихотворение я положительно влюблен. Я повторяю его, блуждая в лесу, но чувствую, что я в нем что-то сам присочинил и что-то выпустил. Я его читаю так:

Губы мои приближаются
К твоим губам.
Таинство страсти свершается,
И мир как храм.

Мы, как священнослужители,
Творим обряд.
Тихо в любовной обители,
Мечты горят.

Водоворотом мы схвачены
Последних ласк.
Вот он, от века назначенный,
Наш путь — в Дамаск [3].

Я думаю, что это самое сильное Ваше стихотворение.

Я написал несколько новых стихотворений, и посылаю Вам одно из них [4]. Написал также стихотворение «Только любовь» [5].

Где Вы? Что Вы делаете? Приезжайте к нам. Здесь удивительно красиво. Нет ли чего нового в Москве?

Ваш К. Бальмонт.

ЦГАЛИ. Ф. 56. Оп. 3. Ед. хр. 6. Л. 52.

[1] Меррекюль — дачный поселок на берегу моря в Эстонии, куда в мае 1903 г. Бальмонт уехал на лето с семьей.

[2] Стихотворение «В Дамаск» впервые опубл.: *ЕС*. 1903. № 4 (без загл.). Вошло в *UO*.

[3] Бальмонт воспроизвел стихотворение Брюсова неточно и неполно (ср. I, 311). Предлагая включить это стихотворение в «Книгу о русских поэтах последнего десятилетия», Брюсов писал Вл. Пясту (автору вступительного очерка): «Я очень настаиваю только на одном стихотворении (. . .) "В Дамаск" ("Urbi et orbi"), которое мне дорого и в котором отразилось что-то из моих самых сокровенных переживаний» (*Стихотворения и поэмы*. С. 756—757).

[4] К письму приложен автограф стихотворения «О, как моя душа многообразна!..».

[5] Заключительное стихотворение книги «Только любовь»; публиковалось под заглавием «К людям» («О, люди, я к вам обращаюсь ко всем...»).

93. БАЛЬМОНТ — БРЮСОВУ

Меррекюль, Эстл. г., д. 6. 8 июня 1903.

Амиго, зачем Вы принимаете в расчет тот класс людей, который именуется русскими читателями? Мне кажется, это коренная ошибка. Что они скажут о Вас или обо мне, решительно все равно. Важно только то, что мы можем сказать друг о друге.

Я очень радуюсь тому, что Вы хотите посвятить Вашу книгу мне [1]. Моя дружба с Вами всегда вызывает во мне воспоминания о лучших годах, месяцах, днях и мгновениях. Я ни с кем не чувствую такого внутреннего родства, как с Вами, несмотря на все наши различия, и на всю нашу коренную рознь. Моя жизнь была бы очень неполна, если бы я не встретил Вас.

Какую форму должно иметь посвящение? Мне кажется, третью, то есть с упоминанием «современных поэтов», и с «брату лучших лет». Только почему «наших современных», а не просто «поэтов наших дней»? И почему лучших лет, а не лучших мгновений? Упоминание о летах дает ощущение ретроспективности, о которой нам еще очень рано думать. И разве не лучшее в Вас и во мне, что мы вечно молоды, что мы не можем постареть, что мы никогда не будем позорными «маститыми», что мы принадлежим мигам, что мы духи страсти, огня, жизни, бесстыдства, бесстрашия? У нас будет еще много лучших лет — когда мы войдем в здания, созданные нами, и когда мы коснемся новых берегов. А лучших мгновений не может быть, будут только такие же прекрасные, ибо те мгновения, которые связали нас, были лучшим и самым ярким, что может быть для двух молодых душ, чувствующих прелесть Луны, ночи, инея, мечтаний, таинств того, что мгновенно, и ощущения внутренней созвучности, ощущения двух звездных рек, убегающих от своих истоков к Бесконечности.

Когда выйдет Ваша книга?

Напишите о моей книге не откладывая, и отдайте в «Новый путь» [2].

Я решил давать им много. Дал уже две серии стихов, своих и переводных [3]. И думаю написать какую-нибудь статью,— хотя я все-таки нахожу, что Фридберг поступил весьма остроумно [4].

В Вашем стихотворении строфа с ангелами, поющими тропарь, безусловно лишняя. В душе ни за что не приемлю ее. Но зато следующая, которую я забыл, лучше всего, что можно сказать о двух целующихся. Это высечено из благородного материала, и будет жить, как камея [5].

Я тоже чувствую охлаждение к женским письмам [6]. Я весь теперь в мечтах о следующем. К январю я кончаю Шелли, Эдгара По и третий том Кальдерона [7]. Затем в течение многих месяцев читаю миллион книг о Индии, Китае и Японии. Осенью будущего года еду в кругосветное путешествие [8]. Константинополь, Египет, вероятно, Персия, Индия, часть Китая, Япония. На обратном пути Америка. Путешествие — год. Если б Вы захотели поехать вместе со мной, это была бы сказка фей. Поедемте. Подумайте, что за счастье, если мы вместе увидим пустыню и берега Ганга, и священные города Индии, и Сфинкса, и Пирамиды, и лиловые закаты Токио, и все, и все.

Между прочим, не говорите пока никому об этом. Мне не хочется, чтобы «друзья» захватали мои (наши?) мечты своими несносными вопросами.

Пишите и пошлите стихов. Жму руку. Приезжайте к нам.

Всегда Ваш К. Бальмонт.

ЦГАЛИ. Ф. 56. Оп. 3. Ед. хр. 6. Л. 54—55.

[1] Книга «Urbi et orbi» была подготовлена Брюсовым к изданию летом 1903 г. и вышла в свет в конце ноября с посвящением: «К. Д. Бальмонту, другу и брату».

[2] Брюсов откликнулся на книгу «Будем как солнце» специальной статьей (К. Д. Бальмонт. «Будем как солнце». Книга символов. М., 1903), отданной, однако, не в *НП*, а в «Мир искусства» (1903. № 7—8).

[3] В *НП* за 1903 г. были опубликованы следующие стихотворения и переводы Бальмонта: № 1 — «Безрадостность», «Ты была мне сестрой...»; № 6 — «Из книги „Только любовь"»: «Красный цветок», «Далеким близким», «Я ненавижу человечество...», «Как трудно мне на медленном огне...», «Я заглянул во столько глаз...», «Я нити завязал могучего узла...», «Я был вам звенящей струной...», «Отречение»; № 8 — «Из иностранных поэтов» (из Поля Фора, Вильяма Блэйка, Тора Ланге, Аугусто Феррана); № 10 — «Из книги „Только любовь"»: «Что мне нравится...», «Сигурд», «Мои звери», «Маскированный бал», «Так скоро», «К Елене», «Дьявол моря», «Пять пещер», «Полночь», «Созванье, сила и основа».

[4] О Д. Н. Фридберге см. наст. кн., Переписка с Коневским, п. 58, прим. 2. Летом 1903 г. Брюсов сделал о нем такую запись: «Без меня ко мне заходил Фридберг. Он не оставил карточки. "Скажите, что заходил "ландыш". Я догадался. Зиночка говорит, что Фридберг помешался. Леонид Семенов рассказывает, что Фридберг принес в редакцию "Нового пути" лукошко салата и оставил. Потом, выдержав экзамен, взял свои бумаги из университета» (*Дневники*. С. 133).

[5] Речь идет о третьей и четвертой строфах стихотворения «В Дамаск» (см. п. 92, прим. 3).

[6] Ср. строки из стихотворения Брюсова «У себя» (1901): «А эта груда женских писем // И нежива, и холодна» (I, 271).

[7] *Шелли П. Б.* Полн. собр. соч. СПб.: Знание, 1903—1907. Т. 1—3; *По Э.* Собр. соч. М.: Скорпион, 1901—1912. Т. 1—5; *Кальдерон П.* Соч., М.: Изд. М. и С. Сабашниковых, 1900—1912. Т. 1—3.

[8] В начале 1905 г. Бальмонт отправился в Мексику и вернулся через полгода. План кругосветного путешествия осуществлен не был.

94. БАЛЬМОНТ — БРЮСОВУ

Меррекюль. 26.7.03.

Ну, что же, вот Вам мой «Гимн» [1]. Я не вижу Вашего лица, и потому посылаю его с чувством недоверия. Напишите подробно о впечатлении.

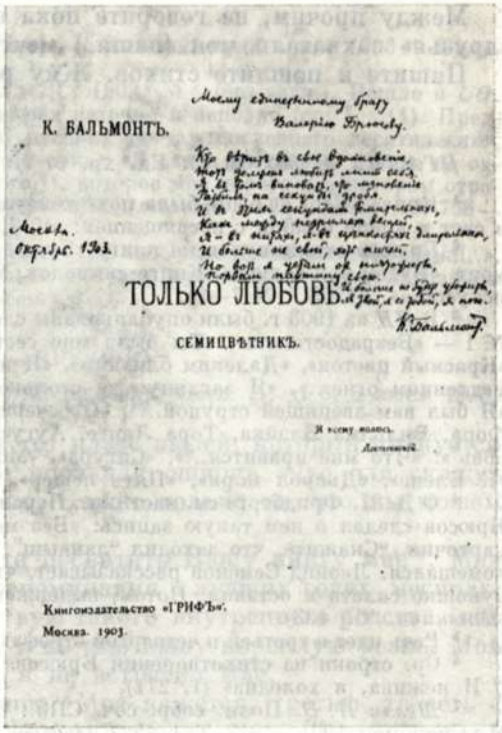
Не знаю, писал ли Вам Поляков, что я перевел «Балладу» Оскара Уайльда. Она будет издана «Скорпионом» [2]. Как хотелось бы мне прочесть ее Вам и видеть Вас в эти мгновения. В смысле потрясающих очарований я не знаю другой равносильной вещи, кроме «Ворона». А в смысле виртуозности перевода, это лучше, чем мой перевод «Ворона» [3].

Все эти недели я живу как в бреду. Я написал целый ряд новых стихов [4] и перевел шеллиевскую поэму «Лаон и Цитна» [5], которая по размерам кажется больше «Илиады». Вы, может быть, вовсе не будете ее читать. Но в ней есть места, которые уводят мечту в Бездонность, и есть места, которые говорят, что если бы Шелли жил дольше, он раньше Эдгара По написал бы «Маску Красной Смерти» и еще кое-какие страницы «Таинственных рассказов».

Благодарю Вас очень за посылку статей о «Северных цветах» [6]. Не можете ли послать то, что было о них и обо мне в «Московских ведомостях» и в «Русском листке» [7].

Кстати. Переведите мне, пожалуйста, и разъясните следующую фразу (эпиграф к «Освобожденному Прометею»): Audite haec, Amphiarae, sub terram abdite? [8]

Что Ваша книга? [9] Что Ваша статья о «Солнце»? [10] Узрю ли ее? В Петербург приезжала Елена [11]. Я виделся с ней, но сбежал от нее в публичный дом. Мне нравятся публичные дома. Потом я валялся у нее в комнате, на полу, в припадке истерического упрямства. Потом я снова сбежал в иной храм шабаша, где многие девы пели мне песни, а Елена успела уехать в Киев. Я впрочем люблю ее, как всегда. Быть может больше. За мной приехала Е. А.[12] и увезла



ДАРСТВЕННАЯ НАДПИСЬ К. Д. БАЛЬМОНТА

на книге «Только любовь». М., «Гриф», 1903: «Моему единственному брату Валерию Брюсову. Кто верит в свое вдохновение, ‖ Тот должен любить лишь себя. ‖ Я в том виноват, что мгновение ‖ Разбил, на секунды дробя. ‖ И в этих секундах томительных, ‖ Как между незримых вещей, ‖ Я — в нитях, я в цепкостях длительных, ‖ И больше не свой, хоть ничей, ‖ Но вот я устал от ничтожества, ‖ Порвал паутину свою. ‖ И больше не будет убожества, ‖ Я твой, я с тобой, я пою. К. Бальмонт. Москва. Октябрь. 1903»

Обложка по рисунку М. А. Дурнова

Библиотека СССР им. В. И. Ленина, Москва

меня, совершенно обезумевшего в Меррекюль, где несколько дней и ночей я был в аду кошмаров и снов наяву, таких, что мои глаза пугали глядящих. Какой однако я систематический органчик. Правильно разыгрываю мелодии. Теперь я сижу на веточке и говорю: «чирик-чирик». Как берегут меня боги. Быть может «для примера». Готов служить.

В мире родился новый поэт, и сильный. Его имя — Балтрушайтис. Знаете ли Вы его «Банкомета»? Великолепно [13].

«Новый путь» — помойная яма, и не очень глубокая помойка, так что в ней нет даже очарования истинной отвратительности [14].

Пишите мне, дремотный брат. Примите участие в моей бешеной скачке. Ведь Вы скачки любите, и, говорят, даже Полякова в этом смысле развратили.

Люблю Вас. А! я живу!

Ваш всегда К. Бальмонт.

ЦГАЛИ. Ф. 56. Оп. 3. Ед. хр. 6. Л. 56—57.

[1] Цикл стихотворений «Гимн солнцу», которым открывалась новая книга Бальмонта «Только любовь», состоял из семи стихотворений: 1. «Жизни податель...», 2. «О, как, должно быть, было это утро...», 3. «Я все в тебе люблю. Ты нам даешь цветы...», 4. «Свежей весной...», 5. «Я тебя воспеваю, о яркое жаркое Солнце...», 6. «Люблю в тебе, что ты, согрев Франциска...», 7. «О, мироздатель...». К письму приложена машинопись этих стихотворений с пометкой под последним из них: 30 июня — 1 июля 1903. Вечер. Ночь. Утро. Меррекюль».

В тот же день, 26 июля, Бальмонт послал этот цикл Чехову вместе с письмом к нему: «Дорогой Антон Павлович, обращаюсь к Вам с просьбой. Не можете ли Вы поместить в "Русской мысли" мой "Гимн к солнцу". Вы прочтете его и, я знаю, увидите, что это стихотво-

рение не причинит своим появлением ущерба никакому журналу в мире. Но мудрецы есть в каждой редакции, и их назначение быть палачами рукописей, которых они не могут понять именно в силу своей банальности и в силу таинственных личных соображений. Если Вы можете оказать свое влияние на властелинов "Русской мысли", я очень буду Вам благодарен. Я не решаюсь послать этот гимн Виктору Александровичу непосредственно» (*ВЛ*. 1980. № 1. С. 124). Чехов исполнил эту просьбу и переслал рукопись В. А. Гольцеву, отметив, что «стихотворение хорошее» (*Чехов А. П.* Полн. собр. соч. и писем. Письма. М.: Наука, 1982. Т. 11. С. 239). Несмотря на рекомендацию Чехова, в *РМ* стихотворение напечатано не было, так как Гольцев нашел его «растянутым и чересчур напыщенным» (Там же. С. 550). Через год после опубликования «Гимна солнцу» в книге «Только любовь» оно было помещено в журнале «Мир искусства» (1904. № 12).

[2] «Баллада Редингской тюрьмы» в переводе Бальмонта была издана отдельной книжкой в марте 1904 г. Заглавие на обложке: «Тюремная баллада Оскар Уайльда — 1896. К. Д. Бальмонт — 1903». Обложка работы М. А. Дурнова (М.: Скорпион, 1904).

[3] Поэма Э. По «Ворон» была переведена Бальмонтом за десять лет до того (Артист. 1894. № 41). Затем вошла в сб.: *По Э.* Баллады и фантазии/Пер. с англ. К. Д. Бальмонта. М., 1895. О брюсовском переводе той же поэмы см. п. 104, прим. 8.

[4] Летом 1903 г. была написана бо́льшая часть книги «Только любовь».

[5] «Лаон и Цитна» — одна из самых крупных по размеру поэм Шелли (1817), отражающая его философско-космогонические и социальные взгляды. В 1818 г. переиздана под названием «Восстание Ислама». Бальмонт перевел поэму на русский язык впервые («Лаон и Цитна, или Возмущение Золотого города. Видение девятнадцатого века» // *Шелли П.-Б.* Полн. собр. соч. СПб., 1904. Т. 2).

[6] Перечень откликов на альманах *СЦ 1903* см.: *Библиография/II*, № 162, 173, 176, 177, 181, 185, 191, 193. Какие статьи прислал Брюсов Бальмонту — неизвестно.

[7] Отзывы о «Северных цветах» в этих газетах не появились.

[8] «Слышишь ли ты это, Амфиарий, скрытый под землею?» *(лат.)* — эпиграф к драме Шелли «Освобожденный Прометей» (*Шелли П.-Б.* Полн. собр. соч. СПб., 1904. Т. 2). Амфиарий — прорицатель, участник похода семерых военачальников против Фив. При разгроме под Фивами был не убит, а поглощен вместе с колесницей разверзшейся землей. По воле Зевса получил бессмертие. Источника цитаты установить не удалось.

[9] См. п. 93, прим. 1.

[10] Там же, прим. 2.

[11] В июле 1903 г. Бальмонт уезжал из Меррекюля на несколько дней в Петербург для встречи с приехавшей из Парижа Е. К. Цветковской.

[12] Е. А. Бальмонт.

[13] Произведение Балтрушайтиса с таким названием неизвестно.

[14] Несмотря на сотрудничество в *НП*, Бальмонт все более резко оценивал направление этого журнала. Неприязнью к группе Мережковского, Гиппиус, Перцова, Розанова и др. проникнуто стихотворение «Далеким близким» («Мне чужды ваши рассуждения...» — *Только любовь*, раздел «Проклятия»).

95. БАЛЬМОНТ — БРЮСОВУ

26 авг(уста) 1903. Меррекюль.

Пишу Вам, недобрый брат, лишь затем, чтобы сказать, что я еще здесь, и пробуду здесь столько, что Вы успеете мне написать и дважды и трижды [1], если —

Первое из двух Ваших последних стихотворений мне нравится, второе меня «возмутило» [2]. Быть может, Вы за этим его и послали мне? Не хочется Вас сердить, а то я сказал бы Вам некое предвидение из области снов жизни, и совпадающее с этой «Втирушей», но не в похвалу поэту. Таких втируш вообще можно развести столько же, сколько существует инфузорий в капле воды.

По обыкновению Вы, вёрно, «утаиваете» Ваши действительно хорошие новые стихи.

Вот Вам за это и с моей стороны утайка. Посылаю самую инфузорную песнюшку [3], а иные сокрываю во хранилище. Их много, и некоторые мне хочется скрыть именно из предвкушения видеть первый луч их ответный в Ваших черных глазах. Вообще я заранее счастлив нашими свиданьями. Сколько будет перекрестных строк. Я в такой волне, какой не было даже в период «Горящих зданий».

Что Вы? Вернулись ли к себе? [4] Я даже и этого не знаю, о, злодейственный Валерий. Что делает Скорпион? [5] Я ему написал ехидное письмо. Утешьте его, если он обиделся. Я его искренно люблю. Впрочем, кажется, ему утешений не надо, ибо он в броне своей замкнутости.

Жму руку. Я Вам признателен за один старинный разговор, который неожиданно вспомнился и был первой снежинкой, за которой вдруг устремились другие, так красиво и узорно. Расскажу.

Сердцем Ваш К. Бальмонт.

ЦГАЛИ. Ф. 56. Оп. 3. Ед. хр. 6. Л. 67, 69.

[1] Бальмонт пробыл в Меррекюле до 6 сентября 1903 г. (см. п. 96).
[2] Можно предположить, что первое из посланных стихотворений — «Сон» («Как город призрачный в пустыне...» — 22 августа 1903 г.; I, 340); второе, прямо названное Бальмонтом,— «Втируша» («Ты вновь пришла, вновь посмотрела в душу...» — 1903; I, 320—321).
[3] К письму приложено стихотворение Бальмонта «Зимой ли кончается год...» *(Только любовь)*.
[4] Летом 1903 г. Брюсов жил с семьей на даче в Старом Селе Можайского уезда Московской губ. Он вернулся в Москву около 20 августа.
[5] С. А. Поляков.

96. БАЛЬМОНТ — БРЮСОВУ

Моск. адр.: Б. Толстовский, д. Недгарта.
5 сент(ября) 1903. Меррекюль.

Завтра еду в Пб. и оттуда через три дня возвращаюсь в —

Город прекрасный Валерия,
Многих в окружности миль,
Где превращаем мы гниль
В яркую звездную пыль,
Где докажу на примере я
Ложность — ex nihile nil *.

К. Бальмонт.

ЦГАЛИ. Ф. 56. Оп. 3. Ед. хр. 6. Л. 70.

97. БАЛЬМОНТ — БРЮСОВУ

(Москва,) 29 сент(ября) 1903. «Эрмитаж» [1].

Валерий, я приду к тебе сегодня с Еленой, на одно мгновение. Жди меня. Молю, будь — Ты.

Твой К. Бальмонт.

P. S.

«Возьми цветок!» Мне в этом признание.
О, если б я мог
Быть так, как мечтание!

Тех прежних дней,
Тех нежных свиданий,
Сверканий, огней, и того, что тесней,
И того, что не знает себя, и всего, - - -

Валерий, я приду к тебе между 10-ю и 11-ю.
Прошу, жди меня.

Твой К.

И много стихов, ждущих - - -

ЦГАЛИ. Ф. 56. Оп. 3. Ед. хр. 6. Л. 89.

[1] Гостиница и ресторан в Москве.

98. БАЛЬМОНТ — БРЮСОВУ

Окт(ябрь) 1903. Москва.

Валерий, будь добр, пошли, пожалуйста, золотую монету в двадцать рублей. Если нет, то все-таки найди. Прошу, пожалуйста.

К. Бальмонт.

Я очень прошу.

* из ничего ничто *(лат.)*.

ЦГАЛИ. Ф. 56. Оп. 3. Ед. хр. 6. Л. 90.

Письма с аналогичными просьбами от 7—8 ноября и 14 декабря 1903 г. см. там же, л. 93—98. В данной публикации опущены.

99. БАЛЬМОНТ — БРЮСОВУ

(Москва. Октябрь 1903 г.)

Валерию Брюсову

Да, быстро, тотчас я хочу
Сказать тебе одно:
Тебе я предан, как лучу,
Как предан тот навек мечу,
Кому быть сильным суждено.

Я силен был, пока любил
Тебя, мой лучший сон.
К тебе остыв, я жизнь забыл,
Себя своей рукой убил,
Но снова я в мечту влюблен.

Я позабыл, что я солдат,
Я бросил острый меч.
Но твой холодный гневный взгляд
Меня к себе вернул назад,
Для жизни вместе — не для встреч.

И я люблю, и я живу,
Навек я снова — я.
С тобой все путы я порву,
Со смехом в пасть взгляну я льву,—
О, свет, о, счастье лезвия!

К. Бальмонт.

Октябрь. 1903. Ночь.

(Через пять минут после твоего ухода).

ЦГАЛИ. Ф. 56. Оп. 3. Ед. хр. 6. Л. 91.

100. БАЛЬМОНТ — БРЮСОВУ

6 ноября 1903. Москва.

Валерий, я совсем забыл: у тебя, как мне сказала Ек⟨атерина⟩ Ал⟨ексеевна⟩, мой словарь шеллиевского языка [1]. Он мне очень нужен. Пожалуйста, пришли или завези его поскорее.

Жму руку.

Твой К. Бальмонт.

ЦГАЛИ. Ф. 56. Оп. 3. Ед. хр. 6. Л. 92.

[1] Бальмонт мог пользоваться словарями Ф. С. Эллиса: F. S. Ellis. A Lexical Concordanse to the Poetical Works of Shelley, Vol. 1—2 s. l., 1892; eodem. An Alphabetical Table of Contents to Shelley Poetical Works, s. l., 1888.

101. БАЛЬМОНТ — БРЮСОВУ

4 мрт. 1904. Москва.

Валерий, я только что прочел в «Вестнике Европы» возмутительную статью о тебе [1], и настаиваю на том, чтобы мой ответ был воспроизведен в «Весах» буквально [2]. Этому пора положить предел. Прочти эту статью сам, и ты увидишь. Какое гнусное хамство.

Когда я буду в Петербурге, весьма возможно, что я увижу этого мосье Ляцкого [3] у Котляревских [4]. Между нами будет особый разговор, какого еще ни с кем у меня не было.

Заметку о «Русск⟨их⟩ вед⟨омостях⟩» и Торе Ланге [5] пошлю завтра утром.

Жму руку.

Твой К. Бальмонт.

ГБЛ. Ф. 386, 76.1. Л. 14.

[1] Рецензия Евг. Л⟨яцкого⟩ о книге Брюсова *UO — BE*. 1904. № 3.

[2] На рецензию Ляцкого Бальмонт откликнулся резким письмом — «Маску долой»: «С чувством истинного отвращения,— писал он,— мы обращаем внимание читателей на позорные страницы в мартовской книге "Вестника Европы", написанные некоторым безымян-

ным Евг. Л. Говоря о последней книге Валерия Брюсова и негодуя на то, что у меня и Брюсова есть читатели, он оценивает столь развязно публику, на которую действует наше "обаяние", что употребляет слово "негодяи". "Вестник Европы" был порядочным и приличным органом (. . .) достойным уважения, теперь же, давая место беззастенчивой брани безымянных Евг. Л., он обратился в прибежище литературных неприемлемостей (. . .) Заступаясь не за себя и не за Брюсова, а негодуя на явное злоупотребление и литературную профанацию со стороны журнала, бывшего доселе порядочным, я указываю, что быть таковым он перестал» (Весы. 1904. № 3. С. 79).

[3] Евгений Александрович *Ляцкий* (1868—1942) — критик, историк русской литературы, постоянный сотрудник критического отдела «Вестника Европы», придерживался либерально-демократических взглядов, автор монографии об И. А. Гончарове, статей о Белинском, Добролюбове, Чернышевском. В том же номере «Весов», где было напечатано «Письмо в редакцию» Бальмонта, была опубликована краткая заметка Брюсова (псевд.— Пентуар). Оценивая книгу Ляцкого «И. А. Гончаров. Критические очерки» (СПб., 1904), Брюсов охарактеризовал ее автора как поставщика «мучительно скучных» статей, не имеющего никаких идей относительно избранного им предмета. «Евг. Ляцкий автор недурных библиографических работ и, вероятно, думал, что дело критика только следующий чин после библиографа, получаемый "за выслугу лет". Но увы! для критика требуется то, чего совершенно нет у Евг. Ляцкого — собственные мысли» (Весы. 1904. № 3. С. 68). Заметка Брюсова, по существу, раскрывала авторство рецензии, на которую обрушился в своем письме Бальмонт.

[4] Нестор Александрович *Котляревский* (1863—1925) — петербургский профессор, историк русской и западноевропейской литератур, преподавал на Высших женских курсах, в Александровском лицее и др. Автор книги «Очерки новейшей русской литературы. Поэзия гнева и скорби» (1890), анализирующей поэзию посленекрасовской поры, и многих других работ. С 1909 г.— академик, первый директор Пушкинского Дома.

[5] Тор Нэве *Ланге* (1851—1915) — датский писатель, поэт, переводчик на датский язык стихотворений русских поэтов — А. К. Толстого, Фета, Бальмонта и др. Был преподавателем классических языков в Катковском лицее и в Московской III гимназии. Часто бывал на литературных собраниях у Бахмана и Брюсова в Москве. Переводы Бальмонта из Ланге вошли в его сборник «Из чужеземных поэтов» (СПб.: Просвещение, (1908)). О литературной работе Т. Ланге см.: *Шарыпкин Д. М.* Русская литература в скандинавских странах. Л., 1975. С. 37, 38. О каких заметках Бальмонта идет речь в письме — неясно.

102. БАЛЬМОНТ — БРЮСОВУ

15/28 мая 1904 [1].

Тринадцатого мая
Я сделал, что хотел,
И замер, обнимая
Еще одно из тел.

Тринадцатого мая,
На смену снов мечты,
Возникла боль живая,
И красные цветы.

Тринадцатого мая
Я властно был жесток,
Я ждать не мог сгорая,
Я слишком изнемог.

Тринадцатого мая
Она, что так бледна,
Отшельница немая
Навек изменена!

К. Бальмонт

ГБЛ. Ф. 386, 76.1. Л. 16.

[1] В мае 1904 г. Бальмонт снова уехал за границу через Париж — в Испанию и Италию, Швейцарию, где путешествовал до начала августа 1904 г.

103. БАЛЬМОНТ — БРЮСОВУ

Люцерн. 12 июля н. с. 1904.

Где ты? Где ты, колдующий Валерий?
С кем говоришь? Что думаешь теперь?
Во внутренней замкнулся я пещере,
Но пред тобой открыл бы тотчас дверь.
Как ты, я увидал, что люди — звери,
Я — саркофаг сокровищ и потерь.

К. Бальмонт.

ЦГАЛИ. Ф. 56. Оп. 3. Ед. хр. 6. Л. 99.

ЗАСТАВКА М. А. ВОЛОШИНА К СТАТЬЕ К. Д. БАЛЬМОНТА
«Весы», 1904, № 3

104. БАЛЬМОНТ — БРЮСОВУ

31 августа 1904. Им. Борщен. Иванино, Курско-Киев. ж. д.[1]

Я с большим удовольствием прочел твою статью в «Весах» [2]. Почему так мало? Чувствуется, что ты мог бы написать подробный, большой и интересный этюд. Отчего ты так медлишь с томом своих статей по самым основным вопросам творчества?

Весь номер «Весов» мне нравится [3]. Ты слишком строг к самому себе. Ах, я хотел бы написать статью для «Весов», но должен пока ограничиться вздыханиями. Вновь и вновь струятся строки звучно-сладостных стихов, снова зыбятся намеки, вновь ищу во мгле грехов.

Посылаю тебе «Пронунсиамиэнто» [4]. Ответствуй, како сие? Но как ни сладостно писать, я все ж вспоминаю наш давнишний разговор: если б мне предложили только писать или только читать, я бы выбрал только читать. Я написал одно стихотворение о том, «где путь, чтобы прийти к спокойному вакхизму». Я его нашел. Давно, впрочем. И к спокойному вакхизму. Боюсь только усиления этого чувства. Все более и более научаюсь путешествовать за своим рабочим столом, и все менее и менее убедительным мне кажется вокзал и отель в новом городе. Но не стать же мне Дезэссентом Великой Московии [5].

Быть в Московии Великой рафинадным Дезэссентом —
Это быть в «Большом Московском», но не с водкой, а с абсентом.
Перемешанность костюмов, перемешанность эпох,
Рококо — из разных стилей наипаче этот плох.

Сделав верное наблюдение, что моя машина [6] так же нелепо и дрянно размещает стихотворные строки, как это делает мучительно-глухой издатель «Нового пути» [7], я жму твою руку и шлю тебе привет.

Твой К. Бальмонт.

P. S. Пожалуйста, пошли свой перевод «Ворона» [8].

ЦГАЛИ. Ф. 56. Оп. 3. Ед. хр. 6. Л. 100—101.

[1] Станция Иванино-Лукашевская Курской ж. д.— обычный пункт пересадки на пути из Москвы в Борщен, имение Н. В. Сабашниковой-Евреиновой, куда Бальмонты добирались летом от железнодорожной станции на лошадях.

[2] *Брюсов В.* Вехи. 1. Страсть. Брюсов отстаивает в этой статье «культ страсти», право художника воссоздавать не только духовное, но и телесное, чувственное начало в природе человека. Перемену традиционных понятий о нравственном в поэзии он находил у Ницше и французских символистов, а предшественником русских поэтов в этой связи считал Тют-

чева, голос которого был подхвачен «шестьдесят лет спустя, у нас, К. Д. Бальмонтом» (Весы. 1904. № 8. С. 23).

[3] В августовском номере «Весов» за 1904 г. были опубликованы: очерк А. Белого «Чехов»; статьи Н. Суворинского «Чайковский и музыка будущего» и В. Лазурского «Современный английский театр»; «Письмо из Берлина» М. Шика; «Рассказы тайновидца» Вяч. Иванова; этюд Брюсова о Реми де Гурмоне (подпись — С.); газетно-журнальная хроника и другие материалы.

[4] К письму приложен список стихотворения «Пронунсиамиэнто» («Снова Бог, и снова Дьявол, снова Бог, и снова боги...»). Опубл.: *Бальмонт К.* Литургия красоты. Стихийные гимны. М., 1905. По цензурным условиям слово «Бог» в этом издании всюду заменено словом «Тень» (соответственно: «Снова Тень, и снова Дьявол, снова Тень, и снова боги... и т. д.). Пронунсиамиэнто *(исп.)* — в Испании и Латинской Америке — обозначение государственного военного переворота, а также — призыв к перевороту.

[5] Дэз Эссент — герой романа Ж.-К. Гюисманса «Наоборот» (1884).

[6] Пишущая машинка, которой пользовался Бальмонт.

[7] П. П. Перцов.

[8] Перевод в это время еще не был напечатан Брюсовым (опубл.: Вопросы жизни. 1905. № 1). О бальмонтовском переводе «Ворона» см. п. 94, прим. 3.

105. БАЛЬМОНТ — БРЮСОВУ

(Москва.) 26 ноября 1904.

Валерий, достань мне, пожалуйста, книгу о Майях [1] и «Кама-Сутру» [2]. Мне они очень нужны.

Твой К. Бальмонт.

ЦГАЛИ. Ф. 56. Оп. 3. Ед. хр. 6. Л. 103.

[1] Перед отъездом в Мексику Бальмонт приступил к систематическому изучению культуры народов Центральной Америки — майя, ацтеков, ольмеков и др. Одним из основных источников знаний о древних майя он справедливо называл их «священную книгу», человеческую повесть квичей-майев «Пополь Вух», которая «представляет исключительный интерес, как древний космогонический и поэтический замысел, слагавшийся вне обычных, известных нам, умственных влияний, и поэтому являющий высокую самобытность. Об этой книге, столь необычной в ряду мировых космогоний, нужно говорить много и долго, нужно, написав отдельное исследование подробное, создать тот глубокий мыслительный фон, отразившись в котором, как в глубине зеркала, она предстала бы преображенно-четкой во всех своих очертаниях и разветвлениях» (*Змеиные цветы*. С. 231). Какую именно книгу о майях просит Бальмонт в этом письме — неизвестно.

[2] Заглавие индийского трактата (буквально — искусство любви), приписываемого по традиции Ватсьяне (3—4 в. н. э.).

106. БАЛЬМОНТ — БРЮСОВУ

(18/) 31 мрт. 1905 Mexico [1]. Hôtel Londres.

Ты рождена, чтоб тучкой быть,
Чтоб небо нежить и любить,
Но, измененная Судьбой,
Уж ты не в бездне голубой.

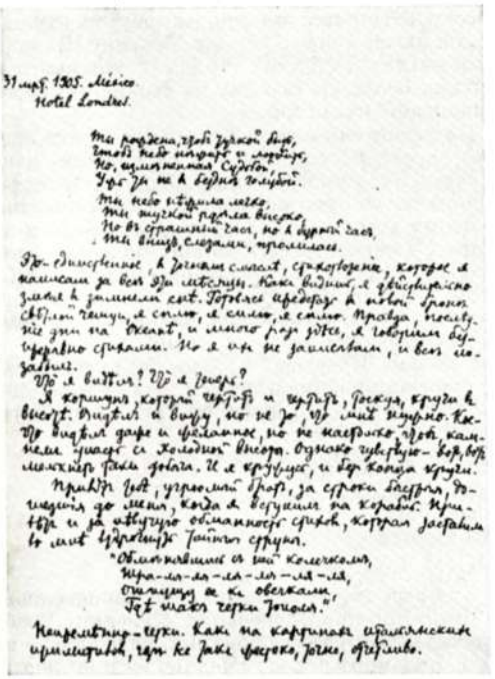
Ты небо нежила легко,
Ты тучкой рдела высоко,
Но в страшный час, но в бурный час,
Ты вниз, слезами, пролилась.

Это — единственное, в точном смысле, стихотворение, которое я написал за все эти месяцы. Как видишь, я действительно змея в зимнем сне. Готовясь предстать в новой броне светлой чешуи, я сплю, я сплю, я сплю. Правда, последние дни на Океане, и много раз здесь, я говорил беспрерывно стихами, но я их не записывал и все позабыл.

Что я видел? Что я теперь?

Я коршун, который чертит и чертит, тоскуя, круги в высоте. Видел и вижу, но не то, что мне нужно. Кое-что видел даже и желанное, но не настолько, чтоб камнем упасть с холодной высоты. Однако чувствую — вот, вот мелькнет-таки добыча. И я кружусь, и без конца круги [2].

Привет тебе, угрюмый брат, за строки быстрые, дошедшие до меня, когда я вступил на корабль [3]. Привет и за певучую обманность стихов, которая заставила во мне вздрогнуть тайные струны.



31 мрф. 1905. México
Hotel Londres.

Ты рождена, чтоб гордой быть,
Чтоб петь напасти и мученье,
Но, ограниченная Судьбой,
Ужель ты не в бедной Голубой.

Ты небо отдала мечте,
Ты мудрой радости чужда,
Но от страданий часа, но в скорбный час
Ты вниз, слезами, проливаешь.

Эти диссонансы, в ногтях смысл, сумасшедшая, которые я написал за всех этих мексиканцев. Какие видишь, я действительно умные и знающие свет. Горькие предатели и подлые трансвеститы, я смеюсь, я смею. Правда, последние дни на Оахаке, и много раз здесь, я говорил безобразно сложно. Но я ни не запомнил, и всех показывал.

Что я видел? Что я говорю?

Я хожу по корридорам церквей и церквей, гуляю, кругом в высоте. Видел и вижу, но не то, что мне нужно. Какие видел фасады и фронтоны, но не наверное, чтоб камень имеет ее холодное высокое. Одного чувствую — бог, бог мексиканских храмов должен. И я кружусь, и бог кончен кругом.

Привез тебе, угрюмый бронз, за строки бодрые, дошедшие до меня, когда я возвращался на корабле. Привезу и за отвратную обманность строк, которая запрятана в моих чудесных тонких строках.

"Обменявшись с ней колечком,
Тра-ля-ля-ля-ля-ля-ля,
Отпущу ее к овечкам,
Где так четки тополя."

Непременно — четки. Как на картинах итальянских примитивов, где все так жестоко, точно, отчетливо.

Люди, чужие, ничтожные, скучные, бесчисленные, бессмысленные. Женские лица, изредка желанные, на мгновенье целуемся грезой. Пыль воспоминаний, которые зовутся историей. Пыль Теночтитлана, превращенного в трамвайную Мексику, город приезжих прожорливых белоликих и обнищавших последних ацтеков, пьющих свою пульке в вонючих кварталах. Рвань, нищета, голоножье, каких не увидишь и в Москве. О, тень Кортеса, христианского мусульманина, уничтожившего изваянные сны ацтеков и тольтеков! Да будут прокляты завоеватели, не щадящие камня. Мне не жаль изуродованных тел, мне не жаль убитых. Но видеть мерзкий христианский собор на месте древнего храма, где молились Солнцу, но знать, что он стоит на зарытых в землю памятниках таинственного искусства. О, трижды, семью семьдесят раз мерзавцы европейцы! Роя канавы для удаления нечистот, в поганых улицах находят обломки скульптурного мира. Так нашли на улице св. Терезы гигантскую голову мексиканского Люцифера, бога Утренней звезды и Вечерней звезды. Глядя на нее, нельзя не молиться.

Напиши мне о себе. Больше, чем обыкновенно.

До свидания. С завтрашнего дня — новые скитания. Адрес — означенный, или Mexico, dista del correo.

Я нечто найду.

Твой К. Бальмонт.

ПИСЬМО К. Д. БАЛЬМОНТА БРЮСОВУ

Автограф. Мехико, 18/31 марта 1905 г.

Библиотека СССР им. В. И. Ленина, Москва

«Обменявшись с ней колечком,
Тра-ля-ля-ля-ля-ля-ля,
Отпущу ее к овечкам,
Где так четки тополя» [4].

Непременно — четки. Как на картинах итальянских примитивов, где все так жестоко, точно, отчетливо.

Люди, чужие, ничтожные, скучные, бесчисленные, бессмысленные. Женские лица, изредка желанные, на мгновенье целуемся грезой. Пыль воспоминаний, которые зовутся историей. Пыль Теночтитлана [5], превращенного в трамвайную Мексику, город приезжих прожорливых белоликих и обнищавших последних ацтеков, пьющих свою пульке в вонючих кварталах. Рвань, нищета, голоножье, каких не увидишь и в Москве. О, тень Кортеса, христианского мусульманина, уничтожившего изваянные сны ацтеков и тольтеков! [6] Да будут прокляты завоеватели, не щадящие камня. Мне не жаль изуродованных тел, мне не жаль убитых. Но видеть мерзкий христианский собор на месте древнего храма, где молились Солнцу, но знать, что он стоит на зарытых в землю памятниках таинственного искусства [7]. О, трижды, семью семьдесят раз мерзавцы европейцы! Роя канавы для удаления нечистот, в поганых улицах находят обломки скульптурного мира. Так нашли на улице св. Терезы гигантскую голову мексиканского Люцифера, бога Утренней звезды и Вечерней звезды [8]. Глядя на нее, нельзя не молиться.

Напиши мне о себе. Больше, чем обыкновенно.

До свидания. С завтрашнего дня — новые скитания [9]. Адрес — означенный, или Mexico, dista del correo.

Я нечто найду.

Твой К. Бальмонт.

ГБЛ. Ф. 386, 76.1. Л. 18—19.

[1] В январе 1905 г. Бальмонт выехал из России в Париж, затем из Гамбурга отплыл на корабле в Испанию и оттуда через Атлантический океан — на Кубу и в Мексику. Из портового мексиканского города Вера-Крус Бальмонт выехал в столицу страны — Мехико, где находился до конца марта 1905 г.; потом он совершил большую поездку по стране, осмотрев почти все знаменитые памятники древней мексиканской культуры.

[2] В письме из Вера-Крус 21 февраля 1905 г. Бальмонт так описал окончание своего продолжительного путешествия через Атлантический океан: «Последние дни на корабле, день на острове Куба, эти три-четыре дня здесь были какими-то сумасшедшими. Я попал в вертящееся колесо. Я был в сплошной движущейся панораме. Минуты истинного счастья новизны сменялись часами такой тоски и такого ужаса, каких я, кажется, еще не знал. Ведь я до сих пор не знаю, что делается в России. В Москве кровавый дым. Я опишу подробно свои впечатления от Океана, очаровательной экзотической Гаваны, и заштатной смешной Вера-Крус,— когда приеду в Мехико; я уезжаю сегодня вечером. Корабль наш запоздал в пути на день, благодаря буре. В Гаване я видел цветы, цветочки родные, маленькие, и пышные розы. Мне хотелось упасть на землю и целовать ее» (*Змеиные цветы*. С. 14).

[3] Речь идет, вероятно, о недошедшем до нас письме Брюсова, которое было получено Бальмонтом в Гамбурге перед отплытием из Европы (упоминание о нем см. также в п. 148).

[4] Последняя строфа стихотворения Брюсова «Крысолов» (18 декабря 1904 г.) процитирована неточно. У Брюсова:

И, сменившись с ней колечком,
Тра-ля-ля-ля-ля-ля-ля,
Отпущу ее к овечкам,
В сад, где стройны тополя.
(I, 418)

[5] Теночтитлан — древняя столица ацтеков, озерный город на сваях, необыкновенного богатства и красоты. В 1521 г. был разрушен Кортесом при завоевании Мексики. Город Мехико был построен испанцами — с применением рабского труда местных индейцев — на развалинах бывшего Теночтитлана. 7 марта 1905 г. Бальмонт писал: «Мехико — противный, неинтересный город. Испанцы уничтожили все своеобразное и бесчестно европеизировали этот некогда славный Теночтитлан. Жизнь дороже, чем я рассчитывал, и все плохо. Низкое обирательство. Масса Европейцев, приехавших и приезжающих сюда для наживы. Единственно, что интересно, это лица "Индийцев", т. е. туземцев (между прочим, множество сходных черт с Русскими, Индусами и нашими Кавказскими горцами), разнообразие типов Мексиканских, Морельских, Отомитских, предместья, куда сюртуки не заходят, с обломками скульптурных богатств, созданных гениальной фантазией древних Майев и Мексиканцев, и варварски уничтоженных мерзостными Христианами» (*Змеиные цветы*. С. 17—18).

[6] Фернандо *Кортес* (1487—1547) — осуществил в 1519—1521 гг. завоевание Мексики под флагом священной войны католиков-христиан против языческих индейских племен ацтеков, тольтеков и др. Он безжалостно грабил страну и намеренно разрушал священные храмы и каменные изваяния индейских богов. На пути в Мексику Бальмонт внимательно прочитал книгу Прескотта «История завоевания Мексики»: «Это красочная сказка, правда о Кортесе и о древних Мексиканцах. Безумная сказка. Народ, завоеванный гением, женщиной, конем и предсказанием. Эта формула — моя, и я напишу книгу на эту тему,— сообщал Бальмонт.— (. . .) Между Кортесом и мной такое сходство характера, что мне было мистически страшно читать некоторые страницы, рисующие его» (*Змеиные цветы*. С. 16).

[7] Главный католический кафедральный собор в Мехико на площади Сокало был построен на месте священного храма ацтеков; камни языческого храма были использованы для фундамента кафедрального собора.

[8] Бог утренней и вечерней звезды—Кветцалькоатль, один из главных богов в пантеоне древних ацтеков. Его изображения (в виде крылатого летающего змея) украшали многие мексиканские храмы и пирамиды. В своем очерке «Цветистый узор» о мексиканской символике Бальмонт так истолковал двойственность этого божества: «Владыка сияющего обсиданового зеркала, чаровник, обольстивший Кветцалькоатля, воплощал в себе ночь и ночное небо, с его мириадами звездных зеркал. Так ночь побеждает Вечернюю Звезду, втягивая ее в свои черные таинства. И освещенная сумраком вдвойне, возвратившись к себе через временное пребывание в теневых тайнах, Вечерняя Звезда вдвойне светла, когда она восходит как Утренняя» (*Змеиные цветы*. С. 63).

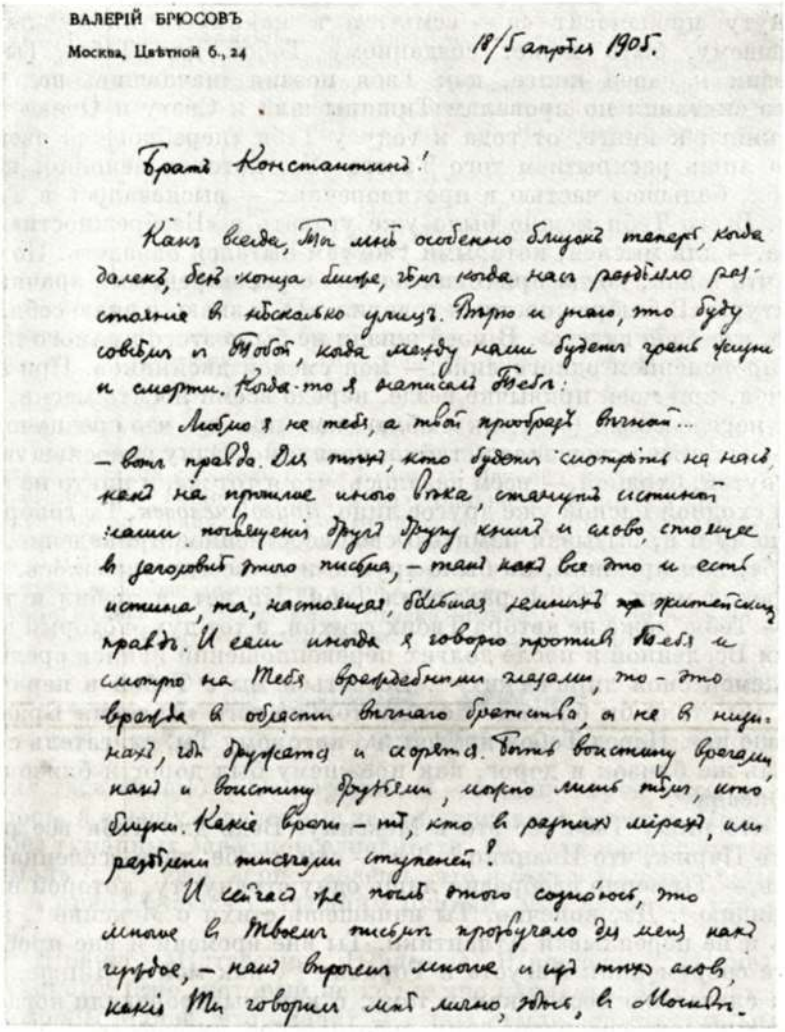
[9] После 31 марта Бальмонт с Е. К. Цветковской поехали на несколько дней в город Куэрнавака, расположенный недалеко от Мехико. В этом городе сохранился старый дворец Кортеса и развалины индейских храмов. «Я был в Куэрнаваке,— писал Бальмонт 6 апреля,— и оттуда верхом ездил к руинам древней твердыни и храма Ацтеков, Ксочикалько, к вечеру вернулся в Куэрнаваку и таким образом сделал в один день экскурсию в семьдесят верст» (*Змеиные цветы*. С. 21).

107. БРЮСОВ — БАЛЬМОНТУ

(Москва.) 18/5 апреля 1905.

Брат Константин!

Как всегда, Ты мне особенно близок теперь, когда далек, без конца ближе, чем когда нас разделяло расстояние в несколько улиц. Верю и знаю, что буду



ВАЛЕРІЙ БРЮСОВЪ
Москва, Цвѣтной б., 24

18/5 апрѣля 1905.

Брат Константин!

Как всегда, Ты мне особенно близок теперь, когда далеко, без конца ближе, чем когда нас разделяло расстояние в несколько улиц. Вот и знаю, что буду совсем с Тобой, когда между нами будет грань жизни и смерти. Когда-то я написал Тебе:

Люблю я не тебя, а твой прообраз вечный...

— вот правда. Для тех, кто будет смотреть на нас, как на прошлое иного века, станут истиной наши посвящения друг другу книг и слово, стоящее в заголовке этого письма, — так как все это и есть истина, та, настоящая, бо́льшая земных житейских правд. И если иногда я говорю против Тебя и смотрю на Тебя враждебными глазами, то — это вражда в области вечного братства, а не в низинах, где дружатся и ссорятся. Быть воистину врагами, как и воистину друзьями, можно лишь тем, кто близки. Какие враги — те, кто в разных мирах, или разделены тысячами ступеней?

И сейчас же после этого созна́юсь, что многое в Твоем письме прозвучало для меня как чуждое, — как, впрочем, многое и из тех слов, какие Ты говорил мне лично, здесь, в Москве. Мне кажется, что говоря ко мне, Ты обращаешься не ко мне, какой я сейчас, не к тому мне, который

ПИСЬМО БРЮСОВА К. Д. БАЛЬМОНТУ
Автограф. Москва, 18/5 апреля 1905 г.
Библиотека СССР им. В. И. Ленина, Москва

совсем с Тобой, когда между нами будет грань жизни и смерти. Когда-то я написал Тебе:

Люблю я не тебя, а твой прообраз вечный...[1]

— вот правда. Для тех, кто будет смотреть на нас, как на прошлое иного века, станут истиной наши посвящения друг другу книг и слово, стоящее в заголовке этого письма,— так как все это и есть истина, та, настоящая, бо́льшая земных житейских правд [2]. И если иногда я говорю против Тебя и смотрю на Тебя враждебными глазами, то — это вражда в области вечного братства, а не в низинах, где дружатся и ссорятся. Быть воистину врагами, как и воистину друзьями, можно лишь тем, кто близки. Какие враги — те, кто в разных мирах, или разделены тысячами ступеней?

И сейчас же после этого созна́юсь, что многое в Твоем письме прозвучало для меня как чуждое [3],— как, впрочем, многое и из тех слов, какие Ты говорил мне лично, здесь, в Москве. Мне кажется, что говоря ко мне, Ты обращаешься не ко мне, какой я сейчас, не к тому мне, который

в эту минуту произносит «я — есмь», а к какому-то иному лицу, быть может, бывшему, быть может созданному Тобой для Тебя. Ты пишешь в предисловии к своей книге, как Твоя поэзия «начавшись под Северным небом, через скитания по провалам Тишины шла к Свету и Огню» [4]. Да, Ты прав — от книги к книге, от года к году у Тебя «переброшено звено». Твоя жизнь была лишь раскрытием того Твоего «Я», которое неполно, неясно, не понимая себя, большею частью в противоречиях — высказалось в Твоих первых стихах. Всего Тебя можно было уже угадать в «Безбрежности». Ты лишь нашел слова,— для мыслей, которыми уже там пытался овладеть. По сущности Ты тот же, что́ в дни, когда приходил ко мне с расширенными зрачками показать корректуры «В безбрежности» и говорил: «О, я знаю, я знаю себя, я доведу себя до того, что *буду* видеть». В моей жизни не было этого прямого пути. Твои годы были прояснением одного лика,— мои сменой двойников. При замкнутости моей души, при моей привычке везде, передо всеми носить маски, при моей вечной лжи передо всеми (о, я так люблю свою правду, что предпочитаю таить ее в себе!) — эта смена свершалась тайно, невидимо. Одну износившуюся маску я заменял другой, сходной,— всем казалось, что я тот же, и никто не примечал, что под этой сходной маской уже другое лицо, *другой человек*. Ты говорил ко мне как к прежнему и я, вызывая памятью свое собственное привидение, старался отвечать Тебе, как прежний, но было трудно и не всегда удавалось. Тогда Ты горько попрекал меня, что я разлюбил Тебя. Но нет, я любил и люблю по-прежнему — Тебя, даже не автора Твоих стихов, а тот дух, который необходим в равновесии Вселенной и после долгих перевоплощений явился среди нас, как «безумный демон снов лирических» [5]. Встретиться мы с Тобой в первый раз теперь, верю, мы стали бы близки. Не ищи только того «Валерия Брюсова», которого больше нет. Перед Тобой другой, но которому Ты, слагатель стихийных гимнов, столь же близок и дорог, как прежнему был дорог и близок поэт Сибиллы и Океана [6].

Прости, что пишу Тебе все это в Мексику. Ведь для Тебя все равно, что Мексика, что Париж, что Иванино [7]. Ты — сам в себе; твоя вселенная — в Тебе. Помнишь,— Ты верно изобразил лишь одну страну: ту, которой никогда не видал, Исландию [8]. Да, конечно, Ты напишешь стихи о Мексике [9], но мог бы их написать и не переплывая Атлантики. Ты вне времени и вне пространства. Ты столь же современник Августа и Горация [10], как мой и Ницше. Говорю к Тебе, как к слагателю песен, как к тому, с кем мы проводили когда-то ночи, а не как к туристу, совершающему экзотическое путешествие. Как бывало где-нибудь в ресторане, когда огни уже гасли, и белые призраки служителей злобно поджидали, когда мы разойдемся,— а мы, смотря друг другу в лицо, продолжали говорить, как если бы были в мировом пространстве,— так говорю теперь к Тебе о Тебе и о себе, словно нет между нами скольких-то тысяч миль, целых государств, морей из воды и морей из человеческих тел. Я опять наклоняюсь к Тебе еще ближе, и говорю Тебе: «*Все-таки* я Тебя люблю, Бальмонт», и беру Тебя за руки и целую в губы и вижу близко-близко перламутр Твоих глаз с его чуть заметными красными жилками,— Твой взор в эти миги словно внимательный и словно тоскливый. А кругом нет ничего: темнота, несуществование.

— Все-таки я Тебя люблю, Бальмонт.

Сегодня, как прежде «Твой» Валерий Брюсов.

P. S. Привет Елене Константиновне.

ГБЛ. Ф. 386, 69.26. Л. 33—34об.

[1] Из стихотворения «К. Д. Бальмонту» («Нет, я люблю тебя не яростной любовью...» — ноябрь 1900 г.; I, 197—198).

[2] Посвящение к книге Бальмонта «Будем как солнце» включало слова: «...брату моих мечтаний, поэту и волхву Валерию Брюсову...»; книга Брюсова *UO* открывалась посвящением: «К. Д. Бальмонту, другу и брату».

[3] Речь идет, вероятно, о п. 106.

[4] Брюсов ссылается на предисловие Бальмонта ко 2-му изд. книги «Будем как солнце», в котором он так оценил эволюцию своего поэтического творчества: «Оно началось под Северным небом, но, силою внутренней неизбежности, через жажду Безгранного, Безбрежного, через долгие скитания по пустынным равнинам и провалам Тишины, подошло к радостному свету, к победительному Огню. От книги к книге, явственно для каждого внимательного глаза, у меня переброшено звено...» (*Бальмонт К. Д.* Из записной книжки (1904) // Собр. стихов. М.: Скорпион, 1904. Т. II).

[5] Из последней строфы стихотворения Бальмонта «Голос Дьявола»:

Я не хотел бы жить в Раю
Меж тупоумцев экстатических.
Я гибну, гибну — и пою,
Безумный демон снов лирических.
(Будем как солнце)

[6] Стихотворения «В пустыне безбрежного моря...» и «Океан» («Вдали от берегов Страны обетованной...») — *В безбрежности*. Стихотворение «Океан» посвящено Брюсову (см. п. 35, прим. 2).

[7] См. п. 104, прим. 1.

[8] Имеется в виду стихотворение «Исландия» («Валуны и равнины, залитые лавой...» — *Горящие здания*). Впоследствии Брюсов подтвердил свою мысль: «К. Д. Бальмонт много путешествовал, изъездил весь мир, был в Египте, в Мексике, на Тихом океане и еще во многих других местах. Все земли, где он побывал, Бальмонт описывал в стихах и в прозе. Но живее всего он описал страну, в которой никогда не был — Исландию: "Валуны и равнины, залитые лавой..." Как хорошо!» (*Брюсов В.* Miscellanea // Эпоха. М., 1918. Кн. 1. С. 229).

[9] Стихи о Мексике были включены Бальмонтом в его книги: «Птицы в воздухе» (СПб.: Шиповник, 1908) и «Зовы древности» (СПб.: Пантеон, 1910).

[10] Римский император *Август Гай Октавий* правил с 30 г. до н. э. по 14 г. н. э. Его современник — поэт Квинт *Гораций* Флакк (65—8 гг. до н. э.).

108. БАЛЬМОНТ — БРЮСОВУ

Адр.: Mexico. L. d. c. Мерида [1] (6/) 19 мая 1905.

Получил твое письмо [2]. От первых же строк моя душа пришла в волнение. Мне казалось, я слышу отдаленные звуки церковной музыки. Прекрасны свидания душ, без туманных завес повседневности. На днях напишу подробно. Завтра еду в Уксмаль [3]. Ты уже, верно, знаешь, что я был в Паленке [4]. Не сказка ли? Но, когда я приближаюсь к здешним руинам, мне кажется, что я уже давно в них был.

Привет И(оанне) М(атвеевне), Н(адежде) Я(ковлевне), Н(ине) Ив(ановне) и Джо [5], гадкому Джо, который не хочет мне написать. Мой братский тебе поцелуй из страны Майев, что значит — сыны Земли, из страны Тольтеков, что значит — строители, из страны Ацтеков, что значит — красиво говорящие.

Всегда твой К. Бальмонт

ЦГАЛИ. Ф. 56. Оп. 3. Ед. хр. 6. Л. 104.

[1] В Мериду — главный город полуострова Юкатан — Бальмонт приехал 19 мая и пробыл там до начала июня 1905 г., выезжая в окрестности для осмотра руин знаменитых памятников древней архитектуры.

[2] См. п. 107.

[3] Уксмаль (Ушмаль) — один из основных центров архитектуры древних майя на полуострове Юкатан. Здесь находится пирамида «Дом волшебника», в огромной толще которой погребены более архаичные храмы предыдущих эпох. В «Путевых письмах» Бальмонт писал об этих местах: «Я не решаюсь говорить об этих развалинах. Их тайна слишком велика. Их красота, как ни уменьшена она людьми и временем, уводит мысль к тайне, которая связывает уловимой, но зыбкой связью в одной мистерии такие различные страны, как Египет, Вавилон, Индия, и эта неразгаданная Майя. Думаешь о погибшей Атлантиде, бывшей очагом и колыбелью совсем различных мировых цивилизаций. Чувствуешь, что без Атлантиды невозможно понять и объяснить огромного числа явлений из области космогонических помыслов и созданий ваяния, живописи и строительного искусства. Слишком красноречивы сходства и тождества» (*Змеиные цветы*. С. 41).

[4] Паленке — один из городов древних майя, брошенный его обитателями и поглощенный джунглями. Развалины знаменитых храмов и дворцов Паленке (VII в. н. э.): «Храма солнца», «Храма надписей», «Большого дворца» и др.— находятся на территории современного мексиканского штата Чиапас. Бальмонт писал: «Мне было больно видеть, в каком небрежении находятся эти священные останки минувшего. Я один из немногих европейцев (очень немногих), которые имели энергию и возможность их увидеть воочию. Кто знает, будут ли

К. БАЛЬМОНТ. ЗМЕИНЫЕ ЦВЕТЫ. М., «СКОРПИОН», 1910
Титульный лист

еще существовать эти величественные барельефы через какие-нибудь 15—20 лет. Они покрываются мохом и плесенью, они быстро разрушаются. А между тем в гиероглифических пластинках дворцов Паленке скрываются какие-то дивные строки, узорные надписи Майев, их так немного теперь в мире!» (*Змеиные цветы*. С. 37—38).

[5] И. М. и Н. Я. Брюсовы, Н. И. Петровская, С. А. Поляков.

109. БАЛЬМОНТ — БРЮСОВУ

México. ⟨28 мая/⟩10 июня 1905 [1].

Вчера послал тебе бандеролью несколько своих книг, и завтра пошлю еще три бандероли [2]. Будь добр получить эти книги и сохранить их до моего приезда. С собой везу целую коллекцию книг, более интересных, чем те, которые посылаю. Радуюсь отъезду. Видел все, или почти все, достойное быть увиденным, из руин Ацтекских и Майских. Не писал тебе, ибо слова замирают. От внешних путешествий, имеющих свое очарование, я ближусь к более достоверным, незримым странствиям, в которых мы с тобой уже не раз шли рядом.

Адр.: Océanie, Ile de Java, Batavia, p. rest.

Твой К. Бальмонт.

ГБЛ. Ф. 386, 76.1. Л. 20.

[1] 24 мая/6 июня Бальмонт вернулся в Мехико после продолжительного путешествия по стране. Здесь же, в Мехико, его застало известие о разгроме японцами русского флота в Цусимском проливе.

[2] В письмах Бальмонта из Мексики сохранились сведения о покупке некоторых книг, которыми он пользовался затем в своих очерках. «Я купил целый ряд интересных сочинений по Мексике,— писал он 9 апреля 1905 г.— Приобрел трехтомную энциклопедию древнемексиканских верований и знания, знаменитое, единственное в этом смысле сочинение монаха Sahagun'a "Historia general de las cosas de Nueva Espana" купил "библию" народа квичей, "Popol Vuh", бросающую яркий свет на историю Майев и представляющую поразительные сближения с космогониями Индусов, Скандинавов, Эллинов и Евреев. Приобрел роскошное издание Lumholtz'a "El México desconocido", где есть множество ценных иллюстраций. Приобрел и еще разные книги» (*Змеиные цветы*. С. 24).

110. БАЛЬМОНТ — БРЮСОВУ

⟨Мехико. 2/⟩ 15 июня 1905.

Послал тебе 6 бандеролей с книгами. Уезжаю. Из Сан-Франциско напишу [1]. Картинка, на которой пишу тебе, более или менее точный символ современной Мексики [2]. Мой адрес: Océania, Ile de Java, Batavia, p. rest.

Твой К. Бальмонт.

ЦГАЛИ. Ф. 56. Оп. 3. Ед. хр. 6. Л. 105.

Открытое письмо.

[1] Из Мексики Бальмонт направился в США, трансамериканским экспрессом пересек континент из Сан-Франциско в Нью-Йорк.

ЗАСТАВКА Е. НАДЕЛЬМАНА К СТАТЬЕ К. Д. БАЛЬМОНТА «В СТРАНАХ СОЛНЦА»
«Весы», 1905, № 6

[2] На открытке изображено шествие скелетов; муляжи скелетов — непременный атрибут народных мексиканских праздников, связанных с поминанием предков. Обычай, восходящий к дохристианским, языческим верованиям индейских племен Центральной Америки.

111. БАЛЬМОНТ — БРЮСОВУ

Нью-Йорк. ⟨2/⟩ 15 июля 1905.

Если ты хотел заколдовать меня,— вот, я пою твои строки. Океан, океан, руины, все ничто,— ты прекрасен. Здесь, здесь, среди «тридцатых этажей» [1], я — «в лесу под дубом темным» [2].

Твой К. Бальмонт [3].

ЦГАЛИ. Ф. 56. Оп. 3. Ед. хр. 6. Л. 106.

Открытое письмо.

[1] Слова из стихотворения Брюсова «Конь Блед»: «Вывески, вертясь, сверкали переменным оком // С неба, с страшной высоты тридцатых этажей...» (I, 442).

[2] Из стихотворения «Крысолов»: «И в лесу под дубом темным // Тра-ля-ля-ля-ля-ля-ля // Будет ждать в бреду истомном // В час, когда уснет земля» (I, 418).

[3] Впечатления Бальмонта от поездки по США отражены в его очерке «Два слова об Америке» (*ЗР*. 1906. № 8). Там же напечатано стихотворение, навеянное его пребыванием в Нью-Йорке: «Я мчусь по воздушной железной дороге...».

112. БАЛЬМОНТ — БРЮСОВУ

1 сентября 1905. Силламяги, Эстл. г.

Валерий, смилуйся надо мной и напиши мне несколько строк. Конечно, я сам виноват перед тобой, я не писал. Но зато твое письмо ко мне, в Мексику [1], я до сих пор ношу в своем кармане —

И тайные веду беседы с сокровенным [2].

Я здесь, у волн, пишу стихи, читаю книжки, словом все, как оно мне и полагается. Не чувствую, чтобы, увидев Мексику и Майю, Аризону и Калифорнию и всякие там Нью-Йорки, я изменился «хоть на волос» (как ты говоришь иногда в открытках, впадая в просторечие) [3].

Читал «Весы». Хотел написать, наподобие юных читателей «Задушевного слова»: «Милая редакция, приятно мне очень видеть свои письма у Вас напечатанными [4]. Но зачем Вы Чаверо называете Чезаро [5], и Чапультепек [6], сию

древнюю столицу Царей Ацтекских, именуете Чепультенеком? Не служат опечатки украшением печати».

За предерзостное ко мне отношение Андрея Белого [7], по-видимому, несколько утратившего точное рассмотрение узоров, в атмосфере святошеских грез с их «сумасшедшею рулеткой».[8], я воспел его в посылаемом тебе стихотворении [9].

Я приеду в Москву числа 20-го, чтобы увидеться с тобой и с двумя-тремя лицами, и после немногих недель снова убегаю.

Твой К. Бальмонт.

У ОКЕАНА

Ах, дьяволы теперь профессорами стали,
Журналы издают, за томом пишут том,
Их лица скучные полны, как гроб, печали,
Когда они кричат: «Веселие — с Христом».

Веселие чертей, которые решили
Повременить пока с служеньем Сатане!
Параграфы, слова, дебаты, груды пыли,
Трамвайные пути к эдемной вышине.

Безвкусный маскарад полезного веселья,
Где польза ваша вред,— чтоб не было вреда.
Нет, просто голова у вас болит с похмелья,
И ваш напиток стал — разумная вода.

Кликуша говорит: «Мы досягнули Бога».
Мистический в ответ кричит ей граммофон:
«Христос и Дионис у моего порога.
Они слились в одно, внемирный в том закон» [10].

Согласен. Точно так, механик запредельный,
Бери весы, щипцы и сплющивай цветы.—
Мне здесь поют моря волною колыбельной,
И каждый миг есть сам, во всем — свои черты.

Нет сходства между двух чуть видимых песчинок,
Встает несчетность лиц из влаги волн морских.
И радостно громам, и сладко для былинок
Лишь для себя пропеть, лишь для себя свой стих [11].

1 сентября 1905.

К. Бальмонт

ЦГАЛИ. Ф. 56. Оп. 3. Ед. хр. 6. Л. 107, 108.

В июле 1905 г. Бальмонт вернулся из-за океана в Москву, а затем уехал с семьей в Прибалтику, в курортное местечко Силламяги на берегу Финского залива.

[1] См. п. 107.

[2] Источник цитаты установить не удалось.

[3] Открытки, упоминаемые Бальмонтом, не сохранились.

[4] Путевые очерки Бальмонта «В странах Солнца. Письма к частному лицу из кругосветного путешествия» (Весы. 1905. № 4, 6, 8). Под заглавием «Путевые письма. Издалека к близкой», с некоторыми редакционными изменениями и дополнениями включено в книгу *Змеиные цветы*.

[5] Бальмонт обратил внимание на следующее место в журнальной публикации: «Созидания Паленке увлекают мысль на неопределенную лестницу столетий. Здешние специалисты, как Чезаро (следует — Чаверо.— *А. Н.*), говорят об эпохе в 2 500 лет» (Весы. 1905. № 6. С. 29). *Чаверо* — известный мексиканский ученый-археолог, автор многих трудов по истории культуры древней Мексики. Бальмонт познакомился с ним в Мехико в апреле 1905 г. «Он подарил мне свои книги и дал рекомендательные письма к Юкатанскому губернатору и к другим лицам, которые помогут нам устроиться с путешествием к руинам Майи» (*Змеиные цветы*. С. 24—25).

[6] Чапультепек — большой естественный парк в Мехико; по преданию, здесь когда-то находилась резиденция ацтекских царей.

[7] «Предерзостное» отношение к Бальмонту было проявлено А. Белым в статье «Апокалипсис русской поэзии», где Бальмонт был исключен из числа влиятельных современных поэтов. «Два русла определенно намечаются в русской поэзии,— утверждал А. Белый.— Одно берет свое начало от Пушкина. Другое — от Лермонтова. Отношением к тому или иному руслу определяется характер поэзии Некрасова, Тютчева, Фета, Вл. Соловьева, Брюсова и, наконец, Блока. Только эти имена и западают глубоко в нашу душу: талант названных поэтов совпадает с провиденциальным положением их в общей системе развития национального творчества» (Весы. 1905. № 4. С. 17). В следующем же номере «Весов» Брюсов ответил полемической репликой «В защиту от одной похвалы. Открытое письмо Андрею Белому», где, между прочим, писал: «Конечно, лестно оказаться в числе шести избранных, рядом с Тютчевым и Фетом,— но не понадеялся ли ты, Андрей, слишком на свой личный вкус? (. . .) как мог ты пропустить имена Кольцова, Баратынского, А. Майкова, Я. Полонского, а среди современников — Бальмонта? (. . .) Неужели Блок являет собой русскую поэзию более, чем Бальмонт, или неужели поэзия Баратынского имеет меньшее значение, чем моя? (. . .) Нет, я решительно отказываюсь быть в числе шести, если для этого должен забыть Кольцова, Баратынского, Бальмонта. Предпочитаю быть исключенным из представителей современной поэзии вместе с Бальмонтом, чем числиться среди них с одним Блоком» (Весы. 1905. № 5. С. 37, 38).

[8] Имеются в виду мотивы стихотворений А. Белого из сборника «Золото в лазури»: «Вечный зов» (посвящено Д. С. Мережковскому), «Во Храме», «Жертва вечерняя» и др. Поэт-безумец сопоставляется здесь с «новым Христом», непризнанным Спасителем, гибнущим в пошлой и прозаической повседневности. Изнанку «святошеских грез» Белого Бальмонт увидел в его стихотворении «Пир» («Проходят толпы с фабрик прочь...»), где лирический герой выступает уже как «проигравшийся игрок», участвующий в ресторанной оргии и исполняющий «безумный кэк-уок» в трагической обстановке 1905 г.:

Нас обжигал златистый хмель,
Отравленной своей усладой.
И сыпалась — вон там — шрапнель
Над рухнувшею баррикадой.

В «Aquarium'е» с ней шутил
Я легкомысленно и метко
Свой профиль теневой склонил
Над сумасшедшею рулеткой.

(Вопросы жизни. 1905. № 7; вошло в книгу Белого «Пепел»)

[9] К письму приложено стихотворение «У Океана».

[10] Прямой намек на В. И. Иванова, занимавшегося изучением культа Диониса и сопоставлением его с религией христианства.

[11] Стихотворение публикуется впервые.

113. БАЛЬМОНТ — БРЮСОВУ

5 сентября 1905. Силламяги, Эстл. г.

Милый Валерий, я рад, что ты одинок. Это более идет к тебе. И я тоже совсем один. Кроме Елены, нет в мире души, перед которой моя душа раскрывалась бы сполна. Мне начинает казаться, что ко мне и тебе возвращаются те дни, когда, взяв друг друга за руку, мы ходили с тобой по улицам Москвы от Вечерней звезды до Утренней. Я чувствовал тогда, что нас двое с тобой во всем мире. Я чувствую, что нас двое с тобой во всем мире. Десять лет завершили свой круг [1], и ко мне вернулась юнейшая юность. Семь месяцев я целовался беспрерывно, и не мог насытиться, и не утолился поныне. Семь месяцев я был в сказке [2]. А теперь? Я пишу строки, «дольчиссимо» *, флейта, свирель. Ты меня посылаешь под Северное небо [3]: «Иди, иди, будь эльфом». Некий Ходасевич в «Искусстве» спасает меня и юными зубами готов кусать тебя [4]. Но ты предвещал мне верно. Хотя я посылаю тебе бранно-струнную боевую запевку [5], мои стихи новые не таковы. Они похожи на лепет ребенка. Это фейные сказочки [6]. Сегодня еще день не кончился, а я уж пролепетал 13 таковых сказочек. Какие они?

Я был в избушке на курьих ножках.
Там все как прежде. Сидит Яга.
Пищали мыши, и рылись в крошках.
Старуха злая была строга.

Но я был в шапке, был в невидимке,
Стянул у Старой две нитки бус.
Разгневал Ведьму и скрылся в дымке.
И вот со смехом кручу свой ус.

* сладчайшие (*от итал.* dolce — сладко).

Н. К. БАЛЬМОНТ (В ЗАМУЖЕСТВЕ БРУНИ)
Фотография Фр. Опитца. Москва, 1905
Собрание Н. К. Бруни, Москва

Пойду, пожалуй, теперь к Кощею,
Найду для песен там жемчугов
До самой пасти приближусь к Змею
Узнаю тайны — и был таков [7].

Какая радость, что ты печатаешь новую книгу [8]. Это будет праздник.

Что до Белого и Блока, они меня мало трогают в каком-либо смысле. Я искренне думаю, что за все эти последние десятилетия в России было лишь два человека, достойные имени Поэта, священнее которого для меня нет ничего. Это ты, и это я. Хорош многим Вячеслав [9], но к сожалению он более, чем что-либо — ученый провизор. Медоточивый дистиллятор. Балтрушайтис — какой-то после дождичка в четверг. Лохвицкая — красивый романс. Гиппиус уж очень Зиночка. Тонкий стебелек, красивый, но кто его не сломит? Блок не более как маленький чиновник от просвещенной лирики. Полунемецкий столоначальник, уж какой чистенький да аккуратненький, «Дело о Прекрасной Даме» все правильно расследовано. Еще таких «Дел» будет сколько-то, все с тем же результатом, близким к элегантному овальному нулю. Единственно, кто мог бы носить с честью звание Поэта, это Андрей Белый. Но он изолгался перед самим собой. Говоря грубо, он какой-то проститут Поэзии. Он сдал ее в наймы, а сам сделался стряпчим [10]. Он дохленький профессор, он маленький поп-расстрига. Он еще может воспрянуть. Но трудно.

Когда я думаю, каким путем, как твердо и красиво ты идешь уже столько дней, мне делается радостно. Как хорошо, что ты есть на Земле.

Твой К. Бальмонт.

ЗАПОРОЖСКАЯ ДРУЖИНА

Валерию Брюсову

Запорожская дружина дней былых была прекрасна,
В ней товарищи носились за врагами по степям.
Не жалели, не томились, и одно им было ясно: —
Это небо — наше небо, эти степи — служат нам.

И, сменивши клики брани на безумие попойки,
Братским смехом запорожцы озаряли светлый час.
И по степи точно мчались чьи-то бешеные тройки,
Это отзвуки веселий колдовали там — для нас.

Колдовали и звенели. Говорили: — Время минет.
Замолчат курганы наши. Будем в ветре мы как пыль.
Но в потомках наша память да не меркнет, да не стынет,—
Слышу, деды-запорожцы, мне звенит о вас ковыль.

Запорожская дружина — нас, познавших силу света,
Нас, чей гордый лозунг — Утро вечно-юного лица,
Да пребудет неизменной, как звенящий стих Поэта,
Да пребудет полновластной, как победный крик Певца [11].

Sillamäggi, September 1905.

К. Бальмонт

ЦГАЛИ. Ф. 56. Оп. 3. Ед. хр. 6. Л. 109—110.

[1] Бальмонт пишет об истекшем десятилетии его знакомства с Брюсовым.
[2] С января по июль продолжалось путешествие Бальмонта и Е. К. Цветковской в Мексику и США.
[3] В статье по поводу новых книг Бальмонта: «Только любовь» (1904) и «Литургия красоты» (1905) Брюсов признал более органичной его раннюю лирику и те мотивы в его последних стихах, которые шли от кротких, нежных стихов его первых книг: «...Самыми искренними его стихами,— искренними в высшем смысле слова, останутся его песни о возврате:

Мне хочется снова быть кротким и нежным,
Быть снова ребенком...

(Только любовь)

(. . .) Это сознание никогда не покидало Бальмонта; и напрасно он, в поисках «новых чудес», из-под Северного неба уходил на светлый Юг...» (VI, 263, 264).
[4] Владислав Фелицианович *Ходасевич* (1886—1939) — поэт, критик, начал печататься в 1905 г. Бальмонт обратил внимание на рецензию юного Ходасевича, в которой он, высоко оценив «Литургию красоты», прямо оспорил брюсовскую точку зрения на эволюцию Бальмонта-поэта: «Идя вперед и вперед, спаивая звенья своего моста, он, быть может, подойдет к мотивам всемирной поэзии, поэзии космоса и всеобъемлемости. Тогда все прежние, как бы разрозненные части его творчества примут такое же отношение к этой новой поэзии, в каком находятся все отрасли современного знания к великой завершительной науке будущего, Науке о Мире. Этого будущего поэзии Бальмонта не хотят признать или не думают о нем. Бальмонту тщатся указать его "истинные" пути, хотят вернуть к "нежным напевам", заставить, как эльфа, качаться на ветке "сиреневого куста". Но горе путнику, который даст болотному огню искусно заманить себя в трясину.

„Горе, кто обменит
На венок — венец"» *

(Искусство. 1905. № 5—6—7. С. 165)

[5] К письму приложено стихотворение «Запорожская дружина».
[6] Летом и осенью 1905 г. Бальмонт написал книгу стихов для детей — «Фейные сказки», возникшую в повседневном общении с четырехлетней дочерью Ниной.
[7] Под названием «У чудищ» опубл. в кн.: *Бальмонт К.* Фейные сказки: Детские песенки. М.: Гриф, 1905 (раздел «Детский мир»).
[8] Брюсов готовил в это время к печати книгу «Stephanos» («Венок»), вышедшую в свет в дни Декабрьского восстания в Москве (на титуле — 1906 г.).
[9] Вячеслав Иванович *Иванов* (1866—1949) был к тому времени автором книг «Кормчие звезды» (1903), «Прозрачность» (1904), трагедии в стихах «Тантал» (1905) и историко-философского исследования «Эллинская религия страдающего бога» (1904). Сб. «Stephanos» был посвящен Вячеславу Иванову — «поэту, мыслителю, другу». Отношения Брюсова и Вяч. Иванова освещены в их переписке (предисловие и публикация С. С. Гречишкина, Н. В. Котрелева и А. В. Лаврова — *ЛН*. Т. 85).
[10] Бальмонт имел в виду преимущественные занятия А. Белого критикой и публицистикой, главным образом на страницах «Весов», где в 1904—1905 гг. он тесно сотрудничал с Брюсовым, несмотря на серьезные расхождения во взглядах и глубокие личные конфликты с ним.
[11] Стихотворение публикуется впервые.

114. БАЛЬМОНТ — БРЮСОВУ

12 сентября 1905. Силламяги, Эстл.

Дорогой Валерий, мне очень нравится твоя Астарта [1]. В ней чувствуется тяжелая красивость церковной утвари, церковных завес, кусочек какого-то неведомого храма. Это именно тот мир, в котором я был все эти долгие месяцы по ту сторону голубовато-зеленоватой Атлантики. Ты неправ, говоря, что я не читаю твоих книг, а лишь перелистываю их [2]. Я много раз перечитывал «Urbi

* В. Брюсов. «Искушение» *(прим. Ходасевича)*.

et orbi», и отдельные страницы там, как «Город женщин» [3] или «Путь в Дамаск» [4], я воспринимаю не как просто стихи, а как события — гадкое слово, события, газетное,— я воспринимаю их именно как куски разрушенного храма, священные руины, в чьей тиши и странных говорах душа говорит неизъяснимо с другой душой. Мы похожи на цветы, растущие друг против друга, на разных лужайках, разделенных узкой песчаной дорожкой. Когда Солнце озаряет меня, я говорю: «Зачем ты темный?» А через некоторое время я темнею, а лепестки твои озаряются. Многое из того, что мне было чуждо в тебе еще так недавно, снова, именно — снова, сделалось мне близким. Книга, которую я напишу, и отчасти, в мелочах, уже написал, будет зваться «Злые чары» [5]. В ней я не буду солнечным. Однако уже я написал и другую, небольшую, книгу, в которой звенят детские колокольчики и все маленькие флейты, на которые были намеки в «Золотой рыбке» [6]. Il me tarde de te voir *, чтобы прочесть эти стихи и видеть взгляд меняющийся «темноглазого жреца» [7]. Я уезжаю отсюда в Петербург завтра, пробуду там два или три дня. По приезде в Москву тотчас приду к тебе, часа в четыре.

Посылаю тебе «Человеческую повесть Квичей-Майев». Это как бы продолжение «Космогонии майев», которую ты быть может уже читал [8]. Передай ее, пожалуйста, Полякову. Побуди его, если твое влияние еще длится в сих зыбкоуклонных сферах, не задержать набор и печатание моих статей. Впрочем, если ему неинтересно мое сотрудничество в «Весах», чорт с ним.

До свидания. Жду свиданья с тобой, как той радости, светлой и утонченной, которую можем знать лишь мы, ювелиры мгновений и нещадные кузнецы.

Всегда твой К. Бальмонт.

ЦГАЛИ. Ф. 56. Оп. 3. Ед. хр. 6. Л. 112—113.

[1] Стихотворение Брюсова «Из ада изведенные» («Астарта! Астарта! И ты посмеялась...» — июль 1905 г.; I, 406). Астарта (Истар) — по халдейской мифологии — богиня любви; спустившись в подземное царство богини смерти Иркаллы, она вывела оттуда мертвых к жизни. Она же является как Утренняя звезда (Венера). В стихотворении отразились личные переживания Брюсова, связанные с Н. И. Петровской.

[2] Очевидно, этот упрек был сделан в не дошедшем до нас письме Брюсова.

[3] «Город женщин» («Домчало нас к пристани в час предвечерний...») — короткая лирическая поэма на мотив Теннисона, написанная Брюсовым в Венеции в 1902 г. (*UO*; I, 357—359).

[4] Об отношении Бальмонта к стих. «В Дамаск» см. п. 92 и 93.

[5] Об этом сборнике см. п. 121, прим. 1.

[6] См. п. 113, прим. 6. Стихотворение «Золотая рыбка» («В замке был веселый бал...») — из книги «Только любовь»; впервые опубл.: Курьер. 1903. 2 нояб.

[7] Неточно процитированные слова стих. «Из ада изведенные»:

Астарте небесной, предвестнице утра,
Над нами сияющей ночью и днем,
Я — жрец темноглазый, с сестрой темнокудрой
И ночью и днем воспеваю псалом.

(I, 406)

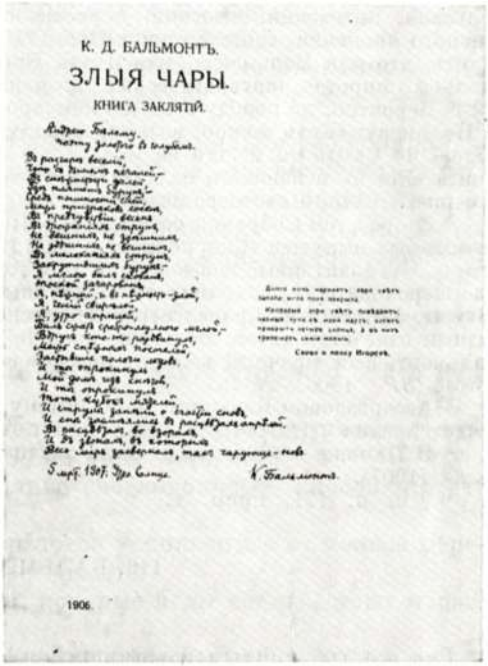
[8] Как и очерк «Космогония Майев» (Искусство. 1905. № 9, 10, 11), «Человеческая повесть Квичей-Майев» Бальмонта представляет собой сокращенное переложение-перевод из эпоса древних индейцев Центральной Америки «Пополь-Ву». Вошла в книгу «Змеиные цветы».

115. БАЛЬМОНТ — БРЮСОВУ

10 февраля н. с. 1906. Париж. 100, rue d'Assas

Валерий, я посылаю тебе несколько вещей из последних [1]. Если «Весы» воистину будут выходить [2], было бы желательно увидеть их там, в возможно скором времени. Если они не попадут туда, я просил бы тебя послать их в какой-нибудь Петербургский журнал, ежели еще существуют журналы вроде «Вопросов жизни» [3] или предполагавшихся «Факелов» [4]. Весьма прошу высылать мне «Весы» в Париж (с ноябрьского номера). Третья просьба — вышли

* Мне не терпится увидеть тебя *(франц.)*.



К. Д. БАЛЬМОНТ. ЗЛЫЕ ЧАРЫ. М., «ЗОЛОТОЕ РУНО», 1906

Обложка Е. Е. Лансере и титульный лист с дарственной надписью: «Андрею Белому, поэту золотого в голубом. В разгар веселий, ‖ Что с дымом печалей,— ‖ В снежистости далей, ‖ Где пляшет бурун,— ‖ Средь пышности елей, ‖ Меж призраков сосен, ‖ В предчувствии весен, ‖ В дрожаниях струн, ‖ Не вешних, не здешних, ‖ Не здешних, не вешних, ‖ В мельканиях струн, ‖ Закрутивших бурун,— ‖ Я мглою был скован, ‖ Тоской зачарован, ‖ Я, нежный, и в нежности — злой, ‖ Я, гений свирелей, ‖ Я, утро апрелей, ‖ Был сжат серебро-льдяною мглой,— ‖ Вдруг кто-то раздвинул, ‖ Меж снежных постелей, ‖ Застывшие пологи льдов, ‖ И ты опрокинул ‖ Тот кубок метелей, ‖ И струны запели о счастии снов, ‖ И сны засмеялись в рассветах апрелей, ‖ В расцветах, во взорах, ‖ И в звонах, в которых ‖ Весь мир засверкал, так чарующе-нов. 5 мрт. 1907. Утро. Солнце. К. Бальмонт»

Библиотека СССР им. В. И. Ленина, Москва

мне, при случае, оставшиеся у тебя книги по Санскриту [5] и солдатские Испанские мемуары [6]. Очень обяжешь.

Перелистывал ли 2-й том Эдгара По? [7] Какие из посылаемых мною стихов приемлет твоя впечатлительность? Что делается, помимо известного из газет, в Москве? В каких областях мысли Ассаргадона? [8]

Я помышляю, не печатать ли свои все возникающие книги в Париже [9], ввиду упорной наклонности нашего «конституционного» правительства опечатывать типографии. Может быть, к весне сумею осуществить во-вне свои «Злые чары» [10].

До свиданья. Жму руку.

Твой К. Бальмонт.

ЦГАЛИ. Ф. 56. Оп. 3. Ед. хр. 6. Л. 114.

[1] По всей видимости, все эти произведения были отосланы Бальмонту обратно, так как 21 февраля 1906 г. он отправил Брюсову открытку: «Будь добр вернуть мне стихи, которые я тебе послал. К. Б.» (*ЦГАЛИ*. Ф. 56. Оп. 3. Ед. хр. 6. Л. 115). Состав подборки установить не удалось.

[2] Зимой 1905—1906 гг. «Весы», еще сохранявшие характер критико-библиографического журнала, без стихов и беллетристики, переживали кризис. В *Дневниках* Брюсова отмечено: «Перед Рождеством "Весы" гибли» (с. 135).

[3] Ежемесячный литературно-общественный журнал «Вопросы жизни», редактируемый Н. О. Лосским, издавался в Петербурге только в течение 1905 г.

[4] Альманах «Факелы», организованный Г. И. Чулковым, выходил в 1906—1908 гг. Было выпущено три книги. Бальмонт в альманахе не печатался. Первоначально «Факелы» задумывались как журнал (см. наст. том, кн. 2, Переписка с Поляковым, п. 106, прим. 13).

[5] Е. А. Бальмонт вспоминает: «Бальмонт всю жизнь изучал какой-нибудь новый язык. Хорошо он знал: французский, немецкий, греческий, латинский, итальянский, испанский,

польский, литовский, чешский, норвежский, датский, шведский. Похуже — грузинский. Немного японский, санскритский» (*ЦГАЛИ*. Ф. 57. Оп. 1. Ед. хр. 133. Л. 80). Следует отметить, что для Бальмонта, как и для Брюсова, характерна не столько основательность, сколько широта лингвистических познаний.

[6] Вероятно, по поводу этих же мемуаров 23 мая 1903 г. Бальмонт писал из Меррекюля С. Полякову: «Если можно, возьми, пожалуйста, у Вольфа книгу "Vida del Soldado español Miguel de Castro" и пошли ее мне (. . .)» (*ИРЛИ*. Ф. 240. Оп. 1. Ед. хр. 20—34. Л. 14). Книга «Жизнь испанского солдата Мигуэля де Кастро» (Барселона, Мадрид, 1900) вышла в серии «Bibliotheca hispanica».

[7] Второй том Собрания сочинений Э. По в переводе Бальмонта (рассказы, статьи, афоризмы) был выпущен «Скорпионом» в 1906 г. В рецензии на него Ник. Ярков (Н. Поярков) отмечал: «Талантливый переводчик в этом томе, как и в первом, допустил те же незначительные шероховатости, сохранил те же крупные достоинства перевода. В силу богатства своей натуры, он невольно придал переводу оттенок своего «я» и наложил на него легкий своеобразный отпечаток своей личности, но в то же время передал, как только умеет передать Бальмонт, весь мрачный колорит повествования, всю тревожность стиля, певучего и звонкого» (*ЗР*. 1906. № 2).

[8] Ассаргадоном Бальмонт, по-видимому, называет своего адресата, автора одноименного стихотворения (I, 144).

[9] В Париже в 1900-е годы была издана только одна книга Бальмонта — «Песни мстителя» (1907).

[10] См. п. 121, прим. 1.

116. БАЛЬМОНТ — БРЮСОВУ

19 марта н. с. 1906. Париж. 100, rue d'Assas [1].

Где же ты, святыней клявшийся,
Быть красивым обещавшийся,
Быть поэтом до конца,
И меняя выражение,
Не гасить восторг внушения
В изменениях лица?

Где же ты? Душа измучилась,
Враждовать она соскучилась,
Нет цветов во мгле вражды.
Отзовись в минуту трудную,
Сказку вспомни, изумрудную,
Нашей, двойственной Звезды [2].

К. Бальмонт

ЦГАЛИ. Ф. 56. Оп. 3. Ед. хр. 6. Л. 116.

[1] Е. А. Бальмонт вспоминает: «В конце 1905 г. мы поехали с Бальмонтом в Париж, где уже, по настоянию Макса (Волошина), жила Маргарита Васильевна (Сабашникова) и работала в художественной мастерской Жюльена. Мы хотели поселиться поблизости от нее, но все дома Латинского квартала были переполнены, и мы долго не могли найти себе помещения (. . .) Наконец, мы напали (. . .) на одно очень подходящее. Но хозяйка этого пансиона, пожилая и очень комильфозная дама, разговаривая со мной, все косилась на Макса и вдруг очень решительно отказалась сдать нам комнаты (. . .) На другой день я вернулась к ней с Бальмонтом и нашей девочкой: просила ее принять нас хоть на время. Она согласилась, и мы прожили у нее два года и очень подружились с ней» (*Бальмонт Е. А.* Мои встречи с Максом Волошиным // *ЦГАЛИ*. Ф. 57. Оп. 1. Ед. хр. 131. Л. 8).

[2] Брюсов ответил на это письмо стихотворным посланием «Равному» («Нет, не бойся слов враждебных...»), датированным 22 марта 1906 г. (I, 541).

117. БАЛЬМОНТ — БРЮСОВУ

(10/) 23 мая 1906. Париж.

Почему ты отвернулся, Валерий, и ни звука не издаешь? Или прав Юргис [1], как-то сказавший мне: «Знаешь, Бальмонт, некоторые отношения просто потому прекращаются, что они слишком долго длились». Воистину не пойму.

Я, как и прежде, душой говорю с тобою, видаюсь, встречаюсь с призраком. Знаю, что ты неповторяем. Безмолвно сетую, что этого не знаешь ты обо мне, или любишь повторности больше, чем неповторяемое.

Последние строки, которые я получил от тебя,— стихи в ответ на стихи [2]. Мои стихи, хоть и были рифмованными, были просто лишь письмом, и твой ответ был довольно нелюбезен. Мои войны, если таковые я веду, совсем в безвоздушном пространстве — и тут мы не встретимся... Припоминаются мне ейчас почему-то давнишние мои строки:

Человек с пронзенными руками и ногами,
Человек со членами, прибитыми к кресту,
Мы с тобой не встретимся ни братски, ни врагами,
Ты несешь страдание, а я несу мечту [3].

Опускать забрало? [4] Мне ли, мне ли! Этого я не умею. Сколько раз собирался, пытался, ничего не выходит. Душно в забрале. Я так люблю вольность и беспечность. Если забочусь о чем — так это о создании новой беззаботности.

Однако я весьма тоскую и был бы рад услыхать твой голос и услышать горячую интонацию человека, который, блестя глазами, оживленно говорит — об Ассирии, так что она вот тут, совсем близко.

Если бы мы были сейчас вместе, я с радостной улыбкой стал бы вопрошать тебя, предрешающе вопрошать:

— Думаешь *ли* ты, «Брат Валерий», что есть на свете что-либо более мерзостное, чем наша Цивилизация? [5]

— Думаешь ли ты, что нам нужно надеяться лишь на землетрясительную силу, перемещающую географические и всякие иные понятия?

— Думаешь ли ты, что Европеец, особливо светловолосый, способен стать истинным Мусульманином?

— Думаешь ли ты, что есть воистину средство ускользнуть от колеса перевоплощений? Не видеть, не знать, не чувствовать?

Мне давно хотелось послать тебе строки, которые поют сейчас, поют в моей душе.

Тесовый гроб, суровый грот смертельных окончаний,
В пространстве узких тесных стен восторг былых лобзаний.

Тяжелый дух, цветы, цветы, и отцветанье тела,
Застылость чувственных красот, в которых жизнь пропела.

Безгласность губ, замкнутость глаз, недвижность ног уставших,
Но знавших пляску, быстрый бег, касанье ласки знавших.

Тесовый гроб, твой ценный клад еще прекрасен ныне,
Не сразу гаснет смелый дух померкнувших в пустыне.

Но, тесный грот, твой мертвый клад в ужасность превратится.
Чу, шорох. Вот. Безглазый взгляд. Чу, кто-то шевелится [6].

Прощай. Если ты видишься с Ниной Ив.[7], передай ей мой привет. Напиши мне что-нибудь о масках — их «там у вас» так много ныне — и сколь любопытные. Я же, если хочешь, переброшу отсюда отображения дивных личин. Видал, Ааа-а!

Жму руку. Твой К. Бальмонт.

ЦГАЛИ. Ф. 56. Оп. 3. Ед. хр. 117—118.

[1] Ю. К. Балтрушайтис.
[2] См. п. 116, прим. 2.
[3] Публикация этих стихов не найдена.
[4] Послание Брюсова «Равному» кончается строфой:

Опусти свое забрало,
Ладь оружие свое:
Это — боя лишь начало,
Это только простучало
Затупленное копье!

[5] 7 марта 1905 г. Бальмонт отмечал в путевом мексиканском дневнике: «Мир осквернен европейцами. Европейцы — бессовестные варвары! Их символ — тюрьма, магазин и трактир с биллиардом, сюртук и газетная философия» (*Змеиные цветы*. С. 18).
[6] Под заглавием «Тесный грот» стихотворение вошло в сб. «Злые чары».
[7] В середине мая 1906 г. Н. И. Петровская уехала в Варшаву.

118. БАЛЬМОНТ — БРЮСОВУ

(2/) 15 июля. 1906. Бретань. Finistère, Primel[1], Hôtel Talbot.

Валерий, я очень радовался на твое письмо, полученное мною в последние дни моей парижской жизни. Но я был в мучительных растерзаниях, среди людей, или точнее женщин, и потому не тотчас отвечаю. Я чувствую каждое твое слово. Я знаю тоже, очень давно, о наших расходящихся линиях. Но я думаю, что, расходясь, эти линии всегда остаются в одной, единой, каждыми разными своими точками родственной сфере. Если хочешь, мне даже хорошо, что мы идем, каждый, своим отдельным путем,— при встречах мы, как два охотника, можем показать, можем рассказать друг другу различное. Освежить наши души и лица росой новизны. И вечно быть в радостном скрещении встречностей. Но я не о том говорил, говорю, Валерий. О простой человеческой, беспритязательной, братской дружбе говорил я. Эту зиму я был в жестоком чистилище, терзал и терзался, и мне не с кем было говорить, а ты упорно молчал. В иные минуты просто хочется сказать что-то. Как превосходно выражено у Мэтерлинка: «Мне страшно. Я ничего не знаю. Я пойду что-нибудь кому-нибудь скажу» [2]. Но ведь я-то не такой, как этот говорящий Мэтерлинка. И с «кем-нибудь» я говорить не стану. Более того. Не с кем мне говорить, кроме тебя, когда я подхожу к предельностям. Я могу только говорить тогда с Еленой и с тобой. Но мне мучительно хотелось мужского голоса — пусть с нашим цинизмом, пусть с нашей усмешкой, которой мы вдруг отделяем себя от людей, от презренных людей, от ничтожных людей, на которых всем сердцем желал бы я выбросить полчища Гуннов.

То мимовольное чувство, о котором ты говоришь, как о вечносвязующем нас, никогда меня не покинет. Если бы был мне выбор оставить тебя или всех людей, я бросил бы в пропасть всех людей (не только ненавистных) и оставил бы тебя на священно опустевшей Земле, и мы говорили бы, как никто никогда не говорил с своим братом, как мы говорили уже не однажды, возносясь на кругозор пределов.

Я получил Верхарна [3]. Привет тебе за гордую победу. Я не мог никогда читать Верхарна по-французски. Я помирал от какой-то нудности через три-четыре страницы (не оскорбись за своего любимца). В русском же виде, и в твоем воссозданьи, получился сильный, красивый, грозящий, интересный поэт. Слово интересный оскорбительно. Но ты понимаешь, мне все же Верхарн бесконечно чужд, как чужд тебе Шелли [4]. Кстати, в перечисленьи поэтов, со мной и тобою имеющих что-нибудь общего, ты называешь Пушкина поэтом мужского начала, а Тютчева — поэтом начала женского. Я изумлен неверностью. Тютчев — типичный поэт — vir *. И именно ты, а не я с ним сроднен. И ты вовсе несроднен с моим женственным легкомысленным капризным поэтическим братом, Пушкиным. Пушкин — поэт мужского начала! Ахти мне! Да где ж это видано! Весь извивный, весь обманный, весь усмешка, игра, вспышка искры, волна, поцелуй, вплоть до самой кончины своей нелепый и вздорный, как женщина,— нет, Пушкина, Валерий, тебе я не отдам. Вот уж Гете уступлю, хоть весьма его люблю [5].

Но возвращаюсь к Верхарну. На самом деле, ты свершил литературный подвиг, осуществив эту книгу. Не знаю, хороши ли переводы. Текста нет под рукой, а хорошо его не помню, и не весь даже читал. Но одно могу сказать, что я именно ни на одной странице не чувствую перевода, а ощущаю красивые сильные стихи, которые по временам воспаряют до истинной высоты и спускаются в подлинные глуби. Мне очень нравятся, очень, следующие вещи: «Декабрь», «Не знаю где», «Числа» (все три божественны), «Женщина на перекрестке», «Голова», «Мор», нравятся (не слишком) «Восстание», «К Северу», «Ветер» (в подлиннике лучше) [6], «Мятеж». Проза чисто-комнатная [7]. Быть может, лучше всего — «Числа». Припев производит «потрясающее» впечатление [8].

---

* муж *(лат.)*.

Однако заглавие «Стихи о современности» вовсе неверное. Современность куда сложнее, стремительней, разнообразней, циничней, религиознее, чем засидевшийся в душных комнатах Верхарн. Современность уходит из комнат, она снова, но в извращении, стремится к пространству и воздуху, стремится к пьянящим культам. Верхарн же есть, в конце концов, литература, полка с книгами, чернильница, перо — не клич, не крик, не звон струны, не свист локомотива.

До свиданья. Откликнись. Скажи, что хочешь говорить со мной, я буду много говорить. Посылаю тебе свою «Ткачиху» [2]. Приедешь ли сюда, в вольность оторванности? Или все будешь между изломанных и преломляющихся линий? Душно в России. Низко. Я надолго ушел опять в свои перламутровые раковины.

Люблю тебя всегда.

Твой К. Бальмонт.

ГБЛ. Ф. 386, 76.1. Л. 21—23.

[1] Е. А. Бальмонт вспоминает: «Примель была бретонская деревушка на берегу моря, где мы жили с Бальмонтом и нашей пятилетней девочкой. Туда к нам приехала гостить Елена (Цветковская) в начале нашего знакомства с ней» (*ЦГАЛИ*. Ф. 57. Оп. 1. Ед. хр. 133. Л. 106).

[2] Слова Иньольда из драмы М. Метерлинка «Пеллеас и Мелизанда» (действие IV, сцена III).

[3] *Верхарн Э.* Стихи о современности/Пер. Валерия Брюсова (М.: Скорпион, 1906).

[4] Ср. суждение Бальмонта о Верхарне в п. 62 и реплику Брюсова о переводах Бальмонта из Шелли (п. 54, прим. 1).

[5] В статье «Избранник Земли» Бальмонт утверждает: «Приближаясь к Гете, видишь царственную фигуру, заслоняющую всех других любимых тобой,— чувствуешь цельность, которая поглощает все твое внимание и радует своим духовным спокойствием» (*Бальмонт К.* Белые зарницы. СПб.: Изд. М. В. Пирожкова, 1908. С. 3).

[6] «Ветер» Верхарна (в подлиннике) понравился Бальмонту своей звукописью. В примечании к стихотворению Шелли «Песнь к западному ветру» Бальмонт приводит строки Верхарна как образец аллитерации (*Шелли П-Б.* Полн. собр. соч./Пер. К. Д. Бальмонта. СПб., 1903. Т. 1. С. 471—472):

Sur la bruyère longue infiniment
Voici le vent cornant Novembre...
Voici le vent,
Le vent sauvage de Novembre.

Брюсов это место перевел так:

Вот, зыбля вереск вдоль дорог,
Ноябрьский ветер трубит в рог.
Вот ветер вереск шевелит,
Летит...

[7] В сб. «Стихи о современности» вошли переводы заметок Верхарна о художниках: «Фернанд Кнопф», «Джемс Энсор» и «Рембрандт», выполненные И. М. Брюсовой. Позднее она работала над переводами капитального труда Верхарна «Джемс Энсор» (остался в рукописи — *ГБЛ*. Ф. 386, 139.3) и исследования «Петер-Пауль Рубенс» (опубл.: Летопись. 1917. № 1, 2—4). В предисловии к последнему Брюсов писал о том, что уже «в ранний период своей литературной деятельности Верхарн опубликовал ряд маленьких, но ярких статей о разных любимых им художниках: о Ж. Геймансе (Heymans), Ф. Кнопфе, Дж. Энсоре и др. (. . .) Вместе с тем, Верхарн работал над большими исследованиями о художниках, желая полнее выразить свое понимание искусства. Всего таких исследований поэт Фландрии успел написать три: большой том, обстоятельно рассматривающий творчество мало у нас известного современного бельгийского художника Джемса Энсора (изд. 1908 г.), и две книги о двух своих любимейших мастерах, о Рембрандте и Рубенсе» (Там же. С. 147, 148).

[8] В стихотворении шесть раз повторен рефрен «Я — обезумевший в лесу Предвечных Чисел».

[9] Стихотворение вошло в сб. «Птицы в воздухе» (СПб.: Шиповник, 1908).

ФРОНТИСПИС КНИГИ К. Д. БАЛЬМОНТА «ЖАР-ПТИЦА»
Хромолитография К. А. Сомова
«Весы», 1907, № 9

119. БАЛЬМОНТ — БРЮСОВУ

⟨4/⟩ 17 авг. 1906. Бретань. Finistère, Primel. Hôtel Talbot.

Бледный лик одной звезды
Чуть мерцает, чуть горит.
Месяц, светел, гладь воды
Колыхает, серебрит.

Я не знаю, что со мной.
Не решу я, что светлей.
Бледный лик звезды ночной
Или месяц в снах лучей.

Писал тебе, давно, в Москву[1]. Не знаю, получил ли ты мои строки. До меня, своевременно, дошла твоя карт-посталь с шведской маркой. Если вернулся в Москву, напиши[2]. Я пробуду здесь еще долго. Гляжу на море из окна, окружен книгами, написал новую книгу стихов[3]. Vale *.

Твой К. Бальмонт.

ГБЛ. Ф. 386, 76.1. Л. 24.

[1] Очевидно, имеется в виду п. 118.
[2] Из поездки в Швецию Брюсов с женой вернулись в Москву 22 июля 1906 г.
[3] Речь идет о сборнике, получившем позднее заглавие «Жар-птица». Основная его часть была написана в деревушке Примель. В очерке «Пряность солнца. Бретань» Бальмонт писал: «Я увидел Бретань воочию ⟨. . .⟩ когда я приехал с своими близкими в Финистер и провел все лето, до поздней осени, в пустынном местечке Примель... Снова судьбою мне было послано счастливое солнечное лето. Снова мне улыбалось творчество. На другой же день или на третий от свежего дыхания моря, от ощущения скал, уединения и от ежеминутной радости тонкого сопричастия дорогих душ мечта во мне запела и уже не умолкала до дня, как мы выехали из Примеля с последним дилижансом» (*ЗР*. 1908. № 3—4. С. 69). 8 сентября 1906 г. Бальмонт писал из Примеля С. А. Соколову: «Я пережил за эти два месяца величественные и сладостные мгновения созданья своей новой книги, своей Свирели славянина. Кончил "Жар-птицу" и третьего дня отослал рукопись в "Скорпион". Не знаю, будет ли он ее издавать. Мне эта книга представляется теперь лучшим из всего, что я когда-либо написал. Жар-цвет в ней горит всеми переливами» (*ГБЛ*. Ф. 499, 1. 6. Л. 1).

Сборник «Жар-птица. Свирель славянина» был выпущен «Скорпионом» летом 1907 г. в качестве седьмого тома Полного собрания стихов, причем часть тиража в особой обложке работы К. Сомова распродавалась как отдельное издание.

120. БАЛЬМОНТ — БРЮСОВУ

⟨Париж. 1/14 ноября 1906 г.⟩

Один слепец ведет другого,
И в безобразии своем,
Кривым путем,
Глупец глупца,
Слепец слепца
Вперед уводит без конца.

Ты понимаешь это слово?

Подняв глаза, раскрывши рты,
Подняв глаза свои слепые,
Наощупь в царстве темноты,

---

* Прощай *(лат.)*.

Кроты, кроты,
Они ползут, скрипят, их выи
Надменны, полны срамоты
Их неуклюжие движенья,

Они — одно, они — сцепленье,
Уродство самоослепленья.

Убогость эту понял ты? [1]

К. Бальмонт

Paris, Passy, 17, rue Singer [2]—14. XI. 1906.

ГБЛ. Ф. 386, 76.1. Л. 25.

[1] Стихотворение написано на открытке с изображением находящейся в Неаполитанском музее картины Питера Брейгеля «Слепые». Стихотворная подпись, как отметил Вл. Орлов, имела дополнительное значение, «явно метившее и в самого Брюсова и в других, кто не оценил искренности революционного порыва поэта» (*Бальмонт К. Д.* Стихотворения. Л., 1969. С. 32). Стихотворение под заглавием «Слепцы» введено в состав сб. «Песни мстителя» (с. 30). См. также п. 123, прим. 7.

[2] Е. А. Бальмонт вспоминает: «Зимой в отсутствие Волошина я поселилась в их квартире на rue Singer» (*Бальмонт Е. А.* Мои встречи с Максом Волошиным // *ЦГАЛИ*. Ф. 57. Оп. 1. Ед. хр. 131. Л. 12). Волошин, женившись весной 1906 г. на племяннице Екатерины Алексеевны — М. В. Сабашниковой, уехал вместе с ней в Россию.

121. БАЛЬМОНТ — БРЮСОВУ

Paris. Passy, 17, rue Singer. 1.XII.06. (нов. ст.)

Валерий, я получил твое письмо и отвечу на него дня через два. Обращаюсь с просьбой. Сообщи, пожалуйста, Рябушинскому, что нужно предпринять, чтобы спасти книгу [1]. Если же ей суждено погибнуть, не согласится ли «Скорпион» печатать без промедления «Жар-птицу», с которой, конечно, не может быть никаких недоразумений.

Жму руку

Твой К. Бальмонт.

ГБЛ. Ф. 386, 76.1. Л. 26.

[1] Издательство Н. П. Рябушинского «Золотое руно» готовило к выпуску сборник Бальмонта «Злые чары». 8 сентября 1906 г. Бальмонт сообщил С. А. Соколову: «"Злые чары", из-за которых я совсем было поссорился с Рябушинским, окончились набором. Они все же появляются в издании "Золотого руна". Не знаю, какова будет судьба их по выходе» (*ГБЛ*. Ф. 499, 1.6. Л. 1). За стихотворения «Будь проклят бог!» и «Пир у сатаны» 26 ноября 1906 г. Московским цензурным комитетом на книгу был наложен арест, а автор обвинен в богохульстве. 17 января 1907 г. арест был утвержден Московским окружным судом. Только при подготовке «Скорпионом» Полного собрания стихов Бальмонта 21 февраля 1911 г. прокурором Московского окружного суда было дано разрешение на выпуск «Злых чар» (*ЦГАЛИ*. Ф. 776. Оп. 16. Ед. хр. 938. Л. 1—4). Судебное преследование Бальмонта было прекращено лишь по амнистии 1913 г. См. также п. 123, прим. 3.

122. БАЛЬМОНТ — БРЮСОВУ

(28 ноября/) 11 дек. 1906. Париж. Passy, 17, rue Singer.

Валерий, все эти дни я очень занят писанием стихов и статей и посему доныне еще не отвечал тебе на большое письмо. Непременно напишу в пределах этой недели.

Сотрудником «Весов» и соучастником «Скорпиона» прошу считать меня и впредь [1]. Soy yo el mismo siempre, y para siempre, como es el Sol y las estrellas del Escorpión, cuyo signo es 8, el signo de las cos(as) et eternas *.

До свиданья. Жму руку.

Твой К. Бальмонт.

P. S. Новые стихи вышлю на днях [2].

---

* Я тот же всегда, и навсегда, как Солнце и звезды Скорпиона, чей знак есть 8, знак бесконечности *(исп.)*.

«ВЕСЫ», 1905, № 9
Виньетка А. А. Арапова

ЦГАЛИ. Ф. 56. Оп. 3. Ед. хр. 6. Л. 119.

[1] В не дошедшем до нас письме, по всей видимости, Брюсов запрашивал адресата, можно ли указать его фамилию в списке сотрудников «Весов» и «Скорпиона» на 1907 г.
[2] См. п. 123, прим. 14.

123. БАЛЬМОНТ — БРЮСОВУ

⟨2/⟩ 15 декабря 1906. Париж. Passy, 17, rue Singer.

Валерий, я долго ждал от тебя вестей, но, когда, наконец, от тебя пришло письмо, оно не столько меня порадовало, сколько подивило. Верно, мы на некоторые вещи совсем разно стали смотреть, если смотрели когда-нибудь одинаково. Ты пишешь: «Из внешностей я знаю, что ты был в Норвегии [1], что написал «Жар-птицу»... Поистине изумительно! Ты полагаешь, что написать «Жар-птицу» есть некая внешняя обрядность моей жизни? Я в простоте сердца полагал, что ты возьмешь у Полякова рукопись и прочтешь ее. Я полагал также, что ты еще не настолько отдалился от Поэзии и от прежней своей способности воспринимать ее, чтоб не понять, что в данном случае ты имеешь дело с событием в русской литературе. До «Жар-птицы» у нас не было славянского поэтического самосознания. В «Жар-птице» оно впервые появилось [2]. Дерзаю изъяснить тебе это. Вижу, что и «Злые чары», если и не отнесены к моим «внешностям», все ж не произвели на тебя столь «живого» впечатления [3], как мои революционные стихи, давшие тебе возможность совлечься с Парнаса для брани весьма поносной. Ты пишешь, что эти стихи показались тебе «оскорблением нашей общей святыни Поэзии» [4]. Но откуда у тебя, Валерий, такое старомодное понимание Поэзии, которое разрывает Поэта с его творчеством? Говоря о Поэте и видя его ошибки (допустим диалектически, что революционные мои стихи — ошибка), ты не нашел ничего лучшего, как говорить обо мне тоном Буренина. Я уверяю тебя, если доселе ты этого не знаешь, что имя Бальмонт довольно священное понятие в русской поэзии, и говорить о нем в таком тоне, как позволяешь это себе ты, а также и безымянности из «Весов» [5], это, конечно, унижает не меня, а говорящего так. Я отнюдь не «сержусь» на рецензию, о нет, но я жалею тебя и жалею «Весы». Это нелитературно, это улично. Сумели же Любовь Столица и Курсинский поносить меня литературно в «Золотом руне» [6]. От «Весов» можно ожидать большей опытности и большей корректности. По-

лагаю, что и ты не «рассердишься», что я в «Красном знамени», которое выйдет на днях, посвятил тебе одно из стихотворений [7]. Без малейшей злобы.

Еще два слова о «Весах». Зачем они унижают себя смешными гимназическими выходками Чуковского и Ликиардопуло? Ни тот, ни другой не знают английского языка и, нагло берясь указывать чужие мнимые ошибки [8], делают грубейшие «гафф» *. Вообще «Весы» принизились, нужно им отдать справедливость. Это больно, ибо все же они единственный пока журнал, в котором несомненно внутреннее содержание.

Я живу действительно в сокрытости. Ты угадал это. В этом слове я узнаю прежнего Валерия и говорю ему, что люблю его по-прежнему, всегда и неизменно. Быть может, не перекидываясь письмами, мы в некоторых отношениях очень сблизились за последний год. Я отучился от многих розовостей и хладен к людям. Мне решительно никого не нужно. Мне довольно моих близких, мне довольно любить и мечтать, смотря в высокое окно. В Бретани я поселился так, что из моего окна было видно Море, я с ним жил, я засыпал и просыпался под шум его широких волн. Здесь я поселился в уединенности, близ деревьев, и из окна моего видно Небо и дали. Я написал еще новую книгу стихов «Птицы в воздухе» [9]. Должно быть, мне суждено написать столько же сборников ритмических строк, сколько драм написал Кальдерон. Верно так же, как он, я проживу на Земле до 80-ти лет слишком. Но только монахом я не стану [10]. И не сделаюсь суровым никогда. Я все яснее и яснее слышу тончайшие звуки, самые золотистые струны, вижу нежнейшие краски.

Городецкий очень хорош [11]. Кузмин скучен [12]. Ремизов порою занятен [13]. Все другие — мертвецы.

Посылаю для «Весов» три вещи [14].

Не злобься. Не бросай мечты.
Смахни цветками пыль дороги.
И помни в безднах пустоты,
Что хоть и люди мы — мы боги.

Всегда твой К. Бальмонт.

ЦГАЛИ. Ф. 56. Оп. 3. Ед. хр. 6. Л. 120—122.

[1] По приглашению поэтессы Дагни Кристенсен Бальмонт в самом начале октября 1906 г. уехал из Примеля в Норвегию и пробыл там около месяца (см. письма Бальмонта к С. А. Соколову — *ГБЛ*. Ф. 449, 1.6. Л. 2).

[2] Об отношении Брюсова к сборнику «Жар-птица» см. п. 125. Критика не очень высоко оценила эту книгу поэта. Так, Ал. Чеботаревская писала в рецензии на сборник: «В предания седой старины К. Бальмонту не удалось вдохнуть новой жизни, не удалось новыми красками зажечь русские народные поверья. Нервный, вечно ищущий, капризный и властный лирический талант поэта имеет чересчур мало общего с основными чертами русского народного творчества» (*РВ*. 1907. № 242. 23 окт.).

[3] Брюсов успел купить один из 300 экземпляров книги «Злые чары», разошедшихся в день наложения на нее ареста (см. письмо С. А. Полякова к Бальмонту — *ИМЛИ*. Ф. 76, Оп. 3. Ед. хр. 2. Л. 10). В рецензии на сборник Брюсов отмечал: «Основной недостаток "Злых чар" — отсутствие свежести вдохновения. Бальмонт повторяет сам себя, свои образы, свои размеры, свои приемы, свои мысли. В новой книге, то, как великое откровение, с особым ударением возвещаются истины, которые раньше проповедовались в "Горящих зданиях", то опять звучит нежная мелодия из давней, любимой нами "Тишины", то кивает знакомый, милый образ из "Будем как солнце"» (Весы. 1907. № 1. С. 69, 70).

[4] «Всех истинно любящих творчество Бальмонта,— писал Брюсов в рецензии на сб. "Стихотворения",— не могло не опечалить его появление на политической арене. И действительно, неловкий и растерянный, он оказался только жалким на этом несвойственном ему 2* поприще и, чувствуя это, старался скрыть свое смущение громкостью своего крика» (Весы. 1906. № 9. С. 53). Бальмонт цитирует не дошедшее до нас письмо Брюсова.

[5] В знак унижения Бальмонт называет «безымянностями» К. Чуковского и М. Ликиардопуло (см. ниже прим. 8, а также п. 126, прим. 9).

[6] Отзывы Л. Столицы и А. Курсинского были довольно резкими. В заметке «К. Бальмонт. Стихотворения. Изд. Дешевой библиотеки Т-ва "Знание". № 90. Цена 3 коп. СПб., 1906» рецензентка возмущалась: «Трехкопеечный Бальмонт... Доступный Бальмонт... Баль-

* прóмахи *(франц.)*.

2* В тексте «Весов», очевидно, опечатка: «его».

монт для всех... Трудно поверить. Но факт налицо. Жиденькая книжка в претенциозной огненной обложке с рядом откровенно-тенденциозных стихотворений дает печальную возможность в этом убедиться. Но кричащая внешность "огненной книжки" и не менее кричащее содержание ее не согревают, скорее холодят душу, светятся кое-где искусственным пафосом и во всяком случае не доставляют никакого художественного наслаждения» (*ЗР*. 1906. № 10. С. 91). Курсинский, разбирая сборник стихов Евг. Тарасова, коснулся политической поэзии Бальмонта: «Поэт, обогативший отечественную литературу целым рядом книг, отмеченных "высшим знаком" его гениальности, отгранивший русский стих и русское слово до крайних пределов зеркальности и блеска, закрепивший этим брильянтовым стихом неуловимое, несказанное тончайших настроений,— перелагает в плохо размеренные строчки бездарные передовицы подпольных изданий и произносит грубейшие выражения базарной толкучки, как скоро в своих произведениях пытается стать певцом воинствующих дружин, земли и воли и рабочего пролетариата» (Там же. С. 92).

[7] Журнал «Красное знамя» издавался в Париже в 1906 г. А. В. Амфитеатровым. В нем печатались М. Горький, М. Рейснер, А. Куприн, М. Волошин. Бальмонт опубликовал в журнале 42 стихотворения, составивших основу сборников «Песни мстителя» и «Стихотворения». Оба были запрещены цензурой (см.: *Цехновицер О. В.* Символизм и царская цензура // Уч. зап. ЛГУ. Сер. филол. наук. 1941. № 76, вып. 11. С. 290—291). В № 6 (с. 27—29) Бальмонт поместил цикл из пяти стихотворений «Гнев славянина» («Вестники», «Дева-Обида", "Слепцы", "Неизбежность", "Гунны"). "Слепцы" (см. п. 120) имели своеобразное посвящение: «Поэту, не понимающему бури, В. Брюсову». Вводя это стихотворение в сб. «Песни мстителя», автор посвящение снял.

[8] Рецензия К. Чуковского «Русская Whitmaniana» разбирает ошибки Бальмонта, допущенные им в статье «Певец личности и жизни. Уольт Уитман» (Весы. 1904. № 7) и при переводе стихотворения «Громче ударь, барабан» (Сборник товарищества «Знание». СПб., 1906. Кн. 12). Чуковский пишет: «Положительно г. Бальмонт не чувствует языка, с которого переводит. В трех строчках перевода он сделал пять грубейших ошибок и, благодаря этим ошибкам, создал характеристику Уитмана, весьма далеко отстоящую от подлинной» (Весы. 1906. № 10. С. 44).

В том же номере журнала М. Ликиардопуло, рецензируя III том Полного собрания сочинений О. Уайльда, выпущенного издательством В. М. Саблина (М., 1906), припомнил ряд ошибок, допущенных Е. А. Андреевой-Бальмонт при переводе «De Profundis» Уайльда для книгоиздательства «Гриф» (М., 1905).

[9] Сборник «Птицы в воздухе» был выпущен изд-вом «Шиповник» в 1908 г., а затем вышел как 9-й том Полного собрания стихов в «Скорпионе» (1912).

[10] Кальдерон принял в 1651 г. духовный сан и стал впоследствии королевским капелланом. Незадолго до смерти он составил список своих произведений, куда вошли 108 светских и 73 духовные пьесы.

[11] С. М. Городецкий начал печататься в 1906 г. Из его многочисленных публикаций за этот год Бальмонт, скорее всего, был знаком с циклом «Симфония» (Весы. № 6) и стихотворениями «Мама окна занавесила...», «Баллада», «Весна» и «Полюбовницы» (*ЗР*. № 7—9, 10, 11—12).

[12] Вероятно, Бальмонт имел в виду «Повесть об Елевсинне» (*ЗР*. 1906. № 11—12) и повесть «Крылья» (Весы. 1906. № 11). Год спустя в заметке «Наше литературное сегодня» Бальмонт отмечал: «Городецкий — выпущенный из клетки щегленок. О нем пока много говорить нечего. У Кузмина есть уже свой стиль, который я назову стилем имитации. Без иронии. Его "Комедия об Алексее, человеке Божьем", зачаровывает своим тонким изяществом» (*ЗР*. 1907. № 11—12. С. 62).

[13] А. М. Ремизов в 1906 г. в «Весах» не печатался. Очевидно, отзыв Бальмонта относится к повести «Посолонь» (*ЗР*. 1906. № 7—8—9, 10).

[14] «Три коня» и «Зачарование» (см. п. 126, прим. 2 и 4). Название третьего стихотворения, не появившегося в «Весах», установить не удалось.

124. БАЛЬМОНТ — БРЮСОВУ

1906. (13/) 26 дек(абря). Париж. Passy, 17, rue Singer.

Валерий, я послал тебе на днях несколько вещей для «Весов» [1]. С тех пор у меня возникли лепестки Мексиканского Пламецвета, и мне было бы приятнее видеть в «Весах» их [2]. Итак, пожалуйста, передай прежде посланные стихи в ред(акцию) сборника «К вершинам», где и ты, кажется, участвуешь [3] и где ждут от меня стихов. Для «Весов» же возьми «Узорный Пламецвет». Если я посылаю слишком много, пожалуйста, отправь лишнее в какой-либо пристойный журнал. Не знаю, кроме «приятельских» (ох, как там неприятно все!) [4], решительно никаких. В этом кротком неведении я — далеко и, увидев в газетах, каких-то, объявление о «Мире божьем» [5], дивился, как если бы прочел «серьезную» телеграмму о том, что Чичиков приехал с проектом к Столыпину.

Не замыкайся от меня. Воистину, число людей так неправдоподобно скудно, и мы в протяжностях путей друг друга ищем обоюдно.

Напиши.

Твой К. Бальмонт.

ЦГАЛИ. Ф. 56. Оп. 3. Ед. хр. 6. Л. 123.

[1] См. п. 123, прим. 14.

[2] Брюсов отклонил просьбу Бальмонта и напечатал в «Весах» стихотворения из подборки, присланной в предыдущем письме (см. п. 126, прим. 2 и 4). Цикл «Узорный Пламецвет. Мексиканские лепестки», состоящий из десяти стихотворений («Багрянец», «Под тенью крыльев», «Колдун», «Вожди красноцветных», «Женщина-змея», «Тецкатлипока», «Тлалок», «Кветцалькоатль», «Он, который», «Он глядел»), опубликован в сборнике «Корабли» (М., 1907). Впоследствии этот цикл введен в раздел «Майя» сборника «Птицы в воздухе».

[3] «К вершинам» — первоначальное название сборника «Хризопрас» (см.: *ЛН*. Т. 92, кн. 3. С. 266). Там опубликован брюсовский перевод сонета С. Малларме «Лебедь». Бальмонт в альманахе не печатался.

[4] Бальмонт, недовольный задержкой с изданием «Жар-птицы», в письме к С. А. Полякову, посланном в конце 1906 г., упрекал редакцию «Весов» и «Скорпиона» в наглости, грубости, нахальстве и мелком торгашестве. Отвечая ему, Поляков писал: «По поводу твоих ругательств, обращенных прямо или косвенно ко мне, я могу заметить, что я не считаю критику грубым неприличием, не считаю наглостью ответ на безличное письмо безличным же письмом редакции за подписью секретаря и не считаю мелким торгашеством высказывания людей, с которыми ты не согласен» (черновик письма С. А. Полякова — *ИМЛИ*. Ф. 76. Оп. 3. Ед. хр. 2. Л. 10об.).

[5] В сентябре 1906 г. за публикацию «Политического обозрения» Н. И. Иорданского издание журнала «Мир божий» было приостановлено в административном порядке. Вместо него с октября стал выпускаться той же редакцией «Современный мир». В ноябрьском и декабрьском номерах этого журнала появилось сообщение об открытии подписки на «Мир божий» при прежнем составе редакции и постоянных сотрудников. Удивившие Бальмонта объявления были, в сущности, редакционной уловкой, преследующей цель передать без потерь подписчиков «Современному миру» (см.: Русская литература и журналистика начала XX века: Большевистские и общедемократические издания. М.: Наука, 1984. С. 118—119).

125. БРЮСОВ — БАЛЬМОНТУ

(Москва.) 16/29 дек(абря) 1906 г.

Дорогой Бальмонт!

И все-таки Ты рассердился и сердишься: так звучит Твое письмо [1]. И это очень грустно, потому что я думал, что Ты воспринимаешь все мои слова о Тебе (печатные и устные) на фоне моей давней, моей верной, моей вечно неизменной любви к Тебе. Любовь не исключает критики: я могу находить плохими Твои стихи, Ты можешь считать плохими мои статьи. Но любовь исключает, совсем, окончательно, возможность «рассердиться», «обидеться».

Ты пишешь мне, что имя Бальмонт — священное имя в русской литературе. *Да*. Но имя Валерий Брюсов — тоже. Вот почему именно на Валерия Брюсова падает тяжкий долг — говорить Бальмонту то, что другие ему не говорят, не смеют сказать. Не кому другому, а мне приходится, наконец, сказать Тебе, что та поразительная щедрость Твоего творчества последних лет, которая, кажется, больше всего изумляет Тебя самого,— решительно не отвечает прелести и значению этого творчества. Твоя самая сильная книга «Горящие здания» [2]. Твоя самая полная книга: «Будем как солнце» [3]. После них начинается падение Бальмонта, сначала медленное, потом мучительно стремительное. В «Злых чарах» только порой узнаешь прежнего Бальмонта и почти плачешь, слыша вновь знакомый, утраченный голос. Ты говоришь, что «Жар-птица» событие в литературе. Как новая книга Бальмонта,— конечно. Но не как книга вообще. Славянское поэтическое самосознание уже *есть*: в творчестве наших великих поэтов. И оно гораздо сильнее, острее в поэзии Пушкина и Тютчева, чем в стихах Алексея Толстого, хотя Пушкин и Тютчев и не переполняли своих стихов, как Толстой, именами *вымышленных* славянских божеств [4] и quasi-русскими оборотами речи. Что до Тебя, то Ты никогда не умел писать «стильных» стихотворений, это — вне Твоего дарования, и никогда не чувствовал русской стихии, это вне Твоей души. Стиля, взятого Тобой в «Жар-птице», Ты не выдерживаешь ни на одной

странице. Склада русского былинного стиха, который Ты пытаешься перенять,— Ты не понял совершенно [5]. Небрежное отношение к слову, в чем Ты, со времени перевода Шелли, с каждым годом повинен все более и более, повело к томительной длинности большинства стихотворений. Что же такое «Жар-птица»? Книга, в которой много неудачных и ненужных подделок под народную поэзию, в которой очень хороши названия и эпиграфы отделов и в которой есть ряд прекрасных, вечно прекрасных стихотворений [6], за что все остальное — прощаешь и забываешь.

Все сказанное, конечно, ни на миг не мешает мне любить Тебя. И ни на миг не мешает мне верить в Тебя. Я верю (прости банальное сравнение), что Тебе, как соловью и как Фету, суждено петь только «по зорям»,— на утренней заре и на вечерней [7]. Мы слышали Твои утренние песни. Нам предстоит услыхать вечерние, самые пленительные, самые смелые и самые тайные изо всего, что пел Ты. В огненной лучезарности этих закатных песен потонут не только все «жар-птицы» и «птицы в воздухе», но и слепительное «Солнце» Твоего рассвета, которому мы все уже воздвигли алтари.

Всегда Твой Валерий Брюсов.

ГБЛ. Ф. 386, 69.26. Л. 35, 30об.
Черновик, на бланке издательства «Скорпион».

[1] 27 декабря 1906 г. Брюсов сообщал З. Н. Гиппиус: «Приехали в Москву Ященки (. . .) и рассказывают, что Бальмонт прямо озлоблен и против "Весов" и против меня. Верю, потому что прислал он мне такое бранное (письмо), каких я в жизнь не получал (. . .) Разумеется, я отвечал ему "в тон". Думаю, что этот ответ, а также статья о пользе брома в № 12 "Весов" совсем отклонит Бальмонта от "Скорпиона". Я не жалею, ибо в литературе перепевами и пересказами самого себя он стал нестерпим» (*ЛН*. Т. 85. С. 688).

[2] См. п. 47, прим. 3.

[3] О сборнике «Будем как солнце» Брюсов писал: «Можно сказать, что в этой книге творчество Бальмонта разлилось во всю ширь и, видимо, достигло своих вечных берегов» (VI, 258).

[4] В балладах, былинах и притчах А. К. Толстого упоминаются имена богов славянского пантеона: Посвиста (Похвиста) — бога бури, Ругевита (Руевита) — бога войны у балтийских славян, Святовита (Свентовита) — «бога богов» в западнославянской мифологии, Чернобога — божества, приносящего несчастье.

[5] В рецензии на «Жар-птицу» Брюсов отмечал: «Русская народная поэзия чуждается рифмы, пользуется созвучием только в исключительных случаях. Былины сложены особым былинным стихом, поразительно подходящим для длительного и спокойного эпического повествования. Будучи хореическим по своему строению, этот стих более, чем на правильное чередование ударений, обращает внимание на равновесие образов, и потому, по справедливости, называется "смысловым" стихом. Можно вырвать содержание былины из этого стиха, пересказать его по-своему. Но нельзя, подражая в общем складу былинного стиха, пригладить его свободное течение, свести его чуть не к правильному хорею и навязать ему ненужную и надоедливую рифму» (VI, 270).

[6] В числе творческих удач сборника «Жар-птица» Брюсов назвал «Стих о величестве Солнца» (VI, 275).

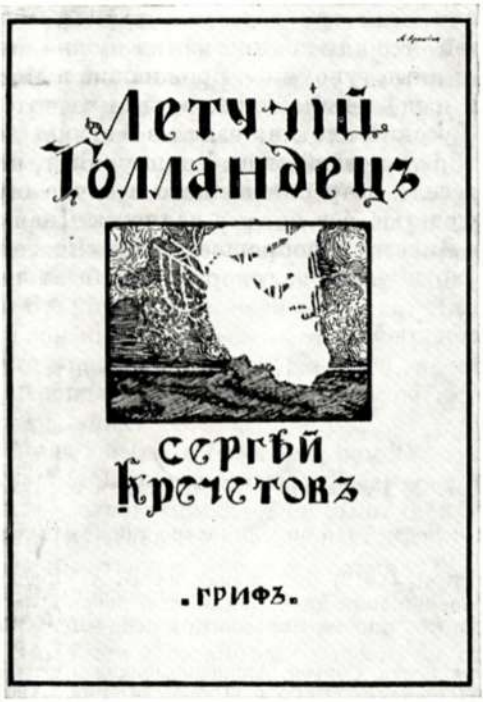
[7] В 1863 г. А. А. Фет выпустил двухтомное собрание стихотворений, как бы подводя итог первому периоду своей литературной деятельности. После 20-летней творческой паузы он начал издавать выпусками последний сборник — «Вечерние огни», восторженно встреченный ценителями его поэзии.

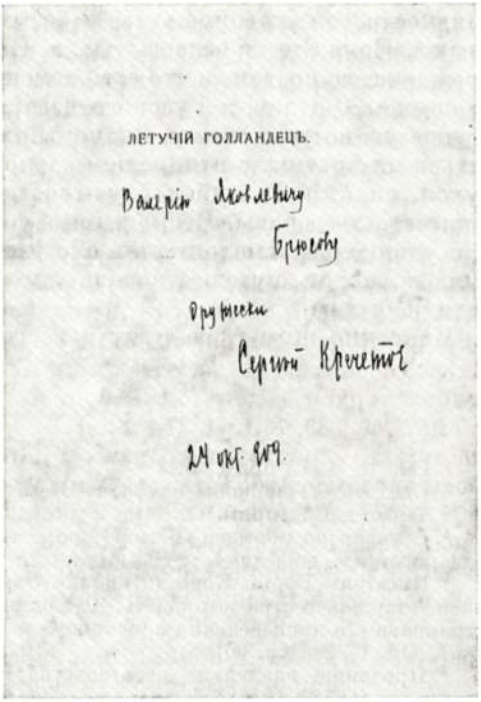
126. БАЛЬМОНТ — БРЮСОВУ

(24 декабря/) 6 января 1907. Париж. Passy, 17, rue Singer.

Валерий, я получил оба твои письма. Стихи из первого моего посыла, вероятно, уже переданы в «Хризопрас» [1], за исключением «Трех коней» [2]. Относительно «Узорного пламецвета» [3]: если оттуда ничего не пойдет в январской книге «Весов» [4], пошли, пожалуйста, все 10 этих стихотворений от моего имени Б. К. Зайцеву, Спиридоновка, д. Армянских, кв. 45 [5]; если что может идти в январских «Весах», вынь по выбору. До мая я вовсе не расположен ждать. К этому времени у меня будут Майские цветы еще, достоверно.

Относительно твоего большого письма, Валерий, мне нечего сказать. Целого ряда вещей ты более не понимаешь, вовсе понять не в состоянии, как их не





СЕРГЕЙ КРЕЧЕТОВ. ЛЕТУЧИЙ ГОЛЛАНДЕЦ. М., «ГРИФ», 1910

Обложка А. Арнштама и шмуцтитул с дарственной надписью: «Валерию Яковлевичу Брюсову дружески Сергей Кречетов 24 окт. 909»

Библиотека СССР им. В. И. Ленина, Москва

понимает, например, Макс Волошин или Гриф [6]. У тебя закрылись глаза на половину мира, на целый мир. Мне это больно, ибо именно в тебе когда-то я, способный все понять, видел именно человека, способного все понять. Если ранее я видел, что ты чего-нибудь не понимаешь, я ждал, и я мысленно дополнял твой образ. Но ты все уклонялся, уклонялся в сторону самого рекомендабельного, самого педагогического рационализма — и вот. Уж и не воспрянуть тебе, пожалуй. Если в жизни твоей не пройдет что-нибудь страшное, что действительно сотрясет твою душу, или что-нибудь истинно-нежное, что действительно сотрясет твою душу,— ты безвозвратно погиб для Поэзии. То, что говоришь ты о моей «Жар-птице» и о моем творчестве, прости, убого. Ты ведь не умеешь отличать кукушкины слезки от подорожника, ты не знаешь, что такое заячья капустка, и что такое росинка на дреме, и каков есть нрав шмелей, и бронзовки, и майских жуков, и кшатриевски [7] быстрых жужелиц. Ты не знаешь, что такое Иванова Ночь, и папоротник. Нельзя этого узнать в созрелом отяжелелом естестве. И сколького ты еще не знаешь и не узнаешь никогда в этой жизни. Так тебе ли говорить о понимании, до глубины, Русской Стихии, этой Великой Деревни. Недаром ты, в своих чтениях и настроениях, подчиняешься так охотно, так ненавистным мне, французам, единственному Европейскому народу, который абсолютно не понимает, что такое деревня [8]. Ты проклят Городом и отравлен им. Пойми хоть это, и извлеки из этого частичное могущество. Цельным же тебе не быть. Это доля тех, которым в детстве смеялись снежинки одуванчиков и которые, прикоснувшись, как ты, в юности к бульварам, театрам, книгохранилищам и публичным домам, не сделались и не могут сделаться поэтами Города и философами кружка, узкого, маленького, умного кружка, до глупости умного.

Что до грубых младенцев, воспитываемых в теплицах «Весов», их ошибки видны мне очень, но скучно об этом говорить. Скажу только о маленькой твоей

наивности: он, говоришь ты о безымянном, был три года в Англии и знает язык [9]. Неужели не ведаешь ты, о, Валерий, что для знания языка нужно быть прежде всего поэтом, и что есть немецкие и иные тупоумцы, прожившие в Москве свыше 20-и лет, а Русского языка так и не понимающие, и что — и что — Лучше уж вот что скажу. Знакомый мой Русский охотник ездил в Англию охотиться на красивую птицу, на фазанов, и брал с собой свою Дианку. Был, вернулся, сидит в Российской уютности у весело потрескивающего в печке огня и читает для забавы «Весы» и иные совершенства, а у ног его валяется Дианка. И с удивлением смотрит этот охотник на Дианку и вопрошает себя: «Что, она была в Англии, путешествовала там?» И, потянувшись, говорит: «Не была там, хотя и была».

Искренно жму твою руку и всегда тебя люблю.

Твой К. Бальмонт.

ГБЛ. Ф. 386, 76.1. Л. 27—28.

[1] См. п. 124, прим. 3.

[2] Стихотв. «Три коня» опубл. в «Весах» (1907. № 1). Вошло в сб. «Птицы в воздухе».

[3] См. п. 124, прим. 2.

[4] В январском номере «Весов», кроме «Трех коней», было опубликовано также стихотв. «Зачарование», вошедшее в сб. «Птицы в воздухе».

[5] Писатель Борис Константинович *Зайцев* (1881—1972) был женат на В. А. Орешниковой, старшая сестра которой Т. А. Полиевктова, близкий друг Бальмонта, неоднократно устраивала его произведения в различные издания (см. письма Бальмонта к ней — *ЦГАЛИ*. Ф. 57. Оп. 1. Ед. хр. 96).

[6] Прозвище владельца издательства «Гриф» поэта Сергея Александровича *Соколова-Кречетова* (1878—1936), редактора журналов «Искусство» (1905) и «Перевал» (1906—1907).

[7] Кшатрии — древнеиндусская каста, к которой принадлежали воины.

[8] 27 июля 1907 г. Бальмонт писал в наброске автобиографического очерка: «Я родился и вырос в деревне, люблю деревню и Море, вижу в деревне малый Рай, город же ненавижу, как рабское сцепление людей, как многоглазое чудовище. Однако в великих городах есть великая свобода и отравы пьянящие, которые уже вошли в душу и которые, ненавидя, люблю» (*ЦГАЛИ*. Ф. 57. Оп. 1. Ед. хр. 67. Л. 1).

[9] Речь идет о К. И. Чуковском, который в 1903—1904 гг. жил в Лондоне в качестве корреспондента «Одесских новостей». В ответ на его критику бальмонтовских переводов (см. п. 123, прим. 8) выступила Е. К. Цветковская. 19 января 1907 г. обиженный Бальмонт писал С. А. Соколову: «Посылаю тебе заметку Елены. Если есть возможность, пожалуйста, напечатай ее. Мне было бы очень больно, если бы напечатать ее было нельзя. Я равнодушен к нападкам на меня из явно-враждебного лагеря. Но грязные нападения из лагеря целующих, Иудиным поцелуем, Валериев Лживых и Сальери Завистливых — это есть нечто особого рода. Искренне радуюсь, что в Елене Ц. проснулась полемическая душа» (*ГБЛ*. Ф. 449, 1.6. Л. 3).

Спустя почти год статья Елены Ц. «Об Уитмане, Бальмонте, нареканиях и добросовестности. Заметка доказательная» появилась не в «Перевале», а в «Весах». В том же номере напечатан и ответ Чуковского «О пользе брома. По поводу г-жи Елены Ц.» Указав еще на ряд неточностей и грубых искажений оригинала, автор делает вывод: «Бальмонт как переводчик — это оскорбление для всех, кого он переводит: для По, для Шелли, для Уайльда. Г-жа Елена Ц. поучает меня, что перевод должен быть художественно-воссоздающим, а не "ученически-дословным". А разве Бальмонт "воссоздает"? Ведь у Бальмонта и Кальдерон, и Шелли, и По, и Блэк — все на одно лицо. Все они — Бальмонты. Читатель, знакомый с ними по Бальмонту, не отличит их друг от дружки. Все они с каким-то ухарским завитком, все они гладкие, круглые, юнкерски-удалые. Ну, хорошо, лги в отдельных словах, но систему слов, но колорит слов каждому оставь их собственные, а у Бальмонта: краски-ласки-пляски-сказки — это Теннисон, и Блэк, и По!» (Весы. 1907. № 12. С. 55).

127. БРЮСОВ — БАЛЬМОНТУ

(Москва.) 11 (/24) августа 1907.

Дорогой Константин!

Когда я получил Твое письмо, взял в руки этот серенький конверт с так знакомым мне мелким и строгим почерком,— испытал я волнение, гораздо большее, чем когда получаю разные «любовные» письма. Так бесконечно много соединено для меня с Твоим именем, что, конечно, никогда, до самого последнего дня и часа, воспоминание о Тебе не перестанет быть для меня острым и сладким.

Но, когда захотел я написать Тебе в ответ тотчас же, хотя бы несколько слов,— у меня этих слов не нашлось, и я все не находил их, когда, после, опять делал попытки писать Тебе, говорить с Тобой. Между нами оказались какие-то преграды или стены, какие-то мглы, сквозь которые, я не знаю, проникнет ⟨ли⟩ мой голос. И озираясь, всматриваясь, с изумлением, почти с отчаяньем вижу, как многое для меня стало непонятно в Тебе, как многое во мне должно было стать непонятным для Тебя.

Как могло это случиться? Неужели те различия, которые заставляют меня говорить «нет» тому, чему Ты, закрывая глаза, говоришь «да»,— могли разъединить нас? Не верю, так как никогда не верил в так называемые «убеждения»: они проходят, а человек остается. Или неужели то, что мне не нравится такая-то Твоя книга, а Тебе — такая-то моя, могло заставить нас посмотреть друг на друга враждебно. Тоже не верю, потому что думал всегда, да думаю и сейчас, что «обида» — это слово, которое смешно и неуместно, когда надо говорить о нас двоих.

Может быть, с большей, чем Ты думаешь, страстностью хотелось бы мне ответить на Твой зов: писать Тебе, говорить с Тобой, быть с Тобой. Но ведь необходимо, чтобы при этом не было «искусственной» близости и притворной откровенности, чтобы я не подделывался под тот тон, каким говорил десять лет назад, а Ты не отвечал мне так, словно Ты еще только автор «Тишины». Я не хочу такого кощунственного театра, и Ты его, конечно, не хочешь, и видеть⟨ся⟩ мы должны будем только в том случае, если я буду я, а Ты — Ты.

Вот в чем весь вопрос: хочешь ли Ты меня таким, каков я, или Ты мечтаешь о некромантии [1], думаешь вызвать тень умершего: «Мертвые умерли», как говорит после Экклезиаста [2] мой маленький Верлен, «да будет их сон в покое» [3]. И сейчас более, чем прежде, могу я повторить свои прежние стихи:

Напрасен поздний зов когда-то милых лиц,
Не воскресить мечты, мелькнувшей и прожитой...[4]

Что до меня, я иду доверчиво навстречу всему странному, непонятному, неприемлемому, что знаю в Тебе, навстречу Тебе, другу Максима Горького и приятелю Александра Амфитеатрова [5], навстречу Тебе, автору «Песен мстителя», уверенный слепо, что если Ты — Бальмонт, то все это имеет какое-то объяснение, мне неведомое. От Тебя жду я такой же веры в меня. Ты должен *поверить* (не знаю другого слова), что мое негодование и ⟨посвящение⟩ [6] шли не от «зависти» (как Ты писал покойному Бахману [7] и еще кое-кому), что иные мои взгляды изменились не от того, что я «изменил» чему-то. ⟨Нам надо постараться писать⟩ друг другу с душой открытой, а не с подозрением; как два человека, но не две тени. Как-то, где-то, в чем-то еще неясном мне кажется это вновь возможным, потому что не могла не остаться прежней и единой та наша сущность, то наше истинное *я*, на фоне которого развиваются все наши различия и несогласия, как развиваются формы облаков на голубизне неба.

А у нас есть причина вновь заключить союз, даже несколько, кажется. Творя вдали от русской литературной жизни, Ты не провидишь все мучения видеть вырождение когда-то дорогих идеалов. «Революционные декларации» Перевала [8], неудачи Шиповника [9], ⟨«откровения публицистов»⟩ разных мелких газет, нападки наглых «мистических анархистов» гг. Чулковых — все это (и многое еще!) явно, конечно, требует, чтобы опять соединились сообща, все те, кто в самом деле чтит и любит искусство.

А я верю, что, несмотря на Твои революционные стишки, Ты все же оставался «единого прекрасного жрецом» [10], и во имя Эдгара По, во имя Бодлера, во имя всех прочих — мы должны быть в одном лагере. Наша разлука — нелепость, наша враждебность — внутренняя, которую надо забыть срочно, как раз теперь Hannibal ante portes [11].

Твой В а л е р и й.

P. S. Твои стихи будут напечатаны в сентябрьском № «Весов» [12], ибо июльский уже напечатан, а августовский уже подготовлен к печати. Ввиду количе-

ства стихотворений, они будут печататься, говоря по-типографски, «кругом», т. е. не каждое с новой страницы, но так же, как стихи М. Кузмина в № 3 [13] или А. Белого в № 6 [14].

P. P. S. Кстати, хотя я и считаю «Песни мстителя» большим Твоим недоразумением, но каждая книга Бальмонта мне очень дорога. Ты доставил бы мне настоящую радость, прислав мне эту книгу, или, если по условиям издательства это затруднительно, указав мне, как можно ее получить [15].

ГБЛ. Ф. 386, 69.26. Л. 39.

Черновик несохранившегося письма, местами неразборчив. Слова, прочитанные предположительно, поставлены в угловые скобки. Окончательный текст письма, судя по ответу Бальмонта, отличался от черновика.

[1] Некромантия — вызывание теней умерших.

[2] В книге проповедника Экклезиаста сказано: «И ублажил я мертвых, которые давно умерли...» (Библия, гл. 4, 2).

[3] Цитируется стихотворение Верлена «Voix de l'Orgueil...» из сб. «Sagesse». Позднее Брюсов перевел этот стих иначе: «Умрите, голоса, чтоб не воскреснуть снова!» (*Верлен П.* Собрание стихов в переводе Валерия Брюсова. М.: Скорпион, 1911. С. 72).

[4] Процитировано стихотворение «Когда былые дни я вижу сквозь туман...» (I, 86).

[5] Александр Валентинович *Амфитеатров* (1862—1938) — писатель, публицист и поэт. О сотрудничестве Бальмонта в выпускаемом им журнале «Красное знамя» см. п. 123, прим. 7.

[6] По всей видимости, имеется в виду стихотворное послание «Равному» (I, 541), резкий тон которого вызвал удивление Бальмонта (см. п. 117).

[7] Письмо Бальмонта к Бахману приведено в прим. 2 к п. 128.

[8] Редактируемый С. А. Соколовым (Кречетовым) «журнал свободной мысли» «Перевал» выходил в Москве с ноября 1906 г. по октябрь 1907 г. В первом номере было опубликовано предисловие-манифест «От редакции», в котором провозглашалось «объединение свободного искусства и свободной общественности». В том же номере была начата серия статей Н. М. Минского, имевшая общее название «Идея русской революции», которую Брюсов подверг резкой критике в заметке «Сапожник, пекущий пироги. О г. Минском» (Весы. 1906. № 12). Брюсов пытался настроить против «Перевала» литераторов, близких к кругу «Весов» (см.: *ЛН.* Т. 85. С. 692, а также статью А. В. Лаврова «Перевал» в кн.: Русская литература и журналистика начала XX века, 1905—1917. Буржуазно-либеральные и модернистские издания. М.: Наука, 1984. С. 174—190).

[9] Альманахи изд-ва «Шиповник» начали выходить с февраля 1907 г. Преследуя сугубо коммерческие цели, редакторы этого издания эклектически соединяли под общей обложкой произведения А. С. Серафимовича, И. А. Бунина, А. И. Куприна, С. Н. Сергеева-Ценского, М. М. Пришвина и других писателей-реалистов с модернистами разных школ и направлений: В. Я. Брюсовым, К. Д. Бальмонтом, А. А. Блоком, Н. М. Минским, Г. И. Чулковым, С. М. Городецким и пр. Эллис, особенно страстно критиковавший альманахи «Шиповника» в «Весах», писал по этому поводу Брюсову в 1907 г.: «Хорош и сахар, хороша и соль, но ужасен воздушный пирог с солью, а "Жар-птица", Перун, Ремизов, Блок (в драмах), Дионисий Иванович (Вяч. Иванов),— сахар с солью» (*ЛН.* Т. 92, кн. 2. С. 277). Против подобного альянса возражал и М. Горький. 13 декабря 1907 г. он писал К. П. Пятницкому: «Отвратительное впечатление произвел на меня роман Сологуба в 3-м "Шиповнике". И — рядом с ним Андреев,— странно и позорно совпадающий в своем парадоксе с блевотиной гнусного старичишки...» (*ЛН.* Т. 72. С. 432). В III книге альм. «Шиповник» была опубл. первая часть романа Сологуба «Навьи чары».

[10] Неточно цитируются слова Сальери из «Моцарта и Сальери» Пушкина.

[11] Выражение «Ганнибал у ворот», предупреждающее о близкой опасности, восходит, согласно Титу Ливию, к возгласам готовящихся к битве при Каннах римлян. В переносном смысле его впервые использовал Цицерон в речи, направленной против Антония (Филиппики, 1, 5, 11).

[12] В № 9 «Весов» за 1907 г. был напечатан цикл из 21 стихотворения «Раденья белых голубей», вошедший затем в сб. «Зеленый вертоград».

[13] В № 3 «Весов» за 1907 г. помещен цикл М. Кузмина «Любовь этого лета», состоящий из 12 стихотворений.

[14] В № 6 «Весов» за 1907 г. опубликован цикл А. Белого «Панихида» из 9 стихотворений.

[15] «Песни мстителя» нельзя было заказать обычным путем, так как издание было запрещено в России. Бальмонт выполнил просьбу Брюсова и прислал ему книгу с автографом:

«Soulac-sur-Mer.
Ave Maria.
VII—IX.

Это двенадцатый час,
Это двенадцать часов.»

(*ГБЛ.* Ф. 386. Книги, № 913).

Двустишие взято Бальмонтом из стихотворения «Двенадцатый час», замыкающего сб. «Песни мстителя».

128. БАЛЬМОНТ — БРЮСОВУ

(30 августа/) 12 сентября 1907. Soulac-sur-Mer. Ave Maria [1].

Валерий, какой ты, право, стал! Расколовшийся. Я говорю тебе, и ты слышишь, что это мой голос — как бы то ни было, мой голос, а ты отвечаешь, что между нами стены, между нами мглы, и не знаешь, проникнет ли твой голос ко мне. Если стены, давай их разрушим. Если мглы, давай их разгоним. Или мало в нас излучения? Или руки у нас ослабели? Мои — нет. И звездность чувствую я более, чем прежде. Не будем маленькому отдаваться в беседе, когда мы знаем с тобой другое. И если по разлуке мы встретились, и на наших одеждах несколько пыли — ведь это дорожная пыль, и некий холод в речах наших, в лицах соприкоснувшихся в приветственном поцелуе — ведь это свежее веянье ветра кочующего. Вот минутка пройдет — и опять будем братьями. Разве нет?

На некоторые пункты письма твоего совсем не хотел откликаться, но лучше говорить все. Правда? Слово «зависть», оскорбившее тебя, было в письме к Бахману [2], и дурно, что он нарушил дискрецию [3], и дурно, что ты опираешься на нарушение дискреции. Валерий, ведь зависть поэта к поэту, к тем или иным чертам и достижениям, не есть зависть человека к человеку, не есть желание очернить и переторговать соседа. Зависть поэта есть состязание, и я повторяю, ты часто завидовал мне — как и я завидовал и всегда! всегда! буду завидовать твоему «Крысолову» [4], которого считаю гениальным — и лучшим не только из твоих песнопений, но из многого-многого ряда певучих строк, созданных в России и в Европе в 19-м веке. Но моя зависть тут и кончается — я хотел бы, чтоб это стихотворение было мое, а не твое. Когда ж начинаешь завидовать ты, ты перебрасываешь свое чувство в состязание. Я беру тему, ты берешь эту тему. Я пишу о том-то, ты пишешь о том-то. Я перевожу «Ворона», ты переводишь «Ворона» [5]. Но ведь это хорошо, хорошо, а не дурно,— это — состязание. Но если состязающийся выигрывает, это хорошо, а если он систематически остается на том же уровне или ниже этого уровня (как именно в «Вороне»), он создает чувство досады в заинтересованном и особенно в посторонних зрителях. И когда посторонние начинают, справедливо и несправедливо, поносить состязающегося — для меня, кому этот состязающийся дорог, вырастает боль, ощущенье какой-то фальши, чего-то ненужного. Мы равны. К чему ж мы будем бороться? Или так мало на поле желтом — колосьев и маков и васильков? Если ты плетешь венок из васильков, именно поэтому я не задумаю сплесть еще более интересный венок из васильков, а вплету в гирлянду маки. Я однако твое чувство *вполне понимаю*. Но знаешь — Словацкий всегда состязался с Мицкевичем. И когда Мицкевич написал «Дзядов», он непременно захотел написать «Кордиана» [6], и когда Мицкевич написал «Пана Тадеуша», Словацкий захотел написать своего «Пана Тадеуша» [7]. Словацкого я считаю более гениальным, чем Мицкевича [8] — но вот в этом он гораздо менее Мицкевича, которому не захотелось написать второй «Балладины» и второй «Лиллы Венеды»! [9] И я думаю (может быть несправедливо), что никогда ты не можешь написать такой певучей вещи, как, например, мой «Ручеек» [10], как, чуждый тебе, «Воздух» («В серебристых пузырьках») [11], как я никогда не напишу и не буду писать вполне достигнутых совершенных гимнов «Городу» [12] (например, «Слава толпе» [13], тоже одно из твоих изумительных стихотворений, где вечерняя тоска мелькающих лиц вызывает у меня слезы восторга).

Мертвые умерли, ты говоришь, вспоминая, как мы говорили с тобой 10 лет тому назад. Нет, Валерий. Или они никогда не были живыми. Я был живым — и я тот же. Сказать о том, что́ по календарю стало «Прошлым», что любовь к нему есть некрофилия, это такое кощунственно-ложное понимание вещей, что я закрываю лицо руками и восклицаю с горечью: «Боже, до чего он дошел! Где Валерий?» Или мне нужно объяснять? Я все еще на садовой дорожке, в деревне Гумницы [14], смотрю на бронзовку, считаю сколько пляшет в воздухе толкачиков [15]. Я все еще в радости первых поцелуев с кем-то вон там, вон там.

Я все еще в первый раз, гимназистом 7-го класса, судорожно сжимаю свои виски, читая «Братьев Карамазовых» [16]. Я все еще в пересыльной Бутырской тюрьме [17], с несколькими десятками студентов, и после нескольких часов товарищеского единения, вижу, что я не имею и никогда не буду иметь ничего общего с какой бы то ни было толпой. Я все еще иду с тобой по Московским улицам, и мы говорим вечные бессмертные слова, и ты братски-нежно, осторожно, держишь своей рукой меня за руку. Я все еще... Я все еще... Или, безумец, ты думаешь, вправду, что я лишь слова говорю. Или ты, пропевший мне гимн и назвавший меня вечным Маем [18], не понимаешь, что я воистину есмь вечный Май? Был, есмь и буду. Всегда. В 90 лет на этой Земле, и во сколько еще на другой! Поклявшись когда-то в душе своей некоей клятвой, неповторяемой, я ее держу и сдержу до конца и за пределами всех концов. Я могу быть красивее и некрасивее, но я целен всегда. А цельность разве может умереть? Умирают лишь части, невоплотившиеся. И ты целен, Валерий, темноглазый брат мой, и ты целен, но сейчас ты в великой разломанности своего «Я». И именно оттого, что эта расколотость твоя так цельна и полна, ты не видишь и не можешь сейчас видеть ее.

«Песни мстителя». Это вопль мой, это отклик на 9-е Января и на нашу чудовищную Цусиму, с которой примириться не могу, ибо люблю Славян и ненавижу уродливых Японцев [19]. Это вопль человека, который не хочет и не может присутствовать при бойне, и потому уехал из России, которая ему именно в данную минуту его внутреннего развития так нужна, как не была еще нужна никогда. Хороши или плохи эти песни, не знаю, но каждая вырвалась из души [20], «рабочие» стихи создались потому, что, слыша в душе своей залпы орудий и ружей, расстреливающие рабочих, я чувствовал себя рабочим. К партии никакой я не принадлежу. Социал-демократы мне глубоко противны, и когда я Русским в Льеже читал в концерте [21], а потом с ними ужинал, я им сказал, что они не Социал-Демократы, а Социал-Дураки. Но, презирая партию Социал-Демократов, я презираю и партию Декадентов, и партию Академиков, все партии в мире [22]. Мне довольно моих крыльев Альбатроса [23], они мне еще долго послужат, и со славой. Ты говоришь: «Ты писал С. А. Полякову, что чтишь "Весы", несмотря на все их нападки на тебя» [24]. Я ничего подобного не мог писать: я люблю «Весы», и хочу быть в них, и все надеюсь, что они станут когда-нибудь действительно хорошим журналом; я люблю их, как мою и твою, нашу мечту — но чтить их отнюдь не могу. Нападки на меня я не ощущаю, а оскорбляюсь в этих нападках неприличностью тона. Втрое более оскорбляюсь наглыми неприличными статьями Андрея Белого, этой его — не журналистикой, а литературной рвотой [25], худшей гораздо, чем пошлости Буренина. Огорчаюсь смертельно, что этот литературный проститут, и трусливый лгун, эта двуличная марионетка, которую я глубоко презираю (можешь повторить ему все мои слова), так прочно существует в дорогих для меня «Весах», как мог бы существовать отвратительный клоп в расщелине. Скорблю, что ты соединяешься с ним в какой-то литературной сваре [26]. Я, если бы мог, пнул бы его вон из всех журналов, и радуюсь, что он более не будет сотрудничать в «Золотом руне» [27]. Ибо, повторяю, он двуличный и лжец. Он говорит мне в глаза одно, потом в печати другое. Он говорит о тебе за глаза одно, потом в глаза другое. Он смеет писать какие-то буренинские инсинуации по адресу Чулкова [28]. Что такое Чулков, не знаю, три раза его видел, и всегда джентльменом, Белого же знаю за лгуна. И наконец — он пишет из-за денег. Он проститут. В литературе приемлема лишь Пушкинская точка зрения: пишу для себя, печатаю и из-за денег [29]. А он и пишет из-за денег. Пусть он лучше поступит в сапожники. Пишу все это — ибо мне больно, что ты — в атмосфере, которая не может не влиять на легкие, кои ей дышут. Ты говоришь о Ганнибале у ворот [30]. Это, Валерий, слишком пышно. Ганнибал был достойный враг. А враги мои и твои, нас, тех, о которых ты сказал, «что двое мы — Я знаю» [31],— наши враги вокруг тебя, это ларвы [32], мелкие оборотни, литературные салопницы обоего пола, кружковщина, комнатный дух, чернильные пятна на душе... А! я говорю. Если б ты за-

К. Д. БАЛЬМОНТ
Фотография. 1912
Собрание Н. К. Бруни, Москва

хотел вырваться на несколько месяцев из обычной своей обстановки, и пожить так, как живу я, совсем один, совсем вне личных клубков, и с Океаном за окном, и с любимыми книгами вокруг, с которыми никто меня не разлучает,— ты на многое бы в своем теперешнем взглянул иначе. Это ведь тоже не пустые слова — «Кто часто бывает среди людей, с тем не могут говорить Ангелы» [33].

Валерий, я пишу тебе так, как чувствую. Пиши и ты так же ко мне. Ни о какой обиде между нами не может быть речи. Одно больное может быть: долгая разлука. Не будем в разлучности, будем перекликаться. Скажи мне все, я услышу все. И тебе скажу, что́ захочешь слышать.

Валерий, я родился в ночь, под утро с 3-го на 4-е июня. Знаешь, ночи тогда бывают прозрачные. Вот что вчера я бросил узором в свою записную книжку [34], когда Эдгаровские 12 часов приблизились [35].

ИЮНЬ

Июнь, непостижно-короткая ночь,
Вся прозрачная, вся просветленная.
Кто родится в Июне, никак одному не сумеет помочь:

В душе его век будет греза влюбленная,
Душа его будет бессонная.

В зеленом Июне цветут все цветы,
Густеет осока прохладными свитками,
Белеет купава, как стынущий лик чистоты,
Дрема навевает вещательность сонной мечты,
О маленьком счастье безмолвную речь с маргаритками
Ведет незабудка, и шепчет: «Припомнишь ли ты?»,
Цветет и влюбляет ночная фиалка пахучая,
И рдеют сердечки гвоздик луговых.
Кто в июне войдет в этот мир, каждый цвет его сладостно
мучая,
Будет сердцу внушать, что любить нужно их —
Эти сны, лепестки, и душа его станет певучая,
Расцвеченная, жгучая.

И в Июне, в Иванову ночь,
Он искать будет папорот-цвет,
На вопрос невозможный — желанный ответ,
На вопрос, что, мелькнув, уж не скроется прочь.
И Иванова ночь озаренная
Даст, быть может, огонь златоцветный ему,
Чтоб удвоить, за мигом сияния, тьму,
Чтоб, в единственный час,
Где минута с минутой — как искра спаленная,
Тайный папорот-цвет излучившись, погас...
Чтоб в душе его песнь задрожала стозвонная,
Чтоб душа его стала бессонная.

Буду ждать от тебя с нетерпением письма, писем. Не хмурься и откликнись поскорей. Как напишется, так и напиши.

Братски тебя обнимаю. Очень хотел бы увидеть.

Всегда твой К. Бальмонт.

ГБЛ. Ф. 386, 76.1. Л. 31—37.

[1] Е. А. Бальмонт вспоминает: «Уже с ранней весны, как только в наш садик под наши окна в Пасси прилетали черные дрозды и начинали петь, мы принимались обсуждать, где проведем лето; на море непременно, так как Бальмонт любил море и не мог без него жить. Мы разыскивали на карте побережье не пустынное, скалистое, как в Бретани, но где был лес, зелень. И вот Сулак, местечко в нескольких часах от Бордо, как раз отвечал нашим вкусам: бесконечная даль океана и тут же на дюнах сосновый лес» (*ЦГАЛИ*. Ф. 57. Оп. 1. Ед. хр. 133. Л. 74).

[2] Приводим это интересное письмо Бальмонта с незначительным сокращением.

«1907. 21 марта. Париж.
Passy, 17, rue Singer.

Милый Георг, это гадко, это очень гадко и весьма гадко. Что за странная надпись на печатном листке: Бывшему другу? Откуда? Почему? Я ль тебе изменил в чем-нибудь или ты ко мне настолько изменился, что стал бывшим? Ты для меня по-прежнему Георг Бахман, милый Бахман, поэт и друг поэтов, и влюбленник Поэзии. Я мало кого встречал на Земле с таким удовольствием, с такой радостью, как тебя. Я всегда видел в тебе понимающего друга и гостеприимного хозяина, в доме которого истинное отдохновение побывать, и увлекающегося изучателя и создателя мелодических слов. Да не будем мы бывшими, а сущими всегда.

Большое спасибо тебе за посылку статьи Лютера. Если ты его встречаешь, поблагодари его от меня, если можно благодарить за любовь к стихам. Мне кажется, что он очень чувствует мое творчество. Мне жаль только, что, говоря о моих "революционных" стихах, он, как кажется, подчиняется влиянию злобствующего на меня, да скажем и завидующего мне, Валерия. Я никогда не был демагогом. И никогда не буду. А определенный исторический момент не мог меня не взволновать, и я не мог так или иначе не отозваться на него. Может, не выразительно отозвался, но только, знаю, вполне чистосердечно.

Ах, как жаль, Георг, что я не могу сейчас сидеть у тебя на Малой Спасской и ты налил бы себе и мне стакан благородного Рейнского, и я читал бы тебе свои новые строки, и ты увидал бы, что я все тот же Бальмонт, которого ты любил и приветствовал с такою сердечностью. Я посылаю два стихотворения ("Зеленый свет" и "Два Цветка",— *Р. Щ.*), написанные вчера. Мне кажется, они именно напомнят тебе наши давнишние встречи. Между прочим. В ближайшем номере "Весов" будут напечатаны мои "Малые Зерна", где, среди другого, я поношу немцев и французов. Да не шокирует тебя сие. Таких Немцев, как Гете, Лейбниц, Шопенгауер, Вагнер, Ницше, Ленау, Бахман, я не только не проклинаю, но благословляю всей душой. С ними прошла моя юность, они меня научили столькому, что и не исчерпать влияния их поныне. А Бёме? А Гофман? А Гейне, даже и Гейне? Первый иностранный язык, который я изучил, был немецкий (. . .)

Ольге Михайловне привет. Твоим гостям, ежели кто помнит, мои поклоны. Напиши мне сколько-нибудь хоть беглых строчек и пошли какие-нибудь стихи. Где Модест (Дурнов.— *Р. Щ.*) и что он? Мне в Москве, кажется, верен только Юргис.

Прощай. Обнимаю.

Искренне твой К. Бальмонт.»

P. S.

Увидимся ль тенями,
Иль здесь, среди земных,
Единственными днями
Мы спели миру стих.

(*ГБЛ*. Ф. 386, 76.6. Л. 4; копия И. М. Брюсовой. Оригинал см.: *ИРЛИ*. Ф. 22. № 78. Л. 21).

По всей видимости, Бальмонт имеет в виду следующее место из своих заметок: «Поэты других европейских народов, особливо ненавистные немцы и добрые их спутники французы, всегда унижают слово "люблю" житейскими прилагательными» (*Бальмонт К.* Малые зерна: Мысли и ощущения // Весы. 1907. № 3. С. 50).

[3] От французского слова discrétion — соблюдение тайны. Упрек Бальмонта справедлив, так как копия с его письма могла быть снята только с разрешения Бахмана.

[4] См. п. 106, прим. 4.

[5] Бальмонтовский перевод стихотворения Э. По «Ворон» опубликован в журнале «Артист» (1894. № 41. С. 158—160). Из четырех брюсовских переводов «Ворона» к моменту написания письма был опубликован только первый (Вопросы жизни. 1905. № 1. С. 187—190).

[6] Третья часть драматической поэмы Мицкевича «Дзяды», вышедшая в 1832 г., была откликом на разгром польского восстания. Этой же теме посвящена драма Словацкого «Кордиан» (1834), автор которой намеревался затмить Мицкевича. Кроме чисто литературных причин, соперничество поэтов усугублялось тем, что в «Дзядах», правда не названный по имени, был выведен в качестве отрицательного персонажа отчим Словацкого — доктор медицины Бэкю.

[7] Среди произведений Словацкого нет ни поэмы, ни пьесы с таким названием. Однако, как предполагают современные исследователи польской литературы, «в драме "Золотой череп" и других драмах о польской истории Словацкий создавал словно бы своего "Пана Тадеуша" о любимом крае детских лет» (*Kleiner J., Maciąg Wł.* Zarys dziejów literatury polskiej. Wrocław; Kraków; Gdańsk, 1974. S. 310).

[8] В предисловии к «Трем драмам» Ю. Словацкого (М.: изд. М. и С. Сабашниковых, 1911) их переводчик Бальмонт писал: «Интересно отметить, что Мицкевич, который раньше был другом Пушкина, а потом его врагом, и который раньше был врагом Словацкого, а потом его другом, мало чувствовал красоту и силу творчества Словацкого, ввиду полного несходства их основных свойств — Мицкевич реалист, Словацкий импрессионист».

[9] «Балладина» и «Лилла Венеда» — лучшие драмы Словацкого, впервые переведены на русский язык Бальмонтом. Перевод «Балладины» вошел в книгу «Три драмы» Ю. Словацкого, а «Лилла Венеда» опубликована в *РМ* (1909. № 9). Переводы эти получили высокую оценку. Так, например, польская газета «Świat» (1910. № 27) писала: «Как поэт-переводчик "Лиллы Венеды" Словацкого Бальмонт стал на высотах искусства художественного перевода. Кто знает и чувствует, что есть язык нашего маэстро-виртуоза в этом создании (. . .) только тот может оценить великолепный перевод русского поэта, который — волен гордиться он этим! — не только перевел, но и пересоздал "Лиллу Венеду" так, что перевод почти дает впечатление оригинала» (перевод рецензии, выполненный Бальмонтом, см.: *ГБЛ*. Ф. 261, 2.74. Л. 4).

[10] Стихотв. «Ручеек» вошло в раздел «Очертания снов» сб. «Только любовь».

[11] Стихотв. «В серебристых пузырьках» вошло в раздел «Воздух» сб. «Литургия красоты».

[12] Дифирамб «Городу» впервые опубл. в альм. «Шиповник» (1907. Кн. 1), впоследствии вошел в сб. «Все напевы» (I, 515). Однако, скорее всего, Бальмонт имеет в виду не это конкретное стихотворение, а всю урбанистическую поэзию Брюсова.

[13] Лирическая поэма «Слава толпе», которую высоко оценил и М. Волошин (см. I, 636), вошла в сб. «Stephanos» (I, 437).

[14] Бальмонт пишет в брошюре «Революционер я или нет» (М.: Верфь, 1918. С. 9): «Я родился и вырос в деревне... Деревня Гумнищи, Шуйского уезда, Владимирской губернии. Она еще жива, эта деревушка, в которой всего лишь с десяток крестьянских домов и небольшая усадьба».

[15] Как рассказывает Е. А. Бальмонт, в детстве Бальмонт «предпочитал часами сидеть перед муравьиной кучей, смотреть, не отрываясь, как жужелица зарывает мертвого крота, или следить за полетом бабочки с поврежденным крылышком...» (Встречи с прошлым. Вып. 5. М., 1984. С. 93).

[16] В «Автобиографии» Бальмонт сообщает: «Самыми замечательными событиями своей жизни я считаю те внутренние внезапные просветы, которые открываются иногда в душе по поводу самых незначительных внешних фактов (. . .) Прочтение «Преступления и наказания» (шестнадцать лет) и в особенности «Братьев Карамазовых» (семнадцать лет. Эта последняя книга дала мне больше, чем какая-либо книга в мире)» (*Венгеров. Рус. лит. XX в.* Т. 1. С. 59).

[17] В «Автобиографии» Бальмонт пишет: «В 1887 г., как один из главных организаторов студенческих беспорядков, был привлечен к университетскому суду, исключен и после трехдневного тюремного заключения выслан в Шую» (Там же. С. 58). Трёхдневное заключение Бальмонт отбывал в Бутырской тюрьме.

[18] В стихотв. «К. Д. Бальмонту» («Вечно вольный, вечно юный...»), вошедшем в сб. «Urbi et Orbi» (I, 348), Брюсов, обращаясь к поэту от лица его друзей, использовал образ, основанный на реминисценциях из самого Бальмонта: «Мы весь год — ты краткий май».

[19] Впоследствии, после путешествия в Японию весной 1916 г., Бальмонт писал о японцах и японской культуре с большой теплотой и уважением. См., например, его статьи «Музыка солнечного света» и «Япония. Белая хризантема» (Утро России. 1916. № 358. 25 дек.), а также заметку Веры Д-о «К. Бальмонт в Японии» (Далекая окраина. Владивосток. 1916. № 29. 11 мая).

[20] См. прим. 2 к наст. письму.

[21] 19 января 1907 г. Бальмонт сообщал С. А. Соколову-Кречетову: «13 января (31 декабря) я был в Льеже и перед обширной русской аудиторией (человек 500—600) читал новые свои стихотворения, которые войдут в сб. "Песни мстителя" (вскоре выйдет в Париже). Я приглашен как лектор и как поэт совершить турне по Бельгии и Швейцарии. Русская аудитория в Бельгии главным образом учащаяся (. . .) молодежь, работающая и серьезная» (*ГБЛ*. Ф. 449, 1.6. Л. 4).

[22] Анархические настроения долго были свойственны Бальмонту. В 1918 г. он писал: «Поэт выше всяких партий. Выше или ниже, это там всячески бывает, но во всяком случае — вне. У поэта свои пути, своя судьба, он всегда скорей комета, чем планета, если он истинный поэт, то есть не только пишет стихи, а и переживает их, живет поэтически, горит и дышит поэзией» (*Бальмонт К.* Революционер я или нет. М.: Верфь. С. 14).

[23] Бальмонт неоднократно сравнивал себя с альбатросом. Традиция такого сопоставления восходит к Шарлю Бодлеру, который в стихотворении «Альбатрос» писал:

Поэт, вот образ твой! Ты также без усилья
Летаешь в облаках, средь молний и громов,
Но исполинские тебе мешают крылья
Внизу ходить, в толпе, средь шиканья глупцов.

(Пер. П. Якубовича)

В статье «Из южных далей» Бальмонт так передает свои ощущения от встречи с этой птицей: «Не напрасно такие поэты, как Кольридж, Эдгар По и Бодлер воспели альбатроса. Когда к нему привыкнешь, его разлюбишь за его неразборчивую жадность, за его неуклюжий клюв и тяжелое тело, но все же незабвенно оно, первое впечатление от встречи с альбатросом: видишь только его крылья, каждое крыло — как изогнутый ятаган, и когда он чертит крылом низко над самой водой, в его полете чувствуется какая-то воинская устремленность» (Русское слово. 1912. № 175. 29 июля).

[24] Письмо Бальмонта к Полякову, в котором имеется приведенная фраза, обнаружить не удалось. До осени 1907 г. в «Весах» были помещены следующие рецензии на произведения Бальмонта: 1) Брюсова на сб. «Злые чары» (№ 1); 2) С. Городецкого на сб. «Жар-птица» (№ 8); 3) К. Чуковского на Собрание сочинений Шелли в переводе Бальмонта (№ 3); 4) Эллиса на цикл стихотворений «Узорный пламецвет. (Мексиканские лепестки)» в альманахе «Корабли» (№ 5). Все они в большей или меньшей степени содержали критические выпады против Бальмонта.

[25] Тяжелые душевные переживания, связанные с неудачной любовью к Л. Д. Блок, привели А. Белого на грань душевного расстройства. Этим отчасти объясняется резкость его критических выступлений 1907 г. в «Весах» (см.: Александр Блок и Андрей Белый: Переписка. М.: Изд. Гос. лит. музея, 1940. С. 187—209; ср. также его позднейшую запись: «в Петербурге господствует страшная профанация символизма. Нота мести за попранную любовь и за профанацию — углубляется» // *ЦГАЛИ*. Ф. 53. Оп. 2. Ед. хр. 3. Л. 54об.).

[26] Летом 1907 г. Брюсов писал отцу, отдыхавшему во Франции: «Среди декадентов, как ты видишь отчасти и по "Весам", идут всевозможные распри. Все четыре фракции декадентов: "скорпионы", "золоторунцы", "перевальщики" и "оры" — в ссоре друг с другом и в своих органах язвительно поносят один другого. Слишком много нас расплодилось и приходится поедать друг друга, иначе не проживешь» (*ЛН*. Т. 15. С. 214). Объясняя З. Н. Гиппиус причины, по которым «Весы» сочли невозможным отказать Белому в публикации его «Манифеста» (Весы. 1907. № 2), Брюсов писал: «Все проявления души Белого мы считаем стоющими внимания. Белый переживает последние годы резкий перелом в своем миросозер-

цанин, так что странность тона его статьи могла быть объяснена этой ломкой» (*ГБЛ*. Ф. 386, 70.38. Л. 11).

[27] От сотрудничества с «Золотым руном» сначала отказались Брюсов, Белый, Мережковский и Гиппиус (см.: Столичное утро. 1907. № 69. 21 авг.), а на следующий день к ним присоединились Кузмин, Балтрушайтис и Ликиардопуло. Поводом для разрыва стала статья Э. К. Метнера «Борис Бугаев против музыки» (*ЗР*. 1907. № 5). Подробнее см.: *ЛН*. Т. 85. С. 341.

[28] Статьи А. Белого, направленные против мистического анархизма и его создателя Георгия Чулкова, носили порой излишне резкий характер. Так, в рецензии на «Цветник ор» Белый писал: «Грязен и непричесан, как всегда, в стихах г. Чулков. Мы бы не помянули о нем, право он неоскорбителен в стихах (ибо, чтобы оскорбить стих, надо быть все же чем-либо). Но г. Блок (. . .) неожиданно провозгласил поэтом г. Чулкова, что после восхвалений Чулковым Блока как-то... неожиданно» (Весы. 1907. № 6. С. 68—69). Впоследствии сам Белый сожалел, что допустил «безобразные выходки против Г. И. Чулкова» (см.: *Андрей Белый*. Начало века. М.; Л., 1933. С. 387—388).

[29] В 1907—1908 гг. из-за материальных затруднений Белый вынужден был сотрудничать в газетах «Накануне», «Час», «Правда живая», «Раннее утро», «Свободная молва» и др. (см. главу «Авантюра с газетами» в кн. А. Белого «Между двух революций». Изд-во писателей в Ленинграде, 1934. С. 254—262), однако его статьи никогда не отражали взглядов, которых Белый не разделял.

[30] См. п. 127, прим. 11. Брюсов, очевидно, имел в виду опасность профанации символизма со стороны различных декадентских групп и фракций, противостоящих «Скорпиону».

[31] Заключительные слова брюсовского стихотворения «Я знаю...» (I, 230), посвященного Бальмонту.

[32] Ларвы — у древних римлян злые духи, пугавшие людей и мучившие души умерших грешников.

[33] Цитируется латинский писатель и историк Сульпиций Север (363 — ок. 425), автор двухтомного труда «Historiae Sacrae».

[34] Стихотворение «Июнь» вошло в сб. «Хоровод времен» (*Бальмонт К. Д.* Полн. собр. стихов. М.: Скорпион, 1909. Т. 10).

[35] В рассказе Э. По «The masque of the red Death» с двенадцатым ударом часов на маскараде во дворце принца Просперо появляется Смерть.

129. БАЛЬМОНТ — БРЮСОВУ

Брюссель, 83, ул. Св. Георгия, Иксель. 27 декабря н. ст. 1907.

Действительному Статскому
Литератур-Советнику,
Дядьке Стихотворному,
Валерию Брюсову
и Титулярному
Неправосудностей Попустителю,
Тюремному Рукописей Придвернику,
Сергею Полякову,
Поэта К. Бальмонта

ПРОШЕНИЕ

Честь имею сообщить чопорным Вашим неподвижностям, что с изумлением получил я от г. Секретаря Департамента «Весов» [1] сообщение, что до Апреля 1908-го года распределены уже все страницы неправосудного Вашего журнала, в коем я числюсь ближайшим сотрудником. Опровергаю таковое постановление и прошу Вас постараться уразуметь, что, как ближайший сотрудник, притязаю с Января по Апрель и Май в каждом отдельном волюме * «Весов» на несколько отдельных, мне выделенных страниц, для прозы ли или для стихов [2], и почтительнейше требую, чтобы в Январе появилась «Пляска зноя» [3], ибо поэты любят противоречия. Выражаю надежду, что скромное мое желание будет осуществлено, и напоминаю чопорным Вашим неподвижностям и добросовестным неправосудностям, что ближайшее есть ближайшее и что пляска не ждет.

Ежели же воистину среди титулов, там, где сановны, лишь титул Поэта бездейственен, и желание мое, предельно-скромное, найдено будет чрезмерным,

* volume — том *(франц.)*.

покорнейше прошу Ваши изысканные справедливости удалить из поступающих в публичное обращение листков газетных и страниц журнальных имя мое, как имя ближайшего сотрудника необманно качающихся «Весов», дабы не являлось таковое возвещение облыжным.

С истинным почтением к административным
Вашим, и иным дарованиям,
и с трепетом за судьбу свою

К. Бальмонт

ГБЛ. Ф. 386, 76.4. Л. 1.

[1] С 1906 г. секретарем «Весов» был М. Ф. Ликиардопуло (см.: Русская литература и журналистика начала XX века: Буржуазно-либеральные и модернистские издания, 1905—1917. М.: Наука, 1984. С. 109).

[2] Притязания Бальмонта редакцией журнала были учтены. В начале 1908 г. в «Весах» опубликованы три статьи: «Колокольчиков держись... О польских преданиях» (№ 2); «О книгах для детей» (№ 3) и «Шарль Ван Лерберг. Письмо из Брюсселя» (№ 5). См. также прим. 3 к наст. письму.

[3] Цикл «Пляска зноя», состоящий из восьми стихотворений («Полонянник», «Маяк», «Пляска двух», «Стрела», «Небесный бык», «Ведогонь», «Едино-разный», «Джелаль-Эддин Руми»), опубл. в «Весах» (1908. № 1). Весь цикл вошел затем в сб. «Хоровод времен», за исключением «Пляски двух», включенной в сб. «Зеленый вертоград» (СПб.: Шиповник, 1909).

130. БАЛЬМОНТ — БРЮСОВУ

⟨27—28 марта/⟩ 9—10 апреля. ⟨1908 г.⟩ Ночь. 3 ч. 27 м.
Bruxelles, 177, rue Culture, Berkendael, Institut Med., 13.

Валерий, сейчас истекают последние часы 11-й недели, что я провел один в четырех стенах [1]. Много раз в эти незабвенные недели, в эти одинокие — счастливо одинокие — полярные дни и ночи, я мыслью обнял безмерные пространства. Как в книге Иова: «Я ходил по Земле, и обошел ее» [2]. Но я ходил еще по продольностям времен и по зыбям воздушного пространства. И я видел, я вижу, в эту ночную свою стражу, что я безмерно любил и люблю тебя. Я не был бы таким, как я есмь, если бы не было тебя. И первый миг нашей встречи незабвенно цветет в моей душе, как цветут весенние цветы. Мы с тобой — две яркие звезды над пустыней прибоя. О, Валерий, темноглазый брат мой, над вихрями и сумраком бурунов, мы с тобою — две яркие звезды.

Эта ночь пройдет, и я отсюда уйду. Завтра, в праздник Солнца. Мне радостна воля, и мне больно прощаться с этой творческой отделенностью. Я был на крае Мира.

Я смотрю на свою комнату. Вот эти любимые книги мои [3]. Их много, их много. Вот это дерево магнолии, которое цвело для меня, а теперь зеленеет. Вот рядом со мной, на столике, в свете свечи, белые ландыши, келейки шестигранные, нежно-лиловатые гроздья сирени. Как любит сердце эти малости.

Я лежал сейчас в темноте, с закрытыми глазами, и думал о тебе. Не знаю почему, но душою стало овладевать чувство змеиной тоски. И вдруг случилось то, чему я не знаю, и, быть может, никогда не узнаю объяснения. Там, за окном моим, большое вольное пространство. Я четко услышал там один ночной голос — свист, другой птичий голос — свист, и еще, и еще жалобные перекликающиеся птичьи голоса. Были ли это птицы перелетные? Или стая духов? Я не знаю. Раскрыв глаза в темноте, я слушал, дивясь и не удивляясь. Когда кончилась воздушная перекличка, я почувствовал, что я должен знать час, когда это было. Я зажег свечу и написал тебе эти строки.

Прощай. До новой встречи в воздушном. Ты веруешь в мои зори [4], Валерий. Уверуй в мою новую великую зарю.

Братски целую,
Твой всегда К. Бальмонт.

P. S. Адрес: Bruxelle, 83, rue St-Georges, Ixelles.

ПАРИЖ. УЛИЦА БАШНИ

Открытка. Дом, где К. Д. Бальмонт с семьей жил с 1909 по 1915 г.— второй справа. Внизу надпись рукой А. Н. Ивановой (племянницы Е. К. Андреевой-Бальмонт): «Узнаете наш домик?»

Собрание Н. К. Бруни, Москва

ГБЛ. Ф. 386, 76.1. Л. 38—39.

[1] Бальмонт находился в Институте медицины из-за несчастного случая, о котором в газетах приводились противоречивые сведения. Например, «Речь» 22 января 1908 г. сообщала, что Бальмонт попал под трамвай. На следующий день «Русское слово» писало, что «он был настигнут и сшиблен с ног автомобилем, причинившем ему перелом ноги и очень серьезные ушибы, требующие долгого и серьезного лечения».

Совершенно иное объяснение дает Е. А. Бальмонт. Из Парижа Бальмонт выехал в Брюссель, сопровождая ожидающую ребенка Е. К. Цветковскую. Через некоторое время, затосковав, он захотел вернуться, но «Елена не хотела его отпускать в Париж без себя, удерживала его под разными предлогами. Он стал тогда пить. И в невменяемом состоянии спрыгнул с балкона со 2 этажа на мостовую, не разбился, только сломал себе левую ногу» (*ЦГАЛИ*. Ф. 57. Оп. 1. Ед. хр. 133. Л. 110).

[2] Слова, сказанные, согласно Библии, сатаной (Книга Иова, глава 2, 1).

[3] По воспоминаниям Е. А. Бальмонт, Бальмонт никогда не расставался с книгами. «Книги он любил, как живые существа, не терпел пятен на них, загнутых страниц, отметок на полях. Страшно возмущался на варварски небрежное обращение русских с книгой. Перестал давать свои книги даже хорошим знакомым, тем, кто не считал преступлением "зачитать" чужую книгу, т. е. потерять ее или просто не вернуть ее собственнику» (Там же. Л. 83).

[4] См. п. 125, прим. 7.

131. БАЛЬМОНТ—БРЮСОВУ

1908. ⟨14/⟩ 27 мая. Париж. ⟨Пасси.⟩ 60, Улица Башни[1].

Валерий, твои письма, и деловое, и предыдущее, получил. Спасибо. Был в спутанности новых впечатлений. Отсюда неаккуратность. Пишу тебе подробно и много о себе, сегодня, позднее. Сейчас в тисках работы. О, сколько мне приходится ткать паутинок,— и слышит ли меня кто-нибудь!

Корректуру «Лерберга»[2] высылаю сейчас же. Желание редакции исполняю.

Жму руку. Искренне Твой К. Бальмонт.

ГБЛ. Ф. 386, 76.1. Л. 40.

[1] Е. А. Бальмонт вспоминает, что, покинув квартиру М. Волошина, «нашли в том же Пасси маленький полудеревянный двухэтажный домик в 5 комнат: «павильон в саду», как он громко назывался у французов. В этом отъединенном домике мы могли жить, как хотели, не стесняемые французскими законами, требовавшими с 11 часов вечера полной тишины в доме» (*ЦГАЛИ*. Ф. 57. Оп. 1. Ед. хр. 133. Л. 100).

[2] Статья «Шарль Ван Лерберг. Письмо из Брюсселя». Опубл.: Весы. 1908. № 5.

132. БАЛЬМОНТ — БРЮСОВУ

1908. (16/) 29 мая. Париж, 60, ул. Башни.

Валерий, брат, прости неточность — давно должен был, и хотел, тебе написать. Впечатления еще слишком сильно и больно захватывают. Брожу по Земле, а душа все не покидает внеземное, в чем была, и беспомощно сталкивается с тем, по чему чуть скользить надо.

Я очень-очень рад, что ты откликнулся на мое письмо из Беркендаля [1], и мне хотелось бы много говорить с тобой. Но ты не будешь снова замыкаться? Ты не будешь снова уходить от меня в бесконечные дали — или, что более меня устрашает, на людские торжища? Как хотел бы я побыть с тобой хотя несколько дней вместе, и говорить, и загораться мыслью, мы всегда вдвоем загорались и горели.

Я писал тебе. В полной отъединенности, в которой я был в «Долине Берез» [2], я много раз мысленно пережил себя, своих любимых, свое любимое, близкое, далеко-близкое. И то, что воплощается в именах — Валерий Брюсов, С. Поляков и Юргис Балтрушайтис, стало мне вдвойне, втройне, опять как прежде — дорого и близко. Мне хочется идти с Вами много и долго в том пути, который мы вместе когда-то начали и который воистину наш. Мне хочется много работать и для «Скорпиона», и для «Весов», и я был бы рад еще раз услышать, что я действительно нужен и желанен, что мою душу и биения ее любят и слышат. А она живая, Валерий, в ней все бьется, не уставая, живая алая кровь.

Ты говоришь, чтоб я дал тебе внешний лик моей жизни. Боюсь, не сумею. Ведь я по-прежнему очень мало знаю себя, и вдруг на меня что-то налетает, находит, чего сам не ждал и не предчувствовал, и вдруг отходят высочайшие волны — и я один на прибрежьи играю в раковины и слушаю, как в них гудит голос Океана, в слова перелагаю эти звоны, плачу и смеюсь, снова счастлив, снова тоскую, смерти ищу и зову ее, к губам прильну еще и еще, но уж той дружбы, которую знал, и той любви, которую и знал, и знаю, и буду хранить до последнего дыхания своего,— этих двух светильников не найдешь в повторности. Им примера и отображения нет.

Я живу одиноко. Кроме домашних своих, не вижу почти никого. Очень полюбил снова, как в дни оны, свои одинокие голубые гроты, и зеленые, и лунно-жемчужные. Меня, как Саломею, упившуюся красным [3], очень дразнит белый цвет. И я весь в дрожании боли, которую люблю, ибо она от чрезмерности любви. За эти два года я часто был вовсе близок к сени смертной. Но тайный голос говорит мне, что я должен жить еще долго. И тайная власть помешала не однажды отдаться сладкому счастью смешать поцелуй с последним вздохом. Не взгляни хладно на эти слова. В них больше, чем в силах сейчас изъяснить.

Я не вижу тебя. Зачем так много дани рассудку? Зачем так мало того безумного Валерия? Когда — еще? Уж час.

Отзовись. И люби меня. Мы освящены друг другом.

Сердцем твой К. Бальмонт.

«Лерберга» вернул тотчас, устранив «неудобность». Если можно, печатайте меня чаще [4]. Жду ответа о новой книге, об Эдгаре По и об издании моих стихов в томах [5].

ГБЛ. Ф. 386, 76.1. Л. 41—42.

[1] См. п. 130.

[2] Беркендаль означает в переводе с фламандского «Долина берез».

[3] В драме О. Уайльда «Саломея» иудейская царевна пляшет для Ирода при свете кроваво-красной Луны; на земле, залитой кровью покончившего с собой начальника телохранителей, чтобы получить в награду голову Иоканаана и поцеловать его в уста, краснее которых «в целом свете не было ничего» (см.: *Уайльд О.* Саломея/Пер. К. Бальмонта и Е. Андреевой. СПб.: Пантеон. С. 101).

[4] В номерах 7—10 «Весов» за 1908 г. появились: цикл «Майя», состоящий из 13 стихотворений («Играть», «Египет», «Оахака», «Песнь звезды», «Цветок к цветку», «Ландыши», «Для чего», «Лишь бог», «Он», «Всезвездность», «Ау», «Разсвет», «Майя» — № 7) и статьи «Преображение жертвы. Солнечная мысль» (№ 8); «Мексиканская символика. Лепестки пламецвета» (№ 9 и 10).

[5] Новая книга, вероятно, «Хоровод времен», который изд-во «Скорпион» начало печатать в конце 1908 г. Очередной, третий том Собрания сочинений Э. По в переводе Бальмонта вышел в 1911 г. В 1908 г. «Скорпионом» были выпущены второй том Полного собрания стихов («Горящие здания») и третий («Будем как солнце»).

133. БАЛЬМОНТ — БРЮСОВУ

1908. (18/) 31 авг/уста). La Baule-Oeillets.

Валерий, если крылатый гений прихоти осенит тебя, приезжай [1] на несколько дней ко мне в Аллею Пронзенного Камня [2]. Отмеченное карандашом оконце — мое [3], а угловое окно ближе к глядящему может быть твоим — в Гвоздиках [4] есть свободная комната. Я пробуду здесь до 19-го или 20-го (сентября) *, затем дня 3 пробуду в Париже, а засим уезжаю в Италию [5], где сейчас [6] твои Occhi neri [2*], верно, не слишком зачарованы шумливой повторностью Южан.

Жму руку

Твой К. Бальмонт

ГБЛ. Ф 386, 76.1. Л. 44.

[1] Открытка Бальмонта до востребования в Биарриц, курорт близ Байонны на побережье Бискайского залива, куда по дороге в Сен-Жан де Люс намеревались заехать Брюсов с Иоанной Матвеевной.

[2] На открытке изображено авеню Pierre Pergée (т. е. аллея «Просверленного камня») в La Baule.

[3] Бальмонт отметил окно второго этажа дальнего дома, расположенного с левой стороны фотоснимка авеню.

[4] В переводе с французского Oeillets — гвозди́ки.

[5] Бальмонт отдыхал в La Baule с середины июля по 23 сентября 1908 г., после чего уехал сначала в Мюнхен, а затем в конце октября вместе с Е. К. Цветковской — в Италию (см. письма к Т. А. Полиевктовой — *ЦГАЛИ*. Ф. 57. Оп. 1. Ед. хр. 96. Л. 38—41).

[6] Лето 1908 г. Брюсов с женой провели в Италии, откуда в начале сентября они отплыли в Марсель на венгерском пароходе «Святой Лазарь» (см.: *Брюсов В.* За моим окном. М.: Скорпион, 1913. С. 33—48).

134. БАЛЬМОНТ — БРЮСОВУ

1908. (26 ноября/) 9 дек(абря). Флоренция [1].

Валерий, вчера вовсе соскучился, что так упорно молчишь, и послал тебе открытку с напоминанием моего адреса. А сегодня — твое письмо.

Хоть не люблю я зимний хлад,
Но Декабрю всегда я рад,
И хоть не майский твой привет,
Но твой приход всегда есть свет.

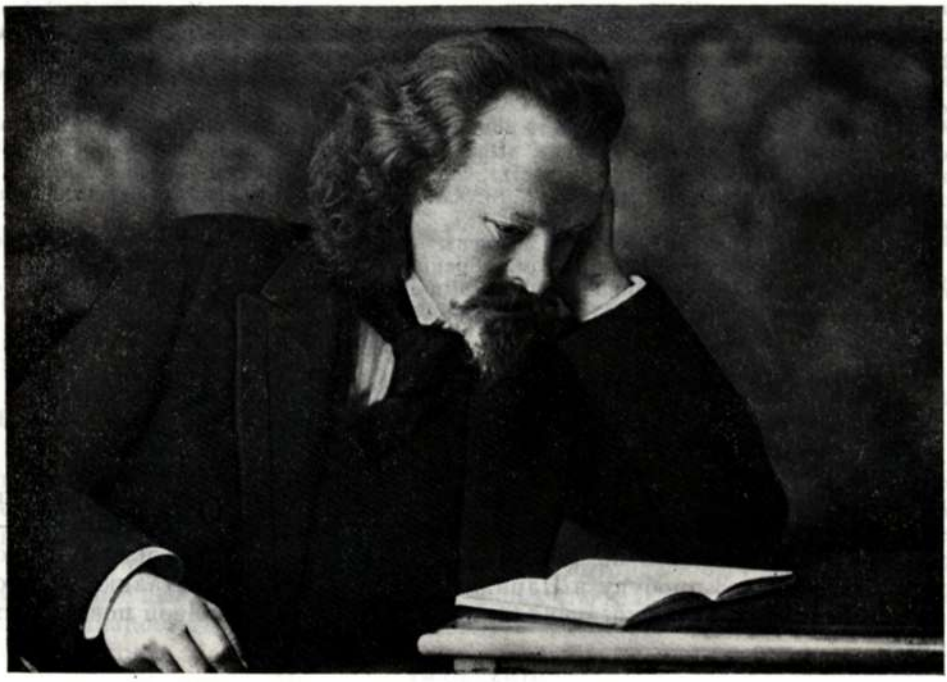
Напишу тебе подробно завтра. Пока — на предложения «Весов» отвечаю утвердительно [2], а тебе жму руку.

Искренно твой К. Бальмонт.

---

* *В автографе ошибочно:* «августе».

2* Черные глаза *(итал.)*.



К. Д. БАЛЬМОНТ
Фотография, 1915
Литературный музей, Москва

ГБЛ. Ф. 386, 76.1. Л. 43.

[1] Во Флоренции Бальмонт прожил с начала ноября почти до конца года.
[2] О предложении «Весов» см. п. 135.

135. БАЛЬМОНТ — БРЮСОВУ

Флоренция. 1908. ⟨28 ноября/⟩ 11 декабря.

Валерий, я долго ждал от тебя письма, и совсем было уже перестал ждать. Радостно было, наконец, получить весть от тебя. Отвечаю сперва на деловые запросы.

Мне тоже дорога судьба «Весов», и было бы крайне жаль, если б они прекратились [1]. Я с удовольствием буду участвовать в них и в 1909-м году. Посылаю три небольшие стихотворения. «Возвещенная», «Душа с душой» и «Все ближе» [2]. Это мои последние вещи, написанные здесь. Я стихов не писал все лето, и не предвижу, когда буду писать, и буду ли. Рассказов могу обещать три, небольшие. «На волчьей шубе», «Глаза в глаза» и «Пытка» [3]. Статей намереваюсь присылать, в том же роде, что присылал, довольно часто. Относительно «Писем из Испании» [4]. Я абсолютно ничего не помню, что я писал тебе тогда. Для меня они будут совершенною новостью, и я с удовольствием «даю» желанное тебе «согласие». Однако прошу непременно прислать мне корректуру. Кстати, возвращен ли автограф Рафаэлю Петруччи? [5] Я десять раз писал об этом Ликиардопуло, но безответно.

Ты очень далеко отошел от меня, со всей своею жизнью, Валерий, и я смутно чувствую твой голос в письме твоем, но не знаю, о чем ты говоришь. Если Норны [6] были тебе этою весною враждебны, они враждебны и мне, уж несколько весен и зим. К сожалению, превратности, изготовляемые Судьбою, вызывают, при повторности, лишь одно, наипустыннейшее, чувство: не тоску, не грусть, не отчаяние, а скуку. Мертвеннее этого чувства ничего не ведаю. А оно меня

часто посещало этим летом и этою осенью. Делаешь известные усилия, для известных целей. Делаешь их пять раз, 13, 20, 380.000, опрокинутое на бок 8, символизирующее Вечность [7], ну и баста. Теряется удовольствие раскрывать и закрывать глаза. Хочется воистину закрыть их на вовсе, и не пытаешься сделать это лишь потому, что сознаешь невозможность смертного покоя. Да, ведь там опять зашумит колесо вращающееся, и за нестройное, нестроительное самовольство это колесо еще резнет и сожмет и, может, изуродует надолго. Бери же, раб Египетский, тяжелый камень. Строй. Пирамида недовершена.

Впрочем, я не все время в таком настроении. Но — «вкушая, вкусих мало меду» [8].

О мелочах. Переводить, конечно, нужно всегда с подлинника. Но «Зовы древности» не перевод в точном смысле слова [9]. Я слышу там, в Отшедшем, многочисленные зовы, я отделен многими от них преградами, и, между прочим, незнанием Ассирийской грамоты и малым знанием Египетской и Ацтекской, но нечто я там точно и ясно слышу. Я даю отклик. Пусть, кто может, даст более точный и звучный отклик. Согласись, однако, что до этой книги мало кто ведал об «Исповеди Отрицающейся» [10], и «Начикетас» [11], и Мексиканских гимнах [12] (которые переданы с дословною точностью, несмотря на клеветы малограмотного Философова) [13]. Повторяю, это не перевод, это впечатления поэта от тех созданий, которые в незаслуженной забытости. Я верю, что кому-то я бросаю тут нить.

В «Зеленом Вертограде» (я написал его в зачарованные часы) множество опечаток. Это — отчаяние. Вина — жандармы, похитившие из типографии Кушнерева корректуры. Посылаю тебе список погрешностей [14]. Пожалуйста, исправь в своем экземпляре.

Ты думаешь, что я несправедлив к Белому. Нет, Валерий, справедлив. Он мне бывает дорог, когда он достоин влечения. А он часто бывает этого достоин (или бывал) [15]. Но зачем не совестится он быть наглым, именно наглым, в своих статьях? Зачем он носит маску журналиста? И не замечает, что журнализм (а эта болезнь именно для поэта опасна, он же настоящий поэт) мало-помалу опаутинил всю его душу, и что уж в «творчество» его он вошел. Был светлоглазый красивый поэт, деликатнейший, стал же «неистово шумящий на помосте» крикливый журналист. За все время его слюнобрызжущей брани он создал лишь одну хорошую формулу. И боюсь, ежели он «незапно» отойдет, эпитафия его будет такова: «Здесь покоится он, возвестивший Обозную Сволочь [16] (Писал и стихи)».

Как там душно у вас, Валерий. Да, мне радостно было услышать твои слова в конце письма, и я принимаю их. Если б я был там, если б рука с рукой мы шли как когда-то, наше сиянье сделало бы многое невозможным. Быть может, это еще и будет. Быть может, мы еще раз в жизни сойдемся, как когда-то, близко и лучисто. То, что сейчас кругом в Москве и во всей литературной России, ведь хуже гораздо, многократно, даже той низости, которая была и против которой мы так смело боролись, когда мы оба только начинали наш путь. Я не вижу исхода из этой разлагающейся, но живучей профанации. Совершенно верно. Аукцион. По пятаку за идею. На пергаменте — адрес сводни. Стих Бодлэра — на пивной кружке.

Я, презирая Итальянцев и не особенно любя Французов [17], все же не хотел бы сейчас быть в Москве. Завидую тебе лишь в одном: ты видишь падающий снег и слышишь скрип санок. Мое сердце сжимается, когда я об этом думаю.

Кстати, от Итальянцев я бегу. С 20-го декабря мой адрес: Париж, Пасси, 60, улица Башни.

Напиши мне больше о себе, Валерий. Я часто дивлюсь негодующе на твою «рациональность», и нередко мне кажется, что какие-то тени между нами, но одно твое дружеское слово уничтожает эти тени. Через строки последнего твоего письма я чувствую, что все еще я дорог тебе, и говорю: я люблю тебя по-прежнему. Всегда твой К. Бальмонт.

P. S. А ты, быть может, все-таки безумен, хотя еще этого не знаешь.

ГБЛ. Ф. 386, 76.1. Л. 45—50.

[1] Вернувшись из поездки по Италии и Франции, Брюсов писал Н. И. Петровской 8/21 ноября 1908 г.: «Здесь, в Москве, нашел я страшный разгром всего того дела, которое привык считать своим. "Весы" медленно погибали и должны были прекратиться к январю (. . .) Я решил бороться во что бы то ни стало. Я решил в 1909 г. так или иначе, но издавать "Весы" или другой журнал и удержать за своими идеями в литературе то место, какое им надлежит» (*ЛН*. Т. 85. С. 794).

[2] Все три стихотворения опубликованы в «Весах» (1909. № 1).

[3] Рассказы анонсировались «Весами» на 1909 г., но не были опубликованы. О судьбе рассказа «На волчьей шубе» см. п. 163, прим. 3.

В неподписанной хроникальной заметке «Книги и писатели» сообщалось: «Бальмонт, живущий теперь во Флоренции, написал целый ряд рассказов, отчасти бытовых, которые он вскоре выпускает отдельным сборником. Кроме того он пишет большой роман из современной русской жизни. Вместе с тем Бальмонт готовит сборник народных песен разных стран, переводит скандинавскую "Эдду", океанские и мексиканские легенды и предания, "Книгу пути благого чаровань" древнейшего китайского мудреца Лаотзы, литовские преданья и т. д.» (Новая Русь. 1908. № 135. 30 дек.).

[4] По всей видимости, речь идет о поездке в Испанию летом 1907 г. Частично впечатления от этой поездки отражены в статье Бальмонта «С Балеарских берегов. Путевая паутинка» (*ЗР*. 1908. № 7—9), позже вошедшей в сб. «Морское свечение» (СПб.; М.: Изд. т-ва М. О. Вольф, 1910). Письма Бальмонта к Брюсову из Испании в «Весах» не публиковались, и местонахождение их в настоящее время неизвестно.

[5] Рафаэль *Петруччи* — ученый и писатель, живший в Брюсселе. Бальмонт познакомился с ним в октябре 1907 г. (см.: Весы. 1908. № 5. С. 80). Возможно, что речь идет о двух письмах Шарля Ван Лерберга (от 15 мая и 21 июня 1904 г.) к Петруччи. Копии их сохранились в архиве Брюсова (*ГБЛ*. Ф. 386, 47.24. Л. 3, 4).

[6] В скандинавской мифологии младшие божества, определяющие судьбы людей.

[7] В стихотворении Бальмонта «Числа» (Зарево зорь. М.: Гриф, 1912. С. 130) говорится:

Ты знаешь: 8 есть число
Того, чье имя — Вечность.
Направь ладью, возьми весло,
Путь чисел — бесконечность.

[8] Цитата из Библии (Первая Книга Царств, 14, 43).

[9] Жанр книги «Зовы древности. Гимны, песни и замыслы древних» довольно точно определяет сам Бальмонт в статье «Забытые сокровища»: «Переводя эти Египетские песни на русский язык, я даю не переводы в научном смысле, а скорее перепевы их» (*СЦ 1911*. С. 9).

[10] «Исповедь Отрицающаяся» — молитвенное песнопение из «Книги Мертвых». В примечании к «Зовам древности» (с. 196) Бальмонт так характеризует ее смысл: «В чертоге сидят или стоят 42 бога, к каждому из них обращается отошедший и дает отрицательный ответ,— если он может дать отрицательный ответ,— на каждый из 42-х основных вопросов, сводящих в одно целое этические представления Египтян».

[11] Раздел «Зовов древности» — «Упанишады. Сказанье о Начикетасе» (с. 93—109).

[12] В «Зовах древности» приведено переложение 13 мексиканских песен-легенд (с. 37—49).

[13] В газетном фельетоне «Тилили» Д. Философов писал о сб. «Зовы древности»: «Бальмонт поэт талантливый. Он пел когда-то, как птица, и пение его услаждало наш слух. Но он не довольствуется званием поэта-птицы. Ему хочется поучать и насаждать в нашем некультурном обществе высшую культуру (. . .) Я не был в Мексике, не знаю поэзии океанских дикарей и с Перуанскими богами не знаком, и, тем не менее, утверждаю, что бальмонтовские «зовы» — работа вовсе не культурная, никакого знакомства с мировой литературой она не дает, что она способна лишь отвратить читателя от литературы вообще и древности в частности...» (Слово. 1908. № 514. 20 июля).

[14] По поводу сборника «Зеленый вертоград. Слова поцелуйные» (СПб.: Шиповник, 1909) автор писал Т. А. Полиевктовой 12 ноября 1908 г.: «Вертоград» напечатан изумительно плохо. Если увидите Гржебина, пожалуйста, скажите ему, что это он сделал с книгой, продержав ее целый год: там свыше тридцати опечаток. Это прямо вопиющая наглость. И обложка идиотская. Уж этот Билибин» (*ЦГАЛИ*. Ф. 57. Оп. 1. Ед. хр. 96. Л. 44). Во втором, «скорпионовском» издании (М., 1911) эти опечатки были исправлены, поэтому приложенный список исключен из настоящей публикации. Опечаток в своих текстах Бальмонт не терпел. После небрежного набора его стихов в газете «Русская воля» он писал 21 октября 1917 г. Л. Н. Андрееву: «Так нельзя. Для меня одна опечатка убивает стихотворение. Итак, предупреждаю: если будут опечатки, я сотрудничать в "Русской воле" не могу» (*Бальмонт К*. Стихотворения. Л., 1969. С. 608).

[15] Е. А. Бальмонт пишет об отношении мужа к Белому: «С Андреем Белым он не был близок, хотя ставил его очень высоко, как поэта и мыслителя. А в юности был им и его стихами совершенно очарован. Бальмонт познакомился с ним у Брюсова в 1904 г., когда Андрей Белый впервые появился в кружке поэтов. Мне Андрей Белый всегда был чужд. „Как может он не нравиться",— восклицал Бальмонт с негодованием. „Его стихи и мысли гениальны, а сам он такой красивый и изящный"» (*ЦГАЛИ*. Ф. 57. Оп. 1. Ед. хр. 133. Л. 68).

[16] В статье «Вольноотпущенники» Андрей Белый писал: «Воистину — обозная сволочь

эти эпигоны символизма, не родившиеся в недрах движения, а присоединившиеся извне в тот момент, когда терять им решительно нечего» (Весы. 1908. № 2. С. 72, подпись — Борис Бугаев).

[17] «Современные Французы и вообще современные Европейцы очень напоминают стрёльдбрёгов гениального Свифта, которому, в его презрении к людям, так хорошо приснилось "Путешествие в Лапуту". Это люди, лишенные благодеяния смерти, символ вечной старости ⟨. . .⟩ Упрямые, завистливые, суетные, они — тусклые призраки, ходячие проклятия» (*Морское свечение.* С. 16).

136. БАЛЬМОНТ — БРЮСОВУ

⟨Париж.⟩ 1909. ⟨14/⟩ 27 м⟨а⟩рт. Пасси, 60, ул. Башни.

Валерий, ты просил меня о постоянном сотрудничестве в «Весах» на 1909-й год [1]. Однако же — из посланного тебе мною — ничего не вошло во 2-й № (как объявлен он) [2]. Объясни, пожалуйста, мне, что это значит. Не согласишься ли также ты с тем, что не отвечать на несколько писем,— каковы бы ни были события личной жизни,— есть просто невежливость?

К. Бальмонт.

ГБЛ. Ф. 386, 76.2. Л. 1.

[1] См. п. 135, прим. 1.

[2] Из текста письма видно, что в середине марта (по старому стилю) еще не вышел февральский номер журнала. В последний год существования «Весов» такие сбои стали обычным явлением. «Положение дел в "Скорпионе" и в "Весах" довольно плачевное,— жалуется Брюсову С. А. Поляков 1 октября 1909 г.— № 8 еще не выходил, для № 10 не набрано еще ни строчки, набрана половина № 9» (*ЛН.* Т. 85. С. 307). Содержание номеров определялось необходимостью исчерпать редакционный портфель, но сделать это не удалось. В номерах 2—12 «Весов» за 1909 г. появилось единственное стихотворение Бальмонта — «Левкайония» (№ 10—11) с подзаголовком: «При посещении с Валерием Брюсовым "Musée Guimet" 7 октября 1909 года», а также стихотворный перевод трагического символа в одном действии «Ваятель масок» (№ 5) бельгийского драматурга Фернана *Кроммелинка* (1888—1970).

137. БАЛЬМОНТ — БРЮСОВУ

(Париж.) 1909. ⟨4/⟩ 17 апреля. Пасси.

Валерий, дружба не измеряется, но все же дружба сказывается, и не только в словах, изреченных или начертанных, и не только в том безгласном священном горении к отсутствующему, которое, знаю, у тебя есть ко мне, как есть у меня к тебе,— она сказывается и в маленьких-маленьких внешностях. И зачем, Валерий, ведая все о «Весах» еще в начале января [1], ты умалчивал об этом мне в течение двух месяцев? Скажи, неужели же это так, как быть должно? Мне сейчас не за себя больно, а за тебя, бескорыстно и отдаленно, ибо я к тебе не молчал бы (ежели можно так выразиться). И я доселе не знаю, желательно ли мое сотрудничество в «Весах», и почему там хранят бестиальную * позу небрежности по отношению ко мне. Это уж потрудись разъяснить мне. Ты просил меня о сотрудничестве на 1909-й год, ты и разъясни мне все в точности. Мое терпение поистине также имеет границы.

Я в начале здешнего мая уезжаю из Парижа. Буду блуждать около Атлантики [2]. Быть может, встретимся? Или ты не собираешься сюда?

За 3-й том спасибо, и за надпись обнимаю тебя [3]. Я не смешиваю ничего с тем отношением к тебе, которое во мне измениться не может. Лампады негасимые не гаснут. Но, Валерий, как много налетает дорожной пыли на священные наши башни, где горят эти лампады. Что-то должно быть свершено. Резкое, действенное. И поздний час торопит нас.

Мне не любо, что ты со своими стихами делаешь некую академию [4]. Или они вовсе умерли для тебя? Ты формализируешь свое прошлое, которое, однако же, еще не прошло. Что до меня, я буду упорствовать в самом себе, а на все

* Скотскую *(от франц. слова* «bestial» — скотский).

иное гляжу или из подземелья или с высокой башни, но в одной плоскости с людьми и миром не буду.

До свиданья. Птицы поют по-весеннему. Солнце зовет. Обнимаю тебя дружески и жду скорого письма. Да?

Твой К. Бальмонт.

ГБЛ. Ф. 386, 76.2. Л. 2—3.

[1] См. наст. том, кн. 2, Переписка с Б. А. Садовским. Приложение 1, прим. 110; Переписка с С. А. Поляковым. Вступ. ст. Н. В. Котрелева.

[2] См. п. 140.

[3] Очевидно, Брюсов прислал Бальмонту третий том «Путей и перепутий», выпущенный «Скорпионом» в 1909 г.

[4] В предисловии к 1-му тому «Путей и перепутий» Брюсов писал: «Я избегал исправлять свои юношеские стихи, зная, как опасно переделывать художественные произведения, созданные при господстве совершенно иных взглядов и переживаний (. . .) Но я считал необходимым внести в текст те изменения и дополнения, которые были мною сделаны в различных стихотворениях вскоре после их напечатания» (*Брюсов В.* Пути и перепутья. М.: Скорпион, 1908. Т. 1. С. VIII). Эти переделки не могли получить одобрения Бальмонта, поскольку его отношение к опубликованным произведениям было совершенно иным. Е. А. Бальмонт вспоминала: «Когда друзья Бальмонта, поэты, чьим мнением он дорожит, замечают натянутость какой-нибудь рифмы или банальность эпитета, портящие, по их мнению, прекрасное стихотворение, Бальмонт молчит, не соглашается и не спорит, но никогда ничего не переделывает в раз написанном стихотворении» (*ЦГАЛИ*. Ф. 57. Оп. 1. Ед. хр. 133. Л. 84). Впоследствии спор поэтов по этому вопросу вылился в газетную полемику (см. п. 167 и прим. 2 к нему).

138. БАЛЬМОНТ — БРЮСОВУ

(Париж.) 1909. (13/) 26 апреля. Пасси.

Валерий, я получил все твои письма (и то Петербургское) [1], также как Екатерина Алексеевна получила письмо от Нины Ивановны. Спасибо. Е. А. в таких непрестанных хлопотах, что не смогла еще ответить Н. И. (которой, между прочим, прошу передать мой сердечный привет).

Мне хочется покончить с деловыми разговорами. Но решаюсь беспокоить тебя еще раз. Никакого подробного письма из «Весов» или «Скорпиона» я не получал. Сергей Александрович сказал неправду. Или Ликиардопуло сказал ему неправду. Ибо, конечно, письмо не пропало. Пропадают лишь те письма, которые написаны в голове и не отправлены по почте. Пожалуйста, спроси, что это значит: я до сих пор не получил ответа о своих книгах [2], я до сих пор не ведаю, когда мне будут уплачивать то, что они должны выплачивать, я до сих пор не получил ни одного экземпляра «Хоровода времен» (и не видел еще этой книги), равно как ни одного экземпляра 1-го тома, и лишь по одному экземпляру 2-го и 3-го тома [3]. Я до сих пор не знаю, будет ли Поляков печатать «Ваятеля масок» Кроммелинка [4], и, если не будет, то почему он доселе не отослан (как я просил) Семену Владимировичу Лурье (в «Русскую мысль»), который просил «Ваятеля» еще когда был здесь в Париже [5]. Я до сих пор не знаю, возвращен ли автограф Рафаэля Петруччи [6] по принадлежности (Брюссель, улица Элисейских Полей, 55). Я не знаю также, к кому обращаться, ибо не отвечают ни на заказные письма, ни на телеграммы.

Не откажись оказать мне услугу, и выясни все это. Последнее письмо я получил от Ликиардопуло уже давно (более 2-х и даже 3-х недель), но в нем не было никаких деловых сообщений, а лишь ссылки на личные обстоятельства, помешавшие быть аккуратнее. Была также обманная телеграмма, что книги и отчет посланы, но они не были посланы. (Телеграмма — месяца полтора тому назад,— с Северного полюса давно пришло бы посланное.)

Ну, вот. Буду ждать.

Валерий, мне очень хотелось бы увидеть тебя. И мне кажется, это легко устроить. Как только я завершу зимние работы (а это случится очень скоро), я отдохну немного в Париже и засим уеду в Бретань и в другие приморские места. Точный адрес тебе своевременно дам (пока, неопределенно, мой адрес тот же, Парижский). Быть может, ты приедешь к Морю? Мне кажется, что вол-

ны и Солнце снова сблизили бы наши души, которые никогда не разлучались в лучшем своем.

И клинок о клинок,—
Сколько искр! Сколько строк! [7]

Ах, тоскую, тоскую о вольности ритмических часов и дней и полночей. И о блеске глаз, загорающихся от яркой мысли. Прощай. Обнимаю тебя братски.

Твой К. Бальмонт.

P. S. Я не посылал тебе «Вертограда», ибо думал, что он тебе не понравится [8]. «Хоровода (*же*) времен» и «Из чужеземных поэтов» [9], увы, доселе в глаза не видал.

Н. И. ПЕТРОВСКАЯ

Фотография Фихенвальда. Москва, 1900-е годы

Центральный архив литературы и искусства СССР, Москва

ГБЛ. Ф. 386, 76.2. Л. 4—5.

[1] Первые три недели марта 1909 г. Брюсов провел в Петербурге с Н. И. Петровской. Очевидно, в это время он послал Бальмонту письмо, которое не сохранилось.

[2] Бальмонт просил «Скорпион» прислать ему продажную ведомость о количестве раскупленных томов Полного собрания стихов, определявшую сумму выплачиваемого гонорара. 2 ноября 1909 г. он писал Полякову: «Сергей, я так и не имею обещанного Ликиардопуло листка отчетного по моим томам. Весьма прошу о нем и должен, наконец, его иметь. Листок этот был обещан еще год тому назад» (*Ежегодник 1978*. С. 12).

[3] Издательством «Скорпион» в начале 1909 г. был выпущен сб. «Хоровод времен» в качестве 10-го тома «Полного собрания стихов». В том же году вышел первый том этого же собрания, куда вошли сборники «Под северным небом» (3 изд.), «В безбрежности» (4 изд.) и «Тишина» (3 изд.). В 1908 г. были выпущены в качестве второго тома сб. «Горящие здания» (3 изд.) и в качестве третьего — «Будем как солнце» (3 изд.).

[4] См. п. 136, прим. 2. Позднее «Ваятель масок» вышел отдельным изданием (М., Кн-во К. Ф. Некрасова, 1912). Перевод Фернана Кроммелинка на русский язык был одобрен Э. Верхарном (*ЛН*. Т. 85. С. 588).

[5] 26 апреля 1909 г. Бальмонт писал по этому же поводу Т. А. Полиевктовой: «История эта с "Ваятелем" прямо фантастическая. Еще зимою мне должен был быть дан ответ, положительный или отрицательный ответ. Но ни звука. До бессовестности самой беспардонной. Между тем Лурье уже трижды спрашивал меня об этой драме, и она успела бы уже появиться в „Русской мысли"» (*ЦГАЛИ*. Ф. 57. Оп. 1. Ед. хр. 96. Л. 58).

[6] См. п. 135, прим. 5.

[7] Бальмонт так описывал свои отношения с Брюсовым: «Мы с ним скорее встречались тогда, помнится ⟨. . .⟩ как встречались когда-то александрийские спорщики: чтобы поиграть рапирами слов и кинжалами понятий, блеснуть, проблистать, переблестеть, завлечь, усмехнуться, уйти» (*Морское свечение*. С. 197).

[8] Опасения Бальмонта не оправдались. Брюсов доброжелательно оценил «Зеленый вертоград». Он писал в рецензии: «Бальмонт снова нам дал прекрасную книгу. "Зеленый вертоград" — новая веха в блужданиях Бальмонта "по всем мировым полям". Как в "Жар-птице", как в "Птицах в воздухе", как в "Зовах древности", Бальмонт и в "Вертограде" отправляется от чужого творчества, притом творчества народного, старается перенять его свойства, передать его красоту, воспроизвести его создания. И, на этот раз, Бальмонту более или менее удается его замысел: чужое творчество повторяется, отражается в его поэзии, как „небо в реке убегающей"» (VI, 270).

[9] Сборник переводов Бальмонта «Из чужеземных поэтов» выпущен книгоиздательским товариществом «Просвещение» (СПб., 1909).

139. БРЮСОВ — БАЛЬМОНТУ

Москва. 19 апр(еля/) 2 мая 1909 г.

Дорогой Константин!

Спешу Тебе ответить, чтобы мое письмо еще застало Тебя в Париже [1].

Все, что Ты сообщаешь об отношении к Тебе конторы «Весов», ужасно, даже чудовищно. Но, должен сознаться, что удивить — меня Твое письмо не удивило. Почти то же писали мне раньше З. Гиппиус [2], Н. Лернер [3], А. Элиасберг [4] и другие. Наконец, я сам испытал нечто подобное, когда жил в Петербурге [5]. Помнится, я уже рассказывал Тебе, как я написал в «Весы» пять писем (два — Сергею Александровичу, три — Ликиардопуло) и получил в ответ одно, подписанное нашим Василием [6]. Отношение к сотрудникам в «Весах» и в «Скорпионе» похоже на отношение к пиратам или, точнее, (ибо с пиратами ведется открытая и порою красивая борьба) на отношение какой-то высокой особы к надоедливым просителям.

Ты возразишь мне не без основательности, что в таких отношениях к сотрудникам повинен и я, так как в течение многих лет состоял в числе администраторов «Весов». Здесь начинается та моя правота, в которой вот уже пять лет я никак не могу убедить ни близких людей, ни далеких. Устно, письменно и печатно уверяю я всех, что «Весы» никогда не были «моим» журналом, и никто мне не верит. Даже в области чисто-редакционной я никогда не имел возможности делать вполне то, что хотел. (Примеры: я не мог пригласить в сотрудники Ремизова [7], я должен был печатать Жана де Гурмона [8], я не был уведомлен об исключении из числа сотрудников С. Городецкого [9] etc, etc). В области же конторской я был совершенно безвластен и должен был только исполнять решения Сергея Александровича. На все мои попытки реформировать контору «Весов» мне указывали довольно определенно, что это не мое дело. Во время отсутствия Сергея Александровича из России полная официальная доверенность на ведение всех дел, получение денег и т. д. была дана не мне, а М. Ф. Ликиардопуло [10]. И если я в чем-либо виноват, то только в том, что покрывал своим именем все разные неправосудности, которые у нас творились.

Одной из внутренних причин моего окончательного уклонения от дел в «Весах» и было то, что я не мог более сносить спокойно безурядицы, царящей у нас. Я знаю с достоверностью (это, конечно, должно остаться строго «между нами»), что все лица, имеющие прикосновенность к кассе «Весов» и «Скорпиона»,— пользуются ею самым свободным образом, произвольно увеличивая свое вознаграждение в 5 и 6 раз. *Я не сомневаюсь*, что типография, благодаря отсутствию контроля, *получает всякий незаконный профит* (печатая, например, лишние экземпляры моих и Твоих книг, продавая их в свою пользу и лишая нас нашего дохода). Я убежден, что «Весы» *при нормальном ведении дел после 5 прошедших лет не были бы убыточной статьей, но давали бы прибыль*... И, однако, все это не так, «Весы» дают Сергею Александровичу убыток в 6—7 тысяч в год, касса расхищается, разные люди наживаются, а сотрудникам платят минимальные гонорары [11], да и те только после слезных и долгих просьб, как милость. Клянусь, я устал смотреть на это; я жертвовал всем, вплоть до своего доброго имени, чтобы продолжать, сколько мог, руководить «Скорпионом», но больше не могу.

Прости все эти вопли по поводу Твоего письма. Не считаю их лишними. Во-первых, мне хотелось объяснить Тебе мое отношение ко всем этим делам; во-вторых, они выяснят Тебе Твое отношение к ним. Что же касается, в частности, Твоих дел, я немедленно по получении Твоего письма написал Сергею Александровичу. Может быть, мое письмо уже произвело свое действие, но я, кроме того, постараюсь добиться у Сергея Александровича аудиенции (что не легко, впрочем) и прочту ему Твое письмо in extenso *. О том, что он мне ответит, извещу немедленно.

---

* полностью *(лат.)*.

В «Русской мысли» Ты найдешь мою рецензию на «Хоровод времен» [12]. Писал я, по обыкновению, то, что думал. Если там есть упреки (и, сознаюсь, жестокие) Тебе, то есть и любовь к Тебе [13], в которой сознаюсь открыто и ясно, так что узнают о ней все. Во всяком случае думаю, что эта моя статья не огорчит Тебя больше, чем другие [14], и больше, чем огорчили меня Твои строки о «Огненном ангеле» [15]. Наши критические статьи, конечно, позабудутся; наши стихи останутся жить, «доколь славянов род вселенна будет чтить» [16].

Все прошлое лето пропутешествовал я по Европе [17] (был в Австрии, Италии, Франции, Испании, Бельгии, Германии — везде останавливался и что-то наблюдал). Может быть, *(текст отрезан)* проведу в Риме [18]. Но 1910 год, если буду жив, почти весь проведу за рубежом [19] — это решено [20].

ГБЛ. Ф. 386, 69.26. Л. 37—38.

Над машинописным текстом письма Брюсов пометил: «Черновое. Подлинник изменен». На оборотной стороне листа имеется рукописный вариант концовки, продолжающий машинопись после слов «уклонения от дел в "Весах" и было то, что я...». Он, как более поздний, принят вместо машинописного. К сожалению, рукопись Брюсова в некоторых местах весьма неразборчива, а поэтому в расшифровке возможны неточности и ошибки.

[1] См. п. 138.

[2] Жалобу З. Гиппиус на контору «Весов» в 1909 г. подтвердить по ее письмам не удалось.

[3] 2 марта 1909 г. Н. О. Лернер писал Брюсову: «Не сердитесь, дорогой Валерий Яковлевич, что напоминаю Вам о Вашем обещании взять для меня в конторе "Весов" "презренный металл". Как раз теперь я наименее могу его презирать» (*ГБЛ*. Ф. 386, 92.15. Л. 28). А 14 апреля он повторяет свою просьбу: «Что же контора "Весов" не выдает денег за мое январское сообщение? Поторопите-ка их» (Там же. Л. 30).

[4] Александр Самойлович *Элиасберг* (1878—1924) — немецкий переводчик, выходец из России. Переводил Пушкина, Гоголя, Л. Толстого, а также многих русских символистов, публиковал в „Весах" обзоры немецкой литературы (за подписью А. Э.). 2 марта 1909 г. И. М. Брюсова писала мужу о том, что на 30 вежливых писем Элиасберга, адресованных им в «Весы» с просьбой о высылке гонорара, он не получил ни одного ответа. Она приводит отрывок из его письма: «Это упорное неотвечание...— прямо оскорбительно, и я не могу истолковывать его иначе, как несколько грубый намек на то, что мое дальнейшее сотрудничество нежелательно» (*ГБЛ*. Ф. 386, 145.23. Л. 3, 4об.). Брюсов в ответ на это сообщение 4 марта просил жену: «Пошли в "Скорпион" и письмо А. Элиасберга: оно к ним, а не ко мне» (*ГБЛ*. Ф. 386, 69.6. Л. 13), написав 12 марта 1909 г. Элиасбергу: «В настоящее время я не более как один из сотрудников журнала и потому на все Ваши вопросы не могу дать никакого определенного ответа. Однако я ни в коем случае не думаю, чтобы молчание новой редакции означало "нежелание" иметь Вас в числе участников, как Вы это предполагаете. Вероятно, это просто — извинительная небрежность. Немедленно по получении Вашего письма (дня три тому назад) я написал в "Весы", побуждая их ответить Вам тотчас же» (*Лазарев В. А.* Из истории литературных отношений первой четверти двадцатого столетия // Учен. зап. Моск. обл. пед. ин-та им. Н. К. Крупской. Т. CXVI; Очерки по истории советской лит-ры. М., 1962. Сб. 3. С. 116). 15/28 марта 1909 г. Элиасберг благодарит Брюсова: «Спасибо за письмо. "Весы" тем временем извинились (хотя денег все еще не прислали)» (*ГБЛ*. Ф. 386, 109.43. Л. 16).

[5] См. п. 138, прим. 1.

[6] О В. А. Куриникове см. наст. том, кн. 2, Переписка с Садовским. Приложение 1, прим. 35. Небрежность, допущенная конторой «Весов» по отношению к Брюсову, послужила причиной конфликта между ним и С. А. Поляковым. 11 марта 1909 г. Брюсов жаловался в письме к жене: «От "Скорпиона" получил сегодня письмо за подписью... Василия! — Негодяи! — Я послал письмо обратно» (*ГБЛ*. Ф. 386, 142.12. Л. 11об.). Объяснения Полякова по этому поводу изложены им в письме к Брюсову (см. наст. том, кн. 2, Переписка с Поляковым, п. от 13 марта 1909 г.). Однако Брюсов остался неудовлетворенным ими. 14 марта он сообщал жене: «От С. А. Полякова я получил письмо с извинением, однако очень полемическим. Нет, не наладятся у меня отношения с ним» (*ГБЛ*. Ф. 386, 142.12. Л. 15об.).

[7] См. наст. том, кн. 2, Переписка с Ремизовым. Вступ. ст. А. В. Лаврова.

[8] Жан де *Гурмон* (1877—1928) — французский беллетрист, поэт и критик, сотрудник «Весов». Брюсов более высоко ценил творчество его брата — Реми де Гурмона. Но полагал, что и тот не должен слишком часто публиковаться в журнале. Еще в начале существования «Весов» в ответ на предложение М. Н. Семенова заполучить статью Реми де Гурмона о французском романе Брюсов отвечал 19 ноября 1904 г.: «Имена Метерлинка, Реми де Гурмона, Гофмансталя, разумеется, соблазнительны. Но не надо забывать, что "Весы" — русский журнал. Что хорошего будет, если большая половина наших статей будет переводами, хотя бы и с рукописей» (*ЛН*. Т. 85. С. 274). Жан де Гурмон поместил в «Весах» четыре заметки.

[9] 3 ноября 1908 г. Брюсов писал Вяч. Иванову: «Исключение Городецкого из числа сотрудников было сделано без моего ведома. Считаю эту меру неуместной и нетактичной. Статья его, подававшая к тому повод, была просто глупая, мальчишеская статья, на которую не стоило обращать внимания» (*ЛН*. Т. 85. С. 512). В статье С. М. Городецкого «Глухое вре-

мя» давалась такая характеристика «Весам»: «Журнал культурный, в подписчиках считает двух папуасов и эскимоску, сотрудничают в нем, кроме "своих", два Рене, один Гиль, два Гурмона и еще всякие лорды и греки» (*ЗР*. 1908. № 6. С. 69). Раздраженные С. А. Поляков и М. Ф. Ликиардопуло без согласия Брюсова исключили Городецкого из списка сотрудников «Весов».

Летом 1908 г. Ликиардопуло поставил Брюсова в известность об этом post factum: «Случилась следующая оказия. В последнем "Руне" очередная бранная статья против "Весов" подписана "Городецким" (. . .) Посоветовавшись с Сергеем Александровичем, я написал Городецкому письмо, в котором сообщил ему, что "Весы", не желая ставить его в неловкое положение — работами в одном органе с сотрудниками, которые не имели счастия родиться его компатриотами, и под редакторством "редактора, печатающего циничные глупости" и неоднократно печатавшего произведения того же Городецкого, как в отделе беллетристики, так и в критическом,— принуждены отказаться от напечатания цикла его стихов и от дальнейшего его сотрудничества. Думаю, что и Вы одобрите эту меру» (*ГБЛ*. Ф. 386, 92.22. Л. 24).

По всей видимости, точка зрения Брюсова была иной, так как в письмах от 27 августа и 9 сентября 1908 г. Ликиардопуло продолжает настраивать Брюсова против Городецкого и доказывать, что предпринятый шаг был необходим (Там же. Л. 27, 35об.). Конфликт Городецкого с «Весами» отражен в газетной полемике (Новая Русь. 1908. № 4. 19 авг.; № 9. 24 авг.; № 10. 25 авг.).

[10] См. наст. том, кн. 2, Переписка с Садовским. Приложение 1, прим. 81.

[11] И. А. Бунин, не всегда, правда, объективный в своих оценках периода эмиграции, вспоминает: «"Скорпион" существовал (под редакцией Брюсова) на деньги некоего Полякова, богатого московского купчика, из тех, что уже кончали университеты и тянулись ко всяким искусствам, человека еще молодого, но истрепанного, лысеющего, с желтыми и почему-то всегда мокрыми усами (. . .) со мной он оказался скупее Плюшкина: пришел ко мне с Брюсовым для переговоров чуть не утром, а ушел только вечером — все торговался, все сбивал цену и таки добился того, что я махнул рукой и отдал ему книгу всего за триста рублей (. . .) "Скорпион" вообще не баловал своих сотрудников гонорарами. Помню, как однажды горестно пел Вячеслав Иванов: — Знаете, сколько получил я от Полякова за свою последнюю книгу? увы, всего пятьдесят рублей!» (*Бунин И. А*. Собр. соч.: В 9 т. М., 1967. Т. 9. С. 291).

[12] См.: *РМ*. 1909. № 4.

[13] В рецензии Брюсов писал: «Многие стихотворения сборника не более как перепевы иных, счастливых созданий Бальмонта ("Песня звезды", "Оахака", "По морскому", "Стрела"). Язык стихов часто неряшлив, выражения лишь намекают на то, что хотел сказать поэт, форма стихотворений часто случайна или шаблонна (. . .) Несмотря на все это, в "Хороводе времен" дарование Бальмонта местами загорается ярким светом, и вдруг воскресает перед нами прежний Бальмонт, певец Арион, чарующий своим напевом морские волны и морских чудищ» (VI, 280).

[14] Рецензии на «Хоровод времен» появились в «Современном мире» (1909. № 4 — В. М. Волькенштейн), в газете «Речь» (1909. № 59. 2 марта — А. А. Блок) и других изданиях. Все они были весьма резкими. Приводим в качестве примера неподписанный газетный отзыв: «Теперь сборники бальмонтовской поэзии появляются, нисколько не нарушая тишины и спокойствия в литературном мире. Так как стало уже общеизвестным, что в любом из них девяносто пять стихотворений из ста порождены трудолюбием Бальмонта, и только пять — поэтической душой его. Таков и десятый том его стихотворений, выпущенный на днях в Москве „Скорпионом" и озаглавленный несколько широко и многозначительно: "Хоровод времен". И тут, откидывая в сторону 95 процентов балласта, состоящего из искусственных и тяжелых рифмованных строф, находишь несколько легких и сверкающих цветами радуги жемчужин, на которых как бы выгравировано имя настоящего Бальмонта» (Новая Русь. 1909. № 14. 15 янв.).

[15] Бальмонт писал в статье «Наше литературное сегодня»: «Я уже не говорю о совершенно ничтожных его рассказах и о компилятивном его романе, где он даже и Мережковского не может досягнуть» (*ЗР*. 1907. № 11—12. С. 62). См. также п. 155 и 158.

[16] Цитируется 8-й стих «Памятника» Г. Р. Державина.

[17] Брюсов выехал из Москвы 24 июля 1908 г., а вернулся в конце октября.

[18] Летом 1909 г. Брюсов путешествовал по Германии, Швейцарии, Франции, Бельгии, но в Италии в тот сезон он не был.

[19] Лето 1910 г. Брюсов провел в имении Белкино по Брянской железной дороге и не выезжал за границу.

[20] Рукописный вариант не подписан. Скорее всего, подпись была такая же, как и в машинописном варианте окончания письма, который приводим ниже: «...профит, печатая лишние экземпляры издаваемых книг, например, моих и твоих. Я был убежден, что "Весы" при правильном ведении дела после 5 лет должны были давать издателю доход, а не убыток. Но я тщетно, хотя и многократно, обращал на все это внимание Сергея Александровича. В то же время я знал, что сотрудники получают гонорары минимальные, да и то лишь после долгих и усердных просьб. И когда я предлагал повысить гонорары или увеличить число лиц, работающих в конторе, чтобы хоть отвечать своевременно на все письма,— мне всегда в ответ ссылались на отсутствие денег... Что мне оставалось делать, как не удалиться? И опять, если я виноват, то только тем, что сделал это слишком поздно.

ОТКРЫТКА К. Д. БАЛЬМОНТА БРЮСОВУ
Пасси. 28 апреля — 11 мая 1909 г.
Библиотека СССР им. В. И. Ленина, Москва

Ты меня спрашиваешь, к кому Тебе обратиться, чтобы добиться ответа, получить Твои книги, следуемые Тебе деньги и тому подобное. По совести, не знаю. Повидимому, к тому же Ликиардопуло, который после моего ухода, почувствовал себя временщиком, на том основании, что ежедневно завтракает на счет С. А., и держит себя со смешной,но все же неприличной надменностью. Что до моей помощи, то сомневаюсь, чтобы она теперь была действительной. Во всяком случае, получив Твое письмо, я немедленно изложил все Твои жалобы в записке, которую поручил передать С. А. Кроме того на этих же днях я добьюсь аудиенции у С. А. (что ныне не легко) и устно прочту ему все Твое письмо, ибо в нем нет никаких оскорбительных слов. Если все это не подействует, я бессилен сделать что-либо большее. О том, что мне ответит С. А., я сообщу Тебе немедленно.

Прости, что опять все письмо наполняю дрязгами "Весов". Мне казалось нужным дополнить, в ответ на Твои жалобы, мои предыдущие сообщения еще этими. Теперь Ты знаешь мое отношение к поведению "Весов" и можешь на основании данных установить свое отношение. Однако, в заключение очень Тебя прошу — не принимать решения, которое порою как бы напрашивается: не покидай "Весы" и "Скорпион". Все же мы в них выросли, мы обязаны известным пиэтетом к ним. Прошлое "Весов" и "Скорпиона", пусть исполненное всяких промахов, оставляет за ними самые широкие возможности в будущем. Необдуманно было бы из-за недостатков отдельных лиц отвергать целое дело, которое уже получило самостоятельное бытие, переросло своих основателей и движется далее своей собственной, внутренней силой.

Всегда Твой Валерий Брюсов»

140. БАЛЬМОНТ — БРЮСОВУ

⟨Париж⟩ 1909. ⟨28 апреля/⟩ 11 мая. Пасси.

Валерий, благодарю тебя за письма, и за услугу. Книги я получил [1],— верно это твое «влияние». Быть может, получу и остальное, чего жду.— Валерий, я напишу тебе подробно на днях. Сейчас — в трепете поднимающихся крыльев. Уезжаю к Морю и уже чую его гул. Мой адрес: Bretagne, Quiberon, poste restante. Здесь лишь до 14-го еще. Гостят здесь Туарэги [2] и Арабы. Я провел с ними несколько удивительных часов. Однако я не Алеко [3]. Но знаю я трепет пустыни в безмерных Арабских глазах.

Отзовись еще и еще.

Твой К. Бальмонт.

ГБЛ. Ф. 386, 76.2. Л. 6.

[1] См. п. 138.
[2] Туареги — берберская народность, живущая в Северной Африке. На открытке, посланной Бальмонтом, изображена группа туарегов, прибывшая в Марсель на Международную электрическую выставку в 1908 г. Кстати, Брюсов, приплывший в Марсель на «Святом Лазаре» (см. п. 133, прим. 6), также посетил эту выставку (см. письма И. М. Брюсовой к М. А. Брюсовой — *ГБЛ*. Ф. 386, 145.32. Л. 4).
[3] Герой поэмы Пушкина «Цыганы».

141. БАЛЬМОНТ — БРЮСОВУ

Morbihan, Damgan, Kervoyal, Villa St.-Claire.
1909. (8/) 21 июня. Бретань.

Валерий, теперь я перед тобой в эпистолярном долгу. Поверь мне, я искренно тебя люблю. Ты знаешь. Мы связаны с тобой узами, которые не разрешатся в Вечности, во всех Вечностях мы будем встречаться с тобою, наши глаза при встрече вспыхнут и потемнеют от тайного ведения. Да, да, да.

Я помню, я шел по молу над голубым Морем, Балеарским, в Пальме [1]. Я думал о тебе неотступно. И какие-то напевные строки качались во мне. Я забыл их почти все, я не записал их. Но вот отдельные строки оживают в призме воспоминания.

Мы два раба в одной каменоломне.
И мы должны оплоты скал дробить.
Ты ведаешь. Я ведаю. О, вспомни.
Мы, полюбив, не можем разлюбить.

Тебя любя, тебя дразнил я низко,
Чтоб чувствовать, что любишь ты меня,
В тебе сверкнула ярость василиска [2],
И лом упал у ног моих, звеня.

Хотелось мстить. Я победил отмщенье.
Мой брат, ты — брат. Возможно ль месть ковать?
В надмирный храм взнесем одно моленье
Для статуй мрамор будем добывать.

---

22 июня. Вечер.

Вчера мной овладела усталость. Не мог больше писать. Я не люблю сетовать и жаловаться, а у меня есть довольно поводов напевать всякие тремоляндо. И когда во мне возникает таковое малодушное желание, я предпочитаю просто смолкнуть.

Когда увидимся с тобой, Валерий? Приедешь ли ты во Францию и в Бретань этим летом? Я пробуду в Бретани до половины июля, потом уеду месяца на три к Баскам. Ко мне вернулись напевности, и лишь для напевностей хочется еще существовать. И снова опускать лот в глубокие колодцы души.

Чем занят ты? И что предвидишь о себе? Я не вижу тебя. Отзовись. Ты в чем-то, что мне чуждо. Твой очерк о Гоголе — должно быть, последнее, что ты написал? меня враждебно удивил и огорчил и, если хочешь, даже возмутил. Его опровергнуть — и как юбилейное чтение [3] и как литературный анализ — так же легко, как бросить по ветру соломинки. Знаешь, в нем лишь и есть хорошего, это заглавие — «Испепеленный».

Но ты не обижаешься? Ведь это впечатление. Мне показалось еще неприятным сходство с тем, что говорит о Гоголе несноснейший из французских козеров *, Барбэ д'Оревильи [4], читал ли ты его или не читал, все равно.

Пошли мне последних стихов своих. В стихах душа ближе к вольности.
Обнимаю тебя.

Искренно твой К. Бальмонт.

---

* causeur — здесь в значении «краснобай» *(франц.)*.

ГБЛ. Ф. 386, 76.2. Л. 7—8.

[1] Бальмонт находился в г. Пальма на Балеарских островах весной 1907 г. 30 мая он писал оттуда Г. Г. Бахману: «Милый Георг, я в волне впечатлений, все не отпускающих сознание на волю вот уже которую неделю (. . .) Я уезжаю в Валенсию. Там знаменитые сады,— ты знаешь. Здесь наслаждался лазурным морем и мирной патриархальной простотой жизни» (*ГБЛ.* Ф. 386, 76.6. Л. 5), см. также п. 106, прим. 4.

[2] Василиск — мифический дракон, убивающий взглядом.

[3] Очерк Брюсова «Испепеленный» был прочитан 27 апреля 1909 г. как юбилейная речь в Торжественном заседании Общества любителей российской словесности в Большом зале Московской консерватории. Позднее опубликован в «Весах» (1909. № 4).

[4] Жюль *Барбэ д'Оревильи* (1808—1889) — плодовитый французский писатель и критик. Его произведения получили высокую оценку Волошина (см. вступительные статьи к сборнику рассказов Барбэ д'Оревильи «Лики дьявола», выпущенному в переводе А. Чеботаревской. СПб., 1908. С. 7—32). Совершенно иначе относится к критику Бальмонт. Мнение, высказанное в письме, он подтвердил и печатно: «Весьма известный и весьма посредственный Барбэ д'Оревильи, этот заурядный салонный фразер, не понимает, например, нашего гениального Гоголя, как он не понимает гениального английского Свифта. Почему? Потому что французы вообще чрезвычайно мало способны понимать чужеземное...» (*Морское свечение.* С. 45). Полярные оценки творчества французского критика русскими символистами в какой-то степени отражали споры, не прекращающиеся по поводу творчества Барбэ д'Оревильи и на его родине. Брюсов, считавший, что некоторые произведения писателя «вполне заслуживают названия шедевров французской литературы», писал по этому поводу: «Спор о Б. д'Оревильи не утих и до наших дней, после более чем 20 лет по его смерти: у него есть еще непримиримые враги, как и исступленные поклонники...» (Новый энциклопедический словарь, т. 5. Стлб. 189). Высказывания о Гоголе, вызвавшие неудовольствие Бальмонта, сделаны Барбэ д'Оревильи в кн.: Barbey d'Aurevilly J. Littérature étrangère. Paris Alphonse Lemerre, 1890, p. 217—232, очерк «Nicolas Gogol».

142. БАЛЬМОНТ — БРЮСОВУ

1909. ⟨23 июля/⟩ 5.VIII. Villa Lucienne. St.-Georges-de-Didonne, Charente Inf.

Валерий, я получил твое большое письмо, но у меня нет мужества ответить тебе подробно, не будучи уверенным, что до тебя дойдут мои слова. В прошлом году ты дал мне неверный адрес для poste restante. Сообщи, куда тебе писать [1] (если получишь эту открытку), напишу больше. Я очень рад с тобой увидеться. Здесь я пробуду до первых дней октября. Отзовись. Мы должны увидеться [2].

Твой К. Бальмонт.

P. S. Конечно, я не согласен с твоим письмом. «Весы» зловредны и лживы [3]. В сущности своей. Если будет досуг, я нападу на них с дрекольем. Но стоит ли? Они заживо разлагаются. Дивлюсь, что ты еще упорствуешь и являешься там.

ГБЛ. Ф. 386, 76.2. Л. 9.

[1] В начале августа 1909 г. Брюсов с сестрой Надеждой Яковлевной и женой находился в Берлине. Оттуда они уехали в Дрезден, затем в Прагу, а в конце месяца переехали в Швейцарию. Свою открытку Бальмонт послал в Женеву, до востребования. Оттуда она была переслана адресату в Бриенс.

[2] О встрече поэтов осенью 1909 г. см. п. 146, прим. 1.

[3] По всей видимости, Брюсов упрекал Бальмонта за резкость письма, в котором тот объявлял о своем разрыве с «Весами» (о нем см. наст. том, кн. 2, Переписка с Садовским. Приложение 1, прим. 124).

143. БАЛЬМОНТ — БРЮСОВУ

1909. ⟨18/⟩ 31 августа. Сэн-Жорж-де-Дидонн. Вилла Люсьенн.

Валерий, я только что получил твою открытку и спешу ответить, чтоб письмо мое захватило тебя в Бриэнсе [1]. Я так-так рад был бы увидеть тебя и провести с тобою хоть несколько дней. Мне в десять раз больше хотелось бы увидеться с тобою здесь, в безлюдьи, нежели в Париже, где ты, конечно, будешь окружен французскими силлабическими чирикалками [2], самый вид коих делает меня больным и неинтересным ни для себя, ни для других. Ведь это один

из пунктов нашего вечного разногласия, и неустранимого. Я отрицаю за Французами способность к Поэзии, а ты на них опираешься [3]. Ты, впрочем, выбрал себе полубога не из Французов, а из Бельгийцев [4], и сие разумею, ибо и я тоже среди Бельгийцев нашел божественного Лерберга [5]. Но, если уж так случится, что мы свидимся в Париже,— да будет. Только дело в том, что все будет спутано. Я сам не знаю, сколько я буду в Париже, и в каких числах октября. Дело в том, что в октябре (это пока не подлежит гласности, по каким-то малым причинам), Катя едет с Ниникой [6] погостить в Москву к своим, я же, верно, как раз в это время буду с Еленой в Англии [7]. Итак, будет отлетный воздух отъезда и отъездов. А здесь как хорошо. Море, лес, пляж, как бальная зала, человечишки к твоему приезду вовсе разъедутся (разумею курортную сволочь). Недалеко от нас такой Океанский размах, какой можно видеть лишь в Биаррице. Здесь есть дешевый пансион (по 5-ти франков с половиной, если ж вдвоем, то и дешевле). Но если приедешь, питаться, конечно, будешь у нас. Кроме меня, твоему приезду рада и Катя, и моя зеленоглазая Феечка [8]. Сия последняя, представь, была даже однажды твоей защитницей, когда я как-то в разговоре с Катей начал тебя за что-то проклинать.

Хотелось бы о многом говорить с тобой и, прежде всего, просто взглянуть тебе в глаза и увидеть в них, что все горят наши светильники и не гаснут.

Буду ждать твоего ответа. Напиши побольше о себе, о своих впечатлениях. Один путешествуешь? Или с «маленькой женщиной», как мы называем Иоанну Матвеевну? Или с Темноглазой Сестрой? [9]

Жду свидания непременно и обнимаю братски.

Всегда твой К. Бальмонт.

ГБЛ. Ф. 386, 76.2. Л. 10—11.

[1] 1 сентября 1909 г. Брюсов писал матери: «Неделю провели мы в Бриенце (. . .) Пиши мне в Париж» (*ГБЛ*. Ф. 386, 142.9. Л. 26).

[2] Бальмонт имеет в виду поэтов из группы «Аббатство», с которыми Брюсов поддерживал дружеские связи: Рене Аркоса, Жоржа Дюамеля, Александра Мерсеро, Шарля Вильдрака, Рене Гиля. О встречах Брюсова с ними осенью 1909 г. в Париже см.: *Лавров А. В.* Брюсов в Париже (осень 1909 года) // Взаимосвязи русской и зарубежной литератур (Л.: Наука, 1983. С. 304—315).

[3] Бальмонт писал про Брюсова, что «он так проникся многоразличными влияниями Французской литературы и иных литератур, что когда начинаешь для самого себя выяснять, что есть собственно Валерий Брюсов, улавливаешь несомненный брюсовский тон, но в смысле элементов мало что находишь доподлинно брюсовского» (*Морское свечение*. С. 179).

[4] Речь идет об Эмиле Верхарне.

[5] Шарль *Ван Лерберг* (1861—1907) — бельгийский поэт и драматург. Ван Лерберг высоко ценился Бальмонтом «как влюбленный в форму художник-творец, владевший резцом единственным, безошибочно метким, и обладавший для своих изваяний мрамором, добытым в глубоких каменоломнях души...» (*Ван Лерберг Ш.* Ищейки: Драма/Пер. Бальмонта и Елены Ц(ветковской). СПб.: Пантеон, 1909. С. 17). 30 октября 1911 г. Бальмонт писал Ю. А. Веселовскому из Сен-Бревена: «Я люблю Бельгию очень, и долго жил там. Там могучие деревья, первобытно-сильные лица, стихийность еще жива, и там старинность умершая не уничтожена дикой и безобразной свистопляской современности. Из бельгийских писателей я наиболее люблю Ван Лерберга, которого ставлю очень высоко. В издании "Пантеона" я напечатал перевод "Ищеек" и "Лирики" его. К Верхарну я холоден, хотя признаю его силу (слишком громоздкую)» (*ЦГАЛИ*. Ф. 1086. Оп. 1. Ед. хр. 3. Л. 2).

[6] Е. А. Бальмонт уехала из Парижа с дочкой Ниной (которую в семье называли Ниникой) в середине октября.

[7] 19 октября 1909 г. Бальмонт писал Т. А. Полиевктовой: «Уезжаю послезавтра из Парижа» (*ЦГАЛИ*. Ф. 57. Оп. 1. Ед. хр. 96. Л. 61).

[8] Бальмонт часто называл дочь «Феечкой» и посвятил «солнечной Нинике с светлыми глазками» сборник «Фейные сказки» (М.: Гриф, 1905).

[9] В середине июля 1909 г. Брюсов с Иоанной Матвеевной уехали в Ригу, где прожили пять дней (*ГБЛ*. Ф. 386, 142.9. Л. 22), затем перебрались в Германию, ненадолго приезжали в Прагу, в конце августа отдыхали в Швейцарии. 15 сентября Иоанна Матвеевна выехала в Москву на похороны брата — П. М. Рунта, а Брюсов в тот же день направился в Париж, где встретился с Н. И. Петровской (*ГБЛ*. Ф. 386, 145.32. Л. 6).

144. БАЛЬМОНТ — БРЮСОВУ

St.-Georges-de-Didonne. Villa Lucienne. 1909. (10/) 23 сентября.

Валерий, я сердился на тебя, что ты мне долго не пишешь, и мысленно говорил тебе, или о тебе — обращаясь к кому-то, злые слова. А сегодня, когда получил твое письмо и увидал твой почерк на конверте, я почувствовал, как я люблю тебя, и мысленно сказал себе: Если б он сейчас вошел в комнату, какая бы радость это была, настоящее счастье.

Да, вот от одного сознания, что ты в близости где-то, в каких-то верстах от меня, я волнуюсь и радуюсь и хочу непременно увидеть тебя.

Уже священная четверичность лет минула с тех пор, как мы расстались [1], а словно бы и раньше ведь еще разлучились, когда я был последние месяцы в Москве.

Мы должны увидаться, абсолютаментэ.

Валерий, дело вот в чем. Ты не пишешь, сколько ты рассчитываешь еще пробыть в Париже [2]. Напиши мне тотчас же. Раз тебе неудобно, я не решаюсь вазывать тебя сюда (кстати, Сэн-Жорж-де-Дидонн не Бретань, а Шарант). Хотя билет сюда и обратно стоит всего 40 франков, а питаться стал бы у нас, а ночевать за грош по соседству. Коли надумаешь, прибудь. Обрадуешь. Но, в конце концов, и я тоже более хотел бы, чтоб наша встреча произошла в Париже, где мы еще ни разу не были с тобою, но где столько связано с твоей и с моей душою. Однако ж я ведь здесь не один, а с своими, с коими был в малости недель и через три недели опять разлучаюсь [3]. Мы рассчитывали пробыть здесь ровно до 5-го октября здешнего. Но если твое пребывание в Париже недолгодневно, мы ускорим свой отъезд отсюда, или я приеду в Париж, один, чтоб нам свидеться, и несколько дней, или вечеров, провести вместе. Итак, жду быстрого ответа. Если возможно, все же задержись в Париже побольше.

Посылаю тебе, до востребования, как и письмо, книжечку Лерберга. Напиши о впечатлениях [4].

Тороплюсь, и пока не пишу больше ничего. Обнимаю тебя братски. Радуюсь мысли о встрече.

Всегда твой Твой К. Бальмонт.

ГБЛ. Ф. 386, 76.2. Л. 12—13.

[1] Намек на клятву пифагорийцев: «Клянусь Четверичностью. 4 — источник всего». Слова эти Бальмонт взял эпиграфом к главе «Маяк в пустыне» сборника египетских очерков "Край Озириса" (М.: Изд. М. и С. Сабашниковых, 1913. С. 111). Опасаясь ареста, Бальмонт уехал из Москвы за границу 31 декабря 1905 г.

[2] Брюсов пробыл в Париже с 16 сентября по 23 октября 1909 г.

[3] См. п. 143, прим. 6.

[4] Драма Ван Лерберга «Ищейки» с автографом «Валерию, братски, Бальмонт. 1909, IX. 23. У моря» сохранилась в библиотеке Брюсова (*ГБЛ.* Ф. 386. Книги, № 914). Мнение Брюсова о переводе драмы неизвестно. Немногочисленные отзывы были не очень благосклонны. Так, например, А. Амфитеатров писал: «Нехорошо перевел Бальмонт Лерберга. А что всего страннее, без всякого чутья к тону „Ищеек"» (Одесские новости. 1909. № 7937. 11 окт.).

145. БАЛЬМОНТ — БРЮСОВУ

1909. (15/) 28.IX. St-Georges-de-Didonne. Villa Lucienne.

Валерий, меня беспокоит твое молчание. Дошло ли мое письмо P⟨oste⟩ r⟨estante⟩? Я спрашивал тебя, долго ли пробудешь в Париже [1], и сообщал, что наш срок здесь — до 5-го октября н. с. Но, если ты скоро из Парижа уезжаешь, я ускорю свой приезд. Откликнись.

Жму руку.

Всегда твой К. Бальмонт.

ГБЛ. Ф. 386, 76.2. Л. 14.

[1] См. п. 144, прим. 2.

146. БАЛЬМОНТ — БРЮСОВУ

1909. ⟨17/⟩ 30 сентября. Св. Георгий

Валерий, я приезжаю в Париж 6-го вечером, 7-го в полдень приходи ко мне завтракать [1], на 60, rue de la Tour. Да? Sin falta! *

Жму руку.

Твой К. Бальмонт.

P. S. Откликнись, чтоб я знал, что это письмо получено.

ЦГАЛИ. Ф. 56. Оп. 3. Ед. хр. 6. Л. 124.

[1] 7 октября 1909 г. Брюсов писал жене: «Сегодня я был у Бальмонта. Он был очень мил, очень ласков, очень рад меня видеть. Мы целовались, смеялись, говорили без конца, читали друг другу стихи, вспоминали прошлое. Одним словом, встреча вышла самая удачная» (*ГБЛ*. Ф. 386, 142.13. Л. 13). Вплоть до отъезда Бальмонта в Англию встречи поэтов происходили почти ежедневно. 10 октября Брюсов сообщал Иоанне Матвеевне: «Вчера вечером опять был у Бальмонта (. . .) Читал мне свой перевод драмы Словацкого. Он очень изменился. Поумнел. Говорит о себе и своих стихах трезво. Видит и понимает свои недостатки, чего прежде не было никогда» (Там же. Л. 18).

11 октября под впечатлением этих встреч Брюсов написал сонет «К. Д. Бальмонту» (II, 83).

147. БАЛЬМОНТ — БРЮСОВУ

⟨Париж.⟩ 1909. ⟨27 октября/⟩ 9 ноября. Пасси.

Валерий, я давно уже вернулся из Англии. Был только неделю в Лондоне и день в Оксфорде. (Морфиль не выходит из комнаты.) [1]

По приезде посылал тебе телеграмму, но ни ответа не получил, ни тебя не увидел. Верно, ты в Москве [2].

Посылаю тебе 5 стихотворений [3], которые мы вместе с тобой выбрали для альманаха, о котором ты говорил [4]. Оттиски некоторых очень плохи, но ты ведь сам будешь корректировать? Тебе я вполне доверяю и доверяюсь.

Валерий, мы свиделись с тобой, но не увиделись. Я думаю, что еще я сколько-нибудь увидал тебя в это свидание, а ты меня — почти нет. Причины? Во-первых, я был в растерзанности. Ведь я насильственно вырвал себя из морской своей идиллии, из творческой тишины, для того чтобы не потерять радость встречи с тобой. Для меня никогда насильственный переход от летней приморской тишины к Городу не проходит безнаказанно. Это был я, и это не был я.

А потом... О, всегдашнее препятствие всех бесед, всех друзей. Фемина. Женщина. Я очень люблю Нину Ивановну. Искренно. Но, правда, без нее лучше с тобой видаться, думаю я. А кстати, где она? [5]

Но я видел тебя. Видел глаза твои, слышал голос твой, я рад, мне хорошо, я снова верю в тебя невозмутимо и целиком. Ведь и у тебя ничего-ничего нет против меня, правда? Мы еще свидимся снова. И будут ли близкие около нас, кроме нас двоих, все равно мы увидимся воистину и будем говорить много-много-много.

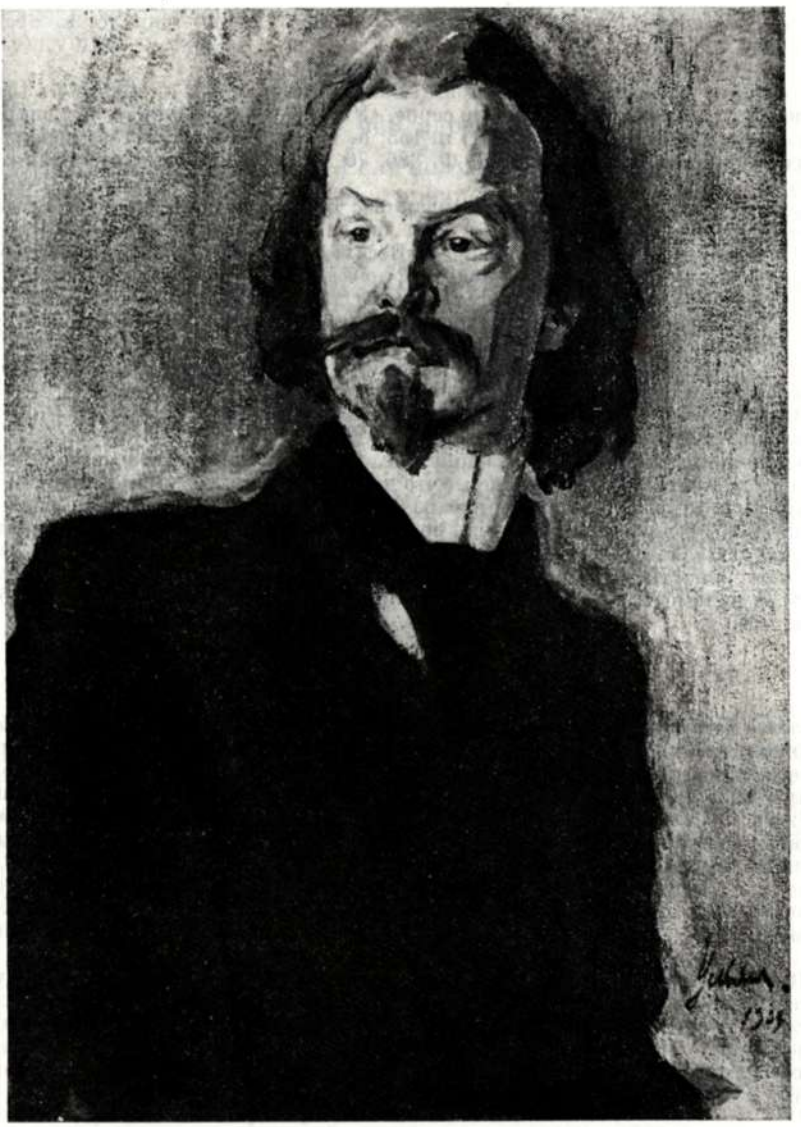
Валерий, ты верно получил из «Шиповника», убоявшегося моей «Волчьей шубы» [6], сию страшность? Предлагаю и ее в твой альманах, и предлагаю настоятельно, если это возможно.

Напиши мне свое впечатление.

Мой адрес парижский — лишь до 20-го. Затем на 3 дня я еду в Марсель (пост рестант), и на несколько месяцев мой адрес: Египет, Каир, до востребования. Билеты уже покоятся в моем чемодане. И разных разностей себе купил в дорогу, прежде всего нечто любопытное из книг (так-таки без книг не можем мы быти, ни жити). Но пока не испытываю никакой радости от предстоящего путешествия. Я не жду неожиданного там. А без неожиданного — повесть лишь довольство доставляет (ежели хорошо написана), а не схватывает кошачьими ла-

---

* Непременно! *(исп.)*.



К. Д. БАЛЬМОНТ
Портрет работы Н. П. Ульянова. 1909
Третьяковская галерея, Москва

пами и индийским лассо. А вдруг — а вдруг... Твардовский хорошо все рассчитал, но — был уловлен [7]. Может, и на мою долю поколдует богатейший бог Случая, самый богатый из богов.

Пришли мне твои стихи ко мне. Я ценю, что ты видишь во мне искателя Атлантиды [8]. Это так, мой брат предназначенный. Не тщетно люблю я Море [9]. Что-то найду.

Хочется слов твоих. Обнимаю. Люблю тебя.

Твой всегда К. Бальмонт.

P. S. Молю поторопить Полякова с набором «Змеиных цветов» [10].

ГБЛ. Ф. 386, 76.2. Л. 15—16.

[1] Во время визита Бальмонта в Оксфорд профессор Уильям Морфилл (см. о нем п. 63,

прим. 2) был уже смертельно болен. Он умер 9 ноября 1909 г. Некролог в «Весах» (№ 10—11. С. 177) был написан М. Ф. Ликиардопуло.

[2] См. п. 144, прим. 2.

[3] Как следует из сопоставления прим. Бальмонта к п. 155 и текста п. 156, Бальмонтом были посланы стихотворения «Новый серп», «Ущерб», «Благовестие», «Из вихря» и «Тигр». Об их судьбе см. п. 153; п. 154, прим. 1; п. 155; п. 156, прим. 7. В составе переписки уцелело только стихотворение «Из вихря» (*ГБЛ*. Ф. 386, 76.2. Л. 39). Все стихотворения вошли в сб. «Зарево зорь».

[4] Не исключено, что Брюсов при свидании с Бальмонтом рассказал последнему о том, что «Весы» будут выходить и впредь в виде библиографических известий с литературным и художественным отделами. Объявление в «Весах» оповещало, что размер «их будет значительно уменьшен и выход книжек (в числе от 2 до 6 в год) не будет приурочен к определенным срокам. В 1910 г. в числе книжек журнала будет дан альманах к-ва "Скорпион", в котором примут участие обычные сотрудники издательства и приостановившегося журнала» (см. сообщение редактора-издателя С. А. Полякова «От книгоиздательства "Скорпион"» — Весы. 1909. № 12. С. 192). В этом же сообщении была объявлена подписка по цене 2 р. в год. Однако намерение редакции не осуществилось.

[5] В это время Н. И. Петровская находилась в Париже.

[6] О судьбе рассказа см. п. 163, прим. 3.

[7] Герой польских народных сказаний маг, чернокнижник и врачеватель пан Твардовский заложил душу дьяволу с условием, «что до тех пор ни к телу, ни к душе не может сила ада подступиться, пока не будет в Риме схвачен он». Однажды Твардовского позвали в корчму к больному, но только чернокнижник переступил порог, явился дьявол и заявил, что настал миг расплаты, так как корчма называется «Рим» (см.: *Бальмонт К. Д.* Твардовский. Тайна вечной юности // *ЗР*. 1908. № 1).

[8] По всей видимости, Бальмонт имел в виду строки из посвященного ему брюсовского сонета (II, 83):

Я разгадать хочу, в лучах какой лазури,
Вдали от наших стран, искал ты берегов
Погибших Атлантид и призрачных Лемурий...

И. М. Брюсова вспоминала: «Это было в 1897 г., вскоре после нашей свадьбы. Нас посетил К. Д. Бальмонт, только что объездивший всю Европу... По его словам, в ту пору Атлантидой интересовались. Тут оба поэта предались в бесконечные рассуждения и обсуждения о новых открытиях» (VII, 483). Интерес к легендарному затонувшему материку они пронесли через всю жизнь. Бальмонт верил, что «красочная радуга угаданий, возникнув над погибшей Атлантидой, соединит в одну картину Майские развалины, Египетские пирамиды, Индусские храмы и Океанийские легенды» (*Змеиные цветы*. С. 47). 6 сентября 1920 г. Брюсов жаловался Н. С. Ашукину: «Я убежден, что существование Атлантиды можно доказать, но когда я говорю об этом историкам, они отмахиваются и называют меня поэтом» (Архив Ашукина. «Заметки о виденном и слышанном». Т. 1. С. 23. Оригинал в *ЦГАЛИ*. Копия в собрании Р. Л. Щербакова).

[9] В «Путевых письмах», своеобразном дневнике путешествия через Атлантику, Бальмонт рассказывает: «Океан играет моей мыслью, я, как чайка, я кружусь в своем полете по спирали, кружусь и возвращаюсь. Я опьянен пеной, солеными брызгами, которые кипят кругом и в моей душе (. . .) Я никогда от качки не страдаю. Напротив, она приятна мне. Чувствуешь, что действительно, это — Море» (*Змеиные цветы*. С. 11, 13).

[10] Книга «Змеиные цветы» была выпущена «Скорпионом» в 1910 г.

148. БАЛЬМОНТ — БРЮСОВУ

(Париж.) 1909. XI.15. (нов. ст.) Полдень при лампе. Ул. Башни.

Валерий, я только что совершил свою утреннюю прогулку, над Сеной, где есть такие улочки, что, проходя, разверзаешь крестообразно руки и касаешься правой и левой рукой стен. На улицах и в небе дымно-желтый туман. Словно в Лондоне. Сижу и перевертываю страницы о Египте [1]. Получаю твое унылое письмо. Разве можно унывать? Ea, ea soldados valientes ! *

Возьми короткий меч, возьми свой меткий меч,
И вспомни Рим.
Еще подходит час неумолимых сеч,
Но мы — царим.

Я уезжаю отсюда 21-го вечером, а 24-го в часу четвертом (на преломленьи дня) покидаю Европу на корабле «Schleswig» Lloyd's [2]. Пошли мне на корабль,

* Ну же, ну, храбрые солдаты! *(исп.)*.

с Поляковым и Юргисом, крылатое словечко,— как когда я уезжал в Мексику [3]. Буду душою с Вами.

Обнимаю братски.

Твой К. Бальмонт.

Egipte, La Caire, poste restante — мой адрес.

P. S. О «Волчьей шубе» писал. Если получишь Уитмана или что иное, молю найти редкостного зверя, чье имя благородный издатель [4] (genus: [2*] единорог).

ГБЛ. Ф. 386, 76.2. Л. 17.

[1] Готовясь к поездке в Египет, Бальмонт прочитал множество книг, в частности записки польского путешественника Mauŕycego Manna «Podróż na Wshód» (Kraków, 1854), труды французских египтологов Г. Масперо и Ш. Палянка, английских востоковедов Бэджа, Флиндерс-Петри, Навилля, Даниноса-Паши и др. См. также п. 150.

[2] В путевом очерке «Преддверье в Египет» Бальмонт пишет: «Я сижу на палубе Немецкого корабля компании Ллойда. Гляжу на волны. Дышу морской свежестью. Радуюсь, что уехал из Европы. Радуюсь, что совсем скоро приеду в Александрию. А там — Каир» (*Край Озириса.* С. 6).

[3] См. п. 106, прим. 3.

[4] Сборник Уолта Уитмена «Побеги травы» в переводе Бальмонта был издан С. А. Поляковым (М.: Скорпион, 1911). 11 августа 1911 г. переводчик писал ему: «Сергей, приветствую тебя за то, что издаешь Уитмана, и в особенности за то, что решаешь сделать это без промедлений. Для меня это истинная радость» (*Ежегодник 1978.* С. 12).

149. БАЛЬМОНТ — БРЮСОВУ

1910[3*]. 1.7. н. с. Каир [1]. «Метрополь».

Валерий, ты хотел солнечного письма отсюда. Но Солнце здесь светит, пожалуй, слабее, чем даже на юге Европы. А когда уезжаешь на юг Египта, правда, оно греет и даже жжет, но столько пыли кругом, что солнечности нет в душе [2]. И каждое ожидание здесь обмануто [3]. Лишь несколько мгновений красоты в обширном пустыре знакомо-безобразном. Злые чары. Убегаю в Европу. Напиши два слова в Марсель, poste restante. Я хотел бы на Севере быть, окованном льдами.

Твой К. Бальмонт.

ЦГАЛИ. Ф. 1336. Оп. 3. Ед. хр. 14. Л. 6.

[1] Открытка Бальмонта, посланная из Египта, была подарена Брюсовым Московскому литературно-художественному кружку и хранится в составе его коллекции автографов.

[2] В очерке «Нил» Бальмонт так описывает пыльную бурю в северной Африке: «Смерчи крутятся, как гигантские дьявольские деревья, живущие краткою жизнью смертоносного шабаша стихий. Проносятся ветры пустыни (. . .) Поднимет тучу песку этот ветер и не отпустит с неба ее целых три дня подряд. Солнце глядит, как красный шар, как шар, в котором и пламя и дым пожаров» (*Край Озириса.* С. 27).

[3] 19 ноября 1909 г. Бальмонт писал Т. А. Полиевктовой: «Уезжаю послезавтра из Парижа. Пока — мне лишь грустно от этого, и как-то ничего особенного не жду от этого путешествия» (*ЦГАЛИ.* Ф. 57. Оп. 1. Ед. хр. 96. Л. 61).

150. БАЛЬМОНТ — БРЮСОВУ

Provence, Giens (Hyères), Hôtel Audibert. 1910. 14/27 января.

Валерий, не написал я тебе путем из Египта, и отсюда, забаюканный Морем и Ветром, еще не могу. Не считайся со мною и напиши мне, ежели есть минутка и желание. Что ты? Что Москва оснеженная? Что помыслы литературные, о коих была речь?

И получил ли ты моего Уитмана?
И какие мытарства еще его ожидают? [1]

[2*] род *(лат.)*.

[3*] В автографе поставлена ошибочно дата — 1909.

ОТКРЫТКА К. Д. БАЛЬМОНТА БРЮСОВУ
Provence, Giens (Hyères), 14/27 января 1910 г.
Библиотека СССР им. В. И. Ленина, Москва

И не помер ли молчащий Лурье? [2]
И нужен ли я кому-нибудь литературно?
И неужели лишь безнадежность достоверна?

И хоть все мои «И» начинаются с новой строки, вопросы мои не суть стихи, я более не пишу стихов и завидую рыбарям, имеющим сети.

Обнимаю тебя.

Всегда твой К. Бальмонт.

ГБЛ. Ф. 386, 76.2. Л. 18.

[1] Переводы стихов Уитмена заняли несколько лет. «Они явились,— писал Бальмонт в предисловии к сборнику,— результатом многолетнего чтения книги Уитмана „Leaves of Grass", и сделаны в осень 1903-го года, и в осень 1905-го года, в наши северные зачарованные часы запоздалых утр и вечеров, на берегу Балтийского моря, в местечках Меррекюль и Силламэгги, а также в осенней Москве 1905-го года под непрекращающуюся музыку ружейных залпов» (*Уитман У.* Побеги травы. М.: Скорпион, 1911. С. 7).

Московский цензурный комитет 3 марта 1911 г. наложил на сборник арест (см.: Утро России. 1911. № 52. 5 марта) и возбудил против издателя судебное преследование, усмотрев в книге «культ человеческого тела и чувственной любви». По приговору суда от 22 мая 1912 г. «Сергей Александрович Поляков признан виновным и присужден к штрафу в сумме 25 рублей, а из самой книги постановлено уничтожить отдел «Дети Адама» и стихотворение «Ласка орлов», с остальной же части издания арест снять» (*ЦГИАЛ.* Ф. 776. Оп. 17. № 145. Л. 1—4).

[2] О судьбе стихотворений, отданных заведующему литературным отделом «Русской мысли» С. В. Лурье, см. п. 155, прим. 12.

151. БАЛЬМОНТ — БРЮСОВУ

⟨Париж.⟩ 1910. ⟨7/⟩ 20 мая. Пасси.

Конечно, молчание — золото, Валерий, но отчего же бы не дать мне радость и других драгоценностей? Я люблю и железо, и медь. А уже лунное серебро в осо-

бенности. Итак — яви мне бранный щит или пропой напев Изиды, и Рок тебя да защитит от ложной дружбы и обиды.

Что касается меня, я снова в Египте, хотя в своей комнате [1].

Жму руку.

Твой К. Бальмонт.

ГБЛ. Ф. 386, 76.2. Л. 19.

[1] В это время Бальмонт писал серию очерков о поездке в Египет (см. п. 152).

152. БАЛЬМОНТ — БРЮСОВУ

Медок, Сулак-на-Море. Вилла Март-Маргерит. 1910. 8. 3. (н. с.)

Валерий, я соскучился без вестей о тебе и без твоих строк. Напиши мне о себе. Над чем работаешь? Что замышляешь? Собираешься ли за границу осенью? Когда, куда, на сколько? [1] Почему так мыльно-пузыреподобно разрушились твои издательские планы, включительно и опубликование некоего альманаха, в коем долженствовали появиться мои стихи и моя «Волчья Шуба»? [2] Кого ты видишь, кроме птиц лесных и полевых?

Что до меня, я успешно и с удовольствием путешествую по Египту Древнему, находясь в своем саду. Так пребудет и до окончания лета. Написал несколько Египетских очерков, напишу и еще [3]. Стихов пишу так мало, что даже Блок, столь неприлично и публично обижающийся на меня, что много пишу [4], был бы наверно доволен. Относительно стихов у меня такое ощущение, что и два и три года будет у меня перерыв почти полного молчания, а потом... Что потом? Что день грядущий нам готовит? [5] Что мы об этом ведаем?

Вот ведаю только, что собирался осенью приехать месяца на три в Москву и Петербург, но, по видимости, скорее попаду опять в Экзотику [6], будет ли то Индия или остров Мадагаскар.

Малые птицы, с малой недолгой фразой музыкальной, щебечут около меня в моем саду. А чуть-чуть подальше, безмерный Океан неумолкающе шелестит и мечет свои пустынные волны. Между минутой и Вечностью, между атомом и Солнцем, я однодневка цветистая и напевно жужжащая. Я в старом-старом-старом Мире, с своим Апрельским — все еще Апрельским — утром — и не нравится мне этот Мир. Разве к звездам воскинешься на миг своей душой и таешь в ночи.

Обнимаю братски.

Твой К. Бальмонт.

ГБЛ. Ф. 386, 76.2. Л. 20—21.

[1] Брюсов, возглавивший с осени 1910 г. литературный отдел «Русской мысли», должен был напряженно работать, чтобы обеспечить журнал необходимыми материалами, и летом этого года за границей не был.

[2] См. п. 147, прим. 4.

[3] 30 июля 1910 г. Бальмонт писал Т. А. Полиевктовой: «Не знаю, читали ли Вы мой "Нил"? Посылаю на всякий случай оттиск. Появился еще очерк "Двойная связь", ах, нет, еще только должен появиться, а появилось "Солнечное Единобожие", но, к сожалению, у меня нет оттиска, чтобы послать Вам» (*ЦГАЛИ*. Ф. 57. Оп. 1. Ед. хр. 96. Л. 68). Это были первые очерки сборника «Край Озириса».

[4] Имеется в виду статья, опубликованная в газете «Речь» 2 марта 1909 г., в которой Блок, высоко оценив первые книги Бальмонта, так отзывается о последних: «"Птицы в воздухе" и "Зеленый вертоград" (изд. "Пантеона") и, наконец, на днях вышедший "Том десятый полного собрания стихов" (изд. "Скорпиона") — это почти исключительно нелепый вздор, просто — галиматья, другого слова не подберешь. В лучшем случае это похоже на какой-то бред, в котором, при большом усилии, можно уловить (или придумать) зыбкий, лирический смысл; но в большинстве случаев — это нагромождение слов, то уродливое, то смехотворное (. . .) И так не страницами, а печатными листами» (*Блок А*. Собр. соч. М.; Л., 1962. Т. 5. С. 374).

[5] Неточная цитата из гл. 6 «Евгения Онегина» Пушкина.

[6] См. п. 154, прим. 5. Новое большое путешествие Бальмонт совершил только в 1912 г. (см. п. 164).

ДОМ, В КОТОРОМ ЖИЛ БРЮСОВ
Москва. 1-я Мещанская улица (№ 32), ныне проспект Мира (№ 30)
Фотография

153. БАЛЬМОНТ — БРЮСОВУ

1910. IX. 5 (н. ст.) Soulac-sur-Mer, Villa Marthe-Marguerite.

Валерий, если это письмо дойдет до тебя, будь добр вернуть мне мой рассказ «На волчьей шубе», а также те стихи, которые были взяты для какого-то альманаха, неосуществившегося [1].

Писал тебе уже довольно давно, но ответа не получил.

Остаюсь здесь еще три недели.

Жму руку.

Твой К. Бальмонт.

ГБЛ. Ф 386, 76.2. Л. 22.

Открытка Бальмонта, пришедшая в Москву 28 августа 1910 г., судя по почтовым отметкам, уже не застала Брюсова в доме на Цветном бульваре (№ 24), так как 15 августа он переехал на 1-ю Мещанскую (№ 32). Дом на Цветном бульваре был продан 22 июня 1910 г. купцу Александру Робертовичу Герценбергу за 65 500 рублей (*ГБЛ*. Ф. 386, 113.3. Л. 4).

[1] См. п. 154, прим. 1.

154. БАЛЬМОНТ — БРЮСОВУ

1910. (26 августа/) 8 сентября. Медок, Сулак-на-Море.

Валерий, я получил твое письмо, на днях же писал тебе открытку, которая, после твоего письма, делается недействительной [1]. Жалею о пропавших письмах и не могу постичь, как они пропали. Я всегда, уезжая, оставляю свой верный адрес.

Весьма мне грустно стало от известия, что ты на новом месте [2]. Я, как Египтяне, несмотря на свою видимую подвижность, неисцелимо-консервативен и не умею забывать. Твой образ так слился для меня с твоим домом, и в этом доме столько я пережил минут, что смотрел на него, как на родной, как на свой соб-

ственный. Еще одна страница — и какая — отошла безвозвратно в безызмерности Прошлого. Но так да будет. Рок ведет нас к благому. И я хотел бы сейчас быть в Москве, но не у Кремля, к которому особого пристрастия никогда не чувствовал, а на празднике твоего новоселья, чтоб принесть тебе в твое новое обиталище сосуд редкого вина, книгу, которую трудно достать, несколько цветков с раскрытыми чашами и стих, свеже-сорванный на Полях Души.

Да будут простые эти пожелания — как свершенное.

Я очень обрадовался, увидев твой почерк на конверте. Тем более, что еще за сутки я видел во сне конверт с твоим почерком и говорил: «Наконец-то, он вспомнил о брате своем». Но ты мало-мало пишешь о себе. Зачем таишься? Скажи, что делаешь, что пишешь, что замышляешь? Если я верно понял тебя, ты становишься в действительности соредактором «Русской мысли» [3]. Если это так, радуюсь за тебя и за себя. Ибо журнал станет достойнее, а я, между прочим, буду там появляться чаще, не правда ли? [4]

Что до моего приезда в Москву, несколько лиц, в том заинтересованных, наводили продолжительные и подробные справки, но в результате оказалось, будто сие грозит мне не только лишением свободы, но и «может стоить жизни». Мало верую во все это. Однако же, ввиду моего намерения, не за горами, свершить большое, воистину большое путешествие, не хотел бы взамен путешествовать взад и вперед по тюремной келье, хотя в этом несомненно много интересного, и, по окончании интермедии, много веселого во встрече друзей и в напевности вольных строк. Итак, свершу путь свой, и тогда, не размышляя о последствиях, явлюсь в Москву и, не медля, к тебе. Будет это однако — в зыбях не недель, а многих месяцев [5], и думаю, что до той поры мы с тобой продолжим прерванные Парижские беседы.

Что я? Все то же. Дышу Морем, живу в тесном братстве богов и богинь Египта и Индии, смотрю вот сейчас на зябликов, подбирающих зернышки в саду, на подаренную мне туберозу и на подаренный мне куст пламецвета. Проходят в калейдоскопе повторные пластинки, но и неповторные также.

Братский поцелуй. Откликнись поскорее.

Твой К. Бальмонт.

P. S. Хотел бы увидеть книги Белого «О символизме» и Эллиса «О символистах». Не пошлют ли мне по экземпляру два мои врага? [6]

ГБЛ. Ф. 386, 76.2. Л. 23—29.

[1] Вероятно, Брюсов просил оставить присланные ранее рассказ и стихотворения, которые Бальмонт потребовал вернуть в предыдущем письме, для альманаха «Северные цветы» (см. п. 153).

[2] Речь идет о переезде Брюсова с Цветного бульвара из собственного дома на 1-ю Мещанскую улицу в дом Баева.

[3] Брюсов был не соредактором П. Б. Струве в «Русской мысли», а заведующим литературно-библиографическим отделом журнала.

[4] Надежды Бальмонта не оправдались (см. п. 155, прим. 5), хотя Брюсов вел себя по отношению к нему достаточно лояльно. Так, например, 2 сентября 1910 г. он писал редактору «Русской мысли»: «Бальмонт предлагает стихи, рассказы, статьи. Но в "портфеле" редакции уже есть его стихи и египетский рассказ, который я еще раз очень рекомендую» (*Лит. архив.* С. 269).

[5] Бальмонт вернулся в Москву 5 мая 1913 г. после объявления политической амнистии в связи с трехсотлетием дома Романовых. Среди встречавших его на Александровском вокзале был и Брюсов (*Рус. слово*. 1913. № 104. 7 мая; Моск. газета. № 251. 6 мая; Столичная молва. № 305. 6 мая; Голос Москвы. № 104. 7 мая).

[6] Бальмонт просит прислать книгу Белого «Символизм» (М.: Мусагет, 1910) и Эллиса «Русские символисты» (М.: Мусагет, 1910). Брюсов передал просьбу Бальмонта (см. п. 156). В первые годы знакомства А. Белый очень высоко оценивал поэтическое мастерство Бальмонта. В 1904 г. Белый писал: «В музыкальных строках его поэзии звучит нам и грациозная меланхолия Шопена, и величие вагнеровских аккордов — светозарных струй, горящих над бездною хаоса. В его красках разлита нежная утонченность Ботичелли и пышное золото Тициана» (*Белый А*. Луг зеленый. М.: Альциона, 1910. С. 211). Всего через три года А. Белый утверждает, что Бальмонт «заслуживает глубокого сожаления. Он не сумел соединить в себе все те богатства, которыми наградила его природа. Он — вечный мот душевных сокровищ: давно был бы нищ и наг, если бы не получал он там, в пространствах, какие-то наследства. Получит — и промотает, получит и промотает» (Час. 1907. № 51. 21 нояб). Об отношении Эллиса к творчеству Бальмонта см. п. 156, прим. 5.

155. БАЛЬМОНТ — БРЮСОВУ

1910. (3/) 16 сентября. Сулак.

Валерий, я получил твое письмо от 17-го (30-го), и совершенно им обескуражен. Ты пишешь, что от своих предшественников по редакции [1] получил мою «Египетскую повесть» [2] и 5 стихотворений (— ничего из этого нигде не было напечатано —), и что «и рассказ и часть стихов можно было бы напечатать в 3-х остающихся книжках этого года и в 1-й кн. будущего». Во-1-х, имею от Лурье формальное письменное обещание, что эти стихи * будут помещены в августе. Во-2-х, Лурье меня печатал по 5-и стихотворений сразу (Из Суфитов) и по 12-и (Из Корана) [3]. А ты обещаешься напечатать 5 стихотворений в 3-х книжках. Если твое вступление в «Русскую мысль» ознаменуется столь прискорбным для меня образом, молю тщательно жизнедавца Зевеса [4], чтоб возможно скорее тебе пришло в голову покинуть «Русскую мысль». Полагаю, однако, что в данном случае строки твои продиктованы каким-нибудь недоразумением.

Пользуясь случаем, весьма подчеркиваю редакции «Русской мысли», что, находясь вынужденно за границей, я не печатаюсь ни в одном, кроме нее, журнале (разве что изредка в «Современном мире» или «Ниве») и что тормозить меня — более жестоко, чем другого [5].

«Волчью шубу» и прежде отданные тебе стихи охотно отдаю в «Северные цветы». Присоединяю к ним только что написанный «Завет Пифатора» [6].

Весьма тебя молю зайти в типографию и поторопить набор Уитмана [7], если твое слово подействует. Поляков верен себе, и в полтора месяца не только не собрался послать мне просимые 100 рублей, но и не потрудился даже ответить хотя бы открытым письмом на два мои письма. К «Огненному ангелу» твоему, согласен, я несправедлив, быть может [8]. Но дело в том, что исторический роман, в принципе, я считаю формой глубоко-фальшивой и неприемлемой, и по-истине, не в состоянии даже читать исторические романы,— разве что читать их по-английски, чтоб совершенствоваться в английской разговорной речи. Клянусь, я не могу не только внимательно прочесть какой-либо исторический роман, но даже искренне не в силах понять, как у автора было терпение все это написать. Не постигаю. Не отомщай же мне за невольную несправедливость и не относись с полным невниманием к моей книге «Змеиные цветы» [9], о которой ты в письмах даже и не упоминаешь. Меж тем, в этой книге имеется полный перевод Майской Космогонии [10] — Истории, единственный уцелевший веский документ наряду с Ваятелем и Царицей [11]. Ни у Немцев, ни у Англичан не имеется переводов,— точней, пересозданий,— этих замечательных документов. Они имеются сейчас лишь у Французов и Русских.

Жму руку.

Твой К. Бальмонт.

ГБЛ. Ф. 386, 76.2. Л. 25—26.

[1] О предшественниках Брюсова в литературном отделе «Русской мысли» см. наст. том, кн. 2, Переписка с Гумилевым, п. 65, прим. 6.

[2] «Египетская повесть» (опубл.: *РМ.* 1910. № 11) — это перевод с перевода: Бальмонт перевел французского востоковеда Г. Масперо, обработавшего древнеегипетский текст.

[3] В «Русской мысли» (1910. № 5) напечатана подборка стихов Бальмонта «Из поэзии Суфитов», куда вошло пять небольших стихотворений: «Корчма», «Вино», «Чаша с вином», «Ангелы» и «Капля».

Цикл из 11 стихотворений — «Коран» опубликован в № 5 «Русской мысли» за 1909 г. В него вошли: «Милосердный», «Удар», «О, Пророк», «Не позабудь», «Богачи», «Аль-Хотама», «Трубный звук», «Великая весть», «Тогда», «Дым» и «Событие».

[4] Реминисценция из стихотворения В. А. Жуковского «Теон и Эсхин».

[5] 8 сентября 1910 г. Брюсов писал П. Б. Струве: «В январе, может быть, надо будет по-

---

* В «Русскую мысль» через Лурье были доставлены (очень уже давно) — «Жерло» и «Как же?» — Недавно же: кроме поименованных тобою, «Агни», «Двойник», «Солнце», еще — летом — «Верный», «Нелюдим», «Аменти», «Рубище», о которых и было обещание напечатать их осенью, и вместе с «Агни» — «Потухшие вулканы», «Тигр», «Как ночь», «Костер», «Числа» [12] *(прим. Бальмонта)*.

местить Бальмонта. Бальмонт сегодня прислал мне негодующее письмо, утверждая, что С. В. Лурье обещал ему напечатать длинный цикл его стихов еще в августе и что вообще он ждет, что «Русская мысль» не будет чинить ему затруднений в печатании его стихов и статей, принимая в расчет, что он — эмигрант. Надеюсь, что мне удастся его дружески и дипломатически успокоить» (Лит. архив. Вып. 5. С. 276).

[6] Оригинальных стихотворений Бальмонта в «Северных цветах на 1911 год» не публиковалось. О рассказе «На волчьей шубе» см. п. 163, прим. 3. Приложенное к письму стихотворение «Завет Пифагора» имело посвящение Брюсову. Оно вошло без разночтений в сб. «Зарево зорь» (с. 128—129), но при публикации посвящение было снято. Вероятно, Бальмонт был обижен тем, что число его произведений, печатаемых в «Русской мысли», не только не увеличилось с приходом в журнал Брюсова, но даже сократилось. В 1910 г. было опубликовано одно стихотворение, в 1911 — три (и два перевода из Э. По), в 1912 — одно.

[7] «Побеги травы» Уитмена набирались в типографии А. И. Мамонтова, находившейся в Леонтьевском переулке, дом № 5.

[8] См. п. 139, прим. 15. Своего суждения о Брюсове-прозаике Бальмонт и впоследствии не изменил. В статье «Восковые фигурки» он писал: «Обладая в поэзии весьма выразительным даром, беллетристического дарования он безусловно лишен» (Утро России. 1913. № 149. 29 июня). Еще более определенно высказался Бальмонт по этому поводу в заметке «Забывший себя», где утверждал, что, несмотря на то что Брюсов «упорствует на сочинениях длинных, предлинных исторических романов,— он есть лирик, и лишь как таковой имеет право на серьезное внимание. В лирике он является не памфлетистом и стилизатором, т. е. компилятором-имитатором, а создал нечто свое, определяющее, интересное, иногда сильное» (Утро России. 1913. № 179. 3 авг.).

[9] Брюсов отнесся к «Змеиным цветам» с большим вниманием, особенно его интересовали многочисленные примеры переклички культур, приводимые Бальмонтом в этой книге. В «Учителях учителей» он неоднократно ссылается на наблюдения и мысли Бальмонта (VII, 363, 370, 389).

[10] В «Змеиные цветы» автор ввел как отдельную главу «Космогонию майев. Из Священной книги Пополь-Ву». О значении этой работы Бальмонт писал: «Священная книга Квичей — Майев, впервые появляющаяся на русском языке во всей своей цельности, представляет исключительный интерес, как древний космогонический и поэтический замысел, слагавшийся вне обычных, известных нам умственных влияний, и поэтому являющий высокую самобытность» (*Змеиные цветы*. С. 231). Иную оценку «Космогонии майев» дал А. Белый. В рецензии на книгу Бальмонта он отмечал: «Книга распадается на две несоизмеримые по интересу части. В первой части перед нами встают путевые впечатления Бальмонта от Мексики. Эта часть книги поистине привлекательна: нам интересна Мексика, нам интересен Бальмонт. Впечатления от Мексики самого впечатлительного из наших поэтов: все тут — красота, все — песня (. . .) Не то вторая часть, посвященная главным образом переводам священной книги «Пополь-Ву». Сюда принадлежит: «Космогония Майев», «Исполины», «Путь испытаний», «История девушки», «К звездам», «Человеческая повесть Квичей-Майев» и т. д. Во-первых, перевод дан Бальмонтом с сомнительного перевода и за достоверность его сведений о космогонии Майев ручаться трудно (. . .) Во-вторых, самые, будто бы точно переведенные, отрывки бесцветны и неинтересны; они изобилуют множеством неудобочитаемых имен и скучных аллегорий, не выражающих ничего сколько-нибудь значительного и глубокого» (*РМ*. 1910. № 10).

[11] Главы «Начертания царицы майев» и «Слова майского ваятеля».

[12] Из перечисленных стихотворений в «Русской мысли» напечатаны только «Агни» (1910. № 10) и «Как же?» (1911. № 2). Стихотворение «Двойник» опубл. в альманахе «Гамаюн» (СПб., 1911). Остальные вошли в сб. «Зарево зорь».

Автографы всех этих произведений, кроме четырех посланных летом (стихотворения «Верный», «Нелюдим», «Аменти», «Рубище»), сохранились в архиве Брюсова (*ГБЛ*. Ф. 386, 55.12. Л. 14—24).

156. БАЛЬМОНТ — БРЮСОВУ

1910. (13/) 26 сентября. Сулак.

Валерий, я отослал вчера на твое имя первые три листа корректур Уитмана. Будь добр, отдать их в «Скорпион», с пояснением, что исправленные корректуры должны быть доставлены для проверки подписи к печати тебе. Я думаю, ты не откажешься оказать мне эту услугу, которая сократит проволо́ку и ускорит выход книги месяца на два, если они будут и впредь высылать мне корректуры по два — по три листа. Быть может, и в этом смысле ты передал бы от меня просьбу новому секретарю [1] (все секретари для меня подозрительны). А именно, что я прошу, нельзя ли всю книгу набрать в два приема, или же три. Она ведь небольшая. Буду с нетерпением ждать посылки следующих листов.

Еще будь добр передать Белому прилагаемое письмо [2]. Я не знаю теперешнего его адреса [3]. Благодарю его за посылку двух книг [4]. От Эллиса же негодного не получил книгу [5].

Посылаю тебе для «Северных цветов» еще 3 небольшие вещи [6]. Прошу все разместить в таком порядке: 1. Завет Пифагора.— 2. Новый Серп.— 3. Лунный Сок.— 4. Лерберг.— 5. Ущерб.— 6. Благовестие.— 7. Два Венка.— 8. Из Вихря. Если «Тигр» не взят «Русской мыслью» и если не будет это чрезмерным, тогда пред «Из вихря» прошу поместить и «Тигра» [7].

Жду от тебя отклика на два письма [8]. Бросаю последний огляд на свою Океанскую тропу трехмесячную [9]. Через 4 дня (29-го) уезжаю отсюда. Пиши мне по адресу: Париж, 58, rue d'Assas. Своевременно сообщу дальнейший адрес, ибо в намерениях посетить Голландию, в половине октября [10].

Очень радостно было получить твои ласковые слова. Я не верю, чтоб между нами стояло что-нибудь, кроме того, что мы разнствуем во многом, будучи почти тождественно близки в другом. Но ведь это и придает очарование нашей многолетней близости душевной; да не порвется никогда она. И не может порваться, а лишь будет крепнуть теперь, как вино минувших дней [11].

Братский привет. Жму руку.

Твой К. Бальмонт.

Приложение к п. 156

ЛЕРБЕРГ

Ничто из того, что лунно, не чуждо мне [12],
Я зачат был поцелуем при новой Луне,
Я лунным жил, и в солнце Луной был пьян,
Пропел я лунную Еву [13], мной спет был Пан [14].

Луной ущербной на миг был смущен мой ум,
И впал я в смутность, безумность [15], безлунность дум,
Но вновь просветленный ушел я к иной стороне,
И все, что в подлунной лунно, так близко, так близко мне.

ГБЛ. Ф. 386, 76.2. Л. 27—28, 38.

[1] Секретарем издательства «Скорпион» в это время был Николай Александрович Баженов. Письма Бальмонта к нему за 1911—1914 гг. хранятся в *ИРЛИ*. Ф. 240. Оп. 1. № 41—67.

[2] Письмо, адресованное Белому, сохранилось в брюсовском архиве. Приводим его полный текст:

«1910. 13—26. 9. Сулак.

Дорогой Борис Николаевич!

Спасибо Вам большое за посылку двух Ваших книг. Очень был обрадован их получением, как из-за удовольствия их прочесть, так и в силу того, что увидел из надписей добрые Ваши чувства ко мне, несмотря на мой резкий отзыв о Вас в «Морском свечении». Упоминаемая мною моя статья имеет частное и беглое значение, и если б я говорил о Вас подробно, конечно — и Вы это знаете — я нашел бы в своем словаре иные слова для Вас, ибо я очень ценю многие Ваши оригинальные точки зрения и многие из Ваших стихотворений.

Должен, однако, сказать, что мне совершенно чужд основной Ваш метод отношения к поэтам и стихам, сближающий Вас с Брюсовым в этом. Я люблю, пожалуй, смотреть в музеях на витрины с коллекциями бабочек — за невозможностью видеть всех бабочек мира летающими и сидящими в живости под лучами Солнца. Но сам я собирал коллекции бабочек и букашек, а равно гербарии, когда мне было лет 7—8. Потом все мучительнее мне было их накалывать на булавки. В последний раз, когда, 22 лет, я был на Кавказе, в Кабардинской области, я — в последний раз — бродил около Нальчика и ловил гудящих синих шмелей. И тогда я увидел при накалывании синего шмеля столько тайноведения, что уже не буду более собирать никаких коллекций (кроме книжных), и даже в книгах брожу с великой осторожностью и не пытаюсь сдавливать их в гербарии и замыкать их в стеклянные гробницы. Если же какая бабочка залетит ко мне в комнату и бьется, я любуюсь на нее — и поскорей отпускаю ее к солнечному Богу из дьявольской духоты и замкнутости комнаты: к лицезрению Обруча Мира.

Буду очень признателен Вам, если и впредь Вы надумаете посылать мне свои книги. Искренно жму Вашу руку и желаю Вам всяческих успехов» (*ГБЛ*. Ф. 386, 76.7. Л. 1, 2).

[3] А. Белый, живший летом 1910 г. на даче в селе Демьянове Клинского уезда Московской губернии, к сентябрю вернулся на свою московскую квартиру.

[4] По всей видимости, Белый выслал по просьбе Бальмонта (см. п. 154) вышедшие в 1910 г. книги «Луг зеленый» (М.: Альциона) и «Символизм».

[6] Возможно, Эллис не выполнил просьбы Бальмонта по той причине, что в его книге «Русские символисты», о высылке которой шла речь, отмечался упадок в творчестве Бальмонта. «Он плодовит,— писал Эллис,— он жизнеспособен, отзывчив и энергичен по-прежнему. Но ни в одной строке его уже не звучат те ноты божественного вдохновения, которые никогда не покидали его прежде. Бесспорно, одной из причин этого падения было превратное понимание самим поэтом своего внутреннего личного и творческого кризиса. Отсюда все увеличивающееся количество фальшивых нот и аккордов, все большая и большая склонность перепевать себя самого и, наконец, бесплодное, безумное метанье в выборах сюжетов и источников вдохновения уже искусственного» (*Эллис*. Русские символисты. С. 79).

[6] К письму приложены три стихотворения, составляющие своеобразный лерберговский цикл: «Лерберг», «Лунный сок» и «Два венка». Два последних вошли без разночтений в сб. «Зарево зорь», а потому в настоящей публикации опущены.

[7] Из перечисленных стихотворений «Новый серп» и «Благовестие» опубл.: *РМ*. 1911. № 2. Вся подборка (кроме «Лерберга») вошла в сб. «Зарево зорь».

[8] П. 155 и 156.

[9] Имеются в виду три месяца (июль—сентябрь), прожитые Бальмонтом в Сулаке.

[10] 25 сентября 1910 г. Бальмонт сообщал из Сулака М. В. Сабашникову: «Мой адрес (я уезжаю отсюда) — Париж, 58, rue d'Assas, до 8 октября нового стиля; затем Брюссель, до востребования» (*ГБЛ*. Ф. 261, 2.74. Л. 5). 4 ноября 1910 г. Бальмонт из Брюсселя писал Т. А. Полиевктовой (*ЦГАЛИ*. Ф. 57. Оп. 1. Ед. хр. 96. Л. 73), а 7 ноября оттуда же послал открытку Брюсову: «Я возвращаюсь в Париж, и мой адрес — прежний: Passy, 60, r. d. l. Tour» (*ГБЛ*. Ф. 386, 76.2. Л. 33). Очевидно, поездка в Голландию не состоялась.

[11] Неточная цитата из «Элегии» Пушкина: «Но, как вино,— печаль минувших дней // В моей душе чем старе, тем сильней...».

[12] В извлечениях из высказываний критиков о Ш. Ван Лерберге, подобранных Бальмонтом, он приводит слова Эмиля Леконта: «Ничто из того, что лунно, ему не чуждо» (*Ван Лерберг Ш.* Ищейки. С. 52).

[13] Несколько стихотворений в своем переводе из сборника Лерберга «Песнь Евы» Бальмонт приложил к переводу драмы Ш. ван Лерберга «Ищейки» (с. 72—82).

[14] Драма Лерберга «Пан» в переводе С. А. Полякова опубл. в «Весах» (1907. № 4) и выпущена отдельным изданием «Скорпионом» в 1908 г.

[15] У Лерберга незадолго до смерти началось психическое расстройство (см.: *Бальмонт К.* Шарль Ван Лерберг. Письмо из Брюсселя // Весы. 1908. № 5. С. 79).

157. БАЛЬМОНТ — БРЮСОВУ

1910. ⟨23. IX/⟩ X.6. Париж.

Злой Валерий, что ж не отвечаешь? Или обиделся на меня?

Я уезжаю отсюда послезавтра. Прошу писать — Bruxelles, poste restante.

Будь добр сделать две поправки в посланных тебе рукописях. «Завет Пифагора»: — «Пропоем мы свой напев». Нужно: наш [1].— «Забытые сокровища»: всю фразу (стр. 10-я) о Куке и Русских критиках выкинь вон и замени: «Привожу подлинную Океанийскую песенку в дословном переводе».

Кстати. Если «Забытые сокровища» вовсе не обрадуют «Русскую мысль», я охотно отдам их в кладовую «Северных цветов» сего года [2].

Отзовись. Обнимаю.

Твой К. Бальмонт.

ГБЛ. Ф. 386, 76.2. Л. 29.

[1] При публикации стихотворения «Завет Пифагора» в сб. «Зарево зорь» (с. 128) эта поправка была учтена.

[2] Очерк Бальмонта «Забытые сокровища. (Египетская Любовная Поэзия)» опубликован в альманахе «Северные цветы на 1911 год» с такой редакцией второй поправки: «Вот подлинная Океанийская песенка, взятая мною из известного сочинения Риэнци, посвященного описанию Океании; в Русском моем переводе, два года тому назад, при напечатании моих «Зовов древности» (СПб.: Пантеон), она возбудила так много негодования среди несведущих, полагавших, что я сам ее выдумал». Очерк вошел в книгу Бальмонта «Край Озириса».

158. БАЛЬМОНТ — БРЮСОВУ

Bruxelles. Hôtel Rocher-Cancale, rue Fossé-aux-Loups.
1910. X. 25. ⟨н. с.⟩

Валерий, ты многоразлично меня огорчил. И вот тебе целиком — на тебя к тебе челобитная души моей.

§ 1-й. Рассуди, путешественник, что верней — Главная почта Европейского города или случайный отель в этом городе? И не имею ли я точных оснований, давая свой адрес такой-то? Пиши, куда хочешь, но пиши, и предпочтительно, на poste restante. Я не получаю лишь те письма, которые не написаны. Зачем напрасные отговорки?

§ 2-й. Разве, о, внимательный друг, не мог ты хоть словом упомянуть, получил ли ты корректуру Уитмана и отправил ли ее в «Скорпион»? После всех наших разговоров и твоего предложения дружеских услуг, мне очень тягостна такая небрежность.

§ 3-й. Ни слова не сообщаешь мне, получил ли ты «Забытые сокровища» и изменил ли одну фразу, о чем тебя просил. Уж извести [1].

§ 4-й. Не ведаю, дошли ли до тебя стихи, посланные для «Северных цветов» [2]. Бросая цветок приветственный, не слишком люблю видеть безглагольную спину, взамен улыбнувшегося лица.

§ 5-й. Прискорбно, когда стараются уловить на слове (сие есть обычно — покушение с негодными средствами).

Конечно, я читал твой роман, и как бы иначе мог печатно, или не печатно, говорить о нем. Неосторожен ты в обвинениях и несправедлив. Читал, но есть два чтения: холодное, глазами, и любовное, душой. Читал глазами, душой — вероятно — не прочту никогда. У души моей есть определенные вкусы, не всегда совпадающие с твоими. И знаешь еще что? Ты меня Гейне, а я тебя, друже, другим поэтом: «Чтобы ведать вкус вина, не надо испить всю бочку. Глоток, другой, убедителен» [3].

§ 6-й. Не укажешь ли мне, несведущему, хоть один художественно-пристойный «исторический роман». (Я считаю глубоко-непристойной убогую лживую хронику, что зовется «Война и Мир») [4].

§ 7-й. Я в «Морском свечении» смягчил свой отрицательный отзыв о твоем романе, сравнительно с тем, как я говорил о нем в «Золотом руне» [5]. И я не кусался, о, нет. Я умею кусаться очень больно, но не люблю кусать тех, кого люблю (в поэзии).

§ 8-й. Молю, ежели что переписал или не дописал, в душе исправить, Бога для. И благодарю за «Агни» [6], коего не видел, ибо «Русская мысль» упорно не хочет посылать мне себя [7], остаюсь ждущий твоих строк, в стране возлюбленного тобою Фламандского искусства,

необманный друг твой К. Б а л ь м о н т.

P. S. При сем возвращаю Сказку Египетскую [8].

ГБЛ. Ф. 386, 76.2. Л. 30—31.

[1] См. п. 157, прим. 2.

[2] См. п. 156, прим. 6.

[3] Цитируется высказывание Гильберта из диалога О. Уайльда «Критик как художник» (*Уайльд О.* Полн. собр. соч. СПб.: изд-во А. Ф. Маркса, 1912 Т. 3. С. 225). Этот же афоризм Брюсов перевел иначе: «Чтобы убедиться, что вино кислое, нет надобности выпивать всю бочку» (см.: Письмо в редакцию» // Московская газета. 1911. № 96. 28 авг.).

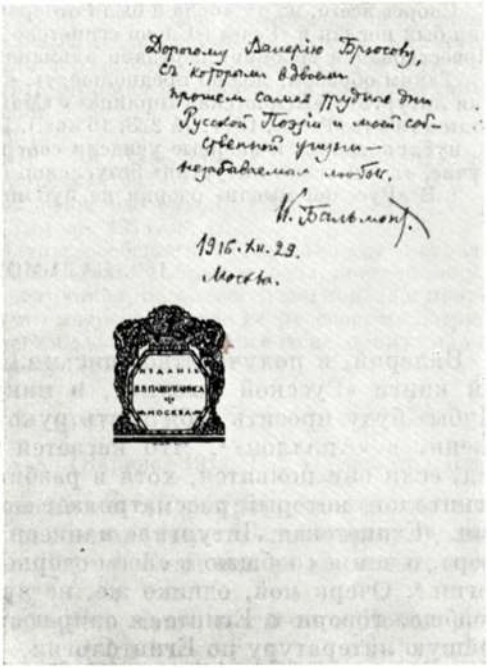
[4] Оценки Бальмонтом творчества Л. Толстого весьма противоречивы. Весной 1897 г., читая лекции о русской литературе в Оксфорде, Бальмонт назвал Толстого полубожественным творцом романов «Война и мир» и «Анна Каренина» (*Горные вершины*. С. 71).

5 декабря 1901 г. он послал Л. Толстому сб. «Горящие здания» с надписью: «Величайшему гению, какой теперь есть на Земле, Льву Толстому от безымянного» (Библиотека Льва Николаевича Толстого в Ясной Поляне. М.: Книга, 1972. Ч. 1. С. 57). Позднее он писал: «Я неохотно назову Льва Толстого гением, я скажу скорее, что это огромный талант, достигающий иногда гениальных моментов» (*Морское свечение*, С. 177).

[5] Отзыв в *ЗР* см.: п. 139, прим. 15. Вводя заметку в сб. «Морское свечение», Бальмонт вычеркнул из характеристики романа эпитет «компилятивный» и сравнение с Мережковским (*Морское свечение*. С. 179).

[6] См. п. 155, прим. 12.

[7] 25 октября 1910 г. Брюсов убеждал Струве: «Кажется мне очень несправедливым, что многие довольно близкие сотрудники «Русской мысли» не получают журнала бесплатно. Так, не получают его А. Элиасберг, К. Бальмонт, А. Ремизов, Ф. Сологуб. Первые три мне на это жаловались» (*Лит. архив*. С. 300).



К. Д. БАЛЬМОНТ. СОБРАНИЕ ЛИРИКИ. М., 1917

Обложка работы Д. И. Митрохина и форзац с дарственной надписью: «Дорогому Валерию Брюсову, с которым вдвоем прошел самые трудные дни Русской Поэзии и моей собственной жизни — незабываемая любовь. К. Бальмонт. 1916. XII. 29. Москва»

Библиотека СССР им. В. И. Ленина, Москва

[8] Вероятно, имеется в виду «Египетская повесть» (опубл.: *РМ*. 1910. № 11). Впоследствии под редакцией Бальмонта в издании М. и С. Сабашниковых вышла книга «Египетские сказки» (М., 1917).

159. БАЛЬМОНТ — БРЮСОВУ

⟨Париж.⟩ 1910. XII. 18. ⟨нов. ст.⟩. Пасси, 60, rue de la Tour.

Валерий, посылаю тебе, заказной бандеролью, 3 небольшие Египетские очерка [1]. Если «Русская Мысль» их возьмет [2], просил бы, ежели возможно, напечатать их вместе. Если не возьмет, будь добр вернуть рукопись, по возможности не задерживая.

Жму руку.

Твой К. Бальмонт.

ГБЛ. Ф. 386, 76.2. Л. 32.

[1] В письме к П. Б. Струве от 12 декабря 1910 г. Брюсов сообщал: «Содержание очерков — весьма вольный перевод научных данных и впечатлений от путешествий» (*Лит. архив*. С. 335). Из 16 египетских очерков, составивших впоследствии книгу «Край Озириса», последний («Славословие солнца и луны») не подходит под это определение. Пять очерков («Преддверье в Египет», «Нил», «Солнечное единобожие», «Двойная связь» и «Бог воскресения») были уже опубликованы летом 1910 г. в газете «Русское слово». Пока шли переговоры с «Русской мыслью» (до марта 1911 г., см. п. 161, прим. 2), еще один очерк напечатала газета «Речь» («Звери-водители», 1911, № 29, 30 янв.), а два других («Забытые сокровища» и «Египетские песни») вскоре появились в альманахе «Северные цветы на 1911 год». По всей видимости, связанные общей темой очерки «Зверопоклонство» и «Солнцепоклонничество» написаны позже декабря 1910 г. Первый опубликован в конце следующего года (Речь. 1911. № 348. 19 дек.), а второй — весной (Русское слово. 1911. № 73. 31 марта). Таким образом, остается пять очерков. Именно о них Бальмонт писал 11 ноября 1910 г. в редакцию «Русского слова»: «Уже очень давно я послал Вам «Повествования гробниц» и «Маяк в пустыне» ⟨...⟩ Я послал также на Ваше имя, один за другим, очерки «Египетская литургия», «Слово египетского старца» и «Египетская горлица;» (*ГБЛ*. Ф. 259, 11.5. Л. 13). Рукописи этих произведений были возвращены автору.

Скорее всего, из их числа и были отобраны три очерка для «Русской мысли». Кроме того, один был послан в «Речь» («Слово египетского старца», опубл.: Речь. 1910. № 348, 19 дек.), а «Повествование гробниц» передано альманаху «Гамаюн» (СПб., 1911).

Таким образом, можно предположить, что Брюсов получил следующие очерки: «Египетская литургия», «Египетская горлица» и «Маяк в пустыне» (последний очерк позднее был напечатан в газете «Речь», 1911, № 223, 16 авг.). Первые два в периодической печати и альманахах не публиковались и впервые увидели свет после выхода книги «Край Озириса». Во всяком случае, «Египетская литургия» безусловно была в числе присланных Брюсову (см. п. 131).

[2] В «Русской мысли» очерки не публиковались.

160. БАЛЬМОНТ — БРЮСОВУ

(Париж.) 1911. (17/) 30 января. Пасси.

Валерий, я получил твое письмо. Спасибо. Стихи, которые ты наметил для 2-й книги «Русской мысли» [1], я никуда не отдавал. Относительно «Волчьей Шубы» буду просить тебя взять рукопись у Полякова и отослать ее, от моего имени, в «Аполлон» [2]. Что касается моих Египетских очерков, я буду весьма рад, если они появятся, хотя в разбивку, в «Русской Мысли». Кстати, кто сей Египтолог, который рассматривает мои очерки? Сообщи мне, пожалуйста, его имя. «Египетская Литургия» написана, главным образом, на основании книги Морэ, о чем я сообщаю в своем очерке [3]. Морэ — имя очень известное в Египтологии [4]. Очерк мой, однако же, не является простым изложением этой книги. Вообще, говоря о Египте, я опираюсь, конечно, по возможности, на всю главнейшую литературу по Египтологии,— каковою вот уже полтора года неустанно занят,— но ведет меня мое собственное впечатление.

Твой роман из 4-го века [5] с удовольствием прочту, и потому, что он твой, и потому, что чем дальше век от нынешнего, тем он мне любопытнее. Должен, однако, сказать, что, занимаясь Египтом и Доисторическими памятниками, я привык к таким временным масштабам, что для меня Амен-Готеп 4-й, он же Ахэн-Атэн, живший приблизительно за полторы тысячи лет до Р. Х. [6], есть последний древний человек и первый новый. За 1.000 лет до нашей эры, и еще раньше несколько, почтенная Древность перестала существовать. Греция и Рим — это текущий день. Это мы. До несносности мы. До ненужности мы. Искать освежения души своей у Греков и Римлян никогда не буду, как никогда не искал.

Весьма осуждаю, тебя, Валерий, за твою женскую повесть [7] и совершенно невозможную «психодраму» [8] Ай-ай, ах-ах, ой-ой, мне больно. Где же Валерий Брюсов? Или его больше нет?

Коли найдешь свободную минуту, напиши не только о делах, а и о себе. Не приедешь ли сюда? В Россию же мне, увы, не путь. И хотел бы, да нельзя [9].

Жму руку.

Искренно твой К. Бальмонт.

ГБЛ. Ф. 386, 76.3. Л. 1—2.

[1] В этом номере были опубликованы стихотворения Бальмонта «Новый Серп», «Благовестие» и «Как же?».

[2] О рассказе «На волчьей шубе» см. п. 135, 147, 148, 153 и 155. Он носит явно автобиографический характер, как и большинство других рассказов Бальмонта. Его главное действующее лицо — рыжий мальчик, сын охотника, засыпающий в ожидании отца на старой шубе, сшитой из шкур убитых, отравленных и попавших в капкан волков. На авторизованной машинописи рассказа, о которой пишет Бальмонт в этом письме, Брюсовым сделана помета: «Аполлон, Мойка, 24, Пб.» (*ЦГАЛИ*. Ф. 57, Оп. 1. Ед. хр. 64). О судьбе рассказа см. п. 163, прим. 3.

[3] 6 января 1911 г. Брюсов спрашивал Струве: «Я получил запрос от Бальмонта относительно его египетских статей. Случилось ли Вам их рассмотреть и пришли ли Вы к какому-либо решению относительно них? Я в ответ послал ему тоже запрос, прося объяснить мне, на каких источниках основаны его статьи, особенно статья о египетской литургии» (*Лит. архив.* С. 313).

Бальмонт ссылается на следующее место в очерке «Египетская литургия»; «Описание обрядов Египетского богослужения, как его дает Морэ в своей книге, посвященной этому предмету, основано на изучении Папируса, хранящегося в Берлинском музее под № 3055-ым, и текстов, выгравированных на стенах храма Сэти Первого в Абидосе» (*Край Озириса*. С. 154).

[4] Александр *Море* (1868—1938) — французский востоковед, преподавал в Сорбонне, был директором музея Гиме, автор фундаментальных исследований по истории, культуре и религии Древнего Египта. На русский язык были переведены его книги «Цари и боги Египта» (М., 1914) и «Во времена фараонов» (М., 1913). Сведения об египетской литургии заимствованы Бальмонтом в первой из названных работ.

[5] Роман «Алтарь победы» (см. п. 163, прим. 8).

[6] *Аменхотеп IV* — египетский фараон в 1419 — ок. 1400 до н. э., супруг Нефертити. Пытался сломить могущество жрецов и реформировать религию.

[7] Повесть «Последние страницы из дневника женщины» опубл.: *РМ*. 1910. № 12.

[8] Психодрама в одном действии «Путник» (Там же. 1911. № 1).

[9] Бальмонт тяжело переживал отрыв от родины, особенно в последние годы эмиграции. Он писал: «И когда прошло какое-то роковое число недель, месяцев и годов, когда замкнулся недобрым колдующий, магический круг, что-то, простонав, погасло в душе, жизнь и природа потеряли свою ценность. Я смотрю на море, и что мне море,— оно не русское; я смотрю на всех людей кругом и чувствую, что (...) мне нечего им сказать, они ничего не поймут из моих слов...» (*Бальмонт К.* Привет Москве // *Рус. слово*, 1913. № 109. 12 мая).

161. БАЛЬМОНТ — БРЮСОВУ

(Париж.) 1911. II.2 4. (нов. ст.) Пасси.

Валерий, будь добр, сообщи мне, выяснился ли вопрос, касательно моих Египетских очерков. Если они будут напечатаны (вместе или порознь), хотелось бы узнать, когда это приблизительно будет [1]. Если они не подходят, пожалуйста, верни мне рукописи [2].

Напиши мне что-нибудь о себе. Что касается меня, я где-то в Доисторическом [3].

Жму руку.

Искренне твой К. Бальмонт.

P. S. Из всех стихотворений Мира мне кажутся прекрасным догматом лишь «Три ключа» Пушкина.

ГБЛ. Ф. 386, 76.3. Л. 3.

[1] Несмотря на множество публикаций, Бальмонт постоянно нуждался. 31 января 1911 г. он писал М. В. Сабашникову, только что выпустившему в его переводе «Три драмы» Словацкого: «Вот мой послужной список за 1910 год. Поляков взял у меня книгу о Мексике "Змеиные цветы" и стихи Уитмана, заплатив мне 500 и 400 рублей. Сытин взял "Испанские народные песни" и заплатил 250 рублей. Наконец, ты издал Словацкого. Таким образом, четыре книги, составляющие труд нескольких лет, не дали мне 2000 рублей. Но ведь это же совершенное самоубийство. Никакого мозга не хватит так работать при таких условиях. Развожу руками — и что мне измыслить, не ведаю"» (*ГБЛ*. Ф. 261, 2.74. Л. 15).

[2] См. п. 159, прим. 2. 10 марта 1911 г. Брюсов информировал Струве: «Статьи Бальмонта получены, благодарю Вас. Я послал их по назначению. Бальмонт отвержением их, конечно, обижен. Но он всегда в обиде» (*Лит. архив*. С. 334).

[3] В это время Бальмонт работал над очерками, составившими впоследствии сб. «Край Озириса».

162. БАЛЬМОНТ — БРЮСОВУ

1911. VIII. 28 (нов. ст.) St.-Brévin L'Océan [1].
Villa «La Brise» (Loire Inf.)

Валерий, благодарю тебя за привет в «Северных цветах» [2]. Шлю ответный привет. Хотел бы видеть его в «Русской мысли» [3].

Дошли ли до тебя два стихотворения Эдгара По, «Спящая» и «К Анни»? [4]

Жму руку.

Твой К. Бальмонт.

ГБЛ. Ф. 386, 76.3. Л. 4.

[1] Бальмонт отдыхал в этом приморском местечке до 1 ноября 1911 г. (см. его письмо к Т. А. Полиевктовой — *ЦГАЛИ*. Ф. 57. Оп. 1. Ед. хр. 96. Л. 75).

[2] Бальмонт имеет в виду посвященный ему брюсовский сонет «Как прежде, мы вдвоем в ночном кафе...» (опубл.: *СЦ 1911*).

[3] К письму были приложены «Два сонета. Валерию Брюсову. В ответ на сонет "Северных цветов" 1911 года». Приводим эти два неопубликованных сонета, сохранившиеся в архиве Брюсова (*ГБЛ*. Ф. 386, 55.12. Л. 39—40):

ОТКРЫТКА К. Д. БАЛЬМОНТА БРЮСОВУ
St.-Brévin L'Océan, 28 августа 1911 г.
Библиотека СССР им. В. И. Ленина, Москва

1

Мы встретились на утре наших дней.
Я в Мае был, а ты еще в Апреле.
Не знали мы тогда о скучном деле,
Бродя среди блуждающих огней.

Там, в синем утре, зов. Он все ясней.
В нем сон и звон пастушеской свирели,
В нем всплеск и блеск, в нем вскрик: «О, неужели,
Лишь тени мы на празднике теней?»

Не может быть. Два маяка в пространстве,
Мы в мире звуков разных две струны,
В двумирности — два солнца, две луны.

И там, где ты — в серебряном убранстве,
Полночным солнцем рдяность я творю,—
Где солнце ты, луною я горю.

2

Но где же, солнце, ты? Уж я не знаю.
Затем, что солнце ежели с луной,
Соединясь, глядят на свет дневной,
Не одному они сияют Раю.

Не к одному они уходят краю,
Когда идут, раздельно, в мир двойной.
И Осень перекликнется с Весной,
Но Август не прильнет сердечно к Маю.

Любили мы друг друга без конца,
Друг другу были Месяцем и Солнцем.
Перевязавши тонким волоконцем,

Златые два узорные кольца,
Их бросили — венчанье дружбы — в Море.
Быть может, там — на дне — сойдемся вскоре?

1911. VIII. 27

[4] Оба перевода опубл.: *РМ*. 1911. № 10.

163. БАЛЬМОНТ — БРЮСОВУ

1911. 12 декабря н. с. Париж. Пасси.

Дорогой Валерий,

Посылаю тебе последнее свое стихотворение — «На ярмарке». Если подходит к «Русской мысли», буду рад его там видеть [1],— если нет, пожалуйста, верни без проволочек рукопись.

«Русскую Мысль» я прошу посылать мне на будущий год по тому же адресу — 60, улица Башни,— но на имя Екатерины Алексеевны, а не на мое, ибо я в половине января уезжаю из Европы [2].

Заодно к этой просьбе присоединю напоминание, что я не знаю, где находится рукопись моего рассказа «На волчьей шубе», который я отдал тебе для «Северных цветов», когда же он не пригодился для них, просил тебя от моего имени переслать в «Аполлон». Не откажись сообщить. Если он никуда не нашел пути [3], будь добр вернуть мне рукопись (если сможешь), ибо у меня нет дубликата.

Благодарю тебя за книгу «Далекие и Близкие». Не думаю, чтоб для тебя, перед которым еще целая жизнь, настала пора печатать мемуары, и перепечатывать все, что написано. Ты можешь дать нечто гораздо более ценное, в этом я уверен. Не говоря по существу о книге, которая для меня не представляет ничего нового, скажу лишь, что невозможно печатать обзор поэтов, в который ты включаешь всякую безымянную дрянь с поддельными алмазами, и не дать характеристики таких истинных ярких цветов, как Лохвицкая (и не одна она — о, не одна!). Твоя оговорка по этому поводу [4] имеет в виду устранить от тебя попрек, но ни мало не устраняет. Засим скажу еще, что весьма нехорошее примечание ты сделал насчет посвящения тебе «Художника-Дьявола» [5]. Ты впал в ошибку, прискорбную для меня многократно. Я считаю эту поэму одной из лучших, наилучших своих вещей. Пусть ошибаюсь, но считаю. Перепечатывая «Будем как солнце» и желая сделать тебе что-нибудь приятное,— тебе, посвятившему мне «Урби эт Орби»,— я посвятил «Художника-Дьявола» Валерию Брюсову. Зная твое отношение к этой вещи теперь (посвящая, я совершенно забыл, что ты о ней где-то говорил), я, конечно, уничтожу посвящение в ближайшем издании «Будем как солнце», как бесполезное и лишенное смысла [6]. Имею еще сообщить, что я никогда не писал и не печатал поэмы «Червь Синего Озера» [7]. От историка литературы, как ты, можно требовать большей бережности к чужому труду и вдохновению. Что же касается «Червя Красного Озера», ты во время оно при нескольких свидетелях сильно восхвалял сию вещь, подчеркивая, что она истинно-ирландская. Свидетели эти не могут, однако, понять, что человек свободен менять впечатление и убеждение. Так и я, например, совершенно переменил убеждение в подлинности многих литературных ценностей, которые казались ранее истинными, оказались же фальшивыми купонами. Русская литература сих дней полна этими кошмарностями.

Роман твой «Алтарь Победы» я начал читать [8], и те сцены, которые прочел, меня заинтересовали. Я думаю, что в целом, однако, будет предпочтительнее прочесть такую вещь, ибо требуется непрерывность впечатления. Когда окончишь, пожалуйста, пошли мне экземпляр. Прочту где-нибудь в Индии, надо думать.

Соберешься ли ты или не соберешься за границу на Святках? Пожалуй, невозможно. А очень бы хотелось свидеться. Я люблю твою беседу. Я люблю твой загорающийся от одного слова ум, всегда радующийся возможности умственного боя или сочувственной, основанной на взаимном понимании, художественной перекличке.

Я мало с кем говорю. Мне больше всего приходится говорить, наедине, с самим собой.

Жму твою руку. Отзовись. Твой К. Бальмонт.

ГБЛ. Ф. 386, 76.3. Л. 5—7.

[1] Стихотворение опубл.: *РМ*. 1912. № 1. Оно вошло в сборник «Белый зодчий» (СПб.: Сирин, 1914. С. 190—191).

[2] Маршрут своего путешествия Бальмонт описал в п. 164.

[3] Рассказ «На волчьей шубе» сначала предназначался для «Весов» (п. 135, прим. 3), затем был передан в альманах «Шиповник» (п. 147, прим. 6), позднее предлагается «Северным цветам» (п. 155, прим. 6) и в «Аполлон» (п. 160, прим. 2), но опубликован только в сборнике Бальмонта «Воздушный путь. Рассказы» (Берлин: Огоньки, 1923).

[4] В предисловии к сборнику Брюсов указывал: «Здесь и статьи "юбилейные", и разборы отдельных, частных вопросов, и некрологи, и простые рецензии. Это одно уже отнимает у книги цельность, необходимое единство плана (...) К тому же условия журнальной и газетной работы определяли самый размер статей, и иногда я имел возможность более подробно остановиться на книге того поэта, которого сам ценил не высоко, а другой раз должен был ограничиться несколькими словами, говоря о явлении, казавшемся мне значительным» (*Далекие и близкие*. С. V).

[5] Разбирая первое издание книги «Будем как солнце», Брюсов отрицательно отозвался о поэме Бальмонта «Художник-Дьявол»: «Его опыты в эпическом роде, длинная поэма в терцинах "Художник-Дьявол", кроме нескольких красиво сформулированных мыслей да немногих истинно-лирических отрывков, вся состоит из риторических общих мест, из того крика, которым певцы стараются заменить недостаток голоса» (Мир искусства. 1903. № 7—8). Вводя эту журнальную статью в состав книги «Далекие и близкие», Брюсов сделал к приведенной выше фразе следующее примечание: «Этой критике поэмы Бальмонта пишущий эти строки обязан тем, что в следующем издании сборника „Будем как солнце" терцины "Художник-Дьявол" оказались посвященными именно ему» (*Далекие и близкие*. С. 81).

[6] В четвертом издании сб. «Будем как солнце» (Полн. собр. стихов. Т. III. М.: Скорпион, 1912) посвящение Брюсову сохранилось, а в пятом (Собр. лирики. М.: Изд. В. В. Пашуканиса, 1918. Кн. 5) оно было снято.

[7] Брюсов, говоря о сборнике Бальмонта «Злые чары», поражался: «Есть, наконец, в книге целые пьесы, до такой степени поэтически бессодержательные, вялые по изложению и бесцветные по стиху, что почти непонятно, как поэт мог включить их в свою книгу: "Подменыш", "Притча о Великане", "Червь синего озера", "Лихо"» (*Далекие и близкие*, С. 91). На самом деле, ирландская легенда, входящая в цикл «Синие молнии», имеет заглавие «Червь Красного озера».

[8] Роман начал печататься в «Русской мысли» с сентябрьского номера 1911 г.

164. БАЛЬМОНТ — БРЮСОВУ

(Париж.) 1912. 18 янв(аря) н. с. Пасси.

Валерий, я ждал от тебя какого-нибудь письма, но у тебя, конечно, для меня столь же мало времени, как и для любого из внешних людей, тебя посещающих. И я, вероятно, не скоро бы собрался тебе написать еще раз, если бы я не уезжал надолго.

Я уезжаю, воистину, на неопределенное время,— во всяком случае не менее, чем на 13 месяцев. Еду на юг Африки, черной Африки, там буду лишь месяц, затем уезжаю в Тасманию, Австралию, Новую Зеландию, Полинезийские острова Тихого океана [1].

Здесь, в Париже, я остаюсь до одного из последних дней января н. с., 1-го февраля н. с. из Лондона уезжаю с кораблем «Athenic», Albion Company, 3-го февраля, на преломлении дня, гляну в последний раз на Европу, в Плимуте, 8-го уже буду на Канарийских островах.

Хотелось сказать тебе какие-то ласковые слова. Вспоминался мне, эти последние недели, ты прежний, давний, совсем давний, первых дней наших. И как будто лишь там ты и был тем, кого любили звезды и серп Новолунный. Да, лишь там. А потом — развивающийся клубок того же лунного шелка и змеиных звеньев. А потом... а потом... Мне чужды твои пути. Я к ним не чувствую ничего в своей душе. Но мы ведь не только в путях наших. Быть может, менее всего в них. Быть может, то, что у тебя порой возникает смущенная детская улыбка на лице, такая трогательная, гораздо важнее того, что ты написал «Урби эт Орби». Кто знает?

Я позднею осенью провел несколько очаровательных недель, в Сэн-Брэвене-Океанском [2],— и в одну одинокую ночь я смотрел в сильное стекло на Луну. Одна блестка на срывах горных светилась не лунным, а солнечным блеском. Совсем-совсем иным, совсем золотым. Она мучила меня и нравилась мне. И рвалось к ней сердце.

Три последние твои напевности в «Русской мысли» [3] меня пленили. Читал их многим. Услышан.

Прощай. Или до свиданья. Обнимаю тебя и люблю.

Твой К. Бальмонт.

P. S. «Русскую мысль» прошу посылать по тому же адресу, на имя Екатерины Алексеевны — В феврале мой адрес: South Africa, Cape Town, Post office, Constantin Balmont.

ГБЛ. Ф. 386. 76.3 Л. 8—9.

[1] В этой поездке Бальмонт собрал по просьбе академика Д. Н. Анучина ценную коллекцию. Анучин снабдил Бальмонта рекомендательными письмами и «обратился к нему с просьбой, не будет ли он в состоянии в тех заморских странах, где ему придется быть, добыть кое-что по части этнографии для Московского университета, именно для его антропологического музея. Константин Дмитриевич (...) обещал сделать, что окажется возможным. Действительно, он не забыл своего обещания и вывез из посещаемых им стран много интересного, потратив на то немало средств» (*Анучин Д.* Заморское путешествие К. Д. Бальмонта // *РВ.* 1913. № 50. 1 марта).

На основании писем Бальмонта Анучин определил его маршрут: «Пробыл он в путешествии без месяца год, выехав из Парижа 1 февраля прошлого года и вернувшись 30 декабря. Этапы его были такие: Лондон, Тенериф, Кэп-Таун, Оранжевая республика, Трансвааль, побережье Южной Африки от Наталя до Кэп-Тауна, а затем — Тасмания (Гобарт и Лансестон), Австралия (Аделаида, Мельбурн), Новая Зеландия, группы островов Тонга Табу, Самоа, Фиджи, снова Австралия (Сидней, Брисбан), остров Четверга (Thursday-Island, у северного конца Австралии), Новая Гвинея, Целебес, Ява (от Сурабайи до Батавии и Бейтензорга), Суматра, Цейлон (Коломбо и Анурадхапура), Индия (от Тьютикорина до Мадраса, Бенареса, Агры, Дели, Бомбея); из Индии — в Порт-Саид и в Марсель» (Там же).

[2] Бальмонт приехал в Сэн-Брэвен-Океанский (поселок близ Нанта) в конце августа 1911 г. (см. п. 162).

[3] В «Русской мысли» (1911. № 12) было опубликовано девять стихотворений Брюсова, из которых три последних: «Офелия», «Засыпать под ропот моря...» и «На могиле Ивана Коневского» (II, 18, 60, 63).

165. БАЛЬМОНТ — БРЮСОВУ

1912. М(а)рт. н. с. Cape Town, 5, Avenue Terrace.

Валерий, я думал, согласно твоей депеше в Париж, найти здесь письмо от тебя. Но оно, верно, запоздало. До нового вторника!

Посылаю тебе 9 новых напевностей. Хотелось бы видеть их в «Русской мысли» [1].

Живу у подножья Столовой Горы, под знаком Южного Креста [2]. Вскоре еду в глубь страны.

Напиши мне по адресу: Australia, Tasmania, Hobart, Post Office, Constantin Balmont. Уезжаю туда 22 марта.

⟨*вырезано*⟩ олеандры.

⟨жму⟩ руку.

Твой К. Бальмонт.

ГБЛ. Ф. 386, 76.3. Л. 10.

[1] Скорее всего, идет речь о девяти стихотворениях цикла «В южных морях», сохранившихся в архиве Брюсова: «У Руля», «Орион», «Сириус», «Сочетания», «Светоч Юга», «Лебединая песня», «На старых канатах», «Острова», «Алтарь» (*ГБЛ*, Ф. 386, 55.12. Л. 25—33). Все они вошли в сб. «Белый зодчий».

[2] В письме Бальмонта, процитированном Д. Н. Анучиным, говорится: «Конечно, Кэп-Таун — милый городок, но Столовая гора, на которую я смотрел не из олеандрового сада в Кэп-Тауне, а с одного из владикавказских балконов, когда мне было 22 года, была много красивее...» (*Анучин Д.* Заморское путешествие К. Д. Бальмонта // *РВ.* 1913. № 50. 1 марта). Подробнее свои впечатления от Кейптауна, куда Бальмонт прибыл 1 марта 1912 г., он изложил в заметке «Из южных далей» (*Рус. слово.* 1912. № 175. 29 июля).

19 12

Театръ „КОМЕДІЯ и ДРАМА
(Моховая, 11).

Въ Понедѣльникъ, 5-го Марта,

ЛИТЕРАТУРНО-МУЗЫКАЛЬНЫЙ ВЕЧЕРЪ

въ пользу Смоленскихъ
ИМПЕРАТОРСКАГО Русскаго Технического Общества
классовъ для рабочихъ

посвященный произведеніямъ

К. Д. БАЛЬМОНТА

(по поводу 25-лѣтія его поэтической дѣятельности).

Цѣна 5 коп.

Программа засѣданія:

1. *Вступительное слово Председателя.*
2. *Рѣчь В. Д. Батюшкова: „О поэзіи Бальмонта".*
3. *Рѣчь Е. В. Аничкова: „Бальмонтъ и англійская поэзія".*
4. *Рѣчь Д. К. Петрова: „Бальмонтъ и его переводы съ испанскаго".*
5. *Чтеніе стихотвореній К. Д. Бальмонта.*
6. *Рѣчь В. Я. Брюсова: „Творчество Бальмонта".*
7. *Рѣчь В. И. Иванова: „Лирикъ Бальмонтъ".*
8. *Рѣчь А. А. Блока: „Бальмонтъ и поэтовая душа".*
9. *Пріемъ депутацій и чтеніе привѣтственныхъ телеграммъ.*

Председатель Общества проф. В. Браунъ.

АФИША ЛИТЕРАТУРНО-МУЗЫКАЛЬНОГО ВЕЧЕРА, ПОСВЯЩЕННОГО 25-ЛЕТИЮ ПОЭТИЧЕСКОЙ ДЕЯТЕЛЬНОСТИ К. Д. БАЛЬМОНТА

1912

Библиотека СССР им. В. И. Ленина, Москва

166. БАЛЬМОНТ — БРЮСОВУ

Мой адрес: New Zealand, Auckland, Post Office 1912. V. 2 н. с. Adelaide [1]. Botanic Hotel, 17.

Валерий, до меня не дошло твое письмо. Я писал тебе из Кэп-Тауна, и послал для «Русской мысли» стихи [2]. Посылаю еще 4 небольших вещи [3]. Пробуду здесь две недели.

Прочел в «Речи» программу «Чествования Бальмонта», и порадовался, увидев твое имя [4].

Дальность расстояния сближает магически.

Жму твою руку.

Твой К. Бальмонт.

ГБЛ. Ф. 386, 76.3. Л. 12.

[1] В заметке «Из южных далей» Бальмонт писал: «...Хотя мне совершенно нечего делать в Аделаиде, я живу здесь день за днем, ибо мне удалось поселиться хоть и в городе, но среди деревьев, каждый день утром ухожу в ботанический сад, провожу в нем долгие часы; перехожу из аллеи в аллею, от эвкалиптов к смоковницам, от прудка голубых лотосов к прудку белых лебедей, от затона белых арумов к красноцветным клумбам анемон и тихонько радуюсь, и тихонько томлюсь, и размышляю с недоумением о неверной шаткости таких обычных представлений, как зима, весна, лето и осень» (*Рус. слово*. 1912. № 175. 29 июля).

[2] См. п. 165.

[3] Стихотворения цикла «В южных морях», сохранившиеся в архиве Брюсова: «Праздник жизни», «Лишь», «Ты не видал», «Магей-агава» (*ГБЛ*. Ф. 386, 55.12. Л. 34—38). В «Русской мысли» они не публиковались, вошли в сб. Бальмонта «Белый зодчий».

[4] Брюсов был приглашен Вяч. Ивановым, членом юбилейного комитета «Неофилологического общества при Петербургском университете», принять участие в торжественном заседании, посвященном 25-летию поэтической деятельности Бальмонта (см.: *ЛН*. Т. 85. С. 535).

К. Д. БАЛЬМОНТ
Фотография, 1920-е годы
Библиотека СССР им. В. И. Ленина, Москва

В программе значилась речь Брюсова «Творчество Бальмонта», но она не была произнесена автором «по невозможности приехать в Петербург» (Записки Неофилологического общества. Вып. VII. СПб., 1914. С. 56—59). Чествование под председательством проф. Ф. А. Брауна состоялось 11 марта «при огромном стечении публики, было подлинным праздником молодой русской поэзии». См. отчет в газете «Речь» (1912. № 70. 12 марта).

С программой чествования Бальмонт ознакомился из хроникальной заметки в «Речи» (1912. № 63. 5 марта), где сообщалось, в частности, о докладе Брюсова. О подготовке юбилейного торжества см. также письмо С. К. Маковского к Брюсову от 18 февраля 1912 г. (*ЛН*. Т. 92, кн. 3. С. 395).

167. БАЛЬМОНТ — БРЮСОВУ

Нара-Фоминская, Моск⟨овская⟩ г⟨уберния⟩, им⟨ение⟩ Плесенское [1].
1913. VIII. 21.

Дорогой Валерий,

я с большой радостью получил сегодня письмо твое и пожалел, что не успел вчера,— как хотел,— написать. Наши письма совпали бы, как наши заглавия. Я именно хотел написать тебе, что слишком дорожу нашими дружескими отношениями, чтобы допускать, что какие-либо литературные выступления, твои или мои, смогут поколебать их. Я жалею, однако, что ты возразил на мои рецензии [2] (написанные по крайнему разумению), ибо этим самым ты именно воззвал к πόλεμός * и вызов я принял, спор продолжил. В конце концов, спора никакого здесь быть не может, ибо тут догмат, у меня один, у тебя другой. Догмат можно принять или отвергнуть. Пытаться видоизменять его — напрасный труд [3].

Я воистину огорчен формой твоих, изданных вновь, прежних книг. Они теряют так всякую власть надо мной, и это мне прискорбно. И такие стихотворения, которые мы пережили вместе,— «Моя любовь палящий полдень Явы» [4],— отняты у меня, как бы лично у меня.

---

* полемике *(греч.)*.

Ты смутил меня сообщением о «Звеньях» [5]. Я не знал, что ты готовишь книгу с таким заглавием. Так как это заглавие очень общего свойства, и я пришел к нему совершенно самостоятельно,— прости,— я не могу его изменить [6]. Притом оно возникло довольно таинственно. И вот как.

Когда я составил сборник (весной, в Париже), я назвал его «Вехи» [7]. Одна из светлоликих возразила мне, что так называется препротивный сборник статей [8], и предложила слово «Грани»,— одно из любимых моих слов. Я почти принял, но Елена [9] разубедила меня. Мы условились, что оба будем придумывать новое. Я ушел домой и ровно в полночь придумал «Звенья». Она же одновременно придумала то же, блуждая по словам,— знак блужданий этих я сохранил и посылаю тебе [10].

Я рад и даже счастлив, что мы будем, наконец, видаться и говорить с тобой. Мне хочется этого. И думаю, должно это быть.

Я остаюсь здесь до 31-го, затем уезжаю на сентябрь к Елене (ст. Сходня, Никол. ж. д., д. Овчинникова). Это близко от Москвы.

Я кончаю новую книгу стихов, написанную за последние два года [11]. И мысленно еще в Тихом океане.

Привет І. М. [12] Напиши мне!

Жму руку. Искренно твой К. Бальмонт.

ИМЛИ. Ф. 13. Оп. 3. Ед. хр. 60.

[1] В заметке «Беседа с поэтом», опубликованной на следующий день после возвращения Бальмонта в Москву, говорилось: «Константин Дмитриевич рассчитывает провести лето в подмосковном имении „Плесенском" вместе с семьей. Поэт уедет туда недели через две» (*Рус. слово*. 1913. № 104. 7 мая).

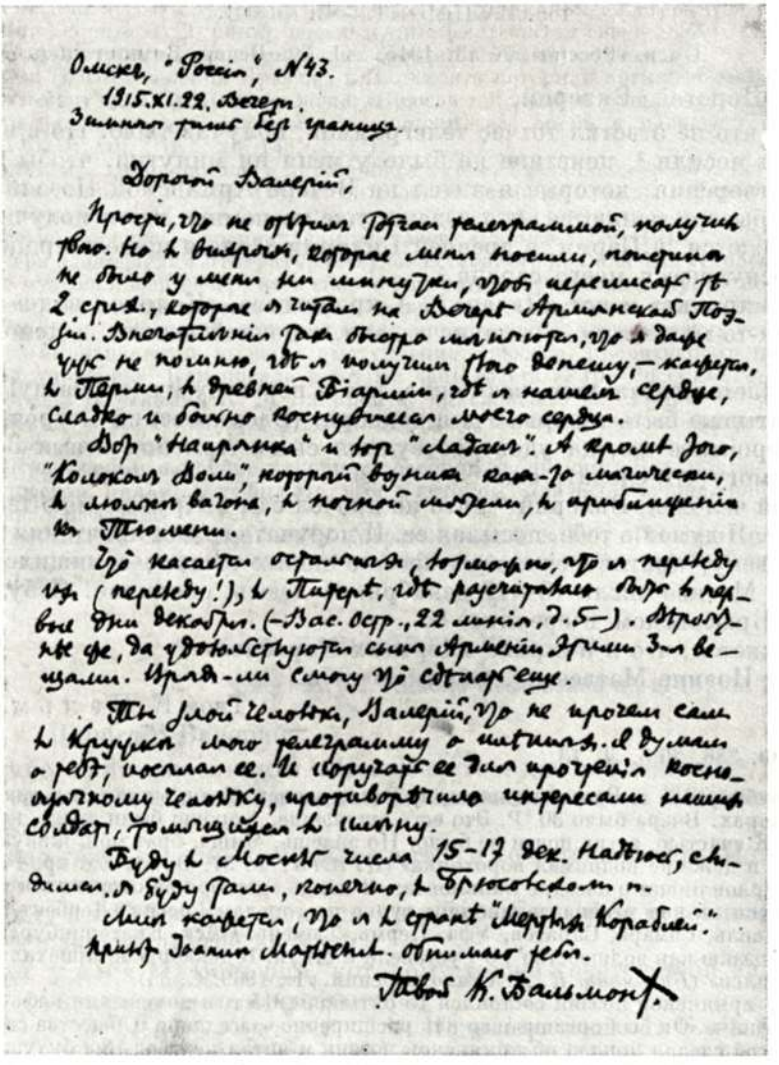
[2] В рецензии «Восковые фигурки (Валерий Брюсов. Ночи и дни. Вторая книга рассказов, драматических сцен. М., 1913)» Бальмонт так характеризует Брюсова-прозаика: «Имея лишь внешнюю способность повествования, Брюсов бессилен изобразить в своих рассказах какое-либо живое лицо, какого-либо живого человека. Его лица суть литературные измышления, теоретически построенные как выводы из такой-то или такой-то точки зрения» (Утро России. 1913. № 149. 29 июня). В следующей рецензии — «Забывший себя. Валерий Брюсов. Полное собрание сочинений и переводов. Т. 1» — Бальмонт критикует и переиздания брюсовских поэтических сборников: «Валерий Брюсов полагает, что он академик и что он уже помер. Он издает поэтому академическое посмертное собрание своих сочинений, с примечаниями, вариантами, точными датами и трогательно-подробным сборником библиографических указаний, что, где, когда напечатано, где какой стишок впервые увидел свет, где какая заметка в три строчки с половиной обогатила русскую культуру» (Утро России. 1913. № 179. 3 авг.).

Брюсов ответил на эти рецензии статьей «Право на работу» (Утро России. 1913. № 190. 18 авг.; VI, 405). Полярность взглядов Брюсова и Бальмонта на литературное творчество обозначилась гораздо раньше, чем разгорелась газетная полемика. 31 января 1909 г. Брюсов жаловался Н. И. Петровской: «Всю жизнь мечтаю я о спокойном, усердном труде. И вот за 35 лет жизни не смог добиться того, чтобы осуществить свою мечту. Всегда какие-то обстоятельства заставляют меня работать лихорадочно, торопливо, печатать начало, когда не написан конец, сдавать в печать вещи не обработанные, не обдуманные... Клянусь, Бальмонт, которому это вовсе не нужно, имеет гораздо больше возможностей работать над своими произведениями, нежели я» (*ЛН*. Т. 85. С. 797).

[3] Бальмонт утверждал в рецензии «Забывший себя», что «лирика по существу своему не терпит переделок и не допускает вариантов. Разночтения лирического чувства или же лирически высказанной мысли ищут, и должны искать, у понимающего себя поэта нового и нового выражения в виде написания новых, родственных стихотворений, а никак не в кощунственном посягновении на раз пережитое, раз бывшее цельным, и в секундости своей неумолимо-правдивым, ушедшее мгновение». Брюсов в статье «Право на работу» возражал: «По моему глубокому убеждению, утверждение Бальмонта (что поэт не имеет права исправлять, совершенствовать свои стихи) (...) не только не соответствует фактам, но и по существу своему ложно, а как принцип, крайне вредно».

Заканчивая полемику, Бальмонт в заметке «Что есть работа? (Ответ В. Брюсову)» писал: «Мы знаем в истории литературы целый ряд примеров, что и талантливые и гениальные поэты, переделывая, портили свои произведения. Переделывать свои стихи — при том самое легкое занятие, какое только может быть. И если достойнейшие люди этим занимались в минуту прихоти или оскудения, или повинуясь неверному методу, зачем бы и я стал делать то же» (Утро России. 1913. № 193. 22 авг.).

[4] Начальная строка стихотворения «Предчувствие» (I, 57), написанного «в виде состязания» с Бальмонтом (см.: *Письма к Перцову*. С. 48). По сравнению с первой публикацией были изменены 3, 10 и 11 стихи сонета.



Омск, "Россия", №43.
1915.XI.22. Вечер.
Зимняя грань без границ.

Дорогой Валерий,

Прости, что не открыл Твоей телеграммой, получив Твою. Но в вихрях, которые меня носили, почерка не было у меня ни минуты, чтоб переписать те 2 стих., которые я читал на Вечере Армянской Поэзии. Вначале мне было радостно, что я даже Тебя не помню, где я получил Твою депешу, — в Перми, в древней Биармии, где в нашем сердце, сладко и больно воспринялся моего сердца. Вор "Напрасно" и вор "Сладко". А кроме того, "Колокола Воли", которой вздыхал как-то магически, в люльке вагона, в почтовой телеге, в аэроплане и в Тюмени.

Что касается остального, то мне кажется, что я перееду (переведу!), в Париж, где-то числа 25-го декабря. (—Вас. Остр., 22 линия, д. 5—). Впрочем же, да удостоверюсь сам в Армении. Время зимы — изящно. Уряд-ли смогу до Сочи еще.

Ты злой человек, Валерий, что не прочел сам и Кружка мою телеграмму о статьях. Я думал о ней, послал ее. И Сорругаре ее дал прочесть косноязычному человеку, противоречило интересам нашего солдат, помещенной в статью.

Буду в Москве числа 15-17 дек. Надеюсь, свидимся. А буду Грам, конечно, в Брюсовском п.

Мой конверт, но и в сорт "Мертвых Кораблей". Крепко Твою Марусю. Обнимаю тебя.

Твой К. Бальмонт.

ПИСЬМО К. Д. БАЛЬМОНТА БРЮСОВУ

Автограф. Омск, 22 ноября 1915 г.

Библиотека СССР им. В. И. Ленина, Москва

[5] В проспекте Полного собрания сочинений и переводов Валерия Брюсова, выпускаемого изд-вом «Сирин», том 18 был обозначен так: «Звенья. Статьи теоретические. Статьи о театре». Издание закончено не было, и этот том не вышел.

[6] Сборник Бальмонта «Звенья. Избранные стихи, 1890—1912» выпущен изд-вом «Скорпион» в 1913 г.

[7] Поразительно что и Брюсов сначала выбрал для своего сборника заглавие «Вехи». На конверте письма № 123, посланного Бальмонтом из Сулака в августе 1910 г., Брюсов записал названия своих будущих книг: «Сны человечества», «Miscellanea», «Путник» и «Вехи». Последнее заглавие он зачеркнул и заменил его на «Звенья» (*ГБЛ*. Ф. 386, 76.2. Л. 21а).

[8] Сборник статей «Вехи» (СПб., 1909) ознаменовал отход испуганных революцией 1905 г. либералов от демократических идеалов.

[9] Е. К. Цветковская.

[10] Приложение к письму не сохранилось.

[11] Речь идет о сб. «Белый зодчий. Таинство четырех светильников», материалом для которого послужили впечатления от 11-месячного путешествия 1912 г.

[12] И. М. Брюсовой.

168. БАЛЬМОНТ — БРЮСОВУ

Омск, «Россия», № 43. 1915. XI. 22. Вечер. Зимняя тишь без границ [1].

Дорогой Валерий,

прости, что не ответил тотчас телеграммой, получив твою. Но в вихрях, которые меня носили [2], поистине не было у меня ни минутки, чтобы переписать те 2 стихотворения, которые я читал на Вечере Армянской Поэзии [3]. Впечатления так быстро меняются, что я даже уже не помню, где я получил твою депешу,— кажется, в Перми, в древней Биармии [4], где я нашел сердце, сладко и больно коснувшееся моего сердца [5].

Вот «Наирянка» и вот «Ладан» [6]. А кроме того, «Колокол воли» [7], который возник как-то магически, в люльке вагона, в ночной метели, в приближении к Тюмени.

Что касается остальных, возможно, что я переведу их (переведу!) в Питере, где рассчитываю быть в первые дни декабря. (Васильевский Остров, 22 линия, д. 5) [8]. Вероятнее же, да удовольствуются сыны Армении этими 3-я вещами. Вряд ли смогу что сделать еще [9].

Ты злой человек, Валерий [10], что не прочел сам в Кружке мою телеграмму о пленных [11]. Я думал о тебе, посылая ее. И поручать ее для прочтения косноязычному человеку, противоречило интересам наших солдат, томящихся в плену.

Буду в Москве числа 15—17 декабря. Надеюсь, свидимся. Я буду там, конечно, в Брюсовском п(ереулке) [12].

Мне кажется, что я в стране «Мертвых Кораблей» [13].

Привет Иоанне Матвеевне. Обнимаю тебя.

Твой К. Бальмонт.

ГБЛ. Ф. 386, 76.3. Л. 13.

[1] 21 ноября 1915 г. Бальмонт писал из Омска жене: «Катя, милая, я в тишине, снеге и льдяных узорах. Вчера было 30 °Р. Это есть ощущение. Хороши были дымы, которые низко стелились. К счастью, ветра почти не было. Но знаешь, Миша, брат мой, живущий в Омске, замерзал, а я даже не поднимал воротника» (*ЦГАЛИ*. Ф. 57. Оп. 1. Ед. хр. 145. Л. 57).

[2] Вл. Орлов пишет о поездке Бальмонта: «В конце сентября он отправился в длительное, растянувшееся на два месяца лекционное турне по городам России (Дербент, Тифлис, Кутаис, Ярославль, Самара, Саратов, Уфа, Пермь, Тюмень, Омск, Екатеринбург, Вологда),— он читал "Поэзию как волшебство", о Руставели и стихи. К декабрю он приехал в Петроград, где и поселился» (*Бальмонт К. Д.* Стихотворения. Л., 1969. С. 34).

[3] Вечер армянской поэзии состоялся 15 октября 1915 г. в помещении кафе «Альпийская роза» на Софийке. Он был организован как расширенное заседание «Общества свободной эстетики». Брюсов сделал доклад об армянской поэзии и читал переводы из будущей антологии «Поэзия Армении». Свои переводы читали также К. Бальмонт, Вяч. Иванов, Ю. Балтрушайтис, Ю. Верховский.

[4] В древности Биармией называлась территория к западу от Уральских гор до рек Печоры, Камы и Волги.

[5] Возможно, Бальмонт имеет в виду встречу, которая произошла не в Перми, где он был 14 ноября, а в Уфе, откуда он сообщал жене 9 ноября 1915 г.: «Утром у меня был молодой татарин Сончелей, заведующий отделом мусульманских книг в здешней библиотеке. Он принес мне начертанные красивейшими арабскими знаками свои переводы моих стихов "Будем как Солнце", "Египет", "Где же я" (из "Белой страны"), "Ты здесь", ("Ты цепенеешь, как одалиска..."),— и уже один этот выбор показал мне изящество души. Сын Востока не может не любить Солнечника» (*ЦГАЛИ*. Ф. 57. Оп. 1. Ед. хр. 145. Л. 56).

[6] Как сообщает И. Р. Сафразбекян, «в 1915 году газеты писали о шумном успехе, выпавшем на долю К. Бальмонта, который на вечере армянской поэзии в Москве прочел свои переводы из В. Теряна ("Наирянка") и Сипил ("Ладан")» (*Чтения 1966*. С. 217). Оба эти стихотворения, отобранные Брюсовым, вошли в антологию «Поэзия Армении». В его архиве сохранились бальмонтовские автографы переводов из Теряна (*ГБЛ*, Ф. 386, 17.18) и Сипил (Там же. 18.4).

[7] Перевод из Аветика Исаакяна «Колокол воли» в «Поэзию Армении» не вошел, но опубликован в «Сборнике армянской литературы» (Пг.: Парус, 1916. С. 199), вышедшем под редакцией М. Горького. Автограф перевода сохранился в архиве Брюсова (*ГБЛ*. Ф. 386, 18.1).

[8] Вернувшись из Франции в Москву в мае 1915 г., Бальмонт жил на два дома. В сентябре 1915 г. он снял в Петербурге квартиру для Е. К. Цветковской, а в московской квартире жила Е. А. Бальмонт.

[9] Других переводов специально для составляемой Брюсовым антологии Бальмонт не сделал, но в книгу вошли еще четыре стихотворения («Умолкли навсегда времен былых на-

роды» И. Иоаннисиана, «Ручей» А. Цатуряна, «С горных высей стремятся ручьи» О. Туманяна и «Моя скорбь» П. Дуряна), переведенные Бальмонтом еще в 1893 г. по просьбе Ю. Веселовского для второго тома «Армянских беллетристов» (М., 1894).

[10] В эти годы отношения Брюсова и Бальмонта потеряли прежнюю теплоту. 16 февраля 1915 г. Бальмонт писал из Парижа жене: «Брюсов так же мало существует для меня, как прошлогодний календарь.— С Максом (Волошиным) все время в магнетическом токе бесед» (*ЦГАЛИ*. Ф. 57, Оп. 1. Ед. хр. 145. Л. 17).

[11] Бальмонт, находящийся в лекционном турне, сделал пожертвование в пользу пленных русских солдат. 7 ноября 1915 г. он сообщил жене из Самары. «Первое, что я получил здесь, это телеграмма от тебя (...) о получении монет для пленных наших...» (Там же. Л. 56).

В заметке «Москва — военнопленным» газета «Раннее утро» (1915. № 252. 2 нояб.) сообщала: «Вчера в помещении Литературно-художественного кружка был устроен интересный литературно-музыкальный вечер, весь сбор с которого поступит на покупку посылок и одежды русским воинам, находящимся в плену. В вечере приняли участие видные представители русской литературы, которые прочли ряд своих произведений, посвященных текущим событиям (...) Много аплодисментов вызвало выступление Брюсова, прочитавшего несколько новых своих стихотворений». Как писала в тот же день газета «Утро России» (№ 301), «на вечере была оглашена телеграмма К. Д. Бальмонта, приславшего из Сибири 100 рублей в пользу русских воинов в плену: «Присутствую со всеми, кто хочет помочь нашим бойцам. Верная победа — освободит их».

[12] В Брюсовском переулке находился особняк свояченицы Бальмонта — писательницы А. А. Андреевой. Бальмонт любил этот дом, в котором была великолепная библиотека, и часто останавливался в нем.

[13] В маленькой поэме Бальмонта «Мертвые корабли» (сб. «Тишина») рассказывается о кладбище кораблей, затерянном далеко на севере, где «встала белою толпой снегов и льдистых глыб громада».

169. БАЛЬМОНТ — БРЮСОВУ

(Москва.) Б. Николо-Песковский п., д. 15, кв. 2. 1916. XII. 29.

Дорогой Валерий,

Спасибо за письмо и книги [1]. Посылаю тебе две мои книжки [2], из дней, когда наши души были обвенчаны одним пламенем Мечты и Творчества,— еще до нашей встречи.

Я давно уже — очень соскучился о тебе и хочу тебя видеть. И говорить. И обменяться лучами новых стихов.

Я приду к тебе завтра, между 4-мя и 5-ю. Если тебе невозможно быть дома, извести и назначь другое время [3].

Сейчас у меня М. Волошин, которому также хочется тебя видеть.

Жму руку твою — и до свидания.

Искренно твой К. Бальмонт.

ЦГАЛИ. Ф. 56. Оп. 3. Ед. хр. 6. Л. 125.

[1] Возможно, Брюсов подарил Бальмонту свои новые книги «Семь цветов радуги» (М.: Изд. К. Ф. Некрасова, 1916) и «Избранные стихи» (М.: Универсальная библиотека, 1916).

[2] Бальмонт прислал Брюсову сборник «Под северным небом. Элегии, стансы, сонеты». Собрание лирики. Кн. 1 (М.: Изд. В. В. Пашуканиса, 1917) с надписью: «Валерию Брюсову этот утренний цветок, лишь им в те дни привеченный. К. Бальмонт. 1916. XII. Москва» (*ГБЛ*. Ф. 386, Книги, № 916). Вторая книга — «В безбрежности. Голоса природы». Собрание лирики. Кн. II (М.: Изд. В. В. Пашуканиса, 1917) с надписью: «Дорогому Валерию Брюсову, с которым вдвоем прошел самые трудные дни Русской Поэзии и моей собственной жизни — незабываемая любовь. К. Бальмонт. 1916, XII. 29. Москва» (Там же. № 917).

[3] Состоялась ли встреча, установить не удалось.

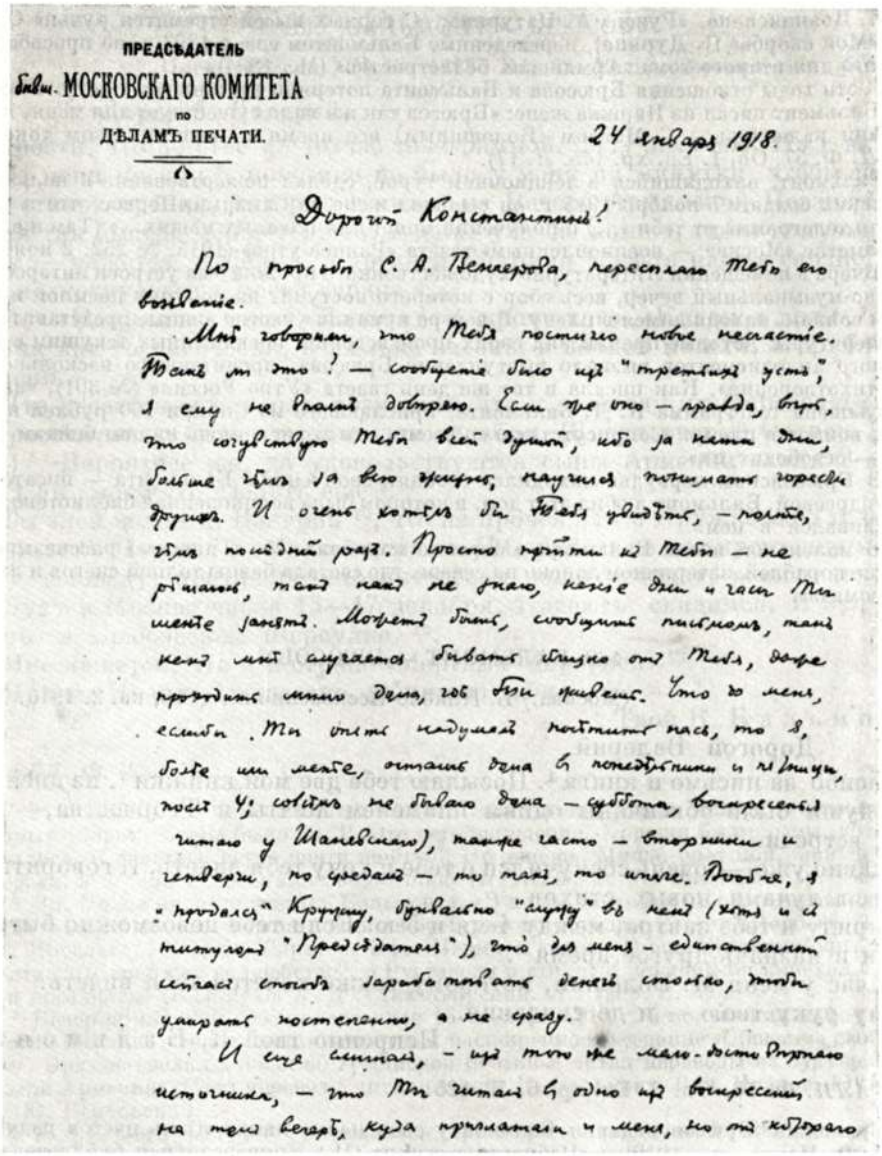
170. БРЮСОВ — БАЛЬМОНТУ

(Москва.) 24 января 1918 г.

Дорогой Константин!

По просьбе С. А. Венгерова, пересылаю Тебе его воззвание [1].

Мне говорили, что Тебя постигло новое несчастие [2]. Так ли это? — сообщение было из «третьих уст», я ему не вполне доверяю. Если же оно — правда, верь, что сочувствую Тебе всей душой, ибо за наши дни, больше чем за всю жизнь, научился понимать горести других. И очень хотел бы Тебя увидеть,— полнее, чем последний раз. Просто прийти к Тебе — не решаюсь, так как не



ПРЕДСѢДАТЕЛЬ
бывш. МОСКОВСКАГО КОМИТЕТА
по
ДѢЛАМЪ ПЕЧАТИ.

24 января 1918.

Дорогой Константинъ!

По просьбѣ С. А. Венгерова, пересылаю Тебѣ его воззваніе.

Мнѣ говорили, что Тебя постигло новое несчастіе. Вѣрно ли это? — сообщеніе было изъ "третьихъ устъ", я ему не вполнѣ довѣряю. Если же оно — правда, вѣрь, что сочувствую Тебѣ всей душой, ибо за нѣсколько дней, болѣе чѣмъ за всю жизнь, научился понимать горести другихъ. И очень хотѣлъ бы Тебя увидѣть, — хотя, чѣмъ послѣдній разъ. Просто притти къ Тебѣ — не рѣшаюсь, такъ какъ не знаю, какіе дни и часы Ты менѣе занятъ. Можетъ быть, сообщишь письмомъ, такъ какъ мнѣ случается бывать близко отъ Тебя, даже проходить мимо дома, гдѣ Ты живешь. Что до меня, если бы Ты опять надумалъ посѣтить насъ, то я, болѣе или менѣе, остаюсь дома въ понедѣльники и пятницы, послѣ 4; совсѣмъ не бываю дома — субботы, воскресенья (читаю у Шанявскаго), также часто — вторники и четверги, по средамъ — то такъ, то иначе. Вообще, я «продался» Кружку, буквально «служу» въ немъ (хотя и съ титуломъ «предсѣдателя»), что для меня — единственный сейчасъ способъ зарабатывать денегъ столько, чтобы умирать постепенно, а не сразу.

И еще слышалъ, — изъ того же мало-достовѣрнаго источника, — что Ты читалъ въ одно изъ воскресеній, на томъ вечерѣ, куда приглашали и меня, но отъ котораго я былъ долженъ отказаться ввиду своихъ лекцій въ университетѣ Шанявскаго, — и

ПИСЬМО БРЮСОВА К. Д. БАЛЬМОНТУ
Автограф. Москва, 24 января 1918 г.
Библиотека СССР им. В. И. Ленина, Москва

знаю, какие дни и часы Ты менее занят. Может быть, сообщишь письмом, так как мне случается бывать близко от Тебя, даже проходить мимо дома, где Ты живешь. Что до меня, если бы Ты опять надумал посетить нас, то я, более или менее, остаюсь дома в понедельники и пятницы, после 4; совсем не бываю дома — субботы, воскресенья (читаю у Шанявского) [3], также часто — вторники и четверги, по средам — то так, то иначе. Вообще, я «продался» Кружку, буквально «служу» в нем (хотя и с титулом «председателя») [4], что для меня — единственный сейчас способ зарабатывать денег столько, чтобы умирать постепенно, а не сразу.

И еще слышал,— из того же мало-достоверного источника,— что Ты читал в одно из воскресений на том вечере, куда приглашали и меня, но от которого я был должен отказаться ввиду своих лекций в университете Шанявского,— и

что там, на вечере, было какое-то происшествие [5]. Опять: правда ли это? — не знаю и думаю, что, как обычно, московские рассказы весьма гиперболичны. Затем вижу афиши о Твоих чтениях [6], но не вправе и мечтать их слышать, ибо уже много лет как «огневая рука» начертала над моей жизнью: «взвесил, измерил, разделил» [7].

Ты видишь людей больше моего. Что Вячеслав? [8] что Белый? что Мережковские? Эгоистично, но мне очень хотелось бы узнать об них именно от Тебя. За своим столом, как на камне на берегу океана, я собираю «шумы» — «слухи», но они очень смутны, и Твой голос, как повеление мага, обратил бы их в определенные образы. Можно ли на это надеяться?

ГБЛ. Ф. 386, 69.26. Л. 39.

Это письмо было опубликовано в «Записках отдела рукописей» (вып. 29. М.: Книга, 1967. С. 219—220) с примечаниями М. В. Чарушниковой, частично использованными в настоящем томе.

[1] Профессор Семен Афанасьевич *Венгеров* (1855—1920) в последние годы жизни исполнял обязанности директора Российской книжной палаты. В июне 1917 г. он начал распространять воззвание среди лиц, имеющих отношение к печати, о содействии Палате в получении всех выходящих изданий (*Фомин А. Г.* С. А. Венгеров, как организатор и первый директор Российской книжной палаты. Л., 1925. С. 25). В январе 1918 г. возглавляемый Брюсовым Комиссариат по регистрации произведений печати в Москве был преобразован в отделение Книжной палаты. Таким образом, Брюсов по долгу службы способствовал рассылке воззвания своего непосредственного начальника.

[2] По всей видимости, имеется в виду душевная болезнь композитора-дилетанта Николая Бальмонта, сына поэта от первого брака (*ГБЛ*. Ф. 374, 1.54. Л. 165; см. также воспоминания Е. А. Бальмонт — *ЦГАЛИ*. Ф. 57. Оп. 1. Ед. хр. 133. Л. 204).

[3] В народном университете им. А. Л. Шанявского в течение 1917—1918 гг. Брюсов прочитал курс из 22 воскресных лекций о Римской империи (*ГБЛ*. Ф. 386,49.10—20).

[4] После Октября 1917 г. выборные члены дирекции Литературно-художественного кружка стали получать за свою работу вознаграждение.

[5] Вероятно, речь идет о поэтическом вечере на квартире у Амари (М. О. Цейтлина), с которым в тот период Бальмонт поддерживал дружеские отношения. 14 декабря 1917 г. он писал Е. А. Бальмонт: «Видаюсь мало с кем. Больше всего с Юргисом в том квартале и с Цейтлиным и Гольдовским в этом» (*ЦГАЛИ*. Ф. 57. Оп. 1. Ед. хр. 145. Л. 133).

Вечер у Амари состоялся 14 января 1918 г. По этому поводу в газетной хронике сообщалось: «В квартире поэта А. недавно имел место интересный поэтический вечер, на котором присутствовали как представители состарившихся уже течений, Бальмонт, Иванов, Белый и другие, так и "дерзатели", срывающие покров с будущего — футуристы, Маяковский и другие» (Мысль. 1918. № 5. 28 янв.). Вечер открылся выступлениями Вяч. Иванова и Д. Бурлюка, затем Маяковский прочел поэму «Человек». Позднее Бурлюк вспоминал: «Встал маститый К. Д. Бальмонт. Вскинул движеньем проснувшегося орла — характерный жест — свою "обожженную солнцем скитаний" голову. Начал читать сонет. И в этом сонете, сквозь дружескую и отеческую похвалу, звучала горечь признания в сдаче позиций и отступления на второй план» (Дальневосточное обозрение. Владивосток. 1919. 29 июня).

[6] 3 декабря 1917 г. в Синодальном училище Бальмонт читал лекцию «Любовь и смерть» (*РВ*. 1917. № 265. 3/16 дек.); 22 января 1918 г. в Политехническом музее прочел лекцию «Революционер я или нет», ставшую основой одноименной брошюры, а 24 января там же он участвовал в «Вечере поэтов» (Утро России. 1918. № 4. 13 янв.).

[7] Огненная надпись, появившаяся на стене во время пира вавилонского царя Валтасара, ознаменовавшая близкий конец его царства (Библия, Книга Даниила, V, 23—78).

[8] 9 сентября 1917 г. Бальмонт писал Е. А. Бальмонт: «Видел Вячеслава Иванова. Очарован им, но он мудрый Лис с пушистым хвостом» (*ЦГАЛИ*. Ф. 57. Оп. 1. Ед. хр. 145. Л. 121)